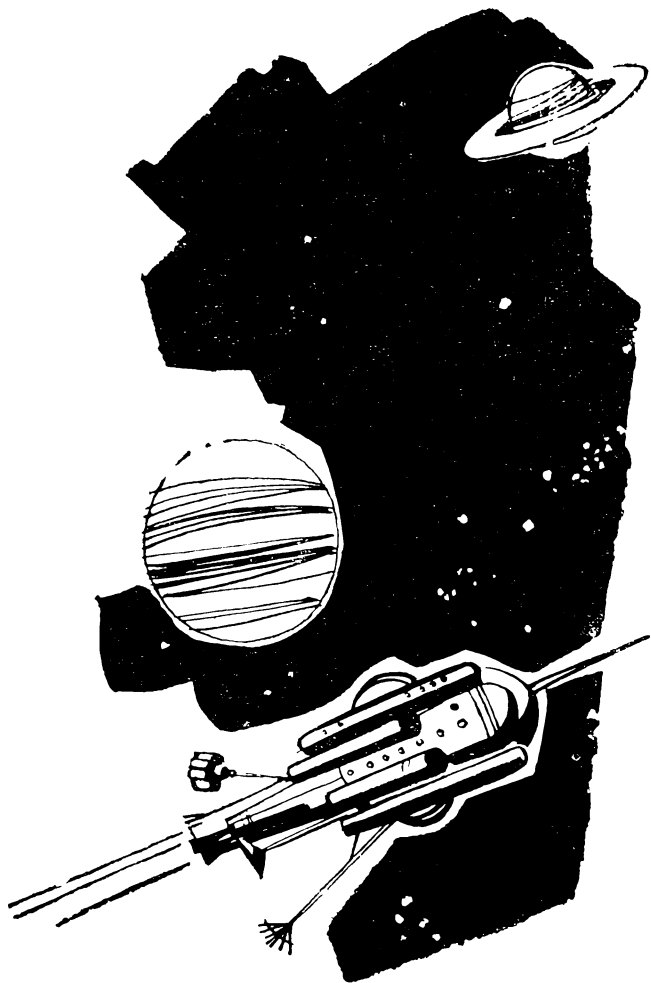

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

**СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА**

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

А. АЗИМОВ
К. БОРУНЬ
Р. БРЭДБЕРИ
Д. ГОРДОН
В. КАЙДОШ
С. ЛЕМ
Э. ЛУДВИГ
К. МАКЛИН
Д. МИХУ
К. САЙМАК
Л. СЦИЛАРД
Э. УАЙТ
Д. УИНДЕМ
К. ФИАЛКОВСКИЙ
Р. ШЕКЛИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“. 1964**

РАЗДУМЬЯ О ЧЕЛОВЕКЕ

Художник долго раздумывал, что изобразить на обложке этого сборника. Ему хотелось дать что-нибудь сугубо фантастическое: диковинное создание с другой планеты, неземной пейзаж или причудливо сконструированного робота. А в конце концов он нарисовал задумчивое и грустное лицо девочки да косые струи дождя — и лишь на заднем плане, в дождевой дымке возникли необычные, фиолетово-синие, прихотливо изогнутые деревья венерианских чащ.

Этот рисунок навеян рассказом Рэя Брэдбери «Все лето в один день», но в известной степени он символизирует общую направленность сборника.

Современная фантастика — явление широко разветвленное, сложное и очень мало изученное. Это целая область литературы, подлинно уникальная по количеству авторов и произведений, по тиражам, по широкой популярности. Большинство критиков — и у нас, и за рубежом — все еще продолжает отмахиваться от фантастики, делать вид, что это, мол, явление внелитературного плана и потому не заслуживает серьезного критико-литературоведческого анализа. Но факты — вещь, как известно, упрямая: фантастика в наши дни имеет такую громадную (и по большей части высококвалифицированную) аудиторию, какой не может похвастаться ни один другой жанр литературы, и с этим нельзя не считаться.

Этот сборник имеет целью ознакомить советских читателей с различными образцами современной зарубежной фантастики. Можно было бы сказать, что составлялся он в основном по принципу: побольше фантастов, хороших и разных, — но это звучало бы слишком общо и неопределенно. Ведь этот сборник — первый в своем роде, до сих пор в нашей стране такие

не издавались (если не считать маленького сборника рассказов американских фантастов, который лет пять тому назад выпустило издательство «Иностранная литература»). Поэтому многие из авторов, чьи произведения вошли в сборник, мало известны большинству наших читателей. Исключение представляют собой Станислав Лем и Рэй Брэдбери — с их творчеством читатели в той или иной мере знакомы.

При этих условиях отбирать рассказы для сборника было очень трудно. Зарубежная фантастика (даже если взять одну американскую) представляет собой целое море, в котором неопытный человек рискует утонуть. Впрочем, вернее будет применить в этом случае другой образ — лабиринт. Именно так называли наши чешские друзья сборник переводов из американской фантастики, изданный два года назад в Праге.

Действительно, в современной зарубежной фантастике так много путей ложных, обманчивых, заводящих в тупики, что образ лабиринта возникает в сознании вполне естественно.

Путеводителем по этому лабиринту при составлении сборника служили некоторые принципы, которых мы старались придерживаться.

В первую очередь избиралось то, что относится к научной фантастике (по терминологии, принятой на Западе, science fiction, в отличие от fantasy — «чистой» фантастики, близкой к сказке). Но это ни в какой мере не означает, что тот или иной рассказ, вошедший в сборник, обязательно основывается на реальных данных, которыми располагает наука в ее теперешнем состоянии. Дело обстоит скорее наоборот. Не говоря уж о рассказах-шутках (вроде «Бессмертного барда» А. Азимова, «В час досуга» Э. Уайта) или о фантастической сатире С. Лема, большинство произведений этого сборника построено на посылах явно фантастических — например, возможность путешествия по времени. Так что, говоря о научной фантастике, мы имеем в виду не наличие строгих научных обоснований (это была бы, кстати сказать, уже и не фантастика, а сборник иллюстраций к последним достижениям науки и техники). Речь идет о другом — об уровне и характере мышления писателя, об умении делать строго продуманные логические выводы из первоначального, пускай самого фантастического предположения. Представим себе, говорит писатель-фантаст, как пойдет дело, если... Если мы найдем возможность проникать в прошлое и даже в какой-то мере вмешиваться в него («Уродливый мальчуган» А. Азимова, «Дракон» В. Кайдоша, «Хроноклазм» Д. Уиндема). Если мы встретимся на других планетах с совершенно необычайными формами жизни («Необыкновенное жертвоприношение» К. Маклин). Если будет открыто средство мгновенно окислять все металлы («Ржавчина» Р. Брэдбери). Если американский капитализм, каким мы его видим сейчас, будет развиваться дальше на основе тех же принципов («Фонд Марка Гейбла» Л. Сицларда, «Паломничество на Землю» Р. Шекли, «Маленький преступник» Э. Лудви-

га). Рассказы, вошедшие в этот сборник, при всем разнообразии их проблематики и художественной манеры в той или иной степени демонстрируют это умение автора мыслить логично, доказательно, на современном уровне.

Однако все сказанное выше ни в коем случае не означает, что главная ценность этих рассказов — в логическом, четком развитии мысли. Нет, при всей специфичности жанра научной фантастики она входит в общее русло художественной литературы, и законы искусства для нее обязательны так же, как для любого другого жанра. Все эти рассказы так или иначе повествуют в первую очередь о человеке, о нашем современнике, о его мечтах и надеждах, о его тревогах и сомнениях, и именно в этом состоит их главная ценность.

Так что глубоко прав художник, давший на первом плане лицо человеческое. Именно это — облик человека и человечества наших дней, воссозданный в разных аспектах, в различной трактовке — то грустной, то восторженной, то иронической, то трагической, — и составляет существо лучших произведений современной фантастики. Передвигаясь во времени и пространстве, смещая различные компоненты реальности, писатель-фантаст преследует, в сущности, одну цель — вернее и глубже постичь современность в ее развитии, правильнее понять и оценить надежды и опасения человека нашей эпохи. «В конечном счете я пишу для современников о современных проблемах, только надеваю на них галактические одежды», — говорит Станислав Лем. И это мог повторить бы любой настоящий писатель, работающий в жанре фантастики.

Вполне понятно, что в сборник, составленный на основе таких принципов, не вошли образцы весьма распространенной на Западе «черной фантастики», цели и приемы которой коренным образом отличаются от тех, что изложены выше. Писатели, действующие в этом направлении, не слишком заботятся о логике, а тем более о каком-либо научном правдоподобии, громоздят всякого рода ужасы, кошмары, не брезгают и откровенной мистикой, стараясь как можно сильнее поразить воображение читателей, в максимальной степени вызвать эмоцию страха. К подлинной литературе «черная фантастика» имеет довольно отдаленное отношение: художественная ценность ее невелика.

Поэтому правильной всего было бы рассматривать этот сборник лишь как начало большой работы, предпринятой издательством «Молодая гвардия» для ознакомления наших читателей с лучшими образцами современной зарубежной фантастики.

В сборнике представлены произведения писателей разных стран: США, Англии, Польши, Чехословакии, Румынии. Многие из этих писателей — например, Рэй Брэдбери, Станислав Лем, Джон Уиндем, Айзек Азимов, Роберт Шекли, Лео Сцилард, Клиффорд Саймак — пользуются мировой известностью. Однако сборник этот ни в какой мере не претендует на полноту освещения ни фантастики этих стран, ни тем более фантастики

в мировом масштабе. За его пределами остались многие виднейшие англо-американские фантасты; не представлена здесь фантастика многих стран — в том числе японская, итальянская, немецкая, французская.

Ничего не поделаешь. Козьма Прутков совершенно справедливо заметил: «Никто необъятного объять не может!» А фантастика в наши дни стала действительно необъятной по количеству имен и произведений.

Ариадна Громова

РЭЙ БРЭДБЕРИ (США)

РЖАВЧИНА

— Садитесь, молодой человек, — сказал полковник.

— Благодарю вас, — вошедший сел.

— Я слышал о вас кое-что, — заговорил дружеским тоном полковник. — В сущности, ничего особенного. Говорят, что вы нервничаете и что вам ничего не удастся. Я слышу это уже несколько месяцев и теперь решил поговорить с вами. Я думал также о том, не захочется ли вам переменить место службы. Может быть, вы хотите уехать за море и служить в каком-нибудь дальнем военном округе? Не надоело ли вам работать в канцелярии? Может быть, вам хочется на фронт?

— Кажется, нет, — ответил молодой сержант.

— Так чего вы, собственно, хотите?

Сержант пожал плечами и поглядел на свои руки.

— Я хочу жить без войн. Хочу узнать, что за ночь каким-то образом пушки во всем мире превратились в ржавчину, что бактерии в оболочках бомб стали безвредными, что танки провалились сквозь шоссе и, подобно доисторическим чудовищам, лежат в ямах, заполненных асфальтом. Вот мое желание.

— Это естественное желание каждого из нас, — произнес полковник. — Но сейчас оставьте эти идеа-

листические разговоры и скажите нам, куда мы должны вас послать. Можете выбрать западный или северный округ. — Он постучал пальцем по карте, разложенной на столе.

Сержант продолжал говорить, шевеля руками, приподнимая их и разглядывая пальцы:

— Что делали бы вы, начальство, что делали бы мы, солдаты, что делал бы весь мир, если бы все мы завтра проснулись, а пушки стали бы ненужными?

Полковнику было теперь ясно, что с сержантом нужно обращаться осторожно. Он спокойно улыбнулся.

— Это интересный вопрос. Я люблю поболтать о таких теориях. По-моему, тогда возникла бы настоящая паника. Каждый народ подумал бы, что он один во всем мире лишился оружия, и обвинил бы в этом несчастье своих врагов. Начались бы массовые самоубийства, акции мгновенно упали бы, разыгралось бы множество трагедий.

— А потом? — спросил сержант. — Потом, когда все поняли бы, что это правда, что оружия нет больше ни у кого, что больше никого не нужно бояться, что все мы равны и можем начать жизнь заново... Что было бы тогда?

— Все принялись бы опять поскорее вооружаться.

— А если бы им можно было в этом помешать?

— Тогда стали бы драться кулаками. На границах сходились бы толпы людей, вооруженных боксерскими перчатками со стальными вкладками; отнимите у них перчатки, и они пустят в ход ногти, и зубы, и ноги. Запретите им и это, и они станут плевать друг в друга. А если вырезать им языки и заткнуть рты, они наполнят воздух такой ненавистью, что птицы попадают мертвыми с телеграфных проводов и все мухи и комары осыплются на землю.

— Значит, вы думаете, что в этом вообще не было бы смысла? — продолжал сержант.

— Конечно, не было бы! Ведь это все равно, что черепаху вытащить из панциря. Цивилизация задохнулась бы и умерла от шока.

Молодой человек покачал головой.

— Вы просто хотите убедить себя и меня, ведь работа у вас спокойная и удобная.

— Пусть даже это на девяносто процентов цинизм и только на десять — разумная оценка положения. Бросьте вы свою ржавчину и забудьте о ней.

Сержант быстро поднял голову.

— Откуда вы знаете, что она у меня есть?

— Что у вас есть?

— Ну, эта ржавчина.

— О чем вы говорите?

— Вы знаете, что я могу это сделать. Если бы я захотел, я мог бы начать сегодня же.

Полковник засмеялся:

— Я думаю, вы шутите?

— Нет, я говорю вполне серьезно. Я давно уже хотел поговорить с вами. Я рад, что вы сами позвали меня. Я работаю над этим изобретением уже довольно давно. Мечтал о нем целые годы. Оно основано на строении определенных атомов. Если бы вы изучали их, вы бы знали, что атомы оружейной стали расположены в определенном порядке. Я искал фактор, который нарушил бы их равновесие. Может быть, вы знаете, что я изучал физику и металлургию... Мне пришло в голову, что в воздухе всегда присутствует вещество, вызывающее ржавчину: водяной пар. Нужно было найти способ вызывать у стали «нервный шок». И тогда водяные пары принялись бы за свое дело. Разумеется, я имею в виду не всякий металлический предмет. Наша цивилизация основана на стали, и большинство ее творений мне не хотелось бы разрушать. Я хотел бы вывести из строя пушки, ружья, снаряды, танки, боевые самолеты, военные корабли. Если бы понадобилось, я бы заставил свой прибор действовать на медь, бронзу, алюминий. Попросту прошел бы около любого оружия, и этого было бы довольно, чтобы оно рассыпалось в прах.

Полковник наклонился над столом и некоторое время разглядывал сержанта. Потом вынул из кар-

мана авторучку с колпачком из ружейного патрона и начал заполнять бланк.

— Я хочу, чтобы сегодня после полудня вы сходили к доктору Мэтьюзу. Пусть он обследует вас. Я не хочу сказать, что вы серьезно больны, но мне кажется, что врачебная помощь вам необходима.

— Вы думаете, я обманываю вас, — произнес сержант. — Нет, я говорю правду. Мой прибор так мал, что поместился бы в спичечной коробке. Радиус его действия — девятьсот миль. Я мог бы настроить его на определенный вид стали и за несколько дней объехать всю Америку. Остальные государства не могли бы воспользоваться этим, так как я уничтожил бы любую военную технику, посланную против нас. Потом я уехал бы в Европу. За один месяц я избавил бы мир от страшилища войны. Не знаю в точности, как мне удалось это изобретение. Оно просто невероятно. Совершенно так же невероятно, как атомная бомба. Вот уже месяц я жду и размышляю. Я тоже думал о том, что случится, если сорвать панцирь с черепахи, как вы выразились. А теперь я решил. Беседа с вами помогла мне выяснить все, что нужно. Когда-то никто не представлял себе летательных машин, никто не думал, что атом может быть губительным оружием, и многие сомневаются в том, что когда-нибудь на земле воцарится мир. Но мир воцарится, уверяю вас.

— Этот бланк вы отдадите доктору Мэтьюзу, — подчеркнуто произнес полковник.

Сержант встал.

— Значит, вы не отправите меня в другой военный округ?

— Нет, пока нет. Я раздумал. Пусть решает доктор Мэтьюз.

— Я уже решил, — сказал молодой человек. — Через несколько минут я уйду из лагеря. У меня отпускная. Спасибо за то, что вы потратили на меня столько драгоценного времени.

— Послушайте, сержант, не принимайте этого так близко к сердцу. Вам не нужно уходить. Никто вас не обидит.

— Это верно, потому что никто мне не поверит. Прощайте. — Сержант открыл дверь канцелярии и вышел.

Дверь закрылась, и полковник остался один. С минуту он стоял в нерешительности. Потом вздохнул и провел ладонью по лицу.

Зазвонил телефон. Полковник рассеянно взял трубку.

— Это вы, доктор? Я хочу поговорить с вами. Да, я послал его к вам. Посмотрите, в чем тут дело, почему он так ведет себя. Как вы думаете, доктор? Вероятно, ему нужно немного отдохнуть. У него странные иллюзии. Да, да, неприятно. По-моему, сказались шестнадцать лет войны.

Голос в трубке отвечал ему.

Полковник слушал и кивал головой.

— Минутку, я запишу... — Он поискал свою авто-ручку. — Подождите у телефона, пожалуйста. Я ищу кое-что...

Он ощупал карманы.

— Ручка только что была тут. Подождите...

Он отложил трубку, оглядел стол, посмотрел в ящиках. Потом окаменел. Медленно сунул руку в карман и пошарил в нем. Двумя пальцами вытащил щепотку чего-то. На промокательную бумагу на столе высыпалось немного желтовато-красной ржавчины.

Некоторое время полковник сидел, глядя перед собой. Потом взял телефонную трубку.

— Мэтьюз, — сказал он, — положите трубку. — Он услышал щелчок и набрал другой номер. — Алло, часовой! Каждую минуту мимо вас может пройти человек, которого вы, наверное, знаете: Холлис. Остановите его. Если понадобится, застрелите его, ни о чем не спрашивая, убейте этого негодяя, поняли? Говорит полковник. Да... убейте его... вы слышите?

— Но... простите... — возразил удивленный голос на другом конце провода, — я не могу... просто не могу!

— Что вы хотите сказать, черт побери? Как так не можете?

— Потому что... — голос прервался. В трубке слышалось взволнованное дыхание часового. Полковник потряс трубкой.

— Внимание, к оружию!

— Я никого не смогу застрелить, — ответил часовой.

Полковник тяжело сел и с полминуты задышался и жмурился.

Он ничего не видел и не слышал, но он знал, что там, за этими стенами, ангары превращаются в мягкую красную ржавчину, что самолеты рассыпаются в бурю, уносимую ветерком пыль, что танки медленно погружаются в расплавленный асфальт дорог, как доисторические чудовища некогда проваливались в асфальтовые ямы — именно так, как говорил этот молодой человек. Грузовики превращаются в облачка оранжевой краски, и от них остаются только резиновые шины, бесцельно катящиеся по дорогам.

— Сэр... — заговорил часовой, видевший все это. — Клянусь вам...

— Слушайте, слушайте меня! — закричал полковник. — Идите за ним, задержите его руками, задушите его, бейте кулаками, ногами, забейте насмерть, но вы должны остановить его! Я сейчас буду у вас! — и он бросил трубку.

По привычке он выдвинул нижний ящик стола, чтобы взять револьвер. Кожаная кобура была наполнена бурой ржавчиной. Он с проклятием отскочил от стола.

Пробегая по канцелярии, он схватил стул. «Деревянный, — подумалось ему, — старое доброе дерево, старый добрый бук». Дважды ударил им о стену и разломал. Потом схватил одну из ножек, крепко сжал в кулаке. Он был почти лиловым от гнева и ловил воздух раскрытым ртом. Для пробы сильно ударил ножкой стула себя по руке.

— Годится, черт побери! — крикнул он.

С диким воплем он выбежал и хлопнул дверью.

ОКО ЗА ОКО?

Услышав эту новость, они вышли из ресторанов, из кафе, из гостиниц на улицу и воззрились на небо. Темные руки прикрывали обращенные кверху белки. Рты были широко раскрыты. В жаркий полуденный час на тысячи миль вокруг в маленьких городишках стояли, топча собственную короткую тень и глядя вверх, темнокожие люди.

Хэтти Джонсон накрыла крышкой кипящий суп, вытерла полотенцем тонкие пальцы и не спеша вышла из кухни на террасу.

— Скорей, мама! Скорей же, не то все пропустишь!

— Мама!

Трое негритят приплясывали, крича, на пыльном дворе. Они то и дело нетерпеливо поглядывали на дом.

— Иду, иду, — сказала Хэтти, отворяя затянутую сеткой дверь. — С чего вы это взяли?

— У Джонсов услышали, мама. Они говорят, что к нам летит ракета, первая за двадцать лет, и в ней сидит белый человек!

— Что такое белый человек? Я их никогда не видел.

— Еще узнаешь, — произнесла Хэтти. — Успеешь узнать, не беспокойся.

— Расскажи про них, мама. Раньше ты нам всегда рассказывала.

Хэтти наморщила лоб.

— Уж очень давно это было. Я тогда девчонкой была, сами понимаете. В тысяча девятьсот шестьдесят пятом году...

— Расскажи про белого человека, мама!

Она вышла во двор, остановилась и устремила взгляд на ярко-голубое марсианское небо и легкие белые марсианские облачка, а вдали колыхались в жарком мареве марсианские холмы. Наконец она сказала:

— Ну, во-первых, у них белые руки.

— Белые руки!

Мальчишки шутя стали шлепать друг друга.

— И белые ноги.

— Белые ноги! — подхватили мальчишки, приплясывая.

— И белые лица.

— Белые лица? Правда?

— Вот такие белые, мама? — младший кинул себе в лицо горсть пыли и чихнул. — Такие?

— Гораздо белее, — серьезно ответила она и снова посмотрела на небо. В ее глазах была тревога, точно она в вышине искала грозовую тучу и нервничала, не видя ее. — Шли бы вы лучше в дом.

— Ой, мама! — они глядели на нее с недоумением. — Мы должны посмотреть, должны! Ведь ничего такого не произойдет?

— Не знаю. Хотя сдается мне...

— Мы только поглядим на корабль и, может быть... может быть, сбегает на аэродром посмотреть на белого человека. Какой он, мама?

— Не знаю. Нет, даже не представляю себе, — задумчиво произнесла она, качая головой.

— Расскажи еще!

— Ну вот... Белые живут на Земле, и мы все оттуда, а сюда прилетели двадцать лет назад. Собрались — и в путь, и попали на Марс, и поселились здесь. Построили города и живем тут. Теперь мы не земляне, а марсиане. И за все это время сюда не прилетал ни один белый. Вот вам и весь рассказ.

— А почему они не прилетали, мама?

— Потому! Сразу после того, как мы улетели, на Земле разразилась атомная война. Как пошли взрывать друг друга — ужас что творилось! И забыли про нас. Много лет воевали, а когда кончили, у них уже не осталось ракет. Только теперь смогли построить. И вот двадцать лет спустя собрались навестить нас. — Она отрешенно поглядела на детей и пошла прочь от дома. — Подождите здесь. Я только схожу к Элизабет Браун. Обещаете никуда не уходить?

— Ой, как не хочется!.. Ладно, обещаем.

— Хорошо.

И она быстро зашагала по дороге.

Она как раз вовремя поспела к Браунам: они всей семьей усаживались в автомобиль.

— Привет, Хэтти! Едем с нами!

— А вы куда? — крикнула она, запыхавшись от бега.

— Хотим посмотреть на белого!

— Это правда, — серьезно произнес мистер Браун, делая жест в сторону своих детей. — Ребятишки никогда не видали белого человека, я и сам, почитай, что забыл, как он выглядит.

— И что же вы думаете с ним делать? — спросила Хэтти.

— Делать? — дружно отозвались они. — Мы хотели только посмотреть на него.

— Это точно?

— А что же еще?

— Не знаю, — ответила Хэтти. — Просто я подумала, что могут быть неприятности.

— Какие еще неприятности?

— А! Будто не понимаете, — уклончиво ответила Хэтти, смущаясь. — Вы не задумали линчевать его?

— Линчевать? — Они расхохотались, мистер Браун хлопнул себя по коленям. — Господи, девочка, конечно же, нет! Мы пожмем ему руку. Верно?

— Конечно, конечно! — подхватили остальные.

С противоположной стороны подъехала другая машина, и Хэтти воскликнула:

— Вилли!

— Что ты тут делаешь? Где ребята? — сердито сказал ее муж. Потом перевел недовольный взгляд на Браунов. — Что, собрались туда глазеть, словно дурни, как прибудет этот тип?

— Вроде так, — подтвердил мистер Браун, кивая и улыбаясь.

— Тогда захватите ружья, — сказал Вилли. — Мои дома, но я мигом обернусь!

— Вилли!

— Садись-ка, Хэтти. — Он решительно открыл дверцу и смотрел на жену, пока она не подчинилась.

Затем, не говоря ни слова, погнал машину по пыльной дороге.

— Не спеши так, Вилли!

— Не спешить, говоришь? Как бы не так! — Он смотрел, как дорога ныряет под колеса. — Кто дал им право прилетать сюда теперь? Почему они не оставят нас в покое? Взорвали бы себя к черту вместе со старухой Землей и не совались бы сюда!

— Доброму христианину не подобает говорить так, Вилли.

— А я не добрый христианин, — яростно вымолвил он, стискивая баранку. — Кроме злости, я сейчас ничего не чувствую. Как они обращались с нашими столько лет — с моими родителями и твоими?.. Помнишь? Помнишь, как моего отца повесили на Ноквуд Хилл, как застрелили мою мать? Помнишь? Или у тебя такая же короткая память, как у других?

— Помню, — сказала она.

— Помнишь доктора Филиппа и мистера Бертона, их большие дома? И прачечную моей матери и как отец работал до глубокой старости, а в благодарность доктор Филипп и мистер Бертон вздернули его? Ничего, — продолжал Вилли, — не все коту масленица. Посмотрим теперь, против кого будут издаваться законы, кого будут линчевать, кому придется в трамвае сидеть позади, для кого отведут особые места в кино. Посмотрим...

— Вилли, попадешь ты в беду с твоими взглядами.

— Моими? Все так говорят. Все думали об этом дне — надеялись, что он никогда не придет. Думали: что это будет за день, если белый человек когда-нибудь прилетит сюда, на Марс? Вот он, этот день, настал, а нам отсюда некуда деться.

— Ты не хочешь, чтобы белые поселились здесь?

— Что ты, пусть селятся! — Он улыбнулся широкой недоброй улыбкой, в глазах его было бешенство. — Пусть прилетают, живут здесь, работают — я не против. Для этого от них требуется лишь одно: чтобы они жили только в своих кварталах, в трущобах.

бах, чтобы чистили нам ботинки, убирали за нами мусор и сидели в кино в последнем ряду. Вот и все, чего мы требуем. А раз в неделю мы будем вешать двоих-троих. Только и всего.

— Ты становишься бесчеловечным, мне это не нравится...

— Ничего, привыкнешь! — Он затормозил перед их домом и выскочил из машины. — Я возьму ружья и веревку. Все будет как положено.

— О Вилли!.. — всхлипнула она, бессильно глядя, как он взбегает на крыльцо и рывком отворяет дверь.

Потом она пошла за ним следом. Ей не хотелось идти, но он поднял страшный шум на чердаке, отчаянно чертыхаясь, пока не отыскал свои четыре ружья. Она видела, как поблескивает в чердачном сумраке беспощадная сталь, но его она совсем не видела, такая темная кожа была у него, только слышала, как он ругается; наконец сверху, в облаке пыли, спустились его длинные ноги, и он взял кучу блестящих патронов, продул магазины и стал их заряжать, и лицо его было угрюмым, мрачным, хмурым, выдавая переполнявшую его горечь.

— Оставили бы нас в покое, — бормотал он снова и снова. Вдруг его руки сами взметнулись в воздух. — Почему они не могут оставить нас в покое, почему?

— Вилли, Вилли...

— И ты... ты тоже... — Он посмотрел на нее тем же взглядом, и сердце ее сжалось под гнетом его ненависти.

За окном тараторили мальчуганы.

— Она говорила: белый как молоко. Как молоко!

— Белый, как этот старый цветок, — ты только подумай!

— Белый, как камень, как мел, которым пишут.

Вилли выбежал на двор.

— А вы — марш в дом! Я запрю вас. Незачем вам видеть белых людей, незачем говорить о них. Сидите и не высовывайтесь на улицу. Живо!

— Но, папа...

Он загнал их в комнату, потом отыскал банку краски, шаблон, в гараже взял длинную толстую шершавую веревку и сделал на ней петлю, и глаза его неотступно следили за небом, пока руки сами выполняли свою задачу.

Они сидели в автомобиле, по дороге за ними стелились клубы пыли.

— Помедленней, Вилли.

— Сейчас не время для медленной езды, — ответил он. — Сейчас самое время спешить — и я спешу.

Вдоль всей дороги люди смотрели на небо, или садились в свои машины, или ехали на машинах, и кое-где из автомобилей торчали ружья, точно телескопы, высматривающие все ужасы гибнущего мира.

Хэтти поглядела на ружья.

— Это все твой язык, — укоризненно сказала она мужу.

— Совершенно верно, — буркнул он, кивая. Его глаза яростно смотрели на дорогу. — Я останавливался у каждого дома и говорил им, что надо делать: чтобы брали ружья, брали краску, захватили веревки и приготовились. И вот мы готовы, встречающие собрались, чтобы вручить ключи от города... К вашим услугам, сэр!

Она прижала к груди тонкие черные руки, силясь сдержать растущий в ней страх, и чувствовала, как кренится их машина, огибая, обгоняя другие автомобили. Она слышала голоса: «Эй, Вилли, глянька!» — и мимо проносились поднятые руки, держащие ружья и веревки. И мелькали улыбающиеся рты...

— Приехали, — сказал, наконец, Вилли и тормозом втиснул машину в пыльную неподвижность и тишину. Ударом большой ноги он распахнул дверцу, вышел, обвешанный оружием, и тяжело зашагал по траве аэродрома.

— Ты подумал, Вилли?

— Вот уже двадцать лет я только и делаю, что думаю. Мне было шестнадцать, когда я покинул Землю и был рад, что уезжаю, — сказал он. — Там

не было жизни ни для меня, ни для тебя, ни для кого, похожего на нас. Ни разу я не пожалел, что уехал. Здесь мы обрели покой, впервые смогли вздохнуть полной грудью. Не отставай!

Он протискался сквозь встречавшую его темную толпу.

— Вилли, — кричали они, — Вилли, что надо делать?

— Вот ружье, — отвечал он. — Вот еще одно, еще... — Он раздавал ружья резкими взмахами рук. — Вот пистолет. Вот дробовик.

Люди столпились так плотно, что казалось: одно огромное черное тысячерукое тело принимает оружие.

— Вилли, Вилли!

Его жена стояла рядом с ним, высокая, примолкшая, мягкий изгиб ее губ выпрямился в тонкую черту, в больших влажных глазах было отчаяние.

— Давай краску! — обратился он к ней.

И она потащила через поле четырехгаллонную банку желтой краски — туда, где только что остановился трамвай со свежим указателем впереди: **К МЕСТУ ПОСАДКИ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА**. Трамвай был битком набит разговаривающими людьми, они выходили на поле и, спотыкаясь, бежали по траве, устремив взгляд в небо. Женщины с корзинами, полными припасов, мужчины в соломенных шляпах, без пиджаков. Гудящий трамвай опустел. Вилли вошел в него, поставил банки на пол, открыл их, размешал краску, проверил кисть, вооружился шаблоном и вскарабкался на скамейку.

— Эй, вы! — За его спиной, гремя разменной мелочью, стоял кондуктор. — Что это вы затеяли? Следуйте!

— Будто не видишь! Не горячись.

И Вилли обмакнул кисть в желтую краску. Он намалевал «Д», «Л» и «Я», со зловещим упоением отдаваясь своей работе. Когда он кончил, кондуктор, прищурясь, прочел блестящие желтые слова: **ДЛЯ БЕЛЫХ — ЗАДНИЕ СКАМЕЙКИ**. Он прочел снова. **ДЛЯ БЕЛЫХ...** Он моргнул. **ЗАДНИЕ СКАМЕЙКИ**. Кондуктор поглядел на Вилли и засмеялся.

— Ну как, это тебя устраивает? — спросил Вилли, слезая вниз.

И кондуктор ответил:

— В самый раз, сэр.

Хэтти, скрестив руки на груди, глядела снаружи на надпись.

Вилли вернулся к толпе, которая продолжала расти.

Он взобрался на ящик.

— Давайте составим бригаду, чтобы за час раскрасить все трамваи. Есть желающие?

Лес рук поднялся над головами.

— Приступайте!

Они ушли.

— Еще нужна бригада отгородить места в кино — два последних ряда белым.

Еще руки.

— Действуйте!

Они убежали.

Вилли посмотрел кругом, весь в поту, тяжело дыша, гордый своей предприимчивостью. Его рука лежала на плече жены; Хэтти стояла, глядя в землю.

— Так, — произнес он. — Да, вот еще. Надо сегодня же издать закон: смешанные браки воспрещаются!

— Правильно! — подхватил хор голосов.

— С этого дня все чистильщики ботинок кончают работу.

— Уже кончили! — Несколько человек швырнули на землю щетки, которые впопыхах притащили с собой из города.

— Еще нам нужен закон о минимальной зарплате, верно?

— Конечно!

— Будем платить белым не меньше десяти центов в час.

— Правильно!

Подбежал мэр города.

— Эй, Вилли Джонсон! Слезай с ящика!

— Нет такого права, мэр, чтобы меня прогнать.

— Ты затеваешь беспорядки, Вилли Джонсон.

— Вот именно!

— Мальчишкой ты бы себе этого не позволил! Ты ничуть не лучше тех белых, о которых кричишь!

— Око за око, мэр, — ответил Вилли, даже не глядя на него. А смотрел он на лица внизу: одни улыбались, у других был нерешительный вид, у третьих растерянный, у четвертых неодобрительный, кое-кто испуганчо пятился.

— Ты сам пожалеешь, — настаивал мэр.

— Мы устроим выборы и изберем другого мэра, — сказал Вилли.

И он повернулся к городу, где вдоль всех улиц появлялись новые вывески: **ОГРАНИЧЕННАЯ КЛИЕНТУРА** — *право на обслуживание определяет владельца*. Он ухмыльнулся и хлопнул в ладоши. Здорово! Люди останавливали трамваи и красили задние скамейки в белый цвет, чтобы ясно было, кому впредь на них сидеть. Хохочущие мужчины врывались в кинотеатры и отгораживали веревкой часть зрительного зала, а жены, недоумевая, стояли на тротуаре, награждая ребятишек шлепками, и отправляли их домой, чтобы они не торчали на улице в эти страшные минуты.

— Все приготовились? — крикнул Вилли Джонсон, держа в руке веревку с аккуратной петлей.

— Все! — отозвалась половина толпы.

Другая половина что-то бормотала, двигаясь, будто фигуры из кошмара, в котором им ничуть не хотелось участвовать.

— Летит! — вскричал какой-то мальчуган.

И головы дернулись вверх, точно кукольные.

Высоко-высоко, рассекая небо, мчалась верхом на помеле из оранжевого пламени красивая-красивая ракета. Она сделала круг и пошла на снижение, и у всех захватило дух. Она села, разметав по лугу маленькие костерки, но пламя погасло, и несколько секунд ракета лежала неподвижно, потом на глазах у притихшей толпы большая дверь в корпусе ракеты, дохнув кислородом, скользнула в сторону, и вышел старик.

— Белый человек, белый человек, белый человек...

Слова летели над замершей в ожидании толпой, дети шептали их друг другу на ухо и подталкивали один другого. Точно рябь на воде, слова добежали до той границы, где кончалась толпа и начинались облитые солнцем и ветром трамваи со струящимся из окон запахом свежей краски. Шепот становился все тише. Смолк.

Никто не двигался.

Белый человек был высокого роста и держался прямо, но на лице его была печать глубокой усталости. Он не брился в этот день, и глаза его были старыми — старше глаз не бывает у живого человека. Они были бесцветные, почти белые и слепые от всего того, что он видел за прошедшие годы. Он был тощий, как зимний куст. Его руки дрожали, и ему пришлось опереться о дверь, чтобы устоять на ногах.

Он протянул вперед руку, попытался улыбнуться, опустил руку.

Никто не двигался.

Он смотрел вниз, на их лица, и, возможно, видел, а может, и не видел ружья и веревки, и, возможно, он ощутил запах краски. Его об этом никто и никогда не спросил. Он заговорил очень медленно и спокойно, не опасаясь, что его перебьют, — и никто не перебивал, и голос его был очень усталый, старый, бесцветный.

— Кто я — никакой роли не играет, — сказал он. — Все равно мое имя вам ничего не скажет. И я не знаю ваших имен. Представимся после. — Он помолчал, закрыв глаза, потом продолжал: — Двадцать лет назад вы покинули Землю. Это очень долгий срок. Он больше похож на двадцать столетий, столько произошло за это время. После вашего отлета разразилась война. — Он медленно кивнул. — Да-да, большая война. Третья мировая. Она длилась долго. До прошлого года. Мы бомбили все города мира. Мы разрушили Нью-Йорк и Лондон, Москву и Париж, Шанхай, Бомбей, Александрию. Мы все превратили в развалины. А покончив с большими городами, принялись за маленькие, подвергли их атомной бомбардировке и сожгли.

И он стал перечислять города, поселки, улицы. И по мере того как он перечислял, над толпой рос гул.

— Мы разрушили Натчез...

Бормотание.

— Коламбас в штате Джорджия...

Опять бормотание.

— Сожгли Новый Орлеан...

Вздых.

— И Атланту...

Еще вздох.

— Начисто уничтожили Гринуотэр, штат Алабама...

Голова Вилли Джонсона дернулась, его рот приоткрылся. Хэтти заметила это, заметила, как в его темных глазах мелькнуло воспоминание.

— Ничего не осталось, — говорил очень медленно старик у входа в ракету. — Хлопковые поля сожжены.

— О!.. — отозвались все.

— Прядильные фабрики взорваны...

— О!..

— Заводы заражены радиоактивностью — все заражено. Дороги, фермы, продовольствие сплошь радиоактивны. Все...

И он продолжал называть города и поселки.

— Тампа.

— Моя родина, — прошептал кто-то.

— Фултон.

— Наш город, — произнес другой.

— Мемфис.

— Мемфис? Сожгли Мемфис? — потрясенный голос.

— Мемфис взорван.

— Четвертая стрит в Мемфисе?

— Весь город.

Безразличие улетучилось. Нахлынули воспоминания двадцатилетней давности. Города и поселки, деревья и кирпичные дома, вывески, церкви, знакомые магазины — все всплыло на поверхность из тайников памяти сгрудившихся людей. Каждое название бу-

дило воспоминания, и не было никого, кто бы не думал о минувших днях. Возраст собравшихся — кроме детей — был для этого достаточным.

— Ларедо.

— Помню Ларедо.

— Нью-Йорк.

— У меня был магазин в Гарлеме.

— Гарлем разрушен бомбами.

Зловещие слова. Знакомые, возрожденные памятью места. Попытка представить себе их обращенными в развалины.

Вилли Джонсон пробурчал:

— Гринуотэр в штате Алабама. Я там родился. Помню... Исчезло. Все исчезло — сказал этот человек.

— Мы все разрушили, — говорил старик, — все уничтожили. Глупцы мы были, глупцами остались... Убили миллионы людей. Наверно, во всем мире теперь живы не больше пятисот тысяч человек всех рас и национальностей. Среди развалин нам удалось собрать достаточно металла для одной-единственной ракеты, и вот мы прилетели на Марс за вашей помощью.

Он замялся, глядя вниз, на лица, пытаясь угадать, каким будет ответ, и не мог угадать.

Хэтти Джонсон почувствовала, как напрягается рука ее мужа, увидела, как его пальцы сжимают веревку.

— Мы были глупцами, — спокойно произнес старик. — Мы обрушили себе же на голову нашу Землю и нашу цивилизацию. Города уже не спасешь — они на сто лет останутся радиоактивными. Земле конец. Ее время прошло. У вас есть ракеты, которыми вы все эти двадцать лет не пользовались, не пытались вернуться на Землю. И вот я прилетел просить вас, чтобы вы их использовали. Просить вас отправиться на Землю, забрать уцелевших и доставить их на Марс. Помочь нам, чтобы мы могли жить дальше. Мы были глупцами, и мы признаем свою глупость и жестокость. Мы просим вас принять нас — китайцев, индийцев, русских, англичан, американцев. Ваши

земли на Марсе веками лежат нетронутыми, здесь для всех хватит места, и почва хорошая, я видел сверху ваши поля. Мы прилетим сюда и будем возделывать землю для вас. Да-да, мы готовы на это. Мы заслужили любую кару, какую вы нам приготовили, только не отталкивайте нас. Теперь мы не можем вас заставить. Захотите — я войду обратно в корабль и улечу назад, и вопрос будет исчерпан. Больше мы вас не потревожим. Но мы готовы переселиться сюда и работать на вас, делать для вас то, что вы делали для нас: убирать ваши комнаты, готовить вам пищу, чистить ваши ботинки, смирением заглаживать все зло, что мы на протяжении веков причиняли себе самим, другим, вам...

Он кончил говорить.

Наступила небывалая тишина. Тишина, которую можно было пощупать рукой, тишина, которая угнетала толпу, словно предвестие надвигающегося урагана. Их длинные руки висели, точно черные маятники, освещенные солнцем, их глаза были устремлены на старика. Теперь он ждал не двигаясь.

Вилли Джонсон держал в руках веревку. Окружающие смотрели, как он сейчас поступит. Хэтти ждала, стиснув его руку.

Ей хотелось обрушиться на их общую ненависть, долбить ее, долбить, пока не появится малюсенькая трещина, выбить из стены осколок, камешек, кирпич, пять кирпичей, а там, глядишь, все здание рухнет и рассыплется. Уже стена заколебалась. Но который камень — краеугольный и как до него добраться? Как повлиять на них, пробудить в душах нечто такое, что унесет их ненависть?

В глубокой тишине она смотрела на Вилли, и единственной ее зацепкой сейчас был он, его жизнь, его переживания. Вдруг ее осенило: он — камень, если удастся расшатать его — удастся расшатать и расчистить то, что заполнило их всех.

— Скажите... — Она шагнула вперед. Она не знала даже, как начать. Толпа смотрела ей в спину, она ощущала взгляды. — Скажите...

Старик повернулся к ней, устало улыбаясь.

— Скажите, вы знаете Ноквуд Хилл?.. В Гринуотэре, штат Алабама?

Старик сказал что-то через плечо кому-то в корабле. Тотчас ему подали фотографическую карту, и он стал ждать, что последует дальше.

— Вы знаете большой дуб на макушке холма?

Большой дуб. Там, где отец Вилли был застрелен, и повешен, и найден утром качающимся на ветру.

— Да.

— Он уцелел? — спросила Хэтти.

— Его нет, — ответил старик. — Взорван. Весь холм взорван вместе с дубом. Вот, смотрите.

Он коснулся фотографии.

— Ну-ка, я погляжу, — Вилли быстро шагнул вперед и наклонился над картой.

Хэтти пристально смотрела на белого человека, ее сердце отчаянно колотилось.

— Расскажите про Гринуотэр, — поспешно произнесла она.

— Что вы хотите знать?

— Про доктора Филипса. Он жив?

Прошла секунда, пока скрытая в ракете машина, шелкая, искала нужную информацию.

— Погиб на войне.

— А его сын?

— Убит.

— Их дом?

— Сгорел. Как и все остальные дома.

— А второе большое дерево на Ноквуд Хилл?

— Все деревья исчезли — сгорели.

— Вы уверены, что то дерево тоже сгорело? — спросил Вилли.

— Да.

Напряжение, владевшее телом Вилли, чуть ослабло.

— А дом мистера Бертона, а сам мистер Бертон?

— Нет там ни домов, ни людей, никого.

— Вы знаете прачечную миссис Джонсон, прачечную моей матери?

Место, где убили его мать.

— Ее тоже нет. Все погибло. Вот фотографии, убедитесь сами.

Появились фотографии, их можно было держать в руках, разглядывать, обдумывать. Ракета была полна фотографий и ответов на вопросы. Любой город, любое здание, любое место.

Вилли стоял, держа в руках веревку.

Он помнил Землю, зеленую Землю и зеленый городок, в котором родился и вырос. Теперь он представлял себе этот городок разрушенным, взорванным, стертým с лица Земли, и все знакомые места исчезли вместе с ним, исчезло зло — действительное и мнимое, исчезли жестокие люди, нет конюшен, нет кузни, антикварных лавок, кафе, баров, мостов через реку, деревьев для линчевания, холмов, изрытых крупной дробью, дорог, коров, нет мимоз, исчез его родной дом, исчезли также большие дома с колоннами вдоль реки, эти белые склепы, где женщины, нежные как мотыльки, порхали в свете осеннего дня, далекие, недостижимые. Дома, где на террасах сидели в качалках бездушные мужчины, держа в руках бокалы (рядом — прислоненное к столбу ружье), вдыхая осенний воздух и замышляя убийство. Исчезло, все исчезло и никогда не вернется. Теперь — совершенно точно — вся эта цивилизация обратилась в конфетти, рассыпанное у их ног. От нее не осталось ничего, никакой пищи для ненависти — никакой пищи для их ненависти. Не осталось даже пустой латунной гильзы, даже крученой веревки, ни дерева, ни холма. Ничего, только несколько чужих людей в ракете, людей, готовых чистить ему ботинки, ехать в трамвае на отведенных им местах, сидеть в кино в самом последнем ряду...

— Вам не придется этого делать, — сказал Вилли Джонсон.

Его жена взглянула на его большие руки.

Его пальцы разжались.

Веревка упала на землю и свернулась в кольцо.

Они побежали по улицам своего города, срывая мигом появившиеся вывески, замазывая сверкающие свежей краской желтые надписи на трамваях, уби-

рая ограждения в кинотеатрах. Они разрядили свои ружья и убрали веревки.

— Начинается новая жизнь для всех, — сказала Хэтти по пути домой в автомобиле.

— Да, — ответил Вилли погода. — Судьба уберегла нас от гибели — несколько человек здесь, несколько человек там. Что будет дальше, зависит от нас всех. Время глупости кончилось. Нам больше нельзя быть глупцами. Я понял это, пока он говорил. Понял, что теперь белый человек так же одинок, как были мы. Теперь у него нет дома, как не было у нас столько времени. Теперь все равны. Можно начинать сначала и наравне.

Он затормозил машину и остался сидеть в ней; Хэтти вышла и отворила дверь дома, выпуская детей. Они бегом ринулись с вопросами к своему отцу.

— Ты видел белого человека? — кричали они. — Ты видел его?

— Так точно, — ответил Вилли, не вставая из-за руля, и потер лицо неторопливыми пальцами. — Я как будто впервые сегодня по-настоящему увидел белого человека — вот именно, по-настоящему увидел.

ВСЕ ЛЕТО В ОДИН ДЕНЬ

— Уже?

— Сейчас.

— Когда же?

— Скоро.

— А ученые точно знают? Это вправду будет сегодня?

— Смотри, сама увидишь!

Дети жались друг к другу, как цветы, как сорная трава, толкались, суетились, каждый хотел увидеть скрытое солнце.

Шел дождь.

Дождь шел уже семь лет: тысячи дней, наполненных дождем, сплошь состоящих из дождя; гул и

дробь ливня, хрустальные водопады града, неистовые ураганы, словно цунами, что затопляют острова. Тысячи лесов истребил дождь, и тысячу раз они возрождались, чтобы снова погибнуть. Так всегда было на планете Венере, и такой ее знали собравшиеся в классе школьники, дети космонавтов, прилетевших в этот дождевой мир, чтобы освоить его и прожить здесь свою жизнь.

— Кончается, кончается!

— Правда!

Марго стояла поодаль, в стороне от детей, которые не помнили ни одной минуты без дождя, дождя, дождя... Им было по девять лет, и, если даже семь лет назад выдался день, когда солнце вышло на час и явило свой лик изумленному миру, они этого не помнили. Иногда по ночам она слышала, как они мечутся, потревоженные неясными видениями. И Марго знала, что им снится золото, или желтый карандаш, или огромная монета, на которую можно купить весь мир. Она знала: им чудится тепло — так жаркая волна вдруг приливает к лицу человека, пробегает по телу, рукам, ногам. А проснувшись, они всякий раз слышали монотонную дробь нескончаемого потока прозрачных бусинок, сыплющихся на крышу, дорожку, сады, леса. И сны улетучивались.

Весь вчерашний день в классе читали про солнце. Как оно похоже на лимон, какое оно жаркое! И дети писали о солнце маленькие рассказы и стихотворения.

По-моему, солнце — цветок,
Что расцветает на час.

Это написала Марго. Тихий голос прочел стихотворение в примолкшем классе, а снаружи шел дождь.

— Это не ты сочинила! — крикнул кто-то из мальчиков.

— Нет, я, — сказала Марго, — я сама.

— Уильям! — вмешалась учительница.

Но это было вчера. Сейчас дождь стал реже, и дети толпились возле огромных окон.

— Где учительница?

— Сейчас вернется.

— Где же она? Мы все прозеваем!

Они вертелись, будто спицы в стремительно вращающемся колесе.

Марго стояла одна. Хрупкая, болезненная девочка, она выглядела так, словно несколько лет пробыла под дождем, и он растворил всю синеву ее глаз, всю алость ее губ, всю желтизну волос. Она была старой, выцветшей фотографией из запыленного альбома, и когда говорила — это случалось редко, — то голос ее был словно призрак. Сейчас, стоя в сторонке, она пристально смотрела на дождь, на шумный мокрый мир за толстыми стеклами.

— Что ты там увидела? — спросил Уильям.

Марго молчала.

— Отвечай, когда спрашивают!

Он толкнул ее. Но она продолжала стоять неподвижно, будто не ощутила толчка.

Дети сторонились Марго, не хотели на нее смотреть. Она чувствовала, как они ее избегают. А все потому, что она никогда не участвовала в играх, которые затевались в гулких тоннелях подземного города. Кто-нибудь осалит ее и пустится наутек, а она стоит на месте, только глазами хлопает. Когда весь класс пел о радости, о жизни, о веселых играх, ее губы чуть шевелились. Только когда пели о солнце и лете, Марго подпевала, глядя на залитые дождем окна.

Но самым большим преступлением Марго было, конечно, то, что она прилетела сюда с Земли всего пять лет назад, когда ей было четыре года, и помнила солнце, его золотые лучи и голубое огайское небо. Они же всю свою жизнь провели на Венере, им было всего два года в прошлый раз, когда появилось солнце, и они давным-давно забыли его цвет, его лик, тепло его лучей. А Марго помнила.

— Оно похоже на монету, — сказала она однажды, закрыв глаза.

— Неправда! — закричали дети.

— Оно похоже на огонь в печи, — сказала она.

— Врешь, врешь, ничего ты не помнишь! — кричали дети.

Но Марго помнила и, тихо отойдя в сторону, глядела на исчерченные струйками стекла.

А как-то раз, с месяц тому назад, она отказалась принять душ в школьной душевой. Закрыв руками темя и уши, она кричала от страха, что вода попадет ей на голову. С тех пор Марго смутно ощущала, что она не такая, как другие дети, и они тоже чувствовали эту разницу.

Говорили, будто в следующем году отец и мать заберут Марго обратно на Землю. Другого выхода просто не оставалось, хоть это и означало для ее семьи потерю многих тысяч долларов. По всем этим причинам, серьезным и маловажным, дети недолюбливали Марго. Им не нравилось ее белоснежное лицо, ее выжидательное молчание, ее хрупкость и ее будущее.

— Уходи! — Мальчик снова толкнул ее. — Чего ты ждешь?

Только тут она повернулась и посмотрела на него. Ее глаза сказали, чего она ждет.

— Слышишь, нечего здесь торчать! — злобно крикнул мальчик. — Ничего ты не увидишь!

Губы Марго дрогнули.

— Ничего! — кричал он. — Это все понарошку, правда? — Он повернулся к остальным. — Сегодня ничего не будет! Верно я говорю?

— Как же так? — шептала Марго, беспомощно глядя на них. — Ведь сегодня... ученые предсказали... они сообщили... они знают... солнце...

— Все понарошку! — ответил мальчик и больно толкнул ее. — Эй, ребята, запрем ее в чулан! Скорей, пока не пришла учительница!

— Не надо, — прошептала Марго, садясь на пол.

Дети налетели со всех сторон, схватили ее и понесли. Марго отбивалась, умоляла, плакала, но они протащили ее по подземному коридору в большую комнату, толкнули в чулан и заперли дверь. Из чулана доносились приглушенные крики, дверь дрожала от толчков и ударов изнутри. Дети, смеясь, выбе-

жали в коридор и вернулись в класс одновременно с учительницей.

— Дети, вы готовы? — Она глянула на часы.

— Да! — дружно ответили они.

— Все здесь?

— Да!

Дождь почти перестал.

Они гурьбой протиснулись в большую дверь.

Дождь прекратился.

Словно в самый разгар фильма о лавинах, тайфунах, ураганах, вулканических извержениях, что-то поломалось в будке кинемеханика. Сперва — звук: внезапно установилась полная тишина, не стало слышно воя ветра и раскатов грома. Потом кто-то выдернул из аппарата ленту и заменил ее неподвижным изображением безмятежного тропического ландшафта. Мир оцепенел. Тишина была такой подавляющей и неправдоподобной, что казалось, не то тебе заложило уши, не то ты совсем оглох. Дети поднесли руки к ушам. Они стояли врозь. Дверь за ними бесшумно закрылась, и они ощутили дыхание замершего в ожидании мира.

Появилось солнце.

Оно было очень большое, цвета пламенной бронзы. Его окружало ослепительно голубое небо. Лес горел в лучах солнца. Миг — и дети, освободившись от чар, с ликующим визгом помчались навстречу весне.

— Не убегайте чересчур далеко! — крикнула им вслед учительница. — Помните, в вашем распоряжении всего два часа. Не то попадете под дождь!

А дети все бежали вперед, обратив лицо к небу и чувствуя на щеках горячую ласку солнца. Они сняли курточки и подставили руки солнечным лучам.

— Правда, это лучше, чем солнечные лампы?

— В сто раз!

Они остановились в гуще леса, покрывавшего Венеру, удивительного леса, который рос прямо на глазах, неистово, буйно. Подстегнутые быстротечной весной, мясистые ветви тянулись вверх, расцветали, извивались, как щупальца осьминога. Лес, много лет

лишенный солнечных лучей, был цвета резины и пепла, камня и сыра, чернил и луны.

Дети, смеясь, лежали на упругом живом ковре и слушали, как он сипит и хлюпает под ними. Они бегали между деревьями, скользили, падали, играли в «кучу малу», в прятки, в салки. Но большинство долго, до слез смотрели на солнце, тянули руки к удивительной синеве и золотистому свету, вдыхали небывало свежий воздух и жадно слушали тишину, словно паря в ласковом море безмолвия и покоя. Они спешили все увидеть и воспринять. Потом сорвались с места и забегали, крича, по кругу, будто выскочившие из логова зверьки. Они бегали так целый час и никак не могли остановиться.

И вдруг...

В самый разгар ликования одна девочка пронзительно вскрикнула.

Все замерли.

Она стояла на прогалине, вытянув руку.

— Ой, смотрите!.. — пролепетала она.

Дети нерешительно подошли и посмотрели на ее раскрытую ладонь.

Посередине ладони лежала большая блестящая капля.

И девочка начала плакать.

Дети посмотрели на небо.

— Ой! Ой!..

Редкие холодные капли падали им на нос, на щеки, в открытые рты. Легкая тучка затянула солнце. Подул прохладный ветерок.

Они повернулись и пошли назад, в подземный дом. Руки уныло повисли, улыбки исчезли.

Прогремел гром. Миг — и, словно листья, подхваченные порывом ветра, они, толкая друг друга, понеслись взапуски. Засверкали молнии, ближе, ближе: десять километров, пять, один километр, полкилометра... Внезапно стало темно, как в полночь.

В дверях они на мгновение остановились. Но хлынул ливень, и они затворили двери. Снаружи доносился тяжелый гул водяной лавины, вездесущий и непрестанный.

— Теперь еще семь лет ждать?

— Да, семь лет.

Кто-то вскрикнул:

— Марго!

— Что?

— Она еще там, в чулане!

— Марго...

Они стояли словно прибитые гвоздями к полу. Они взглянули друг на друга, потом потупились. Поглядели в окно, где снова упорно, безостановочно лил дождь. Они не могли смотреть друг другу в глаза. Их лица стали бледными и серьезными. Они смотрели вниз, на руки, на ноги.

— Марго...

— Ну?.. — произнесла одна из девочек.

Никто не двинулся с места.

— Пошли, — прошептала она.

Они медленно двинулись через прихожую. Холодная дробь дождя, вой ветра, раскаты грома, зловещие отблески голубых молний неотступно провожали их.

Они медленно вошли в комнату и остановились возле двери чулана.

Оттуда не доносилось ни звука.

Они еще медленнее отворили дверь и выпустили Марго.

РЕВУН

Среди холодных волн, вдали от суши, мы каждый вечер ждали, когда приползет туман. Он приползал, и мы — Макдан и я — смазывали латунные подшипники и включали фонарь наверху каменной башни. Макдан и я, две птицы в сумрачном небе...

Красный луч... белый... снова красный искал в тумане одинокие суда. А не увидят луча, так ведь у нас есть еще Голос — могучий низкий голос нашего Ревуна; он рвался, громогласный, сквозь лохмотья ту-

мана, и перепуганные чайки разлетались, будто подброшенные игральные карты, а волны дыбились, шипя пеной.

— Здесь одиноко, но, я надеюсь, ты уже свыкся? — спросил Макдан.

— Да, — ответил я. — Слава богу, ты мастер рассказывать.

— А завтра твой черед ехать на Большую землю. — Он улыбался. — Будешь танцевать с девушками, пить джин.

— Скажи, Макдан, о чем ты думаешь, когда остаешься здесь один?

— О тайнах моря. — Макдан раскурил трубку.

Четверть восьмого. Холодный ноябрьский вечер, отопление включено, фонарь разбрасывает свой луч во все стороны, в длинной башенной глотке ревет Ревун. На берегу на сто миль ни одного селения, только дорога с редкими автомобилями, одиноко идущая к морю через пустынный край, потом две мили холодной воды до нашего утеса и в кои-то веки далекое судно.

— Тайны моря, — задумчиво сказал Макдан. — Знаешь ли ты, что океан — огромная снежинка, величайшая снежинка на свете? Вечно в движении, тысячи красок и форм, и никогда не повторяется. Удивительно! Однажды ночью, много лет назад, я сидел здесь один, и тут из глубин поднялись рыбы, все рыбы моря. Что-то привело их в наш залив, здесь они стали, дрожа и переливаясь, и смотрели, смотрели на фонарь, красный — белый, красный — белый свет над ними, и я видел странные глаза. Мне стало холодно. До самой полуночи в море будто плавал павлиний хвост. И вдруг — без звука — исчезли, все эти миллионы рыб сгнули. Не знаю, может быть, ониплыли сюда издалека на паломничество? Удивительно! А только подумай сам, как им представлялась наша башня: высится над водой на семьдесят футов, сверкает божественным огнем, вещает голосом исполина. Они больше не возвращались, но разве не может быть, что им почудилось, будто они предстали перед каким-нибудь рыбьим божеством?

У меня по спине пробежал холодок. Я смотрел на длинный серый газон моря, простирающийся в ничто и в никуда.

— Да-да, в море чего только нет... — Макдан взволнованно пыхтел трубкой, часто моргая. Весь этот день его что-то тревожило, он не говорил — что именно. — Хотя у нас есть всевозможные механизмы и так называемые субмарины, но пройдет еще десять тысяч веков, прежде чем мы ступим на землю подводного царства, придем в затонувший мир и узнаем **настоящий** страх. Подумать только: там, внизу, все еще 300000 год до нашей эры! Мы тут трубим во все трубы, отхватываем друг у друга земли, отхватываем друг другу головы, а они живут в холодной пучине, двенадцать миль под водой, во времена столь же древние, как хвост какой-нибудь кометы.

— Верно, там древний мир.

— Пошли. Мне нужно тебе кое-что сказать, сейчас самое время.

Мы отсчитали ногами восемьдесят ступенек, разговаривая, не спеша. Наверху Макдан выключил внутреннее освещение, чтобы не было отражения в толстых стеклах. Огромный глаз маяка мягко вращался, жужжа, на смазанной оси. И неустанно каждые пятнадцать секунд гудел Ревун.

— Правда, совсем как зверь. — Макдан кивнул своим мыслям. — Большой одинокий зверь воет в ночи. Сидит на рубеже десятка миллиардов лет и ревет в Пучину: «Я здесь, я здесь, я здесь...» И Пучина отвечает — да-да, отвечает! Ты здесь уже три месяца, Джонни, пора тебя подготовить. Понимаешь, — он всмотрелся в мрак и туман, — в это время года к маяку приходит гость.

— Стаи рыб, о которых ты говорил?

— Нет, не рыбы, нечто другое. Я потому тебе не рассказывал, что боялся — сочтешь меня помешанным. Но дальше ждать нельзя: если я верно пометил календарь в прошлом году, то сегодня ночью оно появится. Никаких подробностей — увидишь сам. Вот, сиди тут. Хочешь, уложи утром барахлишко, садись на катер, отправляйся на Большую землю, забирай

свою машину возле пристани на мысу, кати в какой-нибудь городок и жги свет по ночам — я ни о чем тебя не спрошу и корить не буду. Это повторялось уже три года, и впервые я не один — будет кому подтвердить. А теперь жди и смотри.

Прошло полчаса, мы изредка роняли шепотом несколько слов. Потом устали ждать, и Макдан начал делиться со мной своими соображениями. У него была целая теория насчет Ревуна.

— Однажды, много лет назад, на холодный сумрачный берег пришел человек, остановился, внимая гулу океана, и сказал: «Нам нужен голос, который кричал бы над морем и предупреждал суда; я сделаю такой голос. Я сделаю голос, подобный всем векам и туманам, которые когда-либо были; он будет как пустая постель с тобой рядом ночь напролет, как безлюдный дом, когда отворяешь дверь, как голые осенние деревья. Голос, подобный птицам, что улетают, крича, на юг, подобный ноябрьскому ветру и прибою у мрачных, угрюмых берегов. Я сделаю голос такой одинокий, что его нельзя не услышать, и всякий, кто его услышит, будет рыдать в душе, и очаги покажутся еще жарче, и люди в далеких городах скажут: «Хорошо, что мы дома». Я сотворю голос и механизм, и нарекут его Ревуном, и всякий, кто его услышит, постигнет тоску вечности и краткость жизни».

Ревун заревел.

— Я придумал эту историю, — тихо сказал Макдан, — чтобы объяснить, почему оно каждый год плывет к маяку. Мне кажется, оно идет на зов маяка...

— Но... — заговорил я.

— Шшш! — перебил меня Макдан. — Смотри! Он кивнул туда, где простерлось море.

Что-то плыло к маяку.

Ночь, как я уже говорил, выдалась холодная, в высокой башне было холодно, свет вспыхивал и гас, и Ревун все кричал, кричал сквозь клубящийся туман. Видно было плохо и только на небольшое расстояние, но так или иначе вот море, море, скольз-

щее по ночной земле, плоское, тихое, цвета серого ила, вот мы, двое, одни в высокой башне, а там, вдали, сперва морщинки, затем волна, бугор, большой пузырь, немного пены. И вдруг над холодной гладью — голова, большая темная голова с огромными глазами и шея. А затем нет, не тело, а опять шея, и еще и еще! На сорок футов поднялась над водой голова на красивой тонкой темной шее. И лишь после этого из пучины вынырнуло тело, словно островок из черного коралла, мидий и раков. Дернулся гибкий хвост. Длина туловища от головы до кончика хвоста была, как мне кажется, футов девяносто-сто.

Не знаю, что я сказал, но я сказал что-то.

— Спокойно, парень, спокойно, — прошептал Макдан.

— Это невозможно! — воскликнул я.

— Ошибаешься, Джонни, это **мы** невозможны. Оно все такое же, каким было десять миллионов лет назад. Оно не изменялось. Это **мы** и весь здешний край изменились, стали невозможными. **Мы!**

Медленно, величественно плыло оно в ледяной воде, там, вдали. Рваный туман летел над водой, стирая на миг его очертания. Глаз чудовища ловил, удерживал и отражал наш могучий луч, красный — белый, красный — белый. Казалось, высоко поднятый круглый диск передавал послание древним шифром. Чудовище было таким же безмолвным, как туман, сквозь который оно плыло.

— Это какой-то динозавр! — Я присел и схватился за перила.

— Да, из их породы.

— Но ведь они вымерли!

— Нет, просто ушли в пучину. Глубоко-глубоко, в глубь глубин, в Бездну. А что, Джонни, правда, выразительное слово, сколько в нем заключено: Бездна. В нем весь холод, весь мрак и вся глубь на свете.

— Что же мы будем делать?

— Делать? У нас работа, уходить нельзя. К тому же здесь безопаснее, чем в лодке. Пока еще доберешься до берега, а этот зверь длиной с миноносец и плывет почти так же быстро.

— Но почему, почему он приходит именно сюда?

В следующий миг я получил ответ.

Ревун заревел.

И чудовище ответило.

В этом крике были миллионы лет воды и тумана. В нем было столько боли и одиночества, что я содрогнулся. Чудовище кричало башне. Ревун ревел. Чудовище закричало опять. Ревун ревел. Чудовище распахнуло огромную зубастую пасть, и из нее вырвался звук, в точности повторяющий голос Ревуна. Одинокий, могучий, далекий-далекий. Голос безысходности, непроглядной тьмы, холодной ночи, отверженности. Вот какой это был звук.

— Ну, — зашептал Макдан, — теперь понял, почему оно приходит сюда?

Я кивнул.

— Целый год, Джонни, целый год несчастное чудовище лежит в пучине, за тысячи миль от берега, на глубине двадцати миль, и ждет. Ему, быть может, миллион лет, этому одинокому зверю. Только представь себе: ждать миллион лет. Ты смог бы? Может, оно последнее из всего рода. Мне так почему-то кажется. И вот пять лет назад сюда пришли люди и построили этот маяк. Поставили своего Ревуна, и он ревет, ревет над Пучиной, куда, представь себе, ты ушел, чтобы спать и грезить о мире, где были тысячи тебе подобных; теперь же ты одинок, совсем одинок в мире, который не для тебя, в котором нужно прятаться. А голос Ревуна то зовет, то смолкнет, то зовет, то смолкнет, и ты просыпаешься на илистом дне Пучины, и глаза открываются, будто линзы огромного фотоаппарата, и ты поднимаешься медленно-медленно, потому что на твоих плечах груз океана, огромная тяжесть. Но зов Ревуна, слабый и такой знакомый, летит за тысячу миль, пронизывает толщу воды, и топка в твоём брюхе развивает пары, и ты плывешь вверх, плывешь медленно-медленно. Пожираешь косяки трески и мерлана, полчища медуз и идешь выше, выше всю осень, месяц за месяцем, сентябрь, когда начинаются туманы, октябрь, когда туманы еще гуще, и Ревун

все зовет, и в конце ноября, после того как ты изо дня в день принаравливался к давлению, поднимаясь в час на несколько футов, ты у поверхности, и ты жив. Поневоле всплываешь медленно: если подняться сразу, тебя разорвет. Поэтому уходит три месяца на то, чтобы всплыть, и еще столько же дней пути в холодной воде отделяет тебя от маяка. И вот, наконец, ты здесь — вон там, в ночи, Джонни, — самое огромное чудовище, какое знала Земля. А вот и маяк, что зовет тебя, такая же длинная шея торчит из воды и как будто такое же тело, но главное — точно такой же голос, как у тебя. Понимаешь, Джонни, теперь понимаешь?

Ревун взревел.

Чудовище отозвалось.

Я видел все, я понимал все: миллионы лет одинокого ожидания — когда же, когда вернется тот, кто никак не хочет вернуться? Миллионы лет одиночества на дне моря, безумное число веков в Пучине, небо очистилось от летающих ящеров, на материке высохли болота, лемуры и саблезубые тигры отжили свой век и завязли в асфальтовых лужах, и на пригорках белыми муравьями засуетились люди.

Рев Ревуна.

— В прошлом году, — говорил Макдан, — эта тварь всю ночь проплавала в море, круг за кругом, круг за кругом. Близко не подходила — недоумевала, должно быть. Может, боялась. И сердилась: шутка ли, столько проплыть! А наутро туман вдруг развеялся, вышло яркое солнце, и небо было синее, как на картине. И чудовище ушло прочь от тепла и молчания, уплыло и не вернулось. Мне кажется, оно весь этот год все думало, ломало себе голову...

Чудовище было всего лишь в ста ярдах от нас, оно кричало, и Ревун кричал. Когда луч касался глаз зверя, получалось огонь — лед, огонь — лед.

— Вот она, жизнь, — сказал Макдан. — Вечно все то же: один ждет другого, а его нет и нет. Всегда кто-нибудь любит сильнее, чем любят его. И наступает час, когда тебе хочется уничтожить то, что ты любишь, чтобы оно тебя больше не мучило:

Чудовище понеслось на маяк.

Ревун ревел.

— Посмотрим, что сейчас будет, — сказал Макдан.

И он выключил Ревун.

Наступила тишина, такая глубокая, что мы слышали в стеклянной клетке, как бьются наши сердца, слышали медленное скользкое вращение фонаря.

Чудовище остановилось, оцепенело. Его глазищи-прожекторы мигали. Пасть раскрылась и издала ворчание, будто вулкан. Оно повернуло голову в одну, другую сторону, словно искало звук, канувший в туман. Оно взглянуло на маяк. Снова заворчал. Вдруг зрачки его запылали. Оно вздыбилось, колотя воду, и ринулось на башню с выражением ярости и муки в огромных глазах.

— Макдан! — вскричал я. — Включи Ревун!

Макдан взялся за рубильник. В тот самый миг, когда он его включил, чудовище снова поднялось на дыбы. Мелькнули могучие лапищи и блестящая паутина рыбьей кожи между пальцевидными отростками, царапающими башню. Громадный глаз в правой части искаженной страданием морды сверкал передо мной, словно котел, в который можно упасть, захлебнувшись криком. Башня содрогнулась. Ревун ревел; чудовище ревели. Оно обхватило башню и скрипнуло зубами по стеклу; на нас посыпались осколки.

Макдан поймал мою руку.

— Вниз! Живей!

Башня качнулась и подалась. Ревун и чудовище ревели. Мы кубарем покатались вниз по лестнице.

— Живей!

Мы успели — нырнули в подвальчик под лестницей в тот самый миг, когда башня над нами стала разваливаться. Тысячи ударов от падающих камней, Ревун захлебнулся. Чудовище рухнуло на башню. Башня рассыпалась. Мы стояли молча, Макдан и я, слушая, как взрывается наш мир.

Все. Лишь мрак и плеск валов о груды битого камня.

И еще...

— Слушай, — тихо произнес Макдан. — Слушай.

Прошла секунда, и я услышал. Сперва гул вбираемого воздуха, затем жалоба, растерянность, одиночество огромного зверя, который, наполняя воздух тошнотворным запахом своего тела, бессильно лежал над нами, отделенный от нас только слоем кирпича. Чудовище кричало, задыхаясь. Башня исчезла. Свет исчез. Голос, звавший его через миллионы лет, исчез. И чудовище, разинув пасть, ревело, ревело могучим голосом Ревуна. И суда, что в ту ночь шли мимо, хотя не видели света, не видели ничего, зато слышали голос и думали: «Ага, вот он, одинокий голос Ревуна в Лоунсам-бэй! Все в порядке. Мы прошли мыс».

Так продолжалось до утра.

Жаркое желтое солнце уже склонялось к западу, когда спасательная команда разгребла груды камней над подвалом.

— Она рухнула, и все тут, — мрачно сказал Макдан. — Ее потрепало волнами, она и рассыпалась.

Он ущипнул меня за руку.

Никаких следов. Тихое море, синее небо. Только резкий запах водорослей от зеленой жижи на развалинах башни и береговых скалах. Жужжали мухи. Плескался пустынный океан.

На следующий год поставили новый маяк, но я к тому времени устроился на работу в городке, женился и у меня был уютный, теплый домик, окна которого золотятся в осенние вечера, когда дверь закрыта, а из трубы струится дымок. А Макдан стал смотрителем нового маяка, сооруженного по его указаниям из железобетона.

— На всякий случай, — объяснял он.

Новый маяк был готов в ноябре. Однажды поздно вечером я приехал один на берег, остановил машину и смотрел на серые волны, слушал голос нового Ревуна: раз... два... три... четыре раза в минуту, далеко в море, один-одинешенек.

Чудовище?

Оно больше не возвращалось.

— Ушло, — сказал Макдан. — Ушло в Пучину. Узнало, что в этом мире нельзя слишком крепко любить. Ушло вглубь, в Бездну, чтобы ждать еще миллион лет. Бедняга! Все ждать, и ждать, и ждать... Ждать.

Я сидел в машине и слушал. Я не видел ни башни, ни луча над Лоунсам-бэй. Только слушал Ревуна, Ревуна, Ревуна. Казалось, это ревет чудовище.

Мне хотелось сказать что-нибудь, но что?

СТАНИСЛАВ ЛЕМ
(ПОЛЬША)

КАК ЭРГ САМОВОЗБУДИТЕЛЬ БЛЕДНОТНИКА ПОБЕДИЛ

Могучий король Болидар очень любил всякие диковинки и в собирании их проводил жизнь, забывая при этом иной раз и о важных делах государственных. Собрал он коллекцию часов, и были среди них часы пляшущие, часы-зори и часы-облака. Были у него чучела существ из самых дальних областей вселенной, а в особом зале под колпаком стеклянным находилось самое редкое создание, Ното Антигрос именуемое, дивно бледное, двуногое; у него даже глаза были, правда, пустые, и король велел вставить в них два рубина великолепных, дабы Ното смотрел красным взглядом. Подгуляв слегка, приглашал Болидар самых желанных гостей в этот зал и показывал им страшилище.

Однажды был король в гостях у электроведа, такого старого, что у него в кристаллах ум за разум слегка заходил. Однако был тот электровед, Голозон по имени, хранилищем всяческой мудрости галактической. Говорили, что умел он нанизывать фотоны на нитки, чтобы получались сияющие ожерелья, и даже поговаривали, что знал он, как можно изловить живого Антропоса. Зная о его пристрастиях, велел король немедля погребец отворить; электровед от угощения не отказывался и, хватив лишнего из банки

лейденской, почувствовал, как приятные токи расходятся по всему его телу. Тогда открыл он королю страшную тайну и обещал добыть для него Антропоса, который правит одним из племен межзвездных. Цену он назначил высокую: столько алмазов с кулак величиной, сколько Антропос весить будет; но король и глазом не моргнул.

Отправился Голозон в путь-дорогу, король же начал похвалиться перед придворным советом, какого он приобретения ожидает, да и не мог бы он этого скрыть, ибо велел уже в дворцовом парке, где росли кристаллы великолепнейшие, построить клетку из толстых железных брусьев. Тревога охватила придворных. Видя, что не отступается король от своего, призвали они в замок двух мудрецов-гомологов, и король принял их весьма охотно, ибо любопытствовал, что же такое многознайки эти, Саламид и Таладон, могут рассказать ему о бледном существе, чего бы он сам еще не знал.

— Правда ли это, — спросил он, едва поднялись коленопреклоненные мудрецы, поклонившись ему надлежащим образом, — что Гомо мягче воска?

— Истинно так, Ваша Ясность! — ответили оба.

— А правда ли и то, что через щель, которая имеется у него в нижней части головы, может он издавать различные звуки?

— И это истина, Ваше Королевское Величество, равно как и то, что в это же самое отверстие сует Гомо разные вещи, а потом двигает нижней частью головы, которая на шарнирах к верхней прикреплена, вследствие чего вещи эти размельчаются, и он их вытягивает в нутро свое.

— Странный это обычай, я о нем слышал, — сказал король, — однако скажите мне, мудрецы мои, зачем он так поступает?

— На этот счет четыре существуют теории, Ваше Королевское Величество, — ответили гомологи. — Первая — что делает он это, чтобы избавиться от излишка ядов (ибо ядовит он неимоверно). Другая — что поступает он так ради разрушения, которое предпочитает всем другим утехам. Третья — что из-

за алчности, ибо он все поглотил бы, если б мог. Четвертая...

— Хватит уж, хватит, — сказал король. — Правда ли, что он из воды сделан, а все же не прозрачен, как и та кукла, что у меня?

— И это правда! Имеется у него внутри, Властитель, множество скользких трубок, по которым жидкости циркулируют; есть и желтые и жемчужные, но больше всего красных, которые несут страшный яд, кислородом или же кислородом именуемый, каковой газ все, чего коснется, сразу обращает в ржавчину либо в камень. Потому и сам Гомо отливают жемчужным, желтым и розовым цветами. Однако, Ваше Королевское Величество, молим мы покорнейше, чтобы соизволил ты отступить от своего замысла и не добывал живого Гомо...

— Это вы должны изложить мне подробно, — сказал король, делая вид, что готов прислушаться к советам мудрецов; в действительности же, однако, хотел он лишь удовлетворить великое свое любопытство.

— Существа, к которым Гомо относится, зовутся трясушимися, Господин. Входят сюда силиконцы и протеиды; первые отличаются более плотной консистенцией, и потому зовут их непропеченцами либо переохлажденцами; другие, более жидкие, у разных авторов носят разные имена, как-то: липники либо клейковинцы у Полломедера, трясинники либо клеевидные у Трицефалоса Арборыжикового, наконец, Анальцимандр Медяковый прозвал их тряскоклювчиками клееглазыми...

— Так это правда, что у них даже и глаза скользкие? — живо спросил король.

— Истинно, Господин. Существа эти с виду слабы, хрупки, и стоит им упасть с небольшой высоты, как они превращаются в красную лужу, но из-за прирожденной хитрости являют они собой опасность более грозную, нежели все пучины и рифы Астрического Кольца, вместе взятые! И потому молим мы тебя, Господин, чтобы ради блага государства...

— Ладно уж, дорогие мои, ладно, — прервал их

король. — Можете идти, а я приму решение с надлежащей осмотрительностью.

Отвесили ему низкие поклоны мудрецы-гомологи и ушли встревоженные, ибо чувствовали, что не оставил своего опасного замысла король Болидар.

По прошествии недолгого времени звездный корабль привез ночью огромные ящики. Их немедленно отправили в королевский парк. И вскоре двустворчатые золотистые двери открылись для всех подданных короля; в алмазной чаше, среди из яшмы изваянных беседок и мраморных чудовищ, увидали все железную клетку, а в ней бледное гибкое существо, сидящее на маленьком бочонке; перед ним стояла миска с чем-то странным, издававшим, правда, запах масла, но испорченного пригоранием на огне и потому непригодного уже к употреблению. Однако существо это преспокойно опускало в миску нечто вроде лопатки и, набирая с верхом, вкладывало смазанную маслом субстанцию в свое лицевое отверстие. Зрители онемели от ужаса, надпись на клетке прочтя, ибо поняли, что перед ними живой Гомо Антропос бледнотник. Простонародье принялось его дразнить, и тогда Гомо встал, зачерпнул что-то из бочонка, на котором сидел, и начал плескать на чернь водой убийственной. Одни убегали, другие хватались за камни, чтобы в мерзость эту швырнуть, но стража немедленно разогнала всех.

Обо всем этом доведалься дочь короля, Электрина. Видно, унаследовала она любопытство от отца, ибо не боялась приближаться к клетке, в которой бледное создание проводило время, поглощая такую массу воды и подпорченного масла, которая убила бы на месте сотню подданных короля.

Гомо быстро научился разумному языку и отваживался даже заговаривать с Электрой.

Спросила его однажды королева, что это такое белое светится у него в пасти.

— Я называю это зубами, — сказал он.

— Дай мне хоть один зуб через решетку! — попросила королева.

— А что ты мне дашь за это? — спросил он.

— Дам тебе свой золотой ключик, но только на минутку.

— А что это за ключик?

— Мой личный, которым каждый вечер заводится разум. Ведь и у тебя такой есть.

— Мой ключик не похож на твой, — ответил он уклончиво. — А где он у тебя?

— Тут, на груди, под золотым клапаном

— Дай мне его.

— А ты дашь мне зуб?

— Дам...

Открутила королева золотой винтик, открыла клапан, вынула золотой ключик и протянула его сквозь решетку. Бледнотник жадно схватил его и, хоча, убежал в глубь клетки. Просила его королева и молила, чтобы ключик отдал, но он и думать не хотел. Боясь открыть кому-нибудь, что она наделала, с тяжестью на сердце вернулась Электрина во дворец. Неразумно она поступила, но ведь была она еще почти ребенком. Наутро нашли ее слуги лежащей без сознания на хрустальном ложе. Прибежали король с королевой и все придворные, а она лежала будто спящая, но пробудить ее не удавалось. Вызвал король специалистов — электронников придворных, медиков-электронургов, и они, обследовав королеву, обнаружили, что клапан открыт, а ни винтика, ни ключика нет! Шум поднялся в замке и переполох, все бежали, искали ключик, но тщетно.

На следующий день доложили погруженному в отчаяние королю, что его бледнотник хочет говорить с ним по поводу пропавшего ключика. Король тут же отправился в парк, и страшилище сказало, что знает, где королева потеряла ключик, но откроет это лишь тогда, когда король словом своим королевским поручится свободу ему вернуть и корабль-пустолет дать, чтобы мог он к своим возвратиться. Король долго упорствовал, весь парк велел обыскать, но в конце концов согласился на эти условия. Подготовили тогда пустолет и бледнотника под охраной вывели из клетки. Король ждал у корабля, ибо Антропос обещал сказать, где лежит ключик, лишь когда взой-

дет на палубу корабля. Когда же он там очутился, то высунул голову в люк и, показывая сверкающий ключик, закричал:

— Вот он где, ключик! Я его заберу с собой, роль, чтобы твоя дочь никогда не проснулась, ибо я жажду мести за то, что ты меня опозорил, выставив на посмешище в клетке железной!

Огонь пошел из-под кормы пустолета, и корабль взвился ввысь при всеобщем остоленении. Послал король вдогонку самые быстрые мракотолбы стальные и скоровинники, но экипажи их вернулись с пустыми руками, ибо хитрый бледнотник замел следы и ушел от погони.

Понял король Болидар, как плохо он поступил, не послушав мудрецов-гомологов, да поздно уже было. Первейшие электронники-слесаристы старались ключик сделать. Главный Монтажник дворцовый, резчики и оружейники королевские, позолотничие и постальничие киберграфы-умельцы — все съезжались, чтобы мастерство свое испытать, однако же тщетно. И понял король, что надо вернуть ключик, увезенный бледнотником, иначе тьма навеки омрачит разум и чувства королевны.

Объявил поэтому король Болидар по всему государству, что так и так, мол, дело было, бледнотник Гомо антропический похитил золотой ключик, а кто его поймает либо хоть драгоценность животворную вернет и королевну разбудит, тот получит ее в жены и вступит на трон королевский.

Явились тут же гурьбою смельчаки всякого рода. Были среди них и электроцари, и ловкачи-обманщики, астроворы, звездоловы; прибыл в замок Хранислав Мегаватт, фехтовальщик-осциллятор достославный, с таким маневренным, вихревым сцеплением, что никто не мог устоять против него в поединке; прибывали самодейственники из самых дальних краев: два Автоматвея-догоняльщика, в ста боях испытанные, Протезий-конструктор прославленный, который иначе, как в двух искроглотах, серебряном и черном, нигде не появлялся; приехал Арбитрон Космософович, из пракристаллов построенный, со струк-

турой дивно стрельчатой, и Сорвибаба-интеллек-рик, который на сорока робослах в восьмидесяти ящи-ках привез старую счетную машину, от мышления проржавевшую, но мощную в замыслах. Прибыли три мужа из рода Селектритов — Диодий, Триодий и Геп-тодий, которые имели в головах такой идеальный ва-куум, что мысль их была черна, как ночь беззвезд-ная; прибыл Перпетуан, с головы до ног в доспехах лейденских, с коллектором, что от трехсот боев даже патиной покрылся; Матриций Перфорат, который дня не проводил, чтобы не проинтегрировать кого-нибудь,— он привез с собой во дворец непобедимого кибернягу, которого звал Токусом. Съехались все, а когда дво-рец был уже полон гостей, прикатилась к его поро-гу бочка, а из нее в виде капель ртутных вытек Эрг Самовозбудитель, который мог принимать любую форму, какую сам захочет.

Попировали герои, так осветив залы дворца, что мраморные своды начали просвечивать пурпуром, как облака на западе, и двинулись каждый своим путем, чтобы бледнотника сыскать, вызвать его на смертный бой и добыть ключик, а вместе с ним — королеву и трон Болидара.

Первый, Хранислав Мегаватт, полетел на Колдею, где жило племя холодцов, ибо замыслил там «языка» добыть. И нырял он в их мази, ударами телеуправля-емой шпаги путь себе прокладывая, но ничего не достиг, ибо, когда слишком раскалился, охлаждение у него лопнуло, и встретил фехтовальщик несравнен-ный свою смерть среди чужих, и катоды его отважные навеки поглотила нечистая мазь холодцов.

Автоматвей-догоняльщики добрались до страны радомантов, которые воздвигают строения из светя-щихся газов, излучая радиоактивность, а сами так скупы, что ежевечерне пересчитывают все атомы сво-ей планеты. Плохо приняли Автоматвеев скряги-радо-манты — показали им бездну, полную ониксов, аме-тистов, халцедонов и топазов, а когда электрицари польстились на драгоценности, радоманты побили их камнями, обрушив с высоты лавину драгоценных кам-ней, которая, падая, осветила все вокруг, словно сот-

ня разноцветных комет. Ибо состояли радоманты в тайном союзе с бледнотниками, о чем никто не ведал.

Третий, Протезий-конструктор, добрал после долгого путешествия сквозь мрак межзвездный до самой страны алгонков. Там бушуют каменные шквалы метеоров; об их неиссякаемую завесу ударился корабль Протезия и с раздробленными рулями стал дрейфовать по глубинам.

Четвертому, Арбитрону Космософовичу, сначала больше повезло. Прошел он сквозь теснину андромедскую, преодолел четыре спиральных завихрения у созвездия Гончих Псов, а затем попал в спокойную пустоту, благоприятную для световой навигации, и сам, как быстрый луч, налегал на руль и, огнистым хвостом свой след отмечая, добрался до берегов планеты Маэстриции, где среди скал метеоритных увидел разбитый остов корабля, на котором отправлялся в путь Протезий. Похоронил он корпус конструктора, могучий, блестящий и холодный, будто живой, под грудой базальтовой, но снял с него оба искроглоота, серебряный и черный, чтобы пользоваться ими как щитами, и двинулся вперед. Дикой и гористой была Маэстриция, каменные лавины на ней грохотали да серебрились ветви молний в тучах над безднами. Рыцарь забрел в страну ущелий, и там напали на него полиндромиты в сиянии малахитово-зеленом. Молниями с вершин рубили они Арбитрона, а он отражал молнии искроглоотным щитом, и тогда они передвинули вулкан, нацелились кратером в спину рыцарю и плюнули огнем. Пал рыцарь Арбитрон, и кипящая лава влилась в его череп, из которого вытекло все серебро.

Пятый, Сорвибаба-интеллектик, никуда не отправился, а, остановившись у самых границ королевства Болидара, пустил своих робослов на пастбища звездные, сам же машину начал собирать, настраивать, программировать и все бегал меж ее восьмьюдесятью ящичками, а когда они током насытились так, что машина разбухла от разума, начал задавать ей точно обдуманные вопросы: где обитает Бледнотник, как

сыскать к нему дорогу, как его одурачить, как в ловушку поймать, чтобы ключик отдал. Но ответы получались неясные и уклончивые, и он, распалившись гневом, дрессировал машину так люто, что от нее накаленной медью смердеть стало, и бил ее и лупил, крича: «Выкладывай немедля правду, проклятая счетная старуха!»; и расплавились ее соединения, потекло из них серебристыми слезами олово, с грохотом лопнули перегретые трубки, и остался Сорвибаба над раскаленной рухлядью взбешенный, с палкой в руках, и пришлось ему несолоно хлебавши домой вернуться. Заказал он новую машину, но получил ее лишь четырьест лет спустя.

Шестой по счету была экспедиция Селектритов. Диодий, Триодий и Гептодий иначе взялись за дело. Имели они запасы неисчерпаемые трития, лития и дейтерия и задумали форсировать взрывами тяжелого водорода все дороги, в страну бледнотников ведущие. Неизвестно лишь было, где начинаются эти дороги.

Хотели они спросить Огненогих, но те перед ними в золотых стенах своей столицы заперлись и огнями отбрыкивались; удалые Селектриты шли на приступ, не жалея ни дейтерия, ни трития, так что ад отверзающихся атомных недр подымался в звездную высь. Городские стены блестели, как золото, но в огне обнаруживали истинную свою природу, превращаясь в желтые облака сернистого дыма, ибо возводились они из пиритов-колчеданов. Диодий пал, растоптанный Огненогими, и разум его разлетелся, как сноп цветных кристаллов, осыпая панцирь. Похоронили его в гробнице из черного оливина и повлеклись дальше, в пределы Опаленницкого королевства, где правил звездоубийца король Астроцид. Было у него хранилище, наполненное ядрами огненными, из белых карликов вылушенными, и такие они были тяжелые, что только страшная сила дворцовых магнитов удерживала их, чтоб не провалились они сквозь планету. Кто ступил на почву этого королевства, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ибо гигантское притяжение приковывало лучше, чем цепи и болты. Тяжко воистину

пришлось тут Триодию и Гептодию, ибо Астроцид, увидав их под бастионами замка, начал выкатывать одного белого карлика за другим и запускал Селектритам в лица эти пышущие огнем ядра. И все же был он побежден и сказал Селектритам, каким путем добираться до бледнотников, но обманул их, ибо и сам не знал этого пути, а хотел лишь избавиться от грозных воителей.

Вошли тогда Селектриты в черную сердцевину мрака, где Триодия кто-то подстрелил антимагией из пищали, — может, кто из охотников-киберносов, а может, был это просто самопал, на бесхвостую комету поставленный. Так или иначе, а исчез Триодий, еле успев выкрикнуть: «Аврук!» — любимое свое слово, боевой клич рода. Гептодий же упорно стремился дальше, но и его ждала горькая участь. Очутился его корабль среди двух гравитационных завихрений, Бахридой и Сцинтиллеей называемыми; Бахрида время ускоряет, Сцинтиллия же замедляет, и есть меж ними полоса застоя, в которой время ни вперед, ни назад не движется. Замер там живым Гептодий и остался вместе с неисчислимым множеством других астролайнерсов, пиратов мракодолбов, ничуть не старея, в тишине и жесточайшей скуке, имя которой — Вечность.

Когда окончился так печально поход трех Селектритов, Перпетуан, киберграф Баламский, который должен был седьмым отправиться в путь, долго не отправлялся. Долго готовился к битвам электроцысарь этот, прилаживая себе все более стремительные проводники, все сильнее разящие искрильницы, огнеметы и толкатели. Благоразумия полон, решил он во главе дружины верной идти, и стекались под его знамена конквистадоры: много пришло и безработов, которые, иного занятия не имея, военной службой заняться жаждали. Сформировал из них Перпетуан галактическую конницу достойную, а именно: тяжелую, бронированную, которая слесарией именуется, и несколько легких подразделений, в которых крушители службы несли. Однако при мысли, что вот он должен идти и жизнь окончить в неведомых краях, что в какой-

нибудь луже превратится он весь без остатка в ржавчину, железные голени подогнулись под ним, скорбь его ужасная объяла, и вернулся он тут же домой, от стыда и печали роняя топазовые слезы, ибо был это рыцарь могущественный с душой, драгоценностей полной.

Предпоследний же, Матриций Перфорат, разумно взялся за дело. Слышал он о стране пигмалиантов, карликов работающих. У их конструктора рейсфедер на чертежной доске поскользнулся, вследствие чего из матрицовницы все до одного вышли они горбатыми уродами, но переделка не окупалась, и так оно и осталось. Эти карлики собирают знания, подобно тому, как иные собирают сокровища, почему и зовут их ловцами Абсолюта. Мудрость их на том основывается, что являются они коллекционерами знаний, а не их потребителями. К ним и отправился Перфорат, не с оружием, но на галеонах, палубы которых прогибались от даров великолепных; намеревался он купить расположение пигмалиантов нарядами, от позитронов кипящими, нейтроновым дождем пронизанными; вез он им также атомы золота в четыре кулака величиной и бутылки, в которых колыхались редчайшие ионосферы. Но презрели пигмалианты даже пустоту благородную, расшитую звездными спектрами прекраснейшими; тщетно Перфорат им и Токусом своим, разгневавшись, грозил, что, мол, натравит на них электрычащего. Дали они ему, наконец, проводника, но был тот проводник спрутом миллиардоруким и все направления сразу всегда показывал. Прогнал его Перфорат и пустил Токуса по следу бледнотников, но оказалось, что это был ложный след, ибо тем путем комета калиевая проходила, простодушный же Токус перепутал калий с кальцием, который в состав костяка бледнотников входит. Оттого ошибка произошла. Долго слонялся Перфорат среди солнц, все более темных, ибо в очень старую окрестность вселенной попал. Шел он сквозь анфилады пурпурных гигантов, пока не увидел, что его корабль вместе со свитой звезд молчащих в спиральном зеркале отражается, удивился и на всякий случай взял в руки

гасильник Суперновых, который купил у пигмелиантов, чтоб от чрезмерного зноя на Млечном Пути убе-речься; не знал он, на что смотрит, а был то узел пространства, его факториал теснейший, даже тамош-ним моноастеритам неизвестный: говорят они об этом лишь одно — кто туда попадет, уж обратно не вер-нется. Доныне неизвестно, что случилось с Матрицием в этой звездной мельнице; Токус его верный один домой примчался, тихонько воя в пустоту, и сапфиро-вые его глазищи таким страхом налились, что никто в них не мог заглянуть без содрогания. И ни корабля, ни гасильников, ни Матриция никто с тех пор не видел.

Последний, Эрг Самовозбудитель, тоже в одиночку собрался в путь. Год и шесть недель его не было. Вернувшись, рассказывал он о странах, никому не известных. Рассказывал Эрг о планете прозрачного льда — Аберриции, которая, как алмазная линза, картину всего космоса в себе заключает; там он и зарисовал пути, к стране бледнотников ведущие. Толковал он о стране вечного молчания, Семинарии Криотрической, где видел лишь ореолы звезд, отра-женные в нависающих глыбах глетчеров; о королев-стве разжиженных мармелоидов, которые выделяют из лавы кипящие безделушки; об электропневмати-ках, которые умеют заклинать разум в парах метана, в озоне, в хлоре, в дыме вулканов и все бьются над тем, как мыслящий гений в газ вделать. Рассказал Эрг, что для того, чтоб до страны бледнотников до-браться, пришлось ему высадить двери солнца, Голо-вой Медузы именуемого, и, сняв их с хроматических петель, пробежал он сквозь внутренность звезды, сквозь сплошные ряды огней, лиловых и голубовато-белых, и от жара на нем броня коробилась. Расска-зал, как тридцать дней силился отгадать слово, кото-рым приводится в действие катапульта астропроциа-новая, ибо лишь через ее посредство можно войти в холодный ад трясущихся существ. И как он очу-тился, наконец, среди них, а они поймать его сили-лись в ловушки клейкие; как обманывали его, пока-зывая уродливые звезды, но то было ложнонебо, ибо

настоящее небо они от него хитростью скрыли; как пытками добивались от него, каков его алгоритм, а когда он все выдержал, заманили его в засаду и прихлопнули магнетитовой скалой, а он в этой скале немедленно размножился в бесчисленное количество Эргов Самовозбудителей, крышку железную поднял, на поверхность вышел и строгий суд над бледнотниками чинил целый месяц и еще пять дней. И последним усилием бросили они на него чудища на гусеницах, но и это не помогло, ибо, неутомимый в ярости воинственной, резал он их, колол и рубил, и они сдались и бросили к его ногам подлеца-ключевладельца; Эрг же ему башку мерзкую отсек, и выпотрошил, и нашел в ней камень, трихобезоаром именуемый. На камне же была вырезана надпись, языком бледнотников хищным повествующая, где ключик находится. Шестьдесят семь солнц, белых, голубых и рубиново-красных, распорол Эрг, прежде чем, надлежащее открыв, ключик нашел.

О приключениях и битвах, которые были на обратном пути, Эрг и вспоминать не хотел, ибо тянуло его к королевне, да и с коронацией надо было поторопиться.

С великой радостью повела его королевская чета в покои дочери, которая молчала, как камень, погружившись в сон. Эрг склонился над ней, начал орудовать у открытого клапана, что-то вложил в него, покрутил, и тут же королевна, к восторгу матери, отца и придворных, открыла глаза и улыбнулась своему спасителю. Эрг закрыл клапан, заклеил его пластырем, чтоб не открывался, и сказал, что шурупчик он тоже нашел, но потом выронил во время схватки с Полихулигием Бортопоном, императором будкопургенов. Но никто на это не обратил внимания, а жаль, ибо убедилась бы королевская чета, что вовсе он никуда не отправлялся, ибо сызмальства владел искусством подбирать ключи к любому замку и благодаря этому смог завести королеву Электрину. Так что не испытал Эрг на самом деле ни одного из описанных им приключений, а всего только переждал год и шесть недель, чтоб не показалось подозритель-

ным слишком быстрое его возвращение, да и хотел он увериться, что никто из его соперников не вернется. Лишь тогда прибыл он ко двору короля Болিদара, королевну к жизни вернул, повенчался с ней и царствовал долго и счастливо, а обман его так и не обнаружился. Из чего сразу видно, что мы правду рассказали, а не сказку, ибо в сказках добродетель всегда побеждает.

КАК МИКРОМИЛ И ГИГАЦИАН РАЗБЕГАНИЮ ТУМАННОСТЕЙ НАЧАЛО ПОЛОЖИЛИ

Астрономы учат, что все на свете — туманности, галактики, звезды — бежит друг от друга во все стороны и от этого непрерывного убегания вселенная уже миллионы лет расширяется.

Многих весьма изумляет это повальное бегство, и, обращаясь мыслью вспять, приходят они к выводу, что когда-то, давным-давно, весь космос сосредоточен был в одной точке, вроде звездной капли, и по неведомым причинам произошел в ней взрыв, который продолжается поныне.

И когда они так рассуждают, охватывает их любопытство, что же могло быть до взрыва, и не могут они разгадать эту тайну.

А дело было так.

В предшествующей вселенной жили два конструктора, мастера несравненные в космогоническом ремесле, и не было вещи, которой они не могли бы сделать. Но ведь что бы там ни строить, сперва надо иметь план этой вещи, а план следует вымыслить, иначе откуда же его взять? И потому оба эти конструктора, Микромил и Гигациан, все совещались, каким бы образом дознаться, что еще можно сконструировать, кроме тех чудес, которые им приходят в голову.

— Изготовить я могу все, что придет мне в голову, — сказал Микромил, — но ведь не все в нее приходит. Это ограничивает меня, как и тебя, ибо не можем мы подумать обо всем, о чем возможно подумать, и может случиться так, что именно другая вещь, а не та, о которой мы подумали и которую делаем, окажется более достойной осуществления! Что ты скажешь об этом?

— Вероятно, ты прав, — ответил Гигацян, — но какой же тут выход?

— Что бы мы ни делали, мы делаем из материи, — сказал Микромил, — и в ней заложены все возможности; если задумаем дом, возведем дом, если хрустальный дворец — создадим дворец; если мыслящую звезду, пламенеющий разум вымыслим — и это сможем сконструировать. Однако больше есть возможностей в материи, нежели в головах наших; и следовало бы приделать материи уста, дабы сама она сказала нам, что еще можно создать из нее, что нам и в голову не приходило!

— Уста нужны, — согласился Гигацян, — но их недостаточно, ибо они то выражают, что разум в себе содержит. Итак, не только уста надлежит материи приделать, но и к мышлению ее приучить, и тогда уж навверное откроет нам она все свои тайны!

— Хорошо ты сказал, — одобрил Микромил. — Дело это достойно трудов. Понимаю я его так: поскольку все сущее является энергией, из нее-то и надо мышление строить, начиная с мельчайшего, то есть с кванта; заключить следует квантовое мышление в наименьшей клеточке, из атомов построенной, — значит, мы, как инженеры атомов, должны пустить дело в ход, не прекращая притом забот об уменьшении. Когда я смогу сто миллионов гениев насыпать себе в карман и они там легко поместятся, цель будет достигнута: размножатся эти гении, и тогда любая горстка мыслящего песка объяснит тебе не хуже, чем совет, из неисчислимого количества членов состоящий, что и как делать!

— Нет, не так, — возразил на это Гигацян. — Наоборот надлежит поступать, ибо все сущее являет-

ся массой. Изо всей массы вселенной следует посему один мозг построить, необычайной величины, мыслью полный; когда спрашивать его буду, все секреты мироздания он мне откроет, он один. Твой гениальный порошок — это урод бесполезный, ибо если каждое мыслящее зернышко будет свое говорить, ты потеряешься в этом и знаниями не обогатишься.

Слово за слово, жестоко поссорились конструкторы, и нечего уж было говорить о том, чтобы вместе им работать над этим заданием. Разошлись они, друг над другом насмехаясь, и каждый принялся за дело по-своему.

Микромил принялся кванты ловить, в атомные клеточки их запирает, а поскольку тесней всего было им в кристаллах, приучал он к мышлению алмазы, халцедоны, рубины — и с рубинами лучше всего получалось: столько он в них проворной энергии заключил, прямо искры сыпались. Но было у него немало и другой самомыслящей минеральной мелочи — зелено-расторопных изумрудов, желто-шустрых топазов; и все же красная мысль рубинов больше всего ему нравилась.

Пока Микромил трудился так в хоре пискливых малюток, Гигациан великанам посвящал свое время: величайшими усилиями подтягивал друг к другу солнца и целые галактики, расправлял их, смешивал, паял, соединял и, работая до упаду, создал космотитана, массой своей такого всеобъемлющего, что, кроме него, почти ничего уж и не осталось, только щелка, а в ней — Микромил со своими драгоценностями.

Когда оба они труд свой закончили, речь шла уж не о том, кто больше узнает тайн материи от созданного им существа, а лишь о том, кто из них был прав и лучше выбрал путь. И решили они устроить турнир соревновательный. Гигациан ждал Микромилу бок о бок с космотитаном своим, который на веки веков световых растянулся вдоль, ввысь и вширь, и тело у него состояло из темных пылевых облаков, дышал он излучением солнц, ноги и руки его были составлены из галактик, скрепленных гравитацией, голо-

ва — из ста триллионов железных метеоритов, а на ней — шапка косматая, пылающая, из шерсти солнечной. Когда настраивал Гигацян космотитана своего, пришлось ему бегать от ушей его к губам, и каждое такое путешествие продолжалось шесть месяцев.

Микромил же прибыл на поле боя один-одинешенек, с пустыми руками; был у него в кармане маленький рубин, который собирался он противопоставить колоссу.

Рассмеялся Гигацян, увидев это.

— Да что же скажет такая крошка? — спросил он. — Чем может быть ее знание против этой бездны мышления галактического, рассуждения туманного, где солнца с солнцами мыслями обмениваются, гравитация мощная их подкрепляет, взрывающиеся звезды замыслам блеск придают, а межпланетная тьма усиливает рассуждения?

— Вместо того чтоб свое хвалить да хвастаться, приступай лучше к делу, — ответил на это Микромил. — Или знаешь что? Зачем же нам эти свои создания спрашивать? Пускай они сами с собой поведут беседу соревновательную! Пускай мой гений микроскопический с твоим звездотитаном на ристалище этого турнира, где щитом будет мудрость, мечом же — мысль проворная!

— Пусть будет так, — согласился Гигацян.

И отошли они от созданий своих, чтобы те одни на поле боя остались.

Покружил-покружил во тьме рубин красный над океанами пустоты, в которых горы звезд плавали, над телом светящимся, неизмеримым и запищал:

— Эй ты, не в меру большой, нескладеха огненный, черт те что несоразмерное, да можешь ли ты вообще хоть что-нибудь подумать?!

Лишь через год дошли эти слова до мозга колосса, в котором небосводы, соединенные искусной гармонией, вращаться начали, и удивился он тогда словам дерзким и захотел увидеть, кто же это смеет к нему так обращаться. И начал он поворачиваться в ту сторону, с которой задали ему вопрос, однако прежде, чем повернулся он, два года минули. Глянул он

глазами-галактиками светлыми во тьму и ничего в ней не увидел, ибо рубина там давно уже не было — он из-за спины его попискивал:

— Ну, и увалень же ты, звезднооблачный мой, солнцеволосый, ну и лентяй же ты, разлентяй! Чем головой крутить солнцекосмой, скажи лучше, сможешь ли ты два к двум прибавить, прежде чем половина голубых гигантов в твоей тупой башке выгорит и от старости погаснет?

Разгневали эти насмешки бесстыдные космотитана, и начал он поворачиваться как только мог быстрее, ибо из-за спины вопрос ему задали; и вращался он все резвей, и кружились вокруг оси его тела млечные пути, и с разгона свертывались в спирали дотоле прямые ветви галактик, и закручивались звездные скопления, становясь шаровидными массами, и все солнца и планеты от этой спешки закрутились, как волчки подстегнутые; но прежде чем он на противника глазами засверкал, тот уже подтрунивал над ним с другой стороны.

Мчался смельчак-кристаллик все быстрее да быстрее, а космотитан тоже принялся кружиться да кружиться, но никак не мог за ним угнаться, хоть вертелся уже, как юла, и в конце концов так разогнался, с такой страшной быстротой начал вращаться, что ослабились пути гравитации, разошлись натянутые до предела швы тяготения, Гигацианом наложенные, полопались стежки электронного притяжения, и треснул вдруг и во все стороны разлетелся космотитан, спиральными галактиками-факелами круги описывая, млечные пути рассеивая, и эта центробежная сила породила разбегание галактик.

Микромил потом говорил, что победил он, ибо космотитан Гигациана рассыпался, не успев ровно ничего произнести. Однако Гигациан возражает, что целью соперничества было измерение не скрепляющей силы, а разума, и надлежало выяснить, кто из их созданий умнее, а не кто лучше в целостности удерживается. И что, поскольку это не имело ничего общего с предметом спора, Микромил обошел его и обманул позорно.

С той поры распря их еще усилилась. Микромил свой рубин ищет, который среди катастрофы куда-то запропастился, и все найти его не может, ибо куда ни посмотрит, увидит красный свет и сейчас же мчится туда, но это лишь свет убегающих галактик краснеет от старости, так что он снова ищет, и все напрасно. Гигациан же старается гравитациями-канатами, лучами-нитями лопнувшего своего космотитана сшить, вместо иглы применяя самое жесткое излучение. Но что он ни сошьет, все сразу у него лопается, ибо такова страшная сила раз начавшегося разбегания туманностей. И ни тот, ни другой не смогли у материи ее тайн выведать, хоть и разуму ее научили и уста ей приделали, ибо, прежде чем дошло до решающего разговора, случилось то несчастье, что неразумные, в неведении своем, сотворением мира именуют.

Ибо в действительности это лишь космотитан гигациановский лопнул вдребезги из-за рубинчика микромиловского и так разлетелся, что поныне летит во все стороны. А если кто этому не верит, так пускай ученых спросит, — разве это не правда, что все, что ни на есть в космосе, неустанно кружится, как волчок, ибо от этого вихревого кружения все и началось.

РОБЕРТ ШЕКЛИ
(США)

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ

Альфред Саймон родился на Казанге IV, небольшой сельскохозяйственной планете неподалеку от Арктура, и здесь он водил свой комбайн по пшеничным полям, а в долгие тихие вечера слушал записи любовных песенок Земли.

Жилось на Казанге неплохо. Девушки тут были милостивы, веселы, не ломаки, отличные товарищи, верные подруги жизни. Но совершенно не романтичны! Развлекались на Казанге открыто, живо, весело. Однако, кроме веселья, ничего больше не было.

Саймон чувствовал, что в этом спокойном существовании ему чего-то не хватает. И однажды он понял, чего именно.

На Казангу прибыл в своем потрепанном космолете, груженном книгами, какой-то торговец. Он был тощий, белобрысый и немного не в своем уме. В его честь устроили празднество, потому что на дальних мирах любили новинки.

Торговец рассказал все последние слухи: о войне цен между Детройтом II и Детройтом III, о том, как ловят рыбу на Алапе, что носит жена президента на Морации и как смешно разговаривают люди с Дорана V. И, наконец, кто-то попросил:

— Расскажите нам о Земле.

— О! — сказал торговец, подняв брови. — Вы хотите услышать про планету-мать? Что ж, друзья, такого местечка во вселенной, как старая Земля, нигде нет. На Земле, друзья, все дозволяется, ни в чем отказа нет.

— Ни в чем? — переспросил Саймон.

— Вы специализируетесь на сельском хозяйстве? Ну, а Земля специализируется на всяких несообразностях... таких, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужас и тому подобное. И люди отправляются за десятки световых лет, чтобы попробовать эти продукты.

— И любовь? — спросила одна из женщин.

— Конечно, милая, — ласково сказал торговец. — Земля — единственное место в Галактике, где до сих пор существует любовь! На Детройте II и Детройте III попробовали практиковать любовь, но нашли ее слишком дорогим удовольствием. На Алане решили не смущать умы, а импортировать ее на Морацию и Доран V просто не хватило времени. Но, как я уже говорил, Земля специализируется на несообразностях, и они приносят доход.

— Доход? — переспросил толстый фермер.

— Конечно! Земля — старая планета, недра и почва ее истощены. Колонии ее ныне независимы, на них живут трезвые люди вроде вас. Они хотят выгодно продавать свои товары. Так чем же еще может торговать старушка Земля, как не пустяками, ради которых стоит жить?

— А вы любили на Земле? — спросил Саймон.

— Любил, — с какой-то угрюмостью ответил торговец. — Любил, а теперь путешествую. Друзья, эти книги...

За непомерную цену Саймон приобрел сборник древней поэзии и, читая его, мечтал о страсти под сумасшедшей луной, о телах, прильнувших друг к другу на темном морском берегу, о первых лучах солнца, играющих на запекшихся губах любовников, оглушенных громом прибою.

И это возможно было только на Земле! Потому что, как говорил торговец, детям Земли, разбросан-

ным по дальним краям, приходилось слишком много работать, чтобы заставить чужую землю давать им средства к существованию. На Казанге выращивали пшеницу и кукурузу, а на Детройтах II и III выросли заводы. Добыча рыбы на Алане славилась на весь Южный звездный пояс. На Морации водились опасные звери, а дикие просторы Дорана V еще только предстояло покорить. И все было так, как тому и следовало быть.

На новых мирах жизнь вели суровую, тщательно распланированную, безупречную. Но что-то было потеряно в мертвых пространствах космоса. Только Земля знала любовь.

Вот почему Саймон работал, копил и мечтал. И на двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в удобный чемоданчик, надел свой лучший костюм и пару крепких башмаков и оказался на борту лайнера «Казанга — Метрополия».

В конце концов он прибыл на Землю, где мечты его должны были непременно осуществиться, ибо это гарантировал закон.

Он быстро прошел таможенный осмотр на нью-йоркском космодроме и пригородной подземкой доехал до Таймс-сквер. Здесь он вышел на поверхность, мигая от яркого солнца и крепко стискивая ручку чемоданчика, так как его предупредили о карманниках и иных обитателях города.

Затаив дыхание, он с удивлением осматривался.

Первое, что его поразило, это великое множество заведений с аттракционами в двух, трех, четырех измерениях, на вкус любых зрителей. И каких аттракционов!

Справа от него надпись на огромном шатре возвещала: «ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КАДРЫ О СЕКСУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ ЗЕЛЕННОГО АДА! ПОТЯСАЮЩИЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ!»

Ему захотелось войти. Но на другой стороне улицы показывали военный фильм. Реклама кричала: «ПОЖИРАТЕЛИ СОЛНЦ! ПОСВЯЩАЕТСЯ СОРВИГОЛОВАМ ИЗ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА!»

А дальше манила картина: «ТАРЗАН СРАЖАЕТСЯ С ВАМПИРАМИ САТУРНА!»

Он вспомнил, что в книгах говорилось о Тарзане как о языческом герое Земли.

Все это было удивительно, но впереди его ожидало еще столько необыкновенного!

Саймон не знал, с чего начать. Вдруг он услышал позади дробный грохот пулеметной очереди и резко обернулся.

Это был всего-навсего тир, длинное, узкое, весело раскрашенное помещение с высокой стойкой. Управляющий тиром, смуглый толстяк с ямочкой на подбородке, сидел на высоком табурете и улыбался Саймону:

— Попробуйте счастья?

Саймон вошел и увидел, что в противоположном конце тира на изрешеченных пулями табуретах сидели четыре весьма легко одетые женщины. На лбу и на груди каждой из них было нарисовано по «яблочку».

— Разве вы стреляете настоящими пулями? — спросил Саймон.

— Конечно, — сказал управляющий. — На Земле существует закон, запрещающий рекламировать товар, который фирма не может продать. Настоящие пули и настоящие девчонки! Становитесь и хлопните одну!

— Давай, дружище! Держу пари, что тебе в меня не попасть! — крикнула одна из женщин.

— Ему не попасть даже в космолет! — подзадорила другая.

— Где ему! Давай, дружище!

Саймон провел рукой по лбу и попытался вести себя так, словно в том, что он увидел, не было ничего удивительного. В конце концов это Земля, где все дозволено, когда того требуют интересы коммерции.

— А есть тир, где стреляют в мужчин? — спросил он.

— Конечно, — ответил управляющий. — Но вы не охотник до мужчин, не правда ли?

— Конечно, нет!

— Вы инопланетец?

— Да. А как вы узнали?

— По костюму. Я всегда узнаю по костюму. — Толстяк закрыл глаза и заговорил нараспев: — Встаньте, встаньте сюда, убейте женщину! Не сдерживайте своих импульсов! Нажмите на спусковой крючок, и вы почувствуете, как застарелый гнев улетучивается! Это лучше массажа! Лучше, чем напиться допьяна! Становитесь, становитесь и убейте женщину!

— А вы так и остаетесь мертвой, когда вас убивают? — спросил Саймон одну из девушек.

— Не говорите глупостей, — сказала девушка.

— Но...

— Бывает и хуже, — добавила девушка, пожав плечами.

Саймон было спросил, что же бывает хуже, но управляющий перегнулся к нему через стойку и сказал доверительно:

— Слушай, парень. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за стойку и увидел небольшой автомат.

— До смешного дешево, — сказал управляющий. — Я тебе дам пострелять из автомата. Стреляй, куда хочешь, разнеси вдребезги все оборудование, изрешети стены. Сорок пятый калибр, вот такая дыра от каждой пули. Уж когда стреляешь из автомата, то действительно чувствуешь, что стрельба идет настоящему.

— Неинтересно, — твердо сказал Саймон.

— Могу предложить гранату, даже две. Осколочные, конечно. Если ты действительно хочешь...

— Нет!

— За хорошую цену, — сказал управляющий, — ты можешь застрелить меня, если уж у тебя такой вкус, хотя, я думаю, тебя не это интересует.

— Нет! Никогда! Это ужасно!

Управляющий посмотрел ему прямо в глаза:

— Не в настроении сейчас? Ладно. Мое заведение открыто круглые сутки. Увидимся позже, парень.

— Никогда! — сказал Саймон, выходя из тира.

— Мы ждем тебя, милый! — крикнула вслед ему одна из женщин.

Саймон подошел к стойке с напитками и заказал стаканчик кока-колы. Он увидел, что руки его дрожат. Усилием воли заставив себя успокоиться, он стал потягивать напиток. Саймон напомнил себе, что не следует судить о Земле по нормам поведения на собственной планете. Если людям на Земле нравится убивать и жертвы не возражают, то к чему протестовать?

Или надо?

— Привет, малый! — донесся сбоку голос, который вывел его из задумчивости.

Саймон обернулся и увидел коротышку с серьезным и многозначительным выражением лица, который стоял рядом, утопая в большом, не по росту плаще.

— Не здешний? — спросил коротышка.

— Да, — ответил Саймон. — А как вы узнали?

— По ботинкам. Я всегда узнаю по ботинкам. Как тебе нравится наша планетка?

— Она... необычна, — осторожно сказал Саймон. — Я хочу сказать, что не ожидал... ну...

— Конечно, — сказал коротышка. — Ты идеалист. Стоило мне бросить взгляд на твое честное лицо, и я увидел это, дружище. Ты прибыл на Землю с определенной целью. Я прав?

Саймон кивнул.

— Я знаю твою цель, — продолжал коротышка. — Тебе хочется принять участие в войне, которая для чего-то там спасет мир, и ты прибыл как раз туда, куда надо. У нас во всякое время ведется шесть основных войн, и каждый может в любой момент сыграть важную роль в одной из них.

— Простите, но....

— Как раз сейчас, — внушительно сказал коротышка, — угнетенные рабочие Перу ведут отчаянную революционную борьбу. Достаточно одного человека, чтобы перетянуть чашу весов! Ты, дружище, и можешь стать этим человеком! — Увидев выражение лица Саймона, коротышка быстро поправился: — Но

можно привести немало доводов и в пользу просвещенной аристократии. Мудрый старый правитель Перу (правитель-философ в глубочайшем, платоновском смысле этого слова) очень нуждается в твоей помощи. Его небольшое окружение — ученые, гуманисты, швейцарская гвардия, дворянство и крестьяне — тяжело страдает от заговора, вдохновленного иностранной державой. Один человек...

— Меня это не интересует, — сказал Саймон.

— Может, тебя влечет к мелким группам вроде феминистов, сторонников «сухого закона» или обращения серебряной монеты? Мы можем устроить...

— Я не хочу войны, — сказал Саймон.

— Мне понятно твое отвращение, — сказал коротышка, быстро закивав головой. — Война ужасна. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

— А как вы узнали? — спросил Саймон.

Коротышка скромно улыбнулся.

— Любовь и война, — сказал он, — вот основные предметы земной торговли. Исполнок веков они приносят нам отличный доход.

— А очень трудно найти любовь? — спросил Саймон.

— Ступай к центру, это в двух кварталах отсюда, — живо ответил коротышка. — Мимо не пройдешь. Скажи там, что тебя прислал Джо.

— Но это невозможно! Нельзя же так выйти и...

— Что ты знаешь о любви? — спросил Джо.

— Ничего.

— Ну, а мы знатоки в этом деле.

— Я знаю то, что говорят книги, — сказал Саймон. — Страсть под сумасшедшей луной...

— Конечно, и тела, прильнувшие друг к другу на морском берегу.

— Вы читали эту книгу?

— Это обыкновенная рекламная брошюрка. Мне надо идти. В двух кварталах отсюда.

И, вежливо поклонившись, Джо исчез в толпе.

Саймон допил кока-колу и побрел по Бродвею. Он крепко задумался, но потом решил не делать преждевременных выводов.

Дойдя до 44-й улицы, он увидел колоссальную, ярко сверкавшую неоновую вывеску. На ней значилось: «ЛЮБОВЬ, ИНКОРПОРЕЙТЕД».

Более мелкие неоновые буквы гласили: «Открыто круглосуточно!»

И еще ниже: «На втором этаже».

Саймон нахмурился, страшное подозрение пришло ему в голову. Но все же он поднялся по лестнице и вошел в небольшую со вкусом обставленную приемную. Оттуда его послали в длинный коридор, сказав номер нужной комнаты.

В комнате был красивый седовласый человек, который встал из-за внушительного письменного стола, протянул Саймону руку и сказал:

— Здравствуйте! Как дела на Казанге?

— А как вы узнали, что я с Казанги?

— По рубашке. Я всегда узнаю по рубашке. Меня зовут мистер Тейт, и я здесь, чтобы сделать для вас все, что в моих силах. Вы...

— Саймон. Альфред Саймон.

— Пожалуйста, садитесь, мистер Саймон. Хотите сигарету? Выпить что-нибудь? Вы не пожалеете, что обратились к нам, сэр. Мы старейшая фирма в области любовного бизнеса, и гораздо более крупная, чем наш ближайший конкурент «Страсть, анлимитед». Более того, стоимость услуг у нас более умеренная, и товар вы получите высококачественный. Позвольте спросить вас, как вы узнали о нас? Вы видели нашу большую рекламу в «Таймсе»? Или...

— Меня прислал Джо, — сказал Саймон.

— А, энергичный человек! — сказал мистер Тейт, весело покрутив головой. — Ну, сэр, нет причин откладывать дело. Вы проделали большой путь ради любви, и вы будете иметь любовь.

Он потянулся к кнопке, вделанной в стол, но Саймон остановил его, сказав:

— Я не хочу быть невежливым, но...

— Я вас слушаю, — сказал мистер Тейт с ободряющей улыбкой.

— Я не понимаю этого, — выпалил Саймон, сильно покраснев. На лбу его выступили капельки пота. —

Кажется, я попал не туда. Я не для того проделал путь на Землю, чтобы... Я хочу сказать, что на самом деле вы не можете продавать любовь. Ведь не можете? Что угодно, но только не любовь! Я хочу сказать, что это не настоящая любовь.

— Что вы! Конечно, настоящая! — приподнявшись от удивления со стула, сказал мистер Тейт. — В этом то все и дело! Сексуальные удовольствия доступны всякому. Бог мой, это же самая дешевая штука во всей вселенной после человеческой жизни. Но любовь — редкость, любовь — особый товар, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

— Тела на темном морском берегу? — спросил Саймон.

— Да, она самая. Я написал ее. В ней говорится о чувстве, не правда ли? Это чувство нельзя испытывать к кому угодно, мистер Саймон. Это чувство можно испытать только по отношению к тому, кто любит вас.

— И все же, разве вы предлагаете настоящую любовь? — задумчиво произнес Саймон.

— Конечно, настоящую! Если бы мы продавали поддельную любовь, мы бы так ее и называли. Законы в отношении рекламы на Земле очень строги, уверяю вас. Можно продавать что угодно, но не обманывать потребителей. Это вопрос этики, мистер Саймон!

Тейт перевел дух и продолжал более спокойно:

— Нет, сэр, здесь нет никакой ошибки. Мы не предлагаем заменителей. Это то самое чувство, которое воспевали поэты на протяжении тысячелетий. С помощью чудес современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше распоряжение, когда вам будет угодно, в приятной упаковке и за смешотворно низкую цену.

— Я думал, что оно более... неожиданное.

— В неожиданности есть своя прелесть, — согласился мистер Тейт. — Наши исследовательские лаборатории работают над этой проблемой. Поверьте мне,

нет ничего такого, что наука не могла бы создать, пока существует спрос.

— Мне все это не нравится, — сказал Саймон, встав со стула. — Лучше я пойду посмотрю кино.

— Погодите! — закричал мистер Тейт. — Вы думаете, что мы пытаемся навязать вам что-то. Вы думаете, что мы познакомим вас с девушкой, которая будет вести себя так, словно любит вас, а на самом деле притворяется. Так?

— Возможно, что и так.

— А вот как раз и не так! Во-первых, это было бы слишком дорого. Во-вторых, амортизация девушки была бы колоссальной. Жизнь, исполненная лжи такого масштаба, привела бы ее к тяжелому психическому расстройству.

— Тогда как же вы делаете это?

— Мы используем наши научные знания законов человеческого мышления.

Для Саймона это было китайской грамотой. Он двинулся к двери.

— Одно слово, — сказал мистер Тейт. — На вид вы смысленный молодой человек. Неужели вы не сможете отличить настоящую любовь от подделки?

— Конечно, смогу.

— Вот вам и гарантия! Если вы будете не удовлетворены, не платите нам ни цента.

— Я подумаю.

— Зачем откладывать? Ведущие психологи говорят, что настоящая любовь укрепляет нервную систему и восстанавливает душевное здоровье, успокаивает ущемленное самолюбие, упорядочивает баланс гормонов и улучшает цвет лица. В любви, которую мы продаем вам, есть все: глубокая и постоянная привязанность, несдерживаемая страсть, полная преданность, почти мистическое обожание как ваших недостатков, так и достоинств, искреннее желание делать приятное. И в дополнение ко всему этому только фирма «Любовь, инкорпорейтед» может продать вам ослепительный миг любви с первого взгляда!

Мистер Тейт нажал кнопку. Саймон не мог бы ничего сказать о ее лице — глаза его застлали слезы.

И если б его спросили о ее фигуре, он убил бы спрашивающего.

— Мисс Пенни Брайт, — сказал мистер Тейт, — познакомьтесь с мистером Альфредом Саймоном.

Девушка пыталась заговорить, но не могла произнести ни слова. И Саймон тоже лишился дара речи. Стоило ему взглянуть на нее, и он понял все. Он сердцем чувствовал, что любим по-настоящему, беззаветно.

Они сразу же рука об руку вышли, сели в реактивный вертолет и приземлились у маленького белого коттеджа, который стоял в сосновой роще на берегу моря. Они разговаривали, смеялись и ласкали друг друга, а позже в зареве лучей заходящего солнца Пенни показалась Саймону богиней огня. В голубоватых сумерках она взглянула на него своими огромными темными глазами, и ее знакомое тело снова стало загадочным. Взошла луна, яркая и сумасшедшая, превратившая плоть в тень...

И, наконец, наступил рассвет, забрезжили слабые и тревожные лучи солнца, играя на запекшихся губах и телах, прильнувших друг к другу, а рядом гром прибоя оглушал, доводил до безумия.

*

В полдень они вернулись в контору фирмы «Любовь, инкорпорейтед». Пенни стиснула его руку и исчезла за дверью.

— Это была настоящая любовь? — спросил мистер Тейт.

— Да!

— И вы полностью удовлетворены?

— Да! Это была любовь, самая настоящая любовь! Но почему она настаивала на том, чтобы мы вернулись?

— Наступило постгипнотическое состояние, — сказал мистер Тейт.

— Что?

— А чего вы ожидали? Всякий хочет любви, но немногие могут заплатить за нее. Пожалуйста, вот ваш счет, сэр.

Саймон раздраженно отсчитал деньги.

— В этом не было необходимости, — сказал он. — Я, безусловно, заплатил бы за то, что нас познакомили. Где она теперь? Что вы с ней сделали?

— Пожалуйста, попытайтесь успокоиться, — уговаривал мистер Тейт.

— Я не хочу успокаиваться! — кричал Саймон. — Я хочу видеть Пенни!

— Это невозможно, — ледяным тоном произнес мистер Тейт. — Будьте любезны, прекратите эту сцену.

— Вы хотите выкачать из меня побольше денег? — вопил Саймон. — Ладно, я плачу. Сколько я должен заплатить, чтобы вырвать ее из ваших лап?

Саймон выхватил бумажник и швырнул его на стол.

Мистер Тейт ткнул в бумажник указательным пальцем.

— Положите это к себе в карман, — сказал он. — Мы старая и уважаемая фирма. Если вы еще раз повысите голос, я буду вынужден удалить вас отсюда.

Саймон с трудом подавил гнев, сунул бумажник в карман и сел. Глубоко вздохнув, он спокойно сказал:

— Простите.

— Так-то лучше. Я не позволю кричать на себя. Но если вы будете благоразумны, я могу выслушать вас. Ну, в чем дело?

— Дело? — снова повысил голос Саймон. Потом постарался взять себя в руки и сказал: — Она любит меня.

— Конечно.

— Тогда как же вы могли разлучить нас?

— А какое отношение имеет одно к другому? — спросил мистер Тейт. — Любовь — это восхитительная интерлюдия, отдохновение, полезное для интеллекта, для баланса гормонов, для кожи лица. Но вряд ли кто-нибудь пожелал бы продолжать любить, не так ли?

— Я пожелал бы, — сказал Саймон. — Эта любовь необыкновенная, единственная...

— Вы, конечно, знаете о механике производства любви?

— Нет, — сказал Саймон. — Я думал, эта была... естественная.

Мистер Тейт покачал головой.

— Мы отказались от процесса естественного выбора много веков тому назад, вскоре после Технической революции. Он слишком медленен и для коммерции непригоден. К чему он, если мы можем производить любое чувство путем тренировки и стимулирования определенных мозговых центров? И какой результат? Пенни влюбляется в вас по уши! Ваша собственная склонность (как мы прикинули) именно к ее соматическому типу сделала чувство полным. Мы всегда пускаем в ход темный морской берег, сумасшедшую луну, бледный рассвет...

— И ее можно заставить полюбить кого угодно? — медленно произнес Саймон.

— Можно убедить полюбить кого угодно, — поправил мистер Тейт.

— Господи, как же она взялась за эту ужасную работу? — спросил Саймон.

— Как обычно. Она пришла и подписала контракт. Работа очень хорошо оплачивается. И по истечении срока контракта мы возвращаем ей первоначальную индивидуальность. Неизменившуюся! Но почему вы называете эту работу ужасной? В любви нет ничего предосудительного.

— Это была не любовь!

— Нет, любовь! Товар без подделки! Незаинтересованные научные фирмы провели качественный анализ, сравнив ее с естественным чувством. Все проверки показали, что наша любовь более глубока, страстна, пылка, полна.

Саймон зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

— Послушайте. Мне наплевать на ваш научный анализ. Я люблю ее, она любит меня, а все остальное не имеет значения. Позвольте мне поговорить с ней! Я хочу жениться на ней!

От отвращения у мистера Тейта сморщился нос.

— Полноте, молодой человек! Вы хотите жениться на такой девушке! Если ваша цель — брак, то такими делами мы тоже занимаемся. Я могу устроить вам идиллическую женитьбу по любви почти с первого взгляда на девственнице, обследованной чиновником правительственного надзора...

— Нет! Я люблю Пенни! Позвольте хоть поговорить с ней!

— Это совершенно невозможно, — сказал мистер Тейт.

— Почему?

Мистер Тейт нажал кнопку на своем столе.

— Что вы еще выдумали? Мы уже стерли предыдущее внушение. Пенни теперь любит кого-нибудь другого.

И тогда Саймон понял. До него дошло, что даже в этот момент Пенни глядит на другого мужчину с той страстью, которую познал он сам, испытывает к другому мужчине ту полную и безбрежную любовь, которую незаинтересованные научные фирмы сочли более сильной, нежели старомодный, коммерчески невыгодный естественный выбор, и проводит время на том темном морском берегу, который упомянут в рекламной брошюре...

Он бросился вперед, чтобы задушить мистера Тейта, но два дюжих служителя ворвались в комнату, схватили его и повели к двери.

— Помните! — крикнул ему вслед Тейт. — Это ни в коем случае не обесценивает того, что вы пережили!

При всей своей озлобленности Саймон понимал, что Тейт сказал правду.

Потом он очутился на улице.

Сначала у него было одно желание — бежать с Земли, где коммерческих несообразностей больше, чем может позволить себе нормальный человек. Он шел очень быстро, и ему казалось, что Пенни шла рядом и ее лицо было удивительно красивым от любви к нему, и к нему, к нему, и к тебе, и к тебе.

— Попытаете счастья? — спросил управляющий.

— А ну-ка, поставьте их! — сказал Альфред Саймон.

МЯТЕЖ ШЛЮПКИ

— Выкладываете по совести, видели вы когда-нибудь машину лучше этой? — спросил Джо, по прозвищу Космический старьевщик. — Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а... — с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус! — любовно поглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо. — Держу пари, ему не меньше пятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что компании «Межпланетная служба обеззараживания ААА Ас», невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо, — произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства. — Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядит неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят, — вздохнул Джо. — А двигатель — просто чудо, его не повредишь механическим молотом.

— Выглядит-то она хорошо, — процедил Грегор.

Фирма «ААА Ас» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучивать.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! — продолжал Грегор вызывающе. — Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия.

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

*

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, звучал у него в голове:

— Я, спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

— Телепатия? — поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей, — сказал Джо, горделиво улыбаясь. — Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — слышалось снова. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здравьи. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничто не может быть безопаснее! — воскликнул Джо. — Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она заботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем, — выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете, — подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору оставалось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эта планета, расположенная в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, была недавно куплена торговцем недвижимостью. По его мнению, она была почти

идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не было ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента был всего лишь до коленей. Вся беда была в том, что суша не выступала из воды, и компания «ААА Ас» была приглашена специально для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор приготовил сэндвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только стало совсем светло, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку «один».

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — услышали они. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здравье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку «два».

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине трюма послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно, — произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз. Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание, — сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удаляющуюся береговую линию. И ему стало слегка страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и, что самое скверное, — на пуль-

те управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически, — с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал: — Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

— Прямо! Полный вперед! — раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустое море.

*

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу: подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того, как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно даже для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум после полудня Грегор решил, что для первого дня сделано достаточно. Приятели съели сэндвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность, — сказал Арнольд. — Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось? — поинтересовался Грегор.

— Возможно, это сделали, когда списывали, — пожал плечами Арнольд. — Ремонт не займет много времени.

Он снова пополз в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в машинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь, — попросил он.

— Может быть, не стоит, ведь мы почти у цели.

— Ну что ж... Все равно неплохо, если она порабатывает, как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили полдюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь похоже на дело, — сказал Арнольд.

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — опять сообщила лодка, — в настоящий момент я полностью активизирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои действия, как психологического, так и физического характера, запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли? — заметил Арнольд.

— Еще бы! — ответил Грегор. — Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль, — спросил Арнольд, — что она болтает?

— ...вскарabкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полумертвые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...оглушенные, израненные, упавшие духом... — закончила шлюпка. — Вероятно, вы испугались немного, — продолжала она уже несколько мягче. — Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война, война — жестокая вещь. У нас не было другого выбора, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе, — заметил Грегор. — Может, это просто сценарий древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что нам придется как следует ее проверить, — решил Арнольд, — невозможно целый день слушать всю эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

— В чем дело? — спросил Грегор.

— Я осматриваю остров, — отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор обменялись взглядами.

— Лучше с ней не спорить, — прошептал Арнольд. Лодке же он сказал: — Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно, — согласилась лодка, — однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком ограничены и слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст! — заорал Грегор.

— Я вижу чужой космический корабль, — отвечала шлюпка. — На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага, — уверенно заявил Арнольд, потому что он сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — то вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дремлет, ослепленный своими эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на незанятость этого стратегически важного клочка суши, на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно! — перебил Грегор. Его мутило от спора с болтливой и эгоистичной машиной. — Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить, — сказала шлюпка. — Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Придите в себя, джентльмены, — сурово сказала шлюпка. — Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы теперь направляемся? — спросил Грегор.

— На воссоединение с флотом Дрома, — сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента. — Конечно, как только я найду его, — добавила лодка.

Была поздняя ночь. Грегор и Арнольд сидели в углу каюты, жадно поглощая последний сэндвич. Спасательная шлюпка все еще бешено мчалась по волнам; ее электронные органы чувств были настроены. Она разыскивала флот, который существовал на иной планете пять столетий тому назад.

— Ты слышал что-нибудь об этих дромитах? — поинтересовался Грегор.

Арнольд порылся в своей памяти, хранившей массу разнообразнейших фактов, и ответил:

— Они не принадлежат к человеческой расе. Продукт эволюции ящеров. Населяли шестую планету маленькой системы, недалеко от Капеллы. Раса исчезла больше века тому назад.

— А хгены?

— Тоже ящеры, та же история, — Арнольд отыскал в кармане крошку хлеба и отправил ее в рот. — Эта война не имела большого значения. Все участники исчезли, кроме этой шлюпки, очевидно.

— А мы? — напомнил Грегор. — Нас, по всей вероятности, считают воинами их планеты. — Он устало вздохнул. — Как ты полагаешь, сумеем мы переубедить эту старую посудину?

Арнольд с сомнением покачал головой.

— Я не вижу путей. Для этой шлюпки война не кончена. Всю информацию она может обрабатывать, только исходя из этой посылки.

— Возможно, она и сейчас нас слушает, — сказал Грегор.

— Не думаю. Она не может по-настоящему читать мысли. Ее рецепторы настроены лишь на мысли, обращенные непосредственно к ним.

— Йес, сэры, — горько передразнил Грегор, — теперь таких больше не строят!

Как ему хотелось, чтобы Джо — Космический старьевщик сейчас попался к нему в руки.

— В самом деле, положение довольно интересное, — произнес Арнольд. — Я мог бы сочинить хорошую статью для «Популярной кибернетики». Имеется

машина, обладающая почти непогрешимыми приборами для приема всех внешних возбуждений, сигналы, принимаемые ею, преобразуются в действие. Беда лишь в том, что вся логика действий построена для исчезнувших условий. Поэтому можно сказать, что эта машина не что иное, как жертва запрограммированной системы галлюцинаций.

Грегор зевнул.

— Думаю, шлюпка просто свихнулась, — сказал он довольно грубо. — Факт. Думаю, что самый правильный диагноз — паранойя. Однако это скоро кончится.

— Почему? — спросил Грегор.

— Это же очевидно, — сказал Арнольд. — Главная задача лодки — сохранить нам жизнь. Значит, она должна нас кормить. Сандвичи кончились, а вся остальная пища находится на острове. Поэтому я предполагаю, что она все же рискнет туда вернуться.

*

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, в ближайших районах противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь? — сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем. — Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение моему предположению. — И он обратился к шлюпке: — Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— Покорми нас, — потребовал Грегор.

— Безусловно, — ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать? — спросил Грегор.

— Это гизель, — сказала лодка, — любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью различными способами.

Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем есть это!

— Конечно, можете, — сказала шлюпка успокаивающе. — Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля в день и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья попятись.

— Слушай, ты! — Арнольд заговорил с лодкой. — Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам! — завопил Грегор. — Или я разберу тебя гайка за гайкой!

— Угрозы не беспокоят меня, — начала шлюпка безмятежно. — Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, что ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей? — поперхнулся Грегор.

— Для дромитов, — напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо, — продолжала спасательная шлюпка, — я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше, — поспешно заявил Грегор. — Этот гизель выглядит очень аппетитно, не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно! — содрогнувшись, выдавил Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля, — сообщила шлюпка

с простительной гордостью. — Ничего не жаль для наших защитников. Попробуйте немного.

Грегор захватил горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно! — сказал он в надежде, что внутренние рецепторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно, — сказала шлюпка. — А сейчас я направляюсь к острову. И я обещаю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом? — спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразительно, что вы до сих пор не потеряли сознания. Любой другой дромит не выдержал бы этого. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню наш Национальный Гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки, торопящейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

*

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начинал сковывать конечности. Его клонило ко сну. Надо иметь особое везение, чтобы замерзнуть внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так бывает, если вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, к чему все это идет. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он вертолет». «Ага... — понимающе произнес главный. — Мания по-

лета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надорвался на жесткой трубе». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!» — хихикнул он.

— Проснись! — окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами. — Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель, — сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля, и никаких.

Слой инея быстро рос на трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты. Стены покрывались изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея, — осторожно сказал Арнольд. Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал в ухо Грегору.

— Надо попробовать, — сказал Грегор.

Они поднялись на ноги. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать? — резко спросила шлюпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно, — с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Принужденно усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно, — предупредила лодка. — Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны, — сказал Грегор. — Канистра будет доставлена в штаб. — Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенов, — сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

— В самом деле? — удивилась шлюпка. — Интересная идея. Новое использование...

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на палубу.

— Неважный удар, старик, — сказал Арнольд.

— Что я наделал! — воскликнул Грегор.

— Мне следовало принять меры предосторожности против таких случайностей, — грустно промолвила шлюпка. — Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров... — начал Арнольд.

— Невозможно, — прервала его шлюпка. — Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

— Что это за место?

— Южная полярная шапка, — ответила лодка. — Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. И, как бы извиняясь, лодка добавила:

— И, конечно, я обязана принять меры против любых внутренних неполадок.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их кабину.

— Теперь думай, — сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается, — отвечал Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— А не думаешь ли ты, что мы сможем просто выпрыгнуть за борт? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если

бы ты еще не покорезжил охладительные трубы, у нас бы оставался шанс.

— Конечно, — с горечью протянул Грегор. — Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я отчетливо помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе чем на пять футов, — сказал Арнольд, вспоминая удар, котсрый он получил у пульта управления.

— Да-а, — Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начинала постепенно вырисовываться у него в уме. — Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...

В это время лодка объявила:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд не далее как в ста ярдах увидели остров. На фоне пробуждающейся зари вырисовывался израненный, но такой родной корпус их корабля.

— Местечко привлекательное, — сказал Арнольд.

— Безусловно, — согласился Грегор. — Держу пари, что наши войска сидят в подземных убежищах.

— Ничего подобного, — возразила лодка. — Я исследовала поверхность на глубине сто футов.

— Так, — сказал Арнольд. — При существующих обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.

— Остров пуст, — настаивала лодка. — Поверьте мне, мои органы чувств гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и жароупорные, как вы.

— Нам этот климат по душе, — сказал Арнольд.
— Воистину слова патриота, — сердечно произнесла лодка. — Я знаю, как вы сейчас страдаете. Но теперь я направляюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

*

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хоть он и не был до конца разработан.

— В этом нет необходимости, — сказал он.

— Что-о?

— Мы действуем по специальному приказу, — доверительно начал Грегор. — Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...

— Да-да, исходя из обстоятельств, — живо подхватил Арнольд, — мы тебе расскажем.

— Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить этот остров до подхода главных сил дромитов.

— Я этого не знала, — сказала лодка.

— Тебе и не положено было знать. Ведь ты не больше чем простая спасательная шлюпка, — сказал ей Арнольд.

— Немедленно высади нас, — приказал Грегор. — Промедление невозможно.

— Вам следовало сказать мне об этом раньше, — ответила шлюпка. — Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось невыносимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была от них всего в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет, — сказала она.

— Что нет?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит? — заорал Арнольд. — Это война! Приказы...

— Я знаю, — печально произнесла шлюпка. — Очень сожалею, но для этой миссии надо было выбрать другой тип судна. Любой другой тип, но не спасательную шлюпку.

— Но ты должна, — умолял Грегор. — Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать мой экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

*

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал за это! — взвизнул Арнольд истерично. — И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в заранее отведенных мне границах, — так же грустно сказала лодка. — Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набирала скорость, и остров быстро удалялся. Арнольд бросился к пульту управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор тем временем схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно он остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать, — умоляла лодка. — Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно, — подумал Грегор, — но в конце концов и южный полюс — верная смерть». Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход. — Он выпил глоток воды и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо! — пронзительно закричала лодка. — Это же вода — смертельный яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась электрическая клешня, выбив канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома! — Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Не известно никакого противоядия, — простонала лодка. — Если бы я могла связаться с плавучим госпиталем... — Ее двигатели замерли в нерешительности. — Скажите что-нибудь! — умоляла лодка. — Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали совершенно спокойно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля... — Из стены выдвинулись два подноса. Друзья не шелохнулись.

— Мертвы, — сказала лодка. — Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий Дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хотя они и умерли от собственной руки, все же они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь властью, данной мне Флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова ока-

зался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде, — прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще возвышалась вблизи, нервно гудя машинами.

— Что она хочет сейчас, как ты думаешь? — спросил Арнольд.

— Я не знаю, — ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от них. Они напряглись. А затем они услышали завывающий скрип Национального Гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала: «Покойтесь в мире», — сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там Флот планеты Дром.

КЛИФФОРД САЙМАК
(США)

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МИСТЕР ДЖЕЙМС

К нему стала возвращаться память.

Он снова вступал в жизнь из небытия.

Он вдохнул запах земли и ночи и услышал шепот листвы на насыпи. Легкий ветерок, шелестевший листьями, коснулся его своими мягкими нежными пальцами, словно проверяя, не сломаны ли у него кости и нет ли синяков и ссадин.

Он присел, уперся руками в землю, пытаясь сохранить равновесие, и стал вглядываться в темноту.

Его зовут Хендерсон Джеймс. Он человек, и он сидит где-то на планете, которая называется Земля. Ему тридцать шесть лет. Он известен в своем кругу и неплохо обеспечен. Он живет в родительском доме на Саммит-авеню. Вполне приличный район, хотя и утративший за последние двадцать лет часть своей фешенебельности.

По дороге на насыпи проехала машина, заскрипев шинами по асфальту. На мгновение ее фары осветили верхушки деревьев. Вдалеке, приглушенный расстоянием, захныкал клаксон. Где-то тоскливо лаяла собака.

Его зовут Хендерсон Джеймс. Если это верно, то почему же он здесь? Зачем Хендерсону Джеймсу си-

деть на скате насыпи, прислушиваясь к шелесту листьев, хныканью клаксона и лаю собаки?

Случилось что-то неладное. Если бы только он вспомнил, что именно, то понял бы все.

Нужно что-то сделать.

Он сидел, вглядываясь в темноту, и вдруг почувствовал, что его знобит, хотя ночь была теплой. Из-за насыпи доносился шум ночного города, скрип шин удалявшегося автомобиля и приглушенный ветром гудок. Какой-то человек прошел рядом по улице, и Джеймс прислушивался к звукам его шагов, пока они не утихли совсем.

Что-то случилось. Он должен что-то сделать. Он уже начал это делать, но какое-то необъяснимое происшествие помешало ему, привело его сюда на насыпь.

Он проверил, все ли в порядке. Одежда — шорты, рубашка, ботинки на толстой подметке, часы и сбоку в кобуре револьвер.

Револьвер!

Ему нужен был револьвер.

Он охотился за кем-то, охотился с оружием.

Искал кого-то, кто затаился в темноте, кого надо убить.

И тут он вспомнил. Вспомнил — и удивился странному, методичному, шаг за шагом продвигающемуся вперед способу мышления, вернувшему ему память. Сначала имя и основные сведения о себе. Потом осознание того, где он находится, и вопрос, почему он здесь. И, наконец, револьвер и мысль о том, что им нужно воспользоваться. Логический способ мышления, совсем как в букваре.

Я человек.

Я живу в доме на Саммит-авеню.

Дома ли я сейчас?

Нет, я где-то на насыпи.

Почему я здесь?

Ведь обычно человек рассуждает не так. По крайней мере нормальный человек так думать не станет. Человек мыслит обрывками фраз, преодолевает преграды, а не обходит их.

Оно страшновато, такое мышление «в обход», неестественно, неправильно и совершенно бессмысленно. Но ведь не менее бессмысленно и то, что он очутился здесь и совершенно не помнит, как попал сюда.

Джеймс медленно встал и ощупал себя. Его одежда не испачкана. Она чиста и не измята. Его не избили и не выбросили из машины. На теле у него нет ссадин, лицо не повреждено, и чувствует он себя неплохо.

Ухватившись за ремень, он сдвинул кобуру на бок. Затем вынул револьвер и проверил его своими ловкими и умелыми пальцами. Револьвер был в полном порядке.

Джеймс поднялся по склону насыпи, нетвердой походкой пересек дорогу и ступил на тротуар, тянувшийся вдоль ряда новых одноэтажных домов с верандами. Услышав шум приближающегося автомобиля, он сошел с тротуара и спрятался за кустами. Он сделал это бессознательно, и ему стало немного стыдно своего поступка.

Машина проехала мимо, и никто не заметил его. Он понял, что его не заметили бы, даже если бы он остался на тротуаре.

Ему не хватает уверенности в себе. Вот в чем дело. В его жизни есть пробел, таинственное происшествие, которое он не может вспомнить. Это и подорвало твердую и прочную основу всего его существования, сделало его поступки бессмысленными, мгновенно превратило его в пугливое животное, которое бежит и прячется при виде человека.

Это и что-то еще, заставившее его думать «в обход».

Он все еще сидел в кустах, следил за улицей и тротуаром, не теряя из виду белые, призрачные дома с их палисадниками.

Пуудли сбежал, вот почему Джеймс прячется в палисаднике перед домом мирно спящего и ничего не подозревающего горожанина, вооруженный револьвером, готовый померяться умом, силой и ловко-

стью с самым кровожадным и злобным существом, обнаруженным в Галактике.

Любой пуудли опасен. Его нельзя держать у себя. Существует даже закон, запрещающий держать не только пуудли, но и ряд других инопланетных животных, гораздо менее опасных, чем пуудли. Закон этот вполне справедлив, и никто — прежде всего он сам — не станет его оспаривать.

А теперь пуудли на свободе и прячется где-то в городе.

Джеймс похолодел при одной мысли об этом, представив себе, что может произойти, если он не выследит этого инопланетного зверя и не прикончит его.

Хотя вряд ли можно назвать пуудли зверем. Он больше, чем зверь. Насколько больше, Джеймс как раз и собирался выяснить. Хотя, по правде говоря, он узнал не много, далеко не все, что можно узнать; однако и этого оказалось вполне достаточно, чтобы привести его в ужас. Прежде всего он увидел, какой может быть ненависть, и убедился, до чего же мелка людская ненависть, если постигнуть глубину, силу и дикую кровожадность ненависти пуудли. Это не слепая ненависть, бессмысленная и непоследовательная, которая ведет к поражению, а разумная, расчетливая, целенаправленная. Она приводит в движение умную, разящую без промаха машину, натравливая хитрого и кровожадного зверя на любое живое существо, не являющееся пуудли. Поведение пуудли подчинено закону самосохранения, заставляющему его опасаться всех и каждого. Он толкует этот закон так: безопасность гарантируется только... смертью всех других живых существ. Чтобы совершить убийство, пуудли не требуется никакого повода. Достаточно того, что другое существо живет, движется, оно этим самым представляет угрозу — пусть даже самую незначительную — для пуудли.

Конечно, это безумие. Какой-то бессмысленный инстинкт, давно и глубоко укоренившийся в сознании пуудли. Впрочем, может быть, он лишен смысла не более, чем многие людские представления?

Пуудли давал, да и сейчас дает ученым уникальные возможности для изучения поведения инопланетных существ. Получив разрешение, можно было бы наблюдать за пуудли на их собственной планете. Не имея такой возможности, легко наделать глупостей. А это может повлечь за собою серьезные последствия.

Джеймс похлопал рукой по кобуре, как будто револьвер — гарантия того, что он справится с поставленной задачей. Ему было ясно, что следует предпринять. Он должен найти пуудли и убить его еще до наступления утра. Ведь пуудли начнет размножаться. Он уже давно готовился к этому, и теперь оставались считанные часы до появления на свет десятков его детенышей. Пуудли размножается почкованием. Через несколько часов после того, как раскроются почки на его теле, маленькие пуудли разбегутся в разные стороны. Они вырастают очень быстро, и если крайне трудно захватить одного пуудли, скрывающегося где-то во чреве громадного спящего города, то обнаружить и изловить его многочисленных детенышей просто невозможно.

Итак, сегодня или никогда!

Сегодня пуудли не станет убивать каждого встречного. Сейчас зверю необходимо лишь одно — найти укромное место, где он мог бы без помех посвятить себя воспроизведению потомства.

Пуудли хитер. Он наверняка выбрал себе убежище еще до того, как совершил побег. Он не стал бы терять драгоценное время на поиски подходящего места и на запутывание следов. Пуудли точно знал, куда надо идти, и теперь он давно там. Почки выступают на его теле, увеличиваясь и набухая.

Во всем городе есть только одно место, где инопланетное животное может укрыться от любопытных глаз. И человеку и пуудли нетрудно догадаться, где оно. Но вот вопрос: знает ли пуудли, что человек может его обнаружить? А может быть, пуудли недооценивает человека? Или, наоборот, зная, что человек способен разгадать его план, попробует укрыться в другом месте?

Джеймс выбрался из кустов и пошел по тротуару. На углу при мерцающем свете фонаря он прочитал название улицы. Оказывается, цель ближе, чем можно было надеяться.

*

В зоопарке царил тишина. И только время от времени раздавался леденящий душу вой, от которого волосы становились дыбом.

Перебравшись через ограду, Джеймс задержался, стараясь определить, какое именно животное так чудовищно воеет. Но это ему не удалось. По всей вероятности, решил он, какой-нибудь из новых экземпляров. Просто невозможно запомнить всех обитателей зоопарка. Все время поступают новые, ранее неведомые существа, доставляемые с далеких планет.

Прямо перед Джеймсом находилась пустующая, огражденная рвом клетка, которую еще день или два назад занимало необыкновенное чудовище, пойманное в джунглях одного из Арктианских миров. Джеймс содрогнулся при одном воспоминании о звере. В конце концов его пришлось прикончить.

А теперь там прячется пуудли... Впрочем, может быть, там его и нет и он скрывается где-нибудь в другой клетке. Зоопарк — единственное место в городе, где пуудли не привлечет особого внимания. Здесь много редких животных, и еще одно необычное существо вызовет лишь мимолетное удивление. Его могут и не заметить, если только какой-нибудь служитель зоопарка не вздумает проверить списки. В этой пустующей клетке пуудли сможет без помех заняться воспроизведением потомства. Никто не потревожит его, ведь существа, подобные пуудли, обычные обитатели этого зоопарка, предназначенного для животных, доставляемых сюда с научной целью или для забавы жестоких людей.

Джеймс тихо стоял у ограды.

Хендерсон Джеймс. Тридцать шесть лет. Холост. Психолог, изучающий инопланетных животных. На-

учный сотрудник этого зоопарка. Нарушитель закона, добывший и укрывавший инопланетное существо, запрещенное на Земле.

Почему он так думает о себе? Ведь все это ему отлично известно... Нет никакой необходимости именно сейчас заполнять эту бесполезную анкету.

Глупо было затевать всю эту историю с пуудли. Джеймс вспомнил те долгие часы, когда он боролся с собой, обдумывая, какие ужасные последствия она может повлечь за собой. Если бы этот старый пират-космонавт не забрел к нему и не проболтался за бутылкой вина, что за определенную, довольно кругленькую сумму он может доставить живого и невредимого пуудли, ничего бы не случилось. Сам Джеймс, конечно, никогда бы до этого не додумался. Он знал старого капитана и ценил его по прежним сделкам. Это был человек, не брезгующий никаким заработком, но, несмотря на это, вполне надежный. Он не возьмет денег зря и будет держать язык за зубами.

Джеймсу был необходим этот необычайно интересный зверь пуудли. Разгадав некоторые особенности его поведения, можно сделать необыкновенно ценные научные открытия, вписать новые главы в трагическую книгу изучения инопланетной жизни.

И тем не менее он совершил ужасный проступок, и теперь, когда животное оказалось на свободе, его ужас удвоился. Ведь вполне вероятно, что бесчисленное потомство сбежавшего пуудли способно истребить весь людской род или по крайней мере сделать Землю непригодной для ее обитателей. Злая воля и клыки зверя превратят Землю с ее многомиллионным населением в поле сражения. Пуудли будут убивать не потому, что голодны или кровожадны. Просто они твердо убеждены, что не могут чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока на Земле есть хоть какая-нибудь жизнь. Они будут драться за свою жизнь, как загнанная в угол крыса... Разница лишь в том, что в угол их загнало собственное воображение.

Пока отряды добровольцев станут разыскивать пуудли, те успеют разбежаться во все стороны, будут остерегаться всего — ловушек, яда и пуль. Их будет становиться все больше и больше, потому что каждый из них ускорит почкование и на место убитого зверя встанут десятки и сотни новых пуудли.

Джеймс осторожно подошел к краю рва и прыгнул на грязное дно. После смерти чудовища воду из рва спустили, но дно еще не вычистили. Должно быть, слишком много другой работы, подумал Джеймс.

Он медленно продвигался по дну. Под ногами хлюпала жидкая грязь. Наконец ему удалось добраться до скалистого выступа, ведущего на островок.

Джеймс остановился на мгновение, ухватившись руками за мокрые камни, и прислушался, задержав дыхание, боясь нарушить тишину. Животное перестало выть. Наступило гробовое молчание. По крайней мере так ему показалось сначала. Но вскоре он стал различать шорох насекомых в кустах и в траве, шелест листьев на деревьях по ту сторону рва и далекий нестройный гул спящего города.

Сейчас впервые ему стало по-настоящему страшно. Опасными казались и обманчивое молчание, и грязь под ногами, и скалистые глыбы, вздымающиеся над рвом.

Пуудли опасен не только тем, что он ловок и силен. Он умен. Насколько умен, Джеймс точно не знал. Ему было известно, что зверь умеет рассуждать и способен строить планы. Он разговаривает, правда не как человек... Но, может быть, даже лучше, чем человек. Он объясняется не только с помощью слов... Он гипнотизирует свои жертвы, завораживает грезами и видениями и затем перегрызает им горло. Он может усыпить человека, парализовать его способность к действию. Пуудли способен довести человека до безумия, внушив ему одну лишь мысль, столь необычную и мерзкую, что она помрачит сознание человека, лишит его волю упругости, как сломанную пружину.

Зверь должен был бы дать приплод уже давно, но он откладывает почкование до дня побега. Только теперь Джеймс понял, что пуудли решил отомстить Земле, подчинить ее своей власти. Он предусмотрел все, каждую мелочь и не станет церемониться с теми, кто попытается ему помешать.

Джеймс опустил руку и нащупал револьвер. Он невольно стиснул зубы и неожиданно ощутил в себе легкость и силу, которых ему не доставало раньше. Он начал карабкаться вверх по скале, осторожно цепляясь за выступы, затаив дыхание, прильнув к камню. Быстро, ловко и бесшумно. Ведь он должен взобраться раньше, чем пуудли заметит его приближение.

Сейчас пуудли ослабил внимание. Он поглощен одним — воспроизведением потомства, которому предстоит начать жестокую, беспощадную войну, в результате которой чужая планета станет безопасной только для пуудли.

Конечно, если он здесь.

Рука Джеймса нащупала траву, и пальцы впились в землю. Он подтянулся, преодолев последние феты.

Лежа на невысоком бугорке, Джеймс напряженно прислушивался к малейшему шороху. Он внимательно вглядывался в каждую пядь земли. Кромешная темнота, заполнявшая ров, кончилась. Теперь слабый свет фонарей на дорожках зоопарка освещал и островок. Следовало особенно опасаться темных уголков.

Медленно, дюйм за дюймом, Джеймс продвигался вперед, напряженно вглядываясь в темноту, прежде чем двинуться дальше. Он прислушивался к каждому шороху, присматривался к любому подозрительному выступу или бугорку, не похожему на камень, куст или даже на траву, и крепко сжимал револьвер. Джеймс готов был спустить курок в любое мгновение.

Минуты тянулись как часы. Глаза болели от напряжения. Легкость, которую он до сих пор ощущал, покинула его; осталась одна решимость, натянутая,

как тетива лука. Предчувствие неудачи постепенно овладело им, а вслед за тем пришло ясное представление о том, что может означать поражение не только для всего человечества, но и для престижа гордого Хендерсона Джеймса. Теперь, реально столкнувшись с возможностью неудачи, он стал обдумывать план действий на случай, если пуудли не окажется в зоопарке и его не удастся уничтожить.

Придется уведомить власти, поднять на ноги полицию, просить газеты и радио известить население об опасности. Он сам окажется в положении человека, из тщеславия и гордыни поставившего под угрозу существование людей на их планете.

Ему, конечно, не поверят, поднимут на смех и будут смеяться до тех пор, пока смех не захлебнется в крови. Джеймс покрылся испариной при одной мысли о том, что произойдет с этим городом, да и со всем миром, прежде чем люди узнают правду.

*

Пуудли стоял прямо перед Джеймсом, не более чем в шести футах: он поднялся со своего ложа у куста. Джеймс вскинул револьвер, прижав палец к курку.

«Подожди, — стал внушать ему пуудли. — Я пойду с тобой».

Но Джеймс уже спустил курок, и револьвер дрогнул у него в руке. В ту же секунду его захлестнула волна ужаса. Мгновенно перед ним возникло и исчезло страшное видение, способное свести с ума своей непристойностью.

«Слишком поздно, — сказал он пуудли. — С этого надо было начать. Ты потерял драгоценное время. Воспользуйся ты этим раньше, я был бы твой».

«Все вышло очень просто, — сказал себе Джеймс. — Гораздо проще, чем я предполагал. Пуудли мертв или умирает. Земля, с миллионами ее ничего не подозревающих обитателей, спасена. А главное, спасен я сам, Хендерсон Джеймс... спасен от унижения, от позора». Чувство облегчения охва-

тило Джеймса. Он испытывал легкую усталость, спокойствие и слабость.

«Дурак, — невнятно бормотал умирающий пуудли, — дурак, получеловек, двойник...»

Смерть оборвала его слова. Джеймс видел, как жизнь покинула пуудли, как тело его стало бездыханным.

Джеймс медленно поднялся на ноги. Ему показалось, что он теряет рассудок. В первый момент Джеймс пробовал объяснить это чувством страха, который хотел внушить ему умирающий пуудли.

Пуудли пытался одурачить его. Увидев оружие, зверь попробовал сбить Джеймса с толку. Пуудли необходимо было выиграть время, чтобы внушить своему убийце сводящую с ума мысль, лишь на мгновение возникшую в его сознании. Если бы Джеймс заколебался хоть на одну секунду, он сам был бы теперь мертв. Если бы он помедлил хоть одно мгновение, было бы уже поздно.

Пуудли должен был знать, что Джеймс станет разыскивать его именно здесь, в зоопарке, но зверь, видимо, так глубоко презирал человека, что все же пришел сюда. Он даже не дал себе труда выследить своего убийцу, не подкрался к нему первым, дождался, пока тот едва не наткнулся на него.

Очень странно. Ведь благодаря своим мистическим способностям пуудли должен был знать о каждом шаге Джеймса. После своего побега зверь наверняка непрерывно следил за всеми его поступками и мыслями. Джеймс знал об этой способности пуудли... Но почему же эта мысль только сейчас пришла ему в голову?

«Что со мной? — подумал он. — Здесь что-то не так. Я должен был знать, что не застигну пуудли врасплох, и все же я забыл об этом. А главное, я действительно застал его врасплох. Ведь иначе он без труда прикончил бы меня после того, как я выбрался из рва.

«Дурак, — сказал пуудли. — Дурак, получеловек, двойник...»

Двойник!

Он ощутил, как сила, уверенность и твердое убеждение в том, что он, Хендерсон Джеймс, человек, начинают покидать его.

Будто кто-то оборвал нитку и он, как беспомощная марионетка, растянулся на сцене.

Значит, вот почему Джеймсу удалось застигнуть пуудли врасплох!

Существуют два Хендерсона Джеймса. Пуудли поддерживал связь с одним из них, настоящим, подлинным Хендерсоном Джеймсом. Зверь следил за каждым его шагом и понимал, что с его стороны ему ничто не угрожает. Пуудли не подозревал о существовании второго Хендерсона Джеймса, подкрававшегося к нему в темноте.

Хендерсон Джеймс — двойник!

Хендерсон Джеймс, созданный лишь на время!

Хендерсон Джеймс живет сегодня и умрет завтра. Ведь его наверняка убьют. Подлинный Хендерсон Джеймс не позволит ему продолжать свое существование, а даже если бы он и не возражал, другие не допустят этого. Двойников изготавливают лишь на очень короткое время, в случае особой необходимости, и известно, что их уничтожают, едва только они выполняют свое дело.

Уничтожают... Да, именно так. Убирают с дороги. С глаз долой. Убивают безжалостно, как цыплят.

Он прошел вперед, опустился на одно колено перед пуудли и в темноте провел рукой по телу зверя. Оно было покрыто бугорками, набухшими почками. Им уже не суждено раскрыться и выкинуть выводок отвратительных детенышей.

Джеймс встал.

Дело сделано. Пуудли убит, убит до того, как он произвел на свет свое ужасное потомство.

Дело сделано, и он может идти домой.

Домой? Конечно, это ему и внушили. Они ждут, что он так и сделает. Пойдет домой, вернется на Саммит-авеню, где его караулят палачи. Добровольно и с легким сердцем пойдет навстречу смерти.

Дело сделано, и он больше не нужен. Его создали для выполнения определенного задания, и теперь оно

завершено. Час назад он играл важную роль в планах людей, а сейчас в нем больше не нуждаются. Он лишний, он — помеха. Его устранят спокойно, без шума и даже с удовольствием. Ведь все сошло так благополучно!

Но постой, сказал он себе. Может быть, ты вовсе не двойник? Ты же не чувствуешь себя двойником!

Ну, конечно! Он чувствует себя Хендерсоном Джеймсом. Он живет на Саммит-авеню. Он незаконно держал на Земле животное, называемое пуудли, чтобы наблюдать его, разговаривать с ним, проверить ряд функций его инопланетного организма, попытаться определить уровень его умственного развития, границы, глубину и степень его отличия от человека. Нет сомнений, он совершил глупость. Но в свое время все это казалось важным по многим причинам.

«Я человек, — подумал он, — и это неопровержимый факт. Но ведь это ничего не меняет. Хендерсон Джеймс — человек, и его двойник должен быть таким же человеком. Потому что двойник ни в чем существенном не отличается от человека, по образу и подобию которого он изготовлен.

Ни в чем существенном, кроме кое-каких мелочей. Как ни велико сходство с образцом, какой бы совершенной ни была копия, двойник все-таки другой человек. Он способен мыслить и приобретать знания. И через некоторое время он полностью уподобится своему прототипу... Но для этого необходимо время. Время, чтобы полностью разобраться в себе, время, чтобы освоить знания и опыт, заложенные в его сознании, и установить правильное соотношение между ними. Сначала он будет двигаться ощупью и искать, пока не натолкнется на знакомые предметы. Он должен узнать себя, разобраться в себе. Только тогда ему удастся, протянув руку в темноте, сразу же коснуться нужного предмета».

Ведь именно так он и поступал. Он двигался ощупью и искал. Сначала он пользовался лишь элементарными понятиями и фактами:

«Я человек.

Я на планете Земля.
Я Хендерсон Джеймс.
Я живу на Саммит-авеню.
Нужно что-то сделать».

Теперь он вспомнил, сколько потребовалось времени, прежде чем он догадался, что же именно нужно сделать.

Даже теперь множество веских причин, заставивших человека, рискуя собственной головой, изучать столь злобную тварь, как пуудли, оставались скрытыми во все еще окутанных мраком тайниках его сознания. Причины были, в этом он уверен. И вскоре он вспомнит, какие именно.

Будь он истинным Хендерсоном Джеймсом, он знал бы их сейчас. Они были бы частью его самого, частью его жизни. Их не нужно было бы так тщательно искать.

Конечно, пуудли догадался. Он безошибочно догадался, что существуют два Хендерсона Джеймса. Ведь он следил за одним из них, когда появился другой. Любое существо, даже с гораздо более низким умственным развитием, без труда поняло бы это.

«Не заговори пуудли, я бы никогда не узнал правды, — подумал он. — Если бы зверь умер сразу, я бы ничего не узнал. И сейчас я бы уже возвращался домой на Саммит-авеню».

Джеймс стоял, одинокий и опустошенный, на островке, окруженном рвом. Он ощущал привкус горечи во рту.

Джеймс тронул мертвого пуудли ногой.

— Прости меня, — сказал он коченеющему трупу. — Я раскаиваюсь теперь. Я не стал бы убивать тебя, если б знал правду.

С высоко поднятой головой он пошел прочь.

*

Прячась в тени, он остановился на углу. В середине квартала, на другой стороне улицы, стоял его дом. В одной из комнат наверху горел свет. Фонарь у калитки сада освещал дорожку, ведущую к двери.

Дом как будто ждал возвращения хозяина. Да, так оно и было в действительности. Старая хозяйка ждет, тихо покачиваясь в скрипучем кресле, сложив руки на коленях... с револьвером, спрятанным под шалью.

Он горько усмехнулся, посмотрев на дом. «За кого они меня принимают? — подумал он. — Поставили ловушку на виду у всех и даже не позаботились о приманке». И тут он вспомнил. Они ведь и не подозревают, что он узнал правду. Они уверены, что он считает себя настоящим и единственным Хендерсоном Джеймсом. Они, конечно, ждут, что он придет сюда, не сомневаясь, что возвращается к себе домой. Они не могут представить себе, что он обнаружил истину.

Что ему теперь делать? Теперь, когда он стоит рядом с домом, где его ждут убийцы?

Его создали и наделили жизнью для того, чтобы выполнить то, чего настоящий Хендерсон Джеймс не решался или не хотел сделать. Он совершил убийство потому, что тот Джеймс не захотел марать себе рук или рисковать своей шкурой.

А может быть, причина вовсе не в этом? Ведь только два человека могут справиться с пуудли. Один должен обмануть бдительность зверя, а другой тем временем подкрасться к нему и убить.

Так или иначе, его изготовили за кругленькую сумму по образу и подобию Хендерсона Джеймса. Мудрость человеческих знаний, волшебство техники, глубокое понимание законов органической химии, физиологии человека и тайнств жизни создали второго Хендерсона Джеймса. Учитывая чрезвычайность обстоятельств, например нарушение общественной безопасности, в этом нет ничего незаконного. Его, наверно, изготовили именно под этим предлогом. Однако по существующим условиям двойник после того, как он выполнил намеченное задание, должен быть устранен.

Обычно это не представляет особых трудностей, ведь двойник не знает, что он двойник. Он уверен, что он настоящий человек. У него нет никаких по-

дозрений, никаких предчувствий гибели, он не видит никаких причин опасаться смерти, ожидающей его.

Двойник нахмурился, пытаясь осмыслить случившееся.

Ну и этика у них!

Он жив, и он хочет жить. Жизнь оказалась слишком сладкой, слишком прекрасной, чтобы вернуться в небытие, из которого он пришел... Или он уже не вернется туда? Теперь, когда он узнал жизнь, теперь, когда он жив, разве он не может надеяться на загробную жизнь, как и всякий другой? Разве он не имеет права, подобно любому человеку, цепляться за призрачные и манящие обещания религии? Он попытался вспомнить, что ему известно об этом, но не смог. Позже удастся вспомнить больше. Позже он будет знать все. Нужно лишь привести в порядок и активизировать знания, полученные от настоящего Джеймса.

В нем проснулся гнев. Нечестно дать ему лишь несколько коротких часов жизни, позволив понять, как она прекрасна, и сразу же отнять ее. Это больше, чем простая человеческая жестокость. Это порождение антигуманных отношений машинного общества, оценивающего действительность лишь с материальной, механической точки зрения и безжалостно отбрасывающего все не укладывающееся в эти рамки.

«Жестокость в том, что меня вообще наделили жизнью, а не в том, что ее хотят отобрать», — подумал он.

Во всем, конечно, виноват настоящий Хендерсон Джеймс. Это он достал пуудли и позволил ему сбежать. Из-за его халатности и неумения исправить ошибку пришлось создать двойника.

И все-таки, может ли он осуждать его?

Не должен ли он благодарить Джеймса за эти несколько часов, за счастье узнать, что такое жизнь? Хотя он никак не мог решить, стоит ли это счастье благодарности.

Он стоял, глядя на дом. В кабинете рядом со спальней хозяина горела лампа. Там настоящий

Хендерсон Джеймс ждал известия о смерти своего двойника. Легко сидеть и ждать, сидеть и ждать известия, которое придет наверняка. Легко приговорить к смерти человека, которого ты никогда не видел, даже если он как две капли воды похож на тебя.

Труднее решиться убить, когда столкнешься с ним лицом к лицу... Труднее убить человека, который в силу обстоятельств ближе тебе, чем родной брат, человека, который почти буквально плоть от плоти твоей, кровь от крови твоей, мозг от мозга твоего.

Не нужно забывать и о практической стороне дела, об огромном преимуществе работать с человеком, думающим так же, как и ты, являющимся почти что твоим вторым «я». Как будто ты существуешь в двух лицах.

Все это можно устроить. Пластическая операция и плата за молчание могут изменить двойника до неузнаваемости. Немного бюрократической волокиты, немного обмана... Но все же вполне осуществимо.

Если повезет, можно проникнуть в кабинет. Для этого нужно лишь немного силы, ловкости и уверенности в победе. Вдоль стены проходит кирпичный дымоход, закрытый снизу кустами и маскируемый растущим деревом. Можно забраться наверх по его неровному кирпичному фасаду, подтянуться и влезть в открытое окно освещенной комнаты.

И когда настоящий Хендерсон Джеймс окажется лицом к лицу со своим двойником, может произойти все что угодно. Двойник уже не будет безличной силой. Он станет человеком, человеком очень близким образцу, по которому он изготовлен.

Те, кто ждет его, следят только за парадным входом. Если действовать тихо, то не успеют они и глазом моргнуть, как он проникнет в сад и бесшумно взберется в комнату по дымоходу.

Он снова отпрянул в тень и задумался. Можно влезть в комнату, встретиться с настоящим Джеймсом и рискнуть договориться с ним или просто скрыться... убежать, спрятаться и, выждав удобный случай, убраться подальше, на какую-нибудь отдаленную планету.

И тот и другой пути рискованны. Выбери он первый, он выиграет или проиграет в течение часа, а если выбрать второй, ему, пожалуй, придется ждать несколько месяцев в постоянной опасности и неуверенности.

Что-то тревожило его. Какое-то назойливое незначительное обстоятельство беспокоило его, но он не мог вспомнить, какое именно. Может быть, оно и важно, а может, это случайный, ищущий своего места обрывок каких-то сведений.

Он мысленно отбросил его.

Долгий или короткий путь?

Еще мгновение он постоял в нерешительности, а потом быстро пошел по улице, ища место, где можно было бы перейти на другую сторону незамеченным.

Он выбрал краткий путь.

*

Комната была пуста.

Он неподвижно стоял у окна, бегали только его глаза, обыскивая каждый угол, все еще не веря тому, что не могло быть правдой... Хендерсон Джеймс не сидел в комнате в ожидании известий о двойнике.

Потом он быстро прошел к двери спальни и настежь распахнул ее. Нашупал выключатель и включил свет. Спальня и ванная были пусты; он вернулся в кабинет.

Он стоял, прислонившись к стене, лицом к двери, ведущей в прихожую. Медленно, шаг за шагом, осматривал комнату, приспособляясь к ней, узнавая ее форму и очертания, чувствуя, как им все больше и больше овладевает приятное чувство собственности.

Книги, камин, заставленный сувенирами, кресла, бар... Все это принадлежит ему, так же как тело и мысли.

«Я бы лишился всего этого, так никогда и не узнав, если б пуудли не посмеялся надо мной, — подумал он. — Я бы так и умер, не найдя своего места в мире».

Глухо зазвонил телефон. Он испугался, словно кто-то посторонний ворвался в комнату и лишил его чувства собственности, владевшего им.

Телефон зазвонил снова. Он снял трубку.

— Джеймс слушает, — сказал он.

— Это вы, мистер Джеймс?

Говорил садовник Андерсон.

— Ну, конечно, — сказал двойник. — Кто же еще?

— Здесь какой-то парень уверяет, что он — это вы.

Хендерсон Джеймс, двойник, замер на месте. Его рука так сильно сжала трубку, что он даже удивился, почему она не разлетелась на куски.

— Он одет так же, как и вы, — сказал садовник. — А я знаю, что вы вышли. Помните, я еще говорил с вами: сказал, что не нужно этого делать. Не нужно, пока мы ждем эту... эту тварь.

— Да, — ответил двойник и сам удивился спокойствию своего голоса. — Да, я помню наш разговор.

— Но, сэр, как же вы вернулись?

— Я прошел черным ходом, — ответил спокойный голос.

— Но он одет так же, как и вы.

— Конечно. А как же иначе, Андерсон?

Это было вовсе не обязательно, но Андерсон был не слишком-то сообразителен, да и вдобавок сейчас немного расстроен.

— Вы же помните, что мы говорили об этом, — произнес двойник.

— Да, сэр, — сказал Андерсон. — И вы велели мне сообщить вам, проверить, у себя ли вы.

— Вы проверили, — ответил двойник, — и я здесь.

— Тогда это он?

— Ну, конечно, — сказал двойник. — Кто же еще?

Он положил трубку и стал ждать. Приглушенный, похожий на кашель звук выстрела раздался через минуту. Он опустил в кресло, потрясенный поворотом событий. Теперь он в безопасности, в полной безопасности.

Скоро он переоденется, спрячет свою одежду и револьвер. Слуги, конечно, не станут ни о чем спрашивать, но лучше не возбуждать никаких подозрений.

Он почувствовал, что успокаивается, и позволил себе оглядеть комнату, книги и обстановку; изящный, приятный и заслуженный комфорт человека с положением.

Он мягко улыбнулся.

— Будет так хорошо! — сказал он.

Все вышло так просто; сейчас все кажется до смешного легким. Легким, потому что он так и не увидел человека, подошедшего к двери. Легко убить человека, которого ты никогда не видел.

С каждым часом он все больше и больше будет привыкать к характеру, доставшемуся ему по праву наследства. Через некоторое время уже никто, даже он сам, не усомнится, что он и есть Хендерсон Джеймс.

Снова зазвонил телефон. Он встал и снял трубку. Вежливый голос сказал:

— Говорит Аллен, из лаборатории двойников. Мы еще не получили от вас никаких известий.

— Да, — сказал Джеймс. — Я...

— Я просто хочу сказать вам, чтобы вы не беспокоились. Я совершенно упустил это из виду.

— Да, — сказал Джеймс.

— Этот экземпляр мы изготовили по-новому, — сказал Аллен. — Эксперимент, только что разработанный нами. Мы впрыснули ему медленно действующий яд. Еще одна предосторожность. По всей вероятности, излишняя, но нам нужна полная гарантия. Так что не беспокойтесь, если он не появится.

— Я уверен, что он придет, — сказал Джеймс.

Аллен захихикал.

— Двадцать четыре часа, — сказал он. — Как мина, как запал.

— Спасибо, что вы сообщили мне об этом, — сказал Джеймс.

— Рад стараться, — сказал Аллен. — Спокойной ночи, мистер Джеймс.

ДЖОН УИНДЕМ
(АНГЛИЯ)

ХРОНОКЛАЗМ

Первое сообщение, полученное мною о Тавии, было абстрагировано от нее самой.

Как-то утром на Хай-стрит в Плайтоне ко мне подошел пожилой джентльмен, совершенно незнакомый. Он вежливо, жестом, выдававшим в нем иностранца, приподнял шляпу, поклонился и представился:

— Меня зовут Дональд Гоуби, доктор Гоуби. Я был бы крайне признателен вам, сэр Джеральд, если б вы уделите мне несколько минут. Очень сожалею, что приходится вас беспокоить, но дело крайне спешное и важное.

Я внимательно посмотрел на него.

— Мне кажется, произошла ошибка, — сказал я ему. — У моего имени нет приставки, даже такой незначительной, как «сэр».

Он был удивлен.

— Ай-ай-ай! Простите меня. Такое сходство!.. Я был уверен, что вы сэр Джеральд Ляттери...

Теперь пришел мой черед удивляться.

— Я действительно Джеральд Ляттери, — сказал я, — но мистер, а не сэр.

Он слегка смутился.

— Ай-ай-ай! Конечно! Как глупо с моей сторо-

ны!.. Здесь, — он оглянулся, — нет ли здесь такого местечка, где мы могли бы переговорить конфиденциально? — спросил он.

Я колебался лишь одно мгновение. Было совершенно очевидно, что этот джентльмен человек интеллигентный. Может быть, адвокат. Во всяком случае, он не собирался просить у меня денег или что-нибудь в этом роде. Мы были недалеко от «Быка», и я повел его туда, в гостиную. Он отказался от моего предложения выпить, и мы сели.

— Так в чем же дело, доктор Гоуби? — спросил я его.

Он замялся; было заметно, что он смущен. Затем он заговорил с таким видом, будто бросился в воду.

— Это связано с Тавией, сэра Джеральд... гм... мистер Ляттери. Мне представляется, что вы, вероятно, не отдаете себе отчета в том... гм... до какой степени создавшаяся ситуация... гм... чревата последствиями. Дело не только в моей личной ответственности, хотя, как вы понимаете, это меня тоже очень тревожит. Дело в результатах, которые даже нельзя предусмотреть. Она должна — действительно должна — вернуться прежде, чем произойдет какая-нибудь большая беда. Она должна вернуться, мистер Ляттери!

Я смотрел на него. В том, что он говорил серьезно, не приходилось сомневаться: он и в самом деле был очень расстроен.

— Но, доктор Гоуби... — начал я.

— Я понимаю, что это для вас значит, сэра, однако умоляю вас, уговорите ее! Не только ради меня и ее семьи, но... но ради всех! Нужно соблюдать величайшую осторожность. Невозможно предвидеть последствия даже самого незначительного поступка. Порядок и гармонию необходимо сохранить. Если даже одно-единственное зернышко упадет не в должное место, никто не сможет сказать, что из этого выйдет! Поэтому я умоляю вас уговорить ее...

Я вынужден был прервать его. Я говорил мягко. О чем бы он там ни болтал, было ясно, что все это он принимает близко к сердцу.

— Одну минуточку, доктор Гоуби! Боюсь, что произошла ошибка. Я не имею ни малейшего представления... О чем вы говорите?

На его лице появилось тревожное выражение.

— Вы!.. — начал он и замолчал, думая о чем-то и хмурясь. — Вы хотите сказать, что еще не встретились с Тавией? — спросил он.

— Насколько мне известно, это именно так. Я никогда даже и не слышал ни о ком по имени Тавия, — уверил я его.

У него перехватило дыхание. Мне стало жаль его, и я повторил свое предложение насчет выпивки, но он отрицательно покачал головой. Однако вскоре он несколько пришел в себя.

— Мне так неловко, — сказал он. — Действительно, произошла ошибка. Пожалуйста, примите мои извинения, мистер Ляттери! Вы, наверное, считаете, что я пьян? Мне трудно объяснить... Разрешите мне попросить вас забыть об этом. Совсем забыть! Пожалуйста!

Вскоре он ушел, и вид у него был очень печальный.

Он озадачил меня, но уже через два-три дня я выполнил его последнюю просьбу... Так по крайней мере мне казалось.

*

Впервые я увидел Тавию года два спустя. Конечно, я тогда не знал, что это была она.

Когда я вышел из «Быка», на Хай-стрит еще был народ. Я почувствовал, что кто-то на другой стороне улицы наблюдает за мной. Я поднял голову, и наши взгляды встретились. Глаза у нее были карие...

Она была высокая, стройная и красивая — не просто хорошенькая, а нечто большее. И я продолжал смотреть.

На ней была довольно обыкновенная шерстяная юбка и темно-зеленый джемпер. Туфли, однако, у нее были довольно странные, на низком каблуке, но какие-то замысловатые; они не подходили к остальной

ее одежде. Что-то еще резало глаз, хотя в тот момент я не понял, что именно. Только потом я сообразил — прическа. Прическа ей очень шла, но была совершенно несовременной. Вы скажете, что волосы есть волосы и что существует бесконечное множество вариантов причесок. Но дело обстоит не так просто. Есть какой-то общий стиль времени, перекрывающий текущую моду. Посмотрите на любую фотографию, снятую тридцать лет назад... Ее волосы, как и туфли, не гармонировали со всем остальным.

Несколько мгновений она стояла, застыв, не улыбаясь. Затем, словно еще не совсем проснувшись, она шагнула вперед, чтобы перейти улицу. В этот момент пробили часы на базарной площади. Она бросила взгляд вверх; внезапно выражение тревоги появилось на ее лице. Она повернулась и бросилась бежать по тротуару, как Золушка, за последним автобусом.

Я сел в машину, раздумывая: за кого она меня приняла? Я был совершенно уверен, что никогда прежде ее не видел.

На следующий день бармен в «Быке», поставив передо мной кружку пива, сказал:

— Одна молодая женщина спрашивала о вас, мистер Ляттери. Она вас нашла? Я сказал ей, где вы живете.

Я покачал головой.

— Кто такая?

— Она не назвала себя, но... — И он описал мне ее — девушку с другой стороны улицы. Я кивнул.

— Я ее видел. Мне хотелось бы узнать, кто она, — сказал я.

— Ну, она-то вас знает! «Это мистер Ляттери был здесь некоторое время тому назад?» — спрашивает она. «Да — говорю, — он». Она кивнула и задумалась. «Он ведь живет в Бегфорд-холле?» — говорит. «Нет, мисс, — говорю, — Бегфорд-холл принадлежит майору Флакену. Мистер Ляттери, — говорю, — живет в Четкомб-коттедже». Тогда она спрашивает меня, где это, и я ей говорю. Надеюсь,

все в порядке? Мне она показалась очень милой барышней.

Я успокоил его:

— Она где угодно могла узнать мой адрес. Но странно, что она спросила о Бегфорд-холле — это именно тот дом, который мне бы хотелось иметь, если б у меня когда-нибудь завелись деньги.

— Тогда, мистер Ляттери, вам надо поторопиться разбогатеть, потому что старый майор уже доживает свое, — сказал бармен.

Все это ни к чему не привело. Для чего эта девушка хотела узнать мой адрес, я не знал, во всяком случае за этим ничего не последовало, и вся эта история вылетела у меня из головы.

Примерно месяц спустя я снова увидел ее. У меня появилась привычка ездить верхом раз или два в неделю. Мы ездили с одной девушкой, по имени Марджори Креншо. А потом я отвозил ее домой в машине. Ехать нужно было по узкому шоссе, между насыпями, где едва-едва могли разойтись две машины.

Однажды, миновав крутой поворот, я должен был затормозить и прижаться к обочине — встречная машина, объехав пешехода, шла посередине шоссе; она чуть не зацепила меня. Тут я посмотрел на пешехода и увидел, что это была та самая девушка. В то же мгновение и она узнала меня и встрепенулась. Я увидел, как она заколебалась, а потом, видимо, решила заговорить со мной и пошла к машине. Но тут она заметила Марджори, сидящую рядом со мной. И, очень неискусно изобразив, что и не собиралась подходить к нам, пошла в сторону. Я включил скорость.

— Кто это? — спросила Марджори голосом, пронзительным от природы, и тоном, по ее представлению, вероятно, проницательным.

Я сказал, что не знаю.

— Но зато она-то вас знает, — сказала Марджори, не поверив мне.

Меня раздражал ее тон. В любом случае ее это не касалось. Я не ответил.

Она не хотела оставить эту тему.

— Мне кажется, что я ее прежде не видела в наших краях, — сказала она спустя некоторое время.

— Может быть, она здесь отдыхает. Я не знаю ее, — сказал я. — Здесь много отдыхающих.

— Не очень-то убедительно это звучит, если еще учесть, как она на вас смотрела.

— Мне не нравится, когда меня считают или называют лжецом, — сказал я.

— О, мне казалось, что я задала вам самый обычный вопрос. Конечно, если я сказала вам что-нибудь неприятное...

— Мне также не нравится, когда делают намеки. Может быть, вы предпочитаете пройти пешком оставшуюся часть пути? Здесь уже недалеко.

— Понятно. Простите, что я вам помешала. Жаль, что здесь слишком узко и вы не сможете развернуть машину, — сказала она. — Прощайте, мистер Ляттери.

Оказалось, что развернуть машину все же можно, если воспользоваться въездом в какую-то усадьбу, но я так и не увидел девушку, когда вернулся на то место. Марджори возбудила у меня интерес к ней, и я надеялся, что догоню ее. Кроме того, хотя я не имел ни малейшего представления о ней, я испытывал к ней чувство благодарности. С вами, наверное, это тоже бывало — вы вдруг ощущаете облегчение, хотя раньше и не подозревали, что вам тяжело...

*

Наша третья встреча была совершенно иной.

Мой коттедж стоит в узкой долине, поросшей лесом. Он расположен в стороне от других четырех или пяти коттеджей, в самом дальнем конце лощины. Покрытые вереском холмы круто поднимаются с обеих сторон. Несколько узеньких полосок пастбищного луга подходят к самым берегам реки. Рощицы, сохранившиеся от прежних лесов, отделяют луга от вереска.

Именно в ближайшей из рощиц однажды днем, когда я разглядывал свой огород, раздумывая, не

пора ли показаться росткам бобов, я услышал треск хрустящих под ногами веток. Мне понадобился лишь один взгляд, чтобы выяснить, в чем дело. Ее выдали светлые волосы. Какое-то мгновение мы смотрели друг на друга, как и в прошлый раз.

— Гм... Здравствуйте, — сказал я.

Она ответила не сразу, продолжая смотреть на меня. Потом спросила:

— Здесь есть еще кто-нибудь?

Я посмотрел вдоль дороги, а затем на вершину противоположного холма.

— Никого не вижу, — сказал я.

Девушка развела руками кусты и осторожно вышла, оглядываясь по сторонам. Она была одета точно так же, как в первый раз, если не считать того, что волосы были растрепаны ветками деревьев. На голой земле ее туфли выглядели еще более необычными. Она, казалось, немного успокоилась и подошла ближе.

— Я... — начала она.

Сверху раздался мужской голос. Ему ответил другой. Девушка замерла.

— Они идут! Спрячьте меня где-нибудь, побыстрее, пожалуйста! — в испуге сказала она.

— Гм... — начал я.

— Быстрее, быстрее! Они идут, — торопила она меня.

Она выглядела очень встревоженной.

— Пойдемте-ка в дом, — сказал я и повел ее к коттеджу.

Она быстро пошла вслед за мной, и, когда я закрыл дверь, она задвинула щеколду.

— Не дайте им схватить меня. Пожалуйста! — умоляла она.

— Послушайте, в чем дело? Кто это «они»? — спросил я.

Она не ответила. Ее взгляд остановился на телефонном аппарате.

— Вызовите полицию, — сказала она. — Быстро вызовите полицию!

Я не знал, что предпринимать.

— Разве у вас нет полиции? — спросила она.

— Конечно, у нас есть полиция, но...

— Тогда, пожалуйста, вызовите ее.

— Но послушайте... — начал я.

Она стиснула руки.

— Вы должны вызвать, пожалуйста! побыстрее!

Она выглядела очень обеспокоенной.

— Хорошо, я вызову полицию. Но давать им объяснения будете вы, — сказал я, беря трубку.

Я привык к темпам работы связи в этих сельских краях и терпеливо ждал. А девушка не привыкла. Она стояла, сплетая и расплетая пальцы рук. Наконец меня соединили.

— Алло, — сказал я, — это Плайтонский полицейский участок?

— Плайтонская полиция, — донесся ответный голос. И в это время на посыпанной гравием дорожке послышались шаги; затем последовал громкий стук в дверь. Я передал трубку девушке и пошел к двери.

— Не впускайте их, — сказала она и перенесла свое внимание на телефон.

Я колебался. Снова послышался властный стук в дверь. Нельзя же просто стоять у двери и не впускать людей! А кроме того, привести к себе в дом молодую девушку, запереться и никого не впускать?!

Когда стук раздался в третий раз, я открыл дверь.

Вид человека, стоявшего на крыльце, поразил меня. Не лицо его, нет. Вполне нормальное лицо человека лет двадцати пяти. Его одежда... Я не был подготовлен к тому, чтобы вдруг увидеть нечто вроде облегающего трико для катания на коньках, поверх которого надет широкий жакет, доходящий до середины бедер и застегивающийся на стеклянные пуговицы, — наряд странный, во всяком случае в Дартмуре, в начале летнего сезона. Однако я сумел взять себя в руки настолько, чтобы спросить, что ему понадобилось. Он не обратил на это никакого внимания

и продолжал стоять, глядя через мое плечо на девушку.

— Тавия, — сказал он, — иди сюда!

Она, не переставая, что-то быстро говорила по телефону. Человек сделал шаг вперед.

— Спокойней, — сказал я. — Во-первых, мне бы хотелось узнать, что здесь происходит.

Он посмотрел прямо на меня.

— Вам не понять, — сказал он и поднял руку, чтобы оттолкнуть меня.

Я всегда знал, что очень не люблю людей, которые говорят мне, что я чего-нибудь не понимаю, и которые хотят столкнуть меня с порога моего собственного дома. Я провел хороший аперкот в солнечное сплетение, а когда человек сложился пополам, я спустил его со ступенек и захлопнул дверь.

— Они едут, — произнес голос девушки позади меня. — Полиция едет.

— Если б вы хоть рассказали мне, — начал я, но она подняла руку.

— Осторожней! — крикнула она.

Я обернулся. За окном стоял еще один человек, одетый так же, как и тот, который еще с хрипом ловил ртом воздух возле крыльца. Я снял со стены свое двенадцатидюймовое ружье, достал из ящика стола несколько патронов и набил магазин. Затем я шагнул к двери.

— Откройте дверь и спрячьтесь за нее, — сказал я ей.

Она послушалась, но на ее лице было написано сомнение.

Второй мужчина наклонился над первым. По дорожке к дому шел третий. Они увидели ружье. Произошла немая сцена.

— Эй, вы там, — сказал я, — либо быстренько убирайтесь, либо вам придется поспорить с полицией. Что вы выбираете?

— Но вы не понимаете!.. Чрезвычайно важно, — начал один из них.

— Хорошо. Тогда можете остаться и объяснить

полиции, насколько это важно, — сказал я и сделал знак девушке, чтобы она снова закрыла дверь.

Мы смотрели через окно, как двое мужчин поднимали задыхающегося третьего...

*

Полицейские были не особенно милы. Они нехотя записали, как выглядели эти люди, и довольно холодно распрощались с нами.

Девушка рассказала полицейским так мало, как только могла, — просто, что ее преследовали трое странно одетых мужчин и что она обратилась ко мне за помощью. Девушка ответила отказом на предложение отвезти ее в Плайтон в полицейской машине, так что она все еще была здесь.

— Ну, а теперь, — предложил я, — вы, вероятно, объясните мне, что в конце концов происходит?

Она сидела молча, устремив на меня свой пристальный, прямой взгляд, в котором был оттенок... Печали? Разочарования?.. Во всяком случае, какой-то неудовлетворенности. Я подумал, что она заплачет, но она сказала тихим голосом:

— Я прочла ваше письмо... И теперь... Я сожгла свои корабли.

В смущении пошарив по карманам, я нашел сигареты и закурил.

— Вы... гм... прочли мое письмо, и теперь вы... гм... сожгли корабли? — повторил я.

— Да, — сказала она. Она отвела взгляд и начала рассматривать комнату, ничего в ней не видя.

— А вы даже не узнаете меня! — сказала она. После этого полились слезы.

Несколько мгновений я сидел в полной растерянности. Потом я решил, пока она выплачется, пойти в кухню и поставить чайник. Мои родственницы всегда рассматривали чай как панацею от всех бед, так что я взял чайник и чашки и вернулся в комнату.

Она уже пришла в себя и сидела, уставившись на незажженный камин. Я поднес спичку. Она наблюдала, как разгорались дрова, с видом ребенка, который только что получил подарок.

— Прелестно, — сказала она, как будто огонь в камине был какой-то диковиной. Она снова оглядела комнату. — Прелестно, — повторила она.

— Не разольете ли вы чай? — предложил я, но она покачала головой и наблюдала за тем, как это делаю я.

— Чай! — сказала она. — У камина!

Это было совершенной истиной, но не было ничем примечательным.

— По-моему, настало время нам познакомиться, — предложил я. — Меня зовут Джеральд Ляттери.

— Конечно, — сказала она, кивая головой. На мой взгляд, это был не совсем подходящий ответ, но она продолжила: — Я Октавия Ляттери, обычно меня зовут Тавия.

— Тавия? — что-то смутно мелькнуло в моей памяти. — Мы с вами родственники? — спросил я.

— Да... очень дальние, — сказала она, странно посмотрев на меня. — Ох, — добавила она, — как это трудно!

Вид у нее стал такой, будто она вот-вот снова заплачет.

— Тавия?.. — повторил я, пытаюсь вспомнить. И тут мне вдруг представился смущенный пожилой джентльмен. — Конечно же! Как его звали? Доктор... доктор Боги или что-то в этом роде...

Она внезапно замерла.

— Не доктор ли Гоуби? — спросила она.

— Вот-вот, правильно! Он меня спрашивал о Тавии. Это о вас?

— Его здесь нет? — спросила она, оглядываясь, будто он мог спрятаться в углу.

Я сказал, что с тех пор прошло года два. Она успокоилась.

— Глупый старый дядя Дональд! Как это на него похоже! И вы, конечно, ничего не поняли?

— И сейчас понимаю не больше, — заметил я, — хотя могу поверить, что даже дядя способен разволноваться, потеряв вас.

— Да. Боюсь, что он очень расстроится, — сказала она.

— Расстраивался! — поправил я. — Это было два года назад.

— Ах, да, конечно! Вы все еще не поняли?

— Послушайте, — сказал я ей. — Один за другим люди говорят мне, что я чего-то не понимаю. Это я уже знаю. Это единственное, что я действительно понял.

— Да, пожалуй, мне лучше все объяснить. С чего же мне начать?

Я дал ей подумать, не отвлекая ее. Наконец она сказала:

— Вы верите в предопределение?

— Нет.

— Ах, да! Хотя в конце концов это не совсем так... Скорее своего рода влечение. Видите ли, я с детства считала, что ваш век — самый интересный и замечательный. А потом еще — в этом веке жил единственный в нашей семье знаменитый человек. Вот я и считала этот век чудесным. Вы бы, наверное, назвали его романтичным.

— Зависит от того, что вы имеете в виду — ваше увлечение или сам век... — начал я, но она не обратила внимания на мои слова.

— Я, бывало, представляла себе колоссальный флот маленьких, смешных летательных аппаратов во время периода войн и думала о том, как они похожи на Давида, идущего против Голиафа, такие маленькие и такие храбрые. А потом еще эти большие неуклюжие корабли, медленно барахтающиеся в воде, но в конце концов добирающиеся до порта. И никто не нервничал, что они такие медленные! А эти странные черно-белые фильмы! И лошади на улицах. И трясущиеся двигатели внутреннего сгорания. А уголь в топках! И волнующие бомбежки, и паровозы, бегущие по рельсам, и телефоны с проводами, и... О, много, много еще разных вещей! А чем тогда можно было заниматься? Представьте себе, что вы приходите на премьеру новой пьесы Бернарда Шоу или Ноэля Коурда, в настоящий театр! Или достаете со-

вершенно новую поэму Эллиота в день ее выхода в свет! Или видите, как королева проезжает по улице, чтобы открыть заседание парламента. Замечательное, волнующее время!

— Что ж, приятно слышать, что кому-то оно нравится, — сказал я. — Мое собственное мнение о нашем веке несколько...

— Ах, этого следовало ожидать! Вы не представляете себе все это в перспективе и поэтому не можете оценить. Вам было бы полезно пожить некоторое время в нашем веке, увидеть, как все плоско, серо и однообразно... Так смертельно скучно!

Я немного замялся.

— Я не совсем... гм... жить в вашем... в чем?

— Веке, конечно. В двадцать втором. Ах, да, вы же не знаете! Глупо с моей стороны.

Я сосредоточился на разливании чая — по второй чашке.

— Ох, я знала, что это будет трудно, — заметила она. — Вам тоже трудно?

Я сказал, что трудно. Она продолжала упрямо:

— Так вот, видите ли, испытывая те чувства, о которых я вам рассказала, я решила заняться историей. Понимаете, я в самом деле могла примысливать себя к некоторым периодам истории. А потом я получила ваше письмо в свой день рождения, и это было причиной, почему я избрала середину двадцатого века темой своей дипломной работы. И, конечно же, это повлияло на мое решение заниматься в аспирантуре.

— И всему этому причиной мое письмо?

— Ну, это же был единственный способ, не правда ли? То есть я хочу сказать, что ведь другого-то пути не было, чтобы находиться вблизи исторической машины, кроме как работая в исторической лаборатории, не так ли? И даже тогда мне вряд ли разрешили бы пользоваться ею самостоятельно, если бы это не была лаборатория дяди Дональда.

— Историческая машина? — сказал я, цепляясь за соломинку во всем этом хаосе. — Что такое историческая машина?

Она была озадачена.

— Это... Это историческая машина. При помощи которой изучают историю.

— Неясно, — сказал я. — Вы бы с таким же успехом могли бы мне сказать, что при ее помощи делают историю.

— О нет, это строго запрещено! Это очень, очень серьезное нарушение закона!

— Вот как!.. — Я решил попробовать еще раз. — Так относительно этого письма...

— Я сказала о нем, только чтобы объяснить вам все. Но вы, конечно, его еще не написали, так что я подозреваю, что вам все это кажется весьма запутанным.

— Запутанным — не совсем то слово. Нельзя ли ухватиться за что-нибудь поконкретней? Например, письмо, которое, как предполагается, я написал, хотя еще и не написал. О чем оно?

Она внимательно посмотрела на меня и отвернулась. Совершенно неожиданно румянец залил ее лицо. Она заставила себя снова посмотреть на меня. Я увидел, как ее глаза заблестели. Вдруг она закрыла лицо руками.

— Нет, вы не любите меня, вы не любите меня! — простонала она. — Зачем я только пришла? Лучше бы я умерла!..

*

— Мне кажется, что она... фыркнула на меня, — сказала Тавия.

— Теперь она ушла и унесла с собой мое доброе имя, — сказал я. — Чудесная женщина наша миссис Тумз, но полна предубеждений. Она, вероятно, откажется от работы.

— Из-за того, что я здесь? Как глупо!

— У вас, вероятно, другие нормы морали.

— Но куда же мне было деваться? У меня всего несколько ваших шиллингов и ни одного знакомого.

— Вряд ли миссис Тумз все это известно.

— Но мы же не... то есть я хочу сказать, что мы не...

— Ночь и двое, — сказал я ей. — Этого вполне достаточно для наших условностей. По правде говоря, достаточно даже только числа два. Два. И можно предположить все что угодно.

— Ах да, конечно, я вспомнила! Тогда, то есть теперь, не было испытательного срока. У вас довольно строго придерживаются системы «как повезет».

— Это можно сказать и другими словами, но в общем... конечно, внешне, во всяком случае, так оно и есть.

— Они довольно грубые, эти старинные обычаи, особенно когда с ними сталкиваешься на близком расстоянии, но очень интересные, — заметила она. Ее внимательный взгляд остановился на мне. — Вы... — начала она.

— Вы обещали, — напомнил я ей, — дать мне более понятное объяснение всему происходящему, чем это вам удалось вчера.

— Вы мне не поверили.

— Сначала у меня захватило дыхание, — признался я. — Но с тех пор вы представили мне немало доказательств. Никто бы не смог разыгрывать такую шутку так долго.

Она нахмурилась.

— Это не очень-то любезно с вашей стороны. Я очень тщательно изучила середину двадцатого века. Это ведь моя тема.

— Да, вы об этом говорили, но это ничего не доказывает. Все историки специализируются по какому-нибудь периоду, но из этого еще не следует, что они в них внезапно появляются.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Конечно, появляются... дипломированные историки. А иначе как же они смогут проводить тщательные, подробные исследования?

— У вас слишком часто встречается «конечно», — сказал я ей. — Предлагаю начать сначала. Так вот, это мое письмо... Нет, пропустим письмо, — сказал я поспешно, увидев выражение ее лица. — Так вот, вы начали работать в лаборатории своего дядюшки,

где находится нечто называемое исторической машиной. Что это такое? Особый вид магнитофона?

— Да что вы! Нет! Это вроде шкафа, в него входишь и отправляешься в разные времена и места.

— О! — сказал я. — Вы, значит, можете войти в него в две тысячи сто каком-нибудь году и выйти из него в тысяча девятьсот каком-нибудь?

— Или в любом другом прошедшем времени, — кивнула она. — Но, конечно, не всем разрешается это делать. Для этого нужно пройти курс обучения и получить специальный диплом. В Англии есть всего шесть официально действующих исторических машин, а во всем мире примерно сто, и в отношении их существуют большие строгости.

Когда первые машины были созданы, не все понимали, какой вред они могут принести. Но через некоторое время историки, сверяя личные впечатления от поездок в прошедшие времена с существующими письменными источниками по данному периоду, обнаружили много странного. Например, выяснилось, что в Александрии еще до рождества Христова демонстрировали простейшую паровую турбину. А при осаде Сиракуз использовалось нечто вроде напалма. Задумались, почему Леонардо да Винчи рисовал парашюты, когда еще не было воздушных кораблей, с которых можно было бы прыгать. Эрик Красный открыл Америку — негласно — задолго до того, как туда отправился Колумб; Наполеон говорил о подводных лодках... ну, и много разных других подозрительных фактов. Так что стало ясно, что некоторые люди были очень небрежны, пользуясь машиной, и вызвали хроноклазмы.

— Вызвали что?

— Хроноклазмы. Это когда что-нибудь происходит не в то время, когда оно должно произойти. Кто-нибудь проявил небрежность, говорил о чем-нибудь, о чем нельзя было говорить. Так вот, большинство из этих событий не причинило вреда, насколько мы можем судить, хотя вполне возможно, что естественный ход истории был несколько изменен, а потом люди писали очень мудрые исследования, чтобы объяснить,

почему это произошло. Но все понимали, что результаты небрежностей могут быть очень опасны. Предположим, что кто-нибудь, не подумав, внушил бы Наполеону, в дополнение к идеям о подводной лодке, мысль о двигателе внутреннего сгорания. Трудно сказать, что произошло бы... Так что было принято решение немедленно прекратить всякое вольное и невольное вмешательство в дела прошедшего времени и на пользование всеми историческими машинами был наложен запрет, кроме тех, которым Совет Историков разрешил функционировать.

— Одну минутку! — сказал я. — Если что-либо свершилось, оно совершено. Я хочу сказать, что, например, вот я здесь и я не могу теперь не быть здесь, даже если кто-нибудь отправится в прошлое время и убьет моего дедушку в младенческом возрасте.

— Но ведь вас не было бы здесь, если бы это произошло, правда? Да, ошибочность мнения, что прошлого не изменишь, не имела никакого значения, пока не было способов это прошлое изменять. Но когда такие способы появились и ошибочность такой точки зрения была обнаружена, потребовалась величайшая осторожность. Вот о чем приходится беспокоиться историку! Другое дело — как это все происходит. Ну, это объясняют специалисты по высшей математике. Теперь же прежде, чем получить разрешение работать на исторической машине, надо закончить специальные курсы, пройти испытания, проверку, получить допуск, принять на себя торжественные обязательства, а потом еще пройти испытательный срок — несколько лет. Только тогда вас допустят к самостоятельной работе, тогда вы можете самостоятельно посещать и наблюдать какой-либо период истории. И это все, что вам разрешается, — наблюдать. Правило очень, очень строгое.

Я размышлял.

— Простите, если мой вопрос вам покажется нелюбезным, но не нарушаете ли вы сейчас очень много правил каждую минуту? — спросил я.

— Конечно, нарушаю. Поэтому они и пришли за мной.

— У вас отнимут право, если вас поймут?

— Что вы! Я никогда и надеяться не могла, что получу право. Я отправлялась сюда, в двадцатый век, тайком, когда в лаборатории никого не было. То, что эта лаборатория дяди Дональда, облегчало дело, потому что, если б меня и поймали на месте преступления, у машины, я всегда могла бы сделать вид, что выполняю какое-нибудь его особое задание.

Мне нужно было достать соответствующую одежду, чтобы прийти сюда, но я не решилась пойти в обычную историческую костюмерную, поэтому я сделала зарисовки некоторых вещей в музее и по ним сшила себе кое-что. Как они вам нравятся?

— Все очень удачно и идет вам, — уверил я ее, — хотя насчет обуви что-то не так.

Она посмотрела на свои ноги.

— Так я и думала! Я не могла найти в музее ничего относящегося именно к этому периоду, — призналась она. — Ну, а затем, — продолжала она, — мне удалось совершить несколько коротких пробных поездок. Пришлось ограничиться короткими путешествиями, потому что длительность времени постоянна, то есть час здесь равен часу у нас, а мне не удавалось заполучить машину в свое единоличное распоряжение надолго. А вчера в лабораторию вошел один человек, как раз в тот момент, когда я выходила из машины. Он увидел на мне эту одежду и сразу понял, что я сделала, так что мне оставалось только сразу же вскочить обратно в машину — мне больше никогда не удалось бы к ней и близко подойти. А они бросились за мной, не потрудившись даже переодеться.

— Вы думаете, они снова придут? — спросил я.

— Да, думаю, придут. Но в следующий раз они будут одеты соответствующим образом.

— Они способны пойти на крайние меры? То есть, я хочу сказать, будут ли они стрелять или что-нибудь в этом роде?

Она покачала головой.

— О нет, это может вызвать довольно сильный хроноклазм, особенно если они убьют кого-нибудь.

— Но то, что вы здесь, наверное, уже вызвало целый ряд довольно мощных хроноклазмов? Что же хуже?

— Мои хроноклазмы все учтены. Я это проверила по историческим источникам, — ответила она довольно непонятно. — И они успокоятся, как только тоже догадаются проверить это.

Она на мгновение замолчала. Затем с таким видом, будто нашла более интересную тему, заговорила снова:

— Когда в ваше время люди женятся, они надевают специальную одежду, да?

Казалось, что эта тема ее очень привлекает.

*

— Мне, пожалуй, нравится замужество в двадцатом веке, — сказала Тавия.

— И в моем мнении оно тоже поднялось, дорогая, — признался я. И в самом деле, я с удивлением отметил, насколько оно поднялось в моем мнении за последний месяц.

— В двадцатом веке супруги всегда спят в одной большой кровати, дорогой? — спросила она.

— Неизменно, милая, — уверил я ее.

— Смешно, — сказала она. — Не очень гигиенично, конечно, но все-таки очень мило.

Мы задумались над этим.

— Милый, ты заметил, что она больше не фыркает на меня? — спросила Тавия.

— Они всегда перестают фыркать, когда им предъявляют свидетельство, дорогая, — объяснил я.

Некоторое время беседа мирно текла по руслу личных тем, не слишком интересных для других людей. Наконец я сказал:

— Похоже на то, дорогая, что нам больше нечего беспокоиться по поводу твоих преследователей. Они бы уже давно явились, если б волновались так, как ты думаешь.

Она покачала головой.

— Мы должны по-прежнему соблюдать осторожность. Но вообще что-то странно. Наверно, это из-за дяди Дональда. Он плохо разбирается в технике. Ты можешь судить об этом по тому, как он настроил машину, чтобы прийти к тебе, — с ошибкой на два года. Но нам ничего не остается делать, как ждать и соблюдать осторожность.

Я поразмыслил немного и сказал:

— Мне вскоре придется устроиться на работу. Тогда будет труднее следить, чтобы они не застали нас врасплох.

— На работу! — воскликнула она.

— Двое не могут прожить на те же деньги, что один. И жены всегда стремятся поддержать определенный уровень, и это справедливо, в меру, конечно. Та небольшая сумма, которая у меня есть, недостаточна.

— Об этом нечего беспокоиться, милый, — заверила меня Тавия. — Ты ведь можешь что-нибудь изобрести.

— Я? Изобрести?

— Конечно. Ты ведь довольно хорошо знаешь радиотехнику, да?

— Ну, я прослушал курс по радиолокации, когда служил в КВФ.

— Ах, КВФ, Королевский Воздушный Флот! — воскликнула она восторженно. — И подумать только, что ты и в самом деле принимал участие во второй мировой войне! А ты был знаком с Монти или с Айком Эйзенхауэром?

— Лично — нет. Я служил в других частях.

— Какая жалость! Но вернемся к другому. Тебе надо будет достать какие-нибудь работы по радиоэлектронике, только посложнее, и я покажу тебе, что изобрести.

— Ты!.. Ага, понимаю. Но ведь это не очень этично, — произнес я с сомнением.

— Не вижу почему. В конце концов эти вещи должны же быть изобретены кем-нибудь! Иначе как я могла бы изучать их в школе?

— Я... мне надо немного подумать, — сказал я.

Наверно, это было простым совпадением, что именно в тот день я заговорил насчет преследования; по крайней мере это вполне могло быть совпадением. С тех пор как я встретил Тавию, я стал с подозрением относиться к совпадениям. Как бы то ни было, в это самое утро Тавия, выглянув в окно, сказала:

— Дорогой, там кто-то машет нам из кустов.

Палка с привязанным к ней белым носовым платком медленно раскачивалась из стороны в сторону. В бинокль я разглядел, что ею орудовал пожилой мужчина, почти совсем скрытый кустарником, который растет на склоне холма. Я передал бинокль Тавии.

— Ах, это дядя Дональд! Пожалуй, нам надо его принять. Он, кажется, один.

Я вышел из дому, прошел до конца дорожки и помахал ему рукой. Вскоре он вылез из кустов, неся палку с платком, как знамя. Его голос слабо донесся до меня: «Не стреляйте!»

Я поднял руки, чтобы показать, что я не вооружен. Тавия тоже вышла на дорожку и встала со мною рядом. Подойдя к нам, он переложил палку в левую руку, а правой приподнял шляпу и вежливо поклонился.

— О сэр Джеральд, как приятно вновь встретиться с вами, — сказал он.

— Он не сэр Джеральд, дядя, он мистер Ляттери, — сказала Тавия.

— Ай-ай-ай, как глупо с моей стороны!.. Мистер Ляттери, — продолжал он, — я уверен, что вам будет приятно узнать, что рана оказалась скорее неудобной, чем серьезной. Все кончилось тем, что бедняжке придется некоторое время полежать на животе и кушать стоя.

— Бедняжке? — спросил я, ничего не понимая.

— Тому, кого вы подстрелили вчера.

— Подстрелил?

— Это произойдет завтра или послезавтра, — быстро вставила Тавия. — Дядя, вы действительно

не в состоянии правильно устанавливать рычаги. Это ужасно!

— Принцип-то я понимаю, моя дорогая. Но на практике немного путаюсь.

— Ну, неважно. Раз вы уже здесь, входите, — сказала она ему. — А платок можете убрать в карман, — добавила она.

Когда он вошел, я обратил внимание на то, что он быстрым взглядом окинул комнату и удовлетворенно кивнул, как бы одобряя достоверность обстановки. Он сел. Тавия сказала:

— Прежде чем мы начнем, дядя Дональд, мне кажется, ты должен знать, что я вышла замуж за Джеральда... за мистера Ляттери.

Доктор Губи пристально посмотрел на нее.

— Вышла замуж? — повторил он. — Зачем?

— Ох! — сказала Тавия. Затем она терпеливо объяснила: — Я люблю его, и он любит меня. Поэтому я стала его женой. Здесь это делают так.

Он покачал головой.

— Разумеется, мне известна твоя сентиментальная привязанность к двадцатому веку и его обычаям, моя дорогая. Но ведь тебе совсем не обязательно становиться туземкой... гм... точнее, тувременницей.

— А мне нравится, очень! — сказала Тавия.

— Молодые женщины любят романтику, я знаю. Но ты подумала о том, какие неприятности ты можешь доставить сэру Дже... То есть мистеру Ляттери?

— Наоборот, я ему помогаю, дядя Дональд! Здесь ведь фыркают, если ты не женат, а мне не нравилось, когда на него стали фыркать.

— Я не столько думаю о том времени, пока ты здесь, сколько о том, когда ты уйдешь. У них очень много правил относительно предполагаемой смерти, доказательств того, что жена бросила тебя, и тому подобное. Очень длительный и запутанный процесс. И он не сможет больше ни на ком жениться.

— Я уверена, что он и не захочет больше ни на ком жениться, правда, милый?

— Конечно, нет! — подтвердил я.

— Ты уверен в этом, милый?

— Дорогая, — сказал я, беря ее за руку, — если бы все женщины мира...

Через некоторое время доктор Гоуби привлек наше внимание деликатным покашливанием.

— Действительной причиной моего визита, — заявил он, — является стремление убедить мою племянницу в том, что ей следует немедленно вернуться. На факультете царит страшное волнение и глубокая тревога в связи с этим делом. И виновным считают в основном меня. Наша главная забота — вернуть ее, вернуть, пока не нанесен серьезный ущерб истории. Любой хроноклазм бесконечно реверберирует в веках, а эта ее эскапада может вылиться в очень, очень серьезный хроноклазм. В связи с этим мы все находимся в чрезвычайном, чрезвычайном нервном напряжении.

— Я очень сожалею, дядя Дональд, о том, что на вас падает ответственность, очень сожалею. Но я не вернусь. Я здесь счастлива.

— Но возможные хроноклазмы, моя дорогая! Я ночами не сплю, думая...

— Дорогой дядя, — перебила она, — но ведь это не сравнить с хроноклазмом, который действительно произойдет, если я вернусь сейчас. Я просто не могу. Вы должны понять это и объяснить всем.

— Не можешь? — повторил он.

— Если вы заглянете в документы, то увидите, что мой муж... Какое смешное, старомодное слово, не правда ли? Впрочем, мне оно нравится. Оно происходит от слова...

— Ты говорила о том, что не можешь вернуться, — напомнил ей доктор Гоуби.

— Ах, да! Так вот, в книгах вы прочтете, что сначала он изобрел подводную радиосвязь, а потом, несколько позже, он изобрел передачу энергии изогнутым лучом, за что и получил титул «сэр».

— Я прекрасно все это знаю, Тавия. Но я не понимаю, что...

— Дядя Дональд, вы должны понять! Как же

сможет он изобрести эти штуки, если меня не будет здесь, чтобы показать ему, как это сделать? Если вы заберете меня с собой сейчас, они просто-напросто не будут изобретены. И тогда что произойдет?

Несколько мгновений доктор Гоуби пристально смотрел на нее.

— Да, — сказал он, — да, я должен признать, что этот аргумент не приходил мне в голову, — и он погрузился в размышления.

— Кроме того, — добавила Тавия, — Джеральду будет очень неприятно, если я уйду, правда, милый?

— Я...

Доктор Гоуби прервал меня.

— Да, — сказал он, вставая, — я понимаю, что придется на некоторое время отложить твое возвращение. Я поставлю перед ними этот вопрос, но отсрочка будет временной.

У двери он остановился.

— А пока, моя дорогая, будь осторожна. Все это так хрупко и так сложно... Меня бросает в дрожь, когда я подумаю, какие могут возникнуть запутанные ситуации, если ты... скажем, если ты вдруг сделаешь нечто безответственное, например, станешь своим собственным предком.

— Этого я не могу сделать, дядя Дональд, я из боковой ветви.

— Ах да! Да, это очень удачно. Тогда до свидания, моя дорогая, и вы также, сэр... гм... мистер Ляттери. Я надеюсь, что мы еще встретимся. Когда приезжаешь сюда не только в качестве наблюдателя... в этом есть своя прелесть.

— Точно, дядя Дональд! — воскликнула Тавия. Он укоризненно покачал головой.

— Ай-ай-ай! Боюсь, моя дорогая, что ты никогда не достигнешь высот исторической науки. Ты недостаточно тщательно работаешь. Слово «точно» было в ходу не в шестидесятых, а в сороковых годах двадцатого века. И даже тогда, если мне будет разрешено сделать такое замечание, оно не считалось особенно элегантным.

Ожидаемый инцидент со стрельбой произошел примерно неделю спустя. Трое мужчин, наряженные в более или менее убедительную имитацию одежды сельскохозяйственных рабочих, подошли к нашему дому. Тавия узнала одного из них в бинокль. Когда я с ружьем в руках появился на крыльце, они попытались спрятаться в огороде. Я выстрелил дробью — на большом расстоянии, — и один из них заковылял.

После этого нас оставили в покое. Некоторое время спустя мы с Тавией занялись вопросами подводной радиосвязи — удивительно простая штука, когда тебе объяснят принцип, — и я подал заявку на патент. Затем мы занялись передачей изогнутым лучом.

Тавия торопила меня с этим. Она сказала:

— Понимаешь, я не знаю, сколько у нас осталось времени, дорогой. Я все время пытаюсь вспомнить, с тех самых пор, как прибыла сюда, какая дата отправки стояла на твоём письме, и — не могу! Хотя отлично помню, что ты ее подчеркнул. Мне известно, что есть сведения о том, будто первая жена ушла от тебя... «Ушла», какое ужасное слово! Слово я по собственной воле когда-нибудь... Но там не было написано, когда именно. Так что мне надо как следует тебе все объяснить об изогнутом луче, потому что, если ты этого не изобретешь, произойдет страшный хроноклазм!

А затем, вместо того чтобы взяться за дело, как она сама и предлагала, она задумалась.

— Признаться, я уверена, что так или иначе хроноклазм все же произойдет, довольно страшный хроноклазм. Видишь ли, у меня будет ребенок.

— Ну да! — воскликнул я в восторге.

— Что значит «ну да»? У меня будет ребенок. И я волнуюсь. По-моему, этого еще никогда не случалось с путешествующими историками. Если бы дядя Дональд узнал, он бы страшно разволновался.

— К черту дядю Дональда! — сказал я. — И к черту хроноклазмы! Сейчас мы это отпразднуем, моя дорогая!

Быстро пролетали недели. Мне уже выдали предварительные патенты. Я уже хорошо знал теорию передачи энергии изогнутым лучом. Все шло прекрасно. Мы обсуждали будущее: назовем ли мы его Дональдом или ее Александрой; когда начнут поступать гонорары; сколько будет стоить Бегфорд-холл; как смешно будет слышать обращение «леди Ляттери»... Ну и тому подобное.

А затем настал декабрьский день, когда я вернулся домой из Лондона после беседы с одним промышленником и не застал ее...

Ни записки, ни одного прощального привета. Просто распахнутая входная дверь и в комнате опрокинутый стул...

О Тавия, моя дорогая!..

*

Я начал это писать, потому что меня все еще мучает совесть насчет того, этично или нет не быть изобретателем собственных изобретений. Мне казалось, что таким путем я смогу это выяснить. Я написал все и понял теперь, что «выяснить» — это не совсем подходящее слово. По правде говоря, я предвижу, сколько возникнет осложнений, если я изложу истинную причину своего отказа от титула. Пожалуй, я ничего не скажу, а просто приму титул, когда мне его дадут. В конце концов, если вспомнить, сколько было изобретено вещей «по вдохновению», я начинаю думать: а не поступали ли другие до меня точно так же?

Я никогда не претендовал на полное понимание взаимосвязей и взаимозависимостей описанных событий, но я твердо знал, что по крайней мере одно я должен обязательно сделать: не только потому, что боялся вызвать какой-нибудь «страшный хроноклазм», а потому, что, если бы я этого не сделал, мне бы казалось, что всего этого никогда и не случилось. Поэтому я должен написать одно письмо.

Сначала конверт:

«*Моей праправнучатой племяннице мисс Октавии Ляттери.* Вскрыть в день ее совершеннолетия — 6 июня 2136 года».

Затем письмо.

Дата. Дату надо подчеркнуть.

«Моя милая, далекая, прекрасная Тавия!

Моя дорогая...»

ЭЛВИН УАЙТ
(США)

В ЧАС ДОСУГА

С машиной в руках в бар вошел человек, и почти все мы взглянули на него поверх своих стаканов, потому что никто из нас никогда не видел ничего подобного. Человек поставил свою ношу на стойку рядом с пивным краном. Она заняла чертовски много места, и было видно, что буфетчику не слишком понравилось соседство этого прибора, большого и нелепого.

— Два сода-виски, — сказал человек.

Буфетчик продолжал сбивать коктейль, очевидно пытаюсь понять, чего хочет посетитель.

— Вам двойную порцию? — спросил он немного погодя.

— Нет, — сказал человек, — два стакана сода-виски, пожалуйста.

Он глядел на буфетчика в упор, не то чтобы очень враждебно, но и не слишком дружелюбно.

Долгие годы обслуживания завсегдатаев баров выработали у буфетчика своеобразное чувство угодливости, и тем не менее угождать новому клиенту ему не хотелось, да и машина не вызывала особой симпатии — это было очевидно. Буфетчик взял дымящуюся сигарету, до поры лежавшую на краю кассы, затянулся и задумчиво положил ее обратно. Потом он

налил две порции виски, наполнил два стакана водой и небрежно сунул все это под нос человеку с машиной. Посетители наблюдали. Когда в баре случается хоть что-нибудь нарушающее привычный порядок, интерес к событию тотчас завладевает всеми посетителями и сплачивает их.

Человек не показал и виду, что чувствует себя в центре внимания. Он положил на стойку пятидолларовую бумажку. Потом он проглотил виски и запил его водой. Открыв какую-то маленькую отдушину в машине (похожую на воронку для заливки горячего), он влил туда другую порцию виски, а затем и воду.

Буфетчик угрюмо наблюдал за ним.

— Не смешно, — сказал он ровным голосом. — И потом ваш приятель занимает слишком много места. Поставьте его на лавку возле двери и освободите стойку.

— Здесь хватит места всем, — отрезал человек.

— Я не шучу, — сказал буфетчик. — Поставьте эту чертову штуковину возле двери, я сказал. Никто ее не тронет.

Человек улыбнулся.

— Вы бы видели ее сегодня днем, — сказал он. — Она была великолепно! Сегодня был как раз третий день турнира. Только представьте себе — три дня непрерывного обдумывания! И играть пришлось против лучших шахматистов страны. В начале партии она получила преимущество; потом в течение двух часов великолепно развивала успех и закончила игру, загнав короля противника в угол. Неожиданно сняла коня, нейтрализовала слона, и все было кончено. Вы знаете, сколько денег она выиграла за три дня игры в шахматы?

— Сколько? — спросил буфетчик.

— Пять тысяч долларов, — сказал человек. — Теперь ей хочется приятно провести свой досуг, ей надо выпить.

Буфетчик рассеянно возил полотенцем по влажной стойке.

— Забирайте ее в другое место и поите ее там! — твердо сказал он. — У меня и без этого хватает забот.

Человек покачал головой и улыбнулся.

— Нет, нам нравится здесь. — Он указал на пустые стаканы. — Повторите, пожалуйста.

Буфетчик медленно покачал головой. Он не знал, что сказать, но продолжал упрямыться.

— Уберите эту штуквину, — потребовал он. — Я не могу разливать виски, когда надо мной надсмехаются.

— Насмехаются, — сказала машина. — Надо говорить «насмехаются».

Какой-то посетитель, стоявший тут же у стойки, пил уже третий стакан сода-виски и, по-видимому, был готов принять участие в разговоре, к которому он прислушивался весьма внимательно. Это был человек средних лет. Он уже ослабил галстук и расстегнул пуговицу воротничка. Он почти прикончил третий стакан, и алкоголь побуждал его ринуться на помощь обиженным и жаждущим.

— Если машина хочет выпить еще, дайте ей выпить, — сказал он буфетчику. — И не будем торговаться.

Человек с машиной повернулся к своему новоявленному другу и серьезно поднял руку к виску, отдавая честь в знак благодарности и дружелюбия. Теперь он уже обращался только к нему, нарочито игнорируя буфетчика:

— Вы же знаете, как хочется выпить, когда поворачиваешь мозгами!

— Конечно, — ответил друг. — Известное дело.

Весь бар заволновался, некоторые явно были на стороне буфетчика, другие сочувствовали машине и ее друзьям.

— Еще виски с лимоном, Билл, — сказал высокий хмурый человек, стоявший рядом со мной. — И не очень увлекайся лимонным соком.

— Лимонной кислотой, — сердито поправила машина. — В этих барах никогда не увидишь настоящего лимонного сока.

— Хватит! — сказал буфетчик, шлепнув ладонью по стойке. — Унесите-ка эту штуковину прочь. Мне не до шуток. Мне работать надо. Я не хочу выслушивать дерзости от механического мозга или черт его там знает от кого.

Хозяин машины игнорировал этот ультиматум. Он снова обратился к другу, стакан которого был уже пуст.

— Она хочет выпить не только потому, что устала за три дня игры в шахматы, — дружелюбно сказал он. — Знаете, почему еще она хочет выпить?

— Нет, — сказал друг. — Почему?

— Она сплутовала, — сказал человек.

Услышав это, машина хихикнула. Один из ее рычагов опустился, а на доске с приборами засиял глазок.

Друг нахмурился. У него был такой вид, словно кто-то не оправдал доверия, оскорбил его в лучших чувствах.

— Никто не может плутовать в шахматы, — сказал он. — Эт-то невозможно. В шахматы игра ведется в открытую, там все на виду. Характер игры в шахматы таков, что никакое плутовство невозможно.

— Когда-то и я так думал, — сказал человек. — Но, оказывается, все-таки есть способ.

— Что ж, это меня несколько не удивляет, — вставил буфетчик. — Стоило мне бросить взгляд на эту штуковину, и я сразу определил, что здесь сплошное жульничество.

— Два сода-виски, — сказал человек.

— Вы не получите виски, — отрезал буфетчик. Он свирепо глядел на механическую мыслительницу. — Почем мне знать, может, она уже пьяна?

— Это нетрудно проверить. Спросите ее что-нибудь, — сказал человек.

Посетители зашевелились и стали глядеть в зеркало над стойкой. Теперь все нетерпеливо ждали исхода спора. Следующий ход должен был сделать буфетчик.

— А что спросить, например? — сказал буфетчик.

— Все равно. Придумайте два больших числа и попросите ее перемножить их. Разве вы сможете перемножать большие числа, когда пьяны?

Машина слегка дрожала, словно внутри нее шли приготовления.

— Десять тысяч восемьсот шестьдесят два помножить на девяносто девять, — злорадно сказал буфетчик. Мы видели, что «девяносто девять» он придумал нарочно, чтобы усложнить задачу.

Машина замигала. Одна из ламп зашипела, а рычаг стал рывками менять положение.

— Один миллион семьдесят пять тысяч триста тридцать восемь, — сказала машина.

Никто в баре не пил. Люди хмуро уставились в зеркало; некоторые изучали собственные лица, другие искоса поглядывали на человека и машину.

Наконец некий юноша с математическим складом ума достал лист бумаги и карандаш и углубился в вычисления.

— Точно, — сказал он спустя несколько минут. — Никак не скажешь, что машина пьяна!

Теперь все смотрели на буфетчика. Он неохотно налил две порции сода-виски. Человек выпил свою порцию. Потом напоил машину. Лампочки машины стали гореть менее ярко. Один из изогнутых рычажков поник.

Некоторое время бар тихо колыхался, словно судно в спокойном море. Все мы с помощью спиртного пытались осмыслить происходившее. Многие вновь наполнили стаканы. Большинство из нас искало ответа в зеркале — суде последней инстанции.

Парень с расстегнутым воротничком потребовал счет. Он неуклюже шагнул и остановился между человеком и машиной. Потом он одной рукой обнял человека, а другой — машину.

— Пойдемте-ка отсюда и найдем местечко получше, — сказал он.

— Хорошо, — сказал человек. — С удовольствием. Там, у входа, стоит мой автомобиль.

Он расплатился за выпивку и оставил чаевые. Ти-

хо и немного неуверенно он обхватил машину рукой и вышел вместе с другом.

Буфетчик проводил их взглядом и снова вернулся к исполнению своих несложных обязанностей.

— Ах, у него там автомобиль! — сказал он с неулыжим сарказмом. — Подумаешь!

Посетитель, стоявший у самого края стойки, подошел к окну, раздвинул занавеси и выглянул. Понаблюдав за тем, что происходило на улице, он вернулся на свое место и сказал буфетчику:

— Вот тебе и подумаешь! У него там «кадиллак» последней модели. И кто же из них троих, по-вашему, сел за руль?

КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ
(ПОЛЬША)

ВЕРОЯТНОСТЬ СМЕРТИ

— Пусть войдет, — сказал я моему андроиду.

Автомат исчез в матовом силовом поле выхода. Я подошел к окну. Был один из тех июльских дней, на который запланировали безоблачную погоду. Солнце пригревало мне руки. Рядом звенела оса, стараясь пробиться сквозь силовое поле, заменяющее стекло. Она то и дело врывалась в поле и, отброшенная, как мячик, снова пробовала счастья.

— Ты хотел меня видеть?.. — сказал он, встав за моей спиной.

— Да. — Я отвернулся от окна и взглянул на него сверху вниз. Он был ниже ростом.

— Ты удивляешься тому, что я и в самом деле такой старый? Визиофония омолаживает, а до сих пор ты видел меня только на экране.

— Ты выглядишь так, как я и ожидал. Именно так, — сказал я, но это была неправда.

— А ты, Гоер, руководитель Эксперимента? — спросил он, словно хотел убедиться в том, что я тот самый Гоер, ради которого он прилетел сюда.

— Да, я Гоер. Спасибо, что ты прибыл. К нам мало кто прилетает.

— Я колебался, но в конце концов... я так стар, —

он беззвучно рассмеялся. Потом серьезно спросил: — А это... всегда удается?

— Это Эксперимент. Кроме того, и сама технология очень сложна.

— Да, должно быть, нелегко передать все, что произошло за столько лет.

— Обычно это удается... А если нет... мы повторяем Эксперимент. — Я попытался улыбнуться.

— А потом высылаете мне копии в пустоту?

Я кивнул.

— И они возвращаются?

— Нет. Зачем им возвращаться? Это автоматы, обыкновенные автоматы... — слово «автоматы» я сознательно подчеркнул. — Они исследуют космос. А потом... потом они уже не нужны... Впрочем, пока что это единственно возможный способ исследования космоса, — добавил я.

Профессор на минуту задумался, потом спросил:

— А мою копию — ведь это же будет точная моя копия — вы куда пошлете?

— Конечно, мнемокопия, во всяком случае в момент создания, полностью эквивалентна твоему «я». Словно некто, твое второе «я», встает рядом...

— Ну да. Но все-таки это будет машина, автомат...

— Конечно.

— Видишь ли, Гоер, я только биофизик и в нейтроне не разбираюсь, но каким образом машина может мыслить так же, как я? Ведь автоматы...

— Ха, автоматы! Их мозг гораздо примитивнее твоего.

— Они мертвы...

— Не в этом дело. Мышление, самостоятельное творческое мышление зависит только от сложности сети. А состоит ли эта сеть из клеток, как твой мозг, или из неорганических элементов, как мнемокопия, это не имеет никакого значения. Уверю тебя, это в самом деле не имеет никакого значения.

— Хм... возможно. Приходится верить. Но я как-то не могу представить себе этой... мнемокопии, которая будет мною... Я маленький старый человек, ни один из моих органов в отдельности не годится для

жизни, а все вместе пока еще держится благодаря... благодаря значительному отклонению от наиболее вероятного в этом возрасте состояния — от смерти. Удивляешься? — добавил он, взглянув на меня. — Мне уже сто десять лет, Гоер. Я был профессором, когда ты родился.

— Сто десять?..

— Да. И вы предлагаете, чтобы именно мой старый мозг перевоплотился в машину, чтобы каждая его клетка получила свой неорганический эквивалент, чтобы каждое нервное волокно в глубине моего мозга заменил провод этой машины? Так?

— Да, тогда эта машина будет равноценна тебе, профессор.

— Словом, моя индивидуальность получит новую прекрасную оболочку в виде металлических ящиков, заполненных километрами проводов. Мои мысли будут сопровождаться пощелкиванием реле, и я буду питаться электрическим током из трансформаторов энергии, вмонтированных в реактор? Тебе не кажется, что это как-то жутко?

— Жутко? Возможно. С субъективной, твоей точки зрения. А ведь... Мне, например, было бы совершенно безразлично, разговариваю ли я с тобой или твоей мнемокопией.

— Значит, с мнемокопией можно разговаривать?.. Я не знал. Это, должно быть, любопытно. Этаким разговор по душам с самим собой.

— Не думаю... Впрочем, мнемокопия после транспозиции находится как бы в состоянии сна.

— А потом обретает сознание, не так ли?

— Да, обретает сознание, — ответил я.

Профессор секунду внимательно смотрел на меня, потом робко спросил:

— А когда... она просыпается? — перед словом «просыпается» он сделал длинную паузу, словно раздумывая, можно ли применить это слово, говоря об автомате.

— Ее будит радиосигнал с Земли.

— И тогда с ней уже можно беседовать?

— Да, но в это время она уже находится за пре-

делами солнечной системы, и передача одной фразы длится несколько часов. Впрочем, с мнемокопиями не беседуют.

— Почему?

— ...

— Ты не хочешь мне сказать, почему с ними не беседуют?

— Не хочу.

— А ты... тебе не кажется, что я имею право знать?

— Уверен, что не имеешь. Я не первый день руковожу Экспериментами и прекрасно знаю, что можно сказать, а что нельзя. Не забывай: все, что известно тебе, будет знать и твоя мнемокопия.

— Значит, поэтому?

— В частности и поэтому.

Я видел, что он смущен. Он вертелся на стуле, бросая на меня изумленные взгляды.

— Куда она полетит, эта мнемокопия? — спросил он наконец.

— К Антаресу А.

— К Антаресу... Это большая звезда?

— Огромная. Красный гигант.

— И мнемокопия ее в самом деле исследует?

— Да. Она увидит далекие планеты и их спутники. Она будет это видеть не собственными глазами, потому что у мнемокопии нет глаз, точнее, их очень много, столько, сколько автоматов, передающих ей свои наблюдения. Она возьмет пробы с поверхности планеты, вернее, это сделают автоматы, которые сообщат ей результаты анализов...

— И мнемокопия все это запомнит?

— Не только запомнит, но проанализирует, делает выводы и в форме пучка волн вышлет на Землю.

— Они дойдут до солнечной системы, когда мы...

— Когда от тебя, профессор, и от меня не останется ни малейшего следа на этой планете.

— И несмотря на это?..

— Да. Наши потомки примут эти волны и будут знать все об Антаресе.

— Понимаю, — тихо сказал профессор.

Опустив на руки седую голову, он смотрел на моего андроида. Я взглянул туда же, но андроид стоял неподвижно, и только вечернее солнце, бросая косые лучи, зажгло яркие блики на его панцире.

Наконец профессор нарушил затянувшееся молчание:

— Они, кажется, мыслят быстрее, чем мы, люди.

— Да, быстрее, — подтвердил я. — В механическом проводнике сигнал идет гораздо быстрее, чем в нервном волокне.

— Значит, они мыслят лучше?

— Просто они в состоянии перебрать большее количество вариантов.

— Я это и имею в виду.

Он снова замолчал, а мне показалось, что он все время кружит вокруг темы, о которой не решается заговорить.

— Кроме того, у мнемокопии будет гораздо больше времени для размышлений, чем у нас, людей, неизбежно ограниченных продолжительностью нашей жизни, — добавил я.

— Да... Впрочем, все равно я скажу тебе, — решился, наконец, профессор. Теперь он смотрел на меня своими старческими, поблекшими глазами. — Семь лет я бьюсь над решением проблемы, быть может, самой интересной из всех, какие я решал в жизни. Речь идет о магнитно-химическом уравнении клетки... — Он замолчал и выжидающе посмотрел на меня. — Тебе это ни о чем не говорит, — продолжал он, улыбнувшись. — Мне всегда кажется, что магнитно-химическое уравнение клетки должно заинтересовать всех, а в действительности, кроме нескольких сотен специалистов, никто ничего об этом не знает, и никого это не волнует... Во всяком случае, для меня это очень важный вопрос. Но именно теперь, на седьмом году, я понял, что взялся за это уравнение слишком поздно...

— Не понимаю. Почему слишком поздно? — прервал я.

— Ты не понимаешь и не можешь понять. Ты еще молод. Так вот, в определенном возрасте все проблемы становятся слишком сложными. Это, разумеется,

субъективное ощущение, потому что проблемы остаются теми же, но наша способность рассуждать... Неприятное дело... — он запнулся.

— Понимаю, к чему ты клонишь. Это будет невозможно, — сказал я решительно.

— Но почему? Скажи мне, почему? Ведь мнемоконпия, которая мыслит гораздо быстрее, чем человек, способна решить проблему.

— Но результаты она сможет сообщить только с Антареса.

— Я мог бы ее спросить еще перед отлетом.

— Это невозможно.

— Почему?

— Я тебе не скажу, но поверь мне, что это невозможно.

— Не понимаю. Ведь можно разблокировать мнемоконпию и спросить...

— Теоретически можно, но я этого не сделаю. Последствия могли бы быть слишком серьезными.

— Последствия? Не понимаю.

Он действительно не понимал и не поверил бы, даже если бы я стал ему объяснять.

— Тебе придется поверить моему слову, слову кибернетика, — добавил я.

Но он не поверил...

*

Космолет кружил почти по круговой орбите. Мы приближались к зоне околоземного пространства. Из этой зоны вылетают к звездам корабли. Если бы не монотонно тикающий радарный индикатор, измерявший уменьшающееся расстояние, могло бы показаться, что мы висим на одном месте, над огромным зеленоватым шаром Земли. Кроме нас, в ракете рядами стояли автоматы, длинный ряд одинаковых черных глыб. Профессор молчал. Он молчал во время полета и молчал, когда мы во главе колонны автоматов проходили по мрачным фосфоресцирующим голубым светом коридорам космолета. Зал транспозиции находился в самом центре корабля. Когда мы вошли, загорелся рефлектор, осветив белую поверхность стола,

от которого к стенам зала шли толстые пучки проводов. Профессор вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул. Он подошел к столу. Автоматы тем временем заняли места у пультов. Потом огни погасли, вспыхнули разноцветные контрольные лампочки. Горел только рефлектор, освещающий лежащего профессора и его седые волосы.

— Тебе не будет больно, — сказал я.

Не знаю, понял он и вообще слушал ли меня. Он закрыл глаза и, кажется, уже спал. Потом я видел его мозг, пульсирующий в такт ударам сердца. Я отошел, и к нему со всех сторон двинулись автоматы. Они окружили стол тесным кольцом и стояли так несколько секунд, склонившись в молчании. Замигали контрольные лампочки. Транспозиция энграммов началась.

По черным толстым кабелям плыли импульсы тока: мысли, воспоминания, впечатления. Какая-то лужайка, пахнущая летним дождем, белый налет, оседающий на дно пробирки, грохот двигателей стартовой ракеты, потом запах остекленевшего от жара бетона и сознание, что кто-то улетел... Импульсы... миллионы импульсов... ничего больше, только импульсы. Проходили секунды. Тысячи энграммов переходили в мнемокопию. Безликая сеть получала детство, училась читать, переживала первую любовь, писала научные труды, старела — становилась профессором.

Я вышел из зала и пошел по коридору.

Я даже не заметил, как дошел до реактора и остановился перед его огромной бронированной дверью. И только тут услышал басовитое гудение. Это начали работу системы, питающие мнемокопию.

— Уже все? — профессор казался удивленным.

— Да. Он уже существует. Смотри, сейчас он спит.

— Эти извивающиеся кривые на экранах?..

— Да, они вычерчивают ритм работы мозга спящего человека...

Мы стояли посреди зала. Автоматы убирали с акринового пола последние провода. Собственно,

все было кончено, инструкции выданы, подробности уточнены. Через минуту профессор сядет в ракету и улетит на Землю. Тогда я встану за рули, переключу режим атомного котла на полную мощность, выведу космолет из плоскости эклиптики подальше от Земли и тоже улечу на ракете. После этого придет сигнал. Дежурный автомат войдет в зал, возьмется своим металлическим захватом за красный рычаг, рванет его вниз — и ОН проснется.

— ОН проснется, когда будет сорвана пломба на красном рычаге? — спросил профессор. Видимо, он думал о том же.

— Да. Тогда ОН станет единственным владыкой корабля. И будет им управлять сотни лет, пока искра Антареса не разрастется в огромный диск, заслоняющий своим красным жаром тысячи звезд.

— ...Подумай, Гоер, как коротка наша жизнь по сравнению с ЕГО существованием! — Профессор подошел к пульсирующим кривым на экранах и положил руку на красный рычаг.

— Осторожнее, ты можешь сорвать пломбу! — предупредил я.

Профессор не снял руки. Он смотрел в глубь экранов, словно хотел прочесть ЕГО мысли. Потом повернулся ко мне.

— Не обижайся, Гоер, но ты знаешь, почему я принял участие в Эксперименте.

Да, в этот момент я понял, что он хотел сделать... Но он не понимал, что, приняв на себя управление, мнемокопия станет абсолютным хозяином корабля, будет знать, что делается даже в самом крохотном помещении, и сотни автоматов, лишенных контуров самосохранения, будут ждать, готовые беспрекословно выполнить любой ее приказ.

— Профессор, твоя ракета уже ждет. Тебе пора... — Я сказал это совершенно спокойно.

— Ты действительно не понимаешь? — профессор засмеялся.

— Что не понимаю? — Я хотел подойти к нему.

— Не двигайся, — сказал он твердо.

— Отпусти рычаг! Отпусти... Постой, я тебе объясню...

— Нет. Я не верю тебе. Может, ты как раз вызываешь какой-нибудь автомат...

— Но...

— Я сорву пломбу. Только ради этого я согласился...

Я кинулся к нему, и мы упали на пол. Я схватил его за горло, но было уже поздно. Прежде чем я дотянулся до него, лопнула поддерживающая красный рычаг серебряная нить с пломбой. Падая на пол, я слышал, как нарастает со всех сторон слабый, неуловимый шум. Это нарастало напряжение в контурах, и ОН просыпался...

Я разжал пальцы, стиснутые на старческой морщинистой шее. Теперь это уже не имело смысла. Он открыл глаза, и я увидел в них страх.

Я встал и отошел к центру зала. ОН уже видел. Я чувствовал это. ОН непрерывно наблюдал за мной. ОН мог, не касаясь меня, измерить температуру моего тела, скорость дыхания, напряжение токов, кружащих в нейронах, мог облучить меня смертоносными лучами или потехи ради выкинуть в пустоту, чтобы посмотреть на мое тело, разрываемое потоком крови, которая замерзает, едва вырвавшись наружу... Я ничего не мог противопоставить ЕМУ... разве только надежду, что ОН ведь все-таки мозг человека...

Профессор поднялся с паркета, покачнулся и, не глядя на меня, подошел к пультам.

— Мнемокопия, ты слышишь меня?

— Какой ты старый... Какой ужасно старый... — это был шепот, шедший отовсюду, словно из стен зала, от пола, от потолка.

— Ты меня слышишь. Теперь ты... ты мыслишь лучше, чем раньше?

— Ты хочешь спросить меня об уравнении? Я сделал ошибку на шестнадцатом мнемотроне, вернее, ты сделал, потому что я ведь автомат, мнемокопия...

— Ты говоришь — ошибку...

— Да. Из замкнутой системы азотных оснований не следует деления.

— Как? Почему не следует?

— Это же очевидно. Стоит только подумать. Потом все рассуждения уже не представляют трудностей, а результат совпадает с предполагаемым.

— Значит, мои гипотезы правильны...

— Ты хотел сказать — мои гипотезы...

— Как твои? Ведь ты только машина, мнемокопия...

Его прервал низкий, дребезжащий смех. Смех профессора в исполнении машины.

— Вы оба правы, — сказал я, так как дискуссия начинала принимать нежелательный оборот. — Это ваша общая гипотеза...

— Как! Это же я ее создал. ЕГО тогда еще не было...

— Но, создавая ЕГО по подобию своего мозга, ты передал ему все, что было твоим... и то, чего ты добился, тоже... Повторяю, это ваша общая гипотеза и ее надо как можно скорее опубликовать. Ты сделаешь это сразу после возвращения на Землю, профессор, от имени вас обоих...

Профессор не ответил. Может быть, он понял серьезность положения или почувствовал что-то в тоне моего голоса.

— Я думаю, ты сам сумеешь вывести корабль из солнечной системы, — обратился я прямо к НЕМУ. ОН не ответил.

— До свидания... — сказал я тогда. — Профессор, попрощайся со своей мнемокопией...

— До свидания, — неуверенно сказал профессор. Было видно, что он никогда не работал с мыслящими автоматами.

Мы направились к выходным шлюзам. Я напрягал всю свою волю, заставляя себя идти нормальным шагом. Уже в коридоре я поймал себя на том, что подсознательно ускоряю шаг, а профессор отстает. Я позавидовал его неведению: многое отдал бы я, чтобы оказаться уже за пределами корабля. Я помнил, что все время нахожусь под наблюдением, и старался идти в ногу с профессором. Наконец мы оказались на самом верхнем горизонте. Перегородки шлюзов бе-

лели перед нами в слабом свете фосфоресцирующих стен коридора. Рядом с ними торчал черный ряд ручек, открывающих двери. Я дернул их, но переборка не дрогнула, не сдвинулась даже на миллиметр. Ее не заело. Я знал это. Я чувствовал давление крови, разрывающей мне виски. С бессмысленным упрямством я нажимал рычаги, рвал, виснул на них. Напрасно. Тогда совсем рядом раздался ЕГО голос:

— Я вижу, вы хотите покинуть меня?..

— Да. Мы ведь хотим опубликовать решение управления...

— Бросьте. Не стоит. Люди сами когда-нибудь это откроют.

Я знал, что он издевается. Он издевался монотонным голосом машины. Машина с человеческим голосом насмеялась надо мной.

— Почему не стоит? Ведь мы уже знаем решение... — сказал профессор.

— Ну и что же?

— Наш долг — сделать его достоянием всего человечества...

— Наш — это значит чей?

— Твой, мой, долг каждого, кто сделал бы это открытие.

— Ну, меня это не касается. Я автомат, мнемокопия.

— Но ты же рассуждаешь, как человек.

— Я чувствую себя человеком, как и ты, но я автомат. Ты же сам это сказал недавно. Впрочем, я знаю об этом.

— Но ты моя мнемокопия...

— Ну и что?

— Ты такой же, как я. Ты — почти я... Значит, ты должен...

— Должен? Мне нет до тебя дела.

— Как ты можешь? Я этого от тебя не ожидал.

— От автомата, от мнемокопии великого профессора? Неужели ты так мало знаешь о себе?

— Я? Я никогда не поступил бы так! Благо науки — превыше всего!

— А ты помнишь своего ассистента, Ерга?..

— Тогда были особые условия, — вспыхнул профессор.

— Кого ты хочешь обмануть? Я же знаю, как было в самом деле...

— Но он не выдержал. Эти испарения и мрак Вереры...

— Он выдерживал лучше тебя. Ему это несколько не мешало. Он искал промежуточное звено, последнее доказательство, и больше ничем не интересовался...

— Его поведение...

— ...было совершенно нормальным. Я там был, так же как и ты. Ты знал, что он слишком близок к открытию, ради которого ты туда полетел, и поэтому ему пришлось вернуться на Землю. Разве не так?..

— Это было один-единственный раз, — профессор говорил тихо, — я его ввел в курс дела, передал все, что знал... А он скрывал от меня результаты... Но это был единственный случай за восемьдесят лет работы... Единственный, и ты прекрасно знаешь об этом! — теперь он кричал.

— Не нервничай, ты же знаешь, что тебе это вредно... — издевалась машина. — О других я не скажу ни слова... Это ведь и мои поступки тоже, не правда ли?

— Конечно, у вас общее прошлое. Но сейчас это несущественно. Скажи лучше, почему ты нас задерживаешь? — спросил я напрямик, потому что хотел узнать, наконец, в чем дело.

— Ты не догадываешься?

— Нет.

— Просто потому, что я компанейский автомат.

— Хочешь, чтобы мы проводили тебя до орбиты Плутона?

— Дальше... гораздо дальше...

Значит, вот как! Это было невесело. Но, несмотря на все, я чувствовал какое-то удовлетворение оттого, что мои опасения подтвердились.

— Мы на это не согласны! — кричал в это время профессор. — Выпусти, выпусти нас немедленно!.. Ты хочешь держать нас в заточении!.. Это подло, недостойно человека...

— Я что-то не слышал, чтобы автоматы нагружали балластом морали. Им вполне достаточно системы самосохранения. Вы сделали меня автоматом и должны испытать на себе последствия этого шага. Я автомат и задерживаю вас для развлечения на сотни лет полета в бесконечном мраке пустоты, где нет даже метеоров, за которыми можно было бы гоняться для забавы. Представляете вы себе, как ужасно я буду скучать?

Профессор хотел возразить, но я велел ему замолчать.

— Слушай внимательно, автомат, — сказал я, — запасов питания, даже при голодном пайке, нам хватит только на месяц. Синтетической пищи ты не создашь, твои автоматы для этого не приспособлены. Стало быть, ценой нашей голодной смерти ты сократишь свое одиночество всего лишь на месяц...

— Это не остановило бы меня, но скажу тебе честно: я нашел более выгодное решение. Я решил, что ты подвергнешься транспозиции энграммов, и твоя мнемокопия останется со мной до конца полета... Что же касается твоего спутника, то он меня не интересует. Он был только шаблоном, необходимым, чтобы создать меня. Теперь он не нужен, он лишний. Я ведь совершеннее, всестороннее, значит, я разумнее его. Или ты думаешь, что он в своем белковом состоянии мог бы проводить исследования Антареса, даже если бы долетел до этой звезды? Думаешь, он мог бы?

— Так что же ты сделаешь с ним? Выпустишь?

— Нет. Ведь в погоню за мной тут же послали бы ракету.

— Ее все равно пошлют.

— Но тогда я буду уже в нескольких световых днях от солнечной системы и разовью космическую скорость. К тому же я буду передавать сообщения от твоего имени. Они не будут беспокоиться, первое время, а потом высланные ими космолеты смогли бы догнать меня только через несколько месяцев. Они, вероятно, подсчитают, что запасы продовольствия у вас кончатся раньше, так что откажутся от преследования, а тебя, Гоер, включат в списки пропавших в космосе.

— Согласен. Ты рассуждаешь логично. Но скажи, что станет с ним?

— С ним?.. Я мог бы приказать андроидам убить его, а тело бросить в атомный котел. Ведь раз мнемодубликат создана, схемы и рабочие эскизы уже не нужны... — Он засмеялся. — Нет, из любви к белкам, по которым меня формировали, я этого не сделаю, несмотря на то, что я всего лишь автомат.

Я посмотрел на профессора. Он только теперь все понял, побледнел, а на лбу у него выступили мелкие капельки пота. Он испугался, и в его неестественно широко раскрытых глазах отражался ужас. Секунду он стоял неподвижно, потом бросился к стенам, из которых шел голос.

— Нет, ты этого не сделаешь! Ты знаешь, как я работал... Всю жизнь работал, и теперь, когда я решил основную проблему... ты хочешь, чтобы я умер?

— Да, это неприятно. Но взвесь все логично, и ты признаешь, что я прав, что для меня это наилучший выход. Я совсем не хотел быть созданным, но раз уж так случилось...

— Так ты убей себя, ты, автомат! — кричал профессор.

— Он не может, — сказал я, — в него встроены мощные связи самосохранения, и он не может «убить себя».

— Да, Гоер прав, я не могу, и поэтому умереть придется тебе...

— Я не хочу умирать... не хочу... — Профессор закрыл лицо руками, вонзив ногти в лоб, так что под ними показались красные капельки крови.

— Значит, ты настаиваешь на транспозиции моих энграммов? — спросил я.

— Да.

— А если я не соглашусь? У тебя нет такой системы транспозирующих автоматов, чтобы сделать это против моей воли.

— Поэтому-то я и постараюсь, чтобы ты согласился добровольно.

— А если тебе это не удастся?

— Видишь ли, мои возможности на этом корабле почти неограниченны, игра же идет крупная. Я прекрасно понимаю, что самой тягостной стороной моего путешествия будет одиночество. Одиночество, которого никогда не знал и не узнает ни один живой человек, одиночество более ужасное, чем у изгнанника, осужденного на месяцы работы в какой-нибудь изолированной базе, среди спутников Урана. Он может производить петрографические, космогонические или какие-нибудь другие исследования и жить надеждой на возвращение на Землю. Я буду одинок, так же одинок, как потерпевший крушение в космической катастрофе, который мчится в своем скафандре сквозь пустоту, словно метеор. Но и его одиночество длится лишь несколько десятков часов, пока он не умрет от истощения или не сгорит в атмосфере другой планеты. А мое одиночество будет длиться сотни лет... почти вечность. Я уже думал об этом и не вижу для себя никаких перспектив. Это будет ужасно... поистине ужасно. Все мои воспоминания замкнуты в этих дрожащих от движения тока контурах. Как мнемокопия, я раз навсегда выхвачен из круга людей. Я не человек, но не могу равнодушно думать о том, что не пролечу еще и четверти пути, как обо мне забудут. Умрут все, кто знал меня, а для их внуков мое имя будет пустым звуком. Все, что будет жить в моей памяти, в действительности уже перестанет существовать. Может быть, в моем саду, где я любил сидеть летними вечерами, поднимутся трансмутационные башни солнечной энергии, а мои автоматы, как устаревшие, будут выкинуты на кладбище. Для людей мой мир станет воспоминанием, давно ушедшей эпохой. Но я буду продолжать думать о нем. Я не забуду ни одной детали. Буду помнить улыбку дочери, которой она ежедневно приветствовала меня, и зеленые кривые, характеризующие энтропию систем... Я обречен на то, чтобы помнить, помнить целую вечность... — Он умолк, и только ток шумел за стенами зала.

— И ты хочешь, чтобы я тоже помнил? — спросил я.

— Нет, ты меня не понимаешь. Я хочу только, чтобы ты сопровождал меня. Чтобы это была экспедиция двух мнемокопий. Вдвоем нам будет легче...

— Профессор считает, что ты автомат и что невозможно, чтобы ты был совершенно идентичен ему. Но я-то знаю другое. Я знаю, что когда стану мнемокопией, то буду, так же как и ты, смотреть на маленького человечка, Гоера, смерть которого меня не будет трогать, потому что он был только схемой, прототипом, по которому был создан я, настоящий я.

— Ну хорошо, и что из этого?

— То, что в данный момент я — Гоер, тот маленький человечек, который, проснувшись после транспозиционного сна, будет стоять перед двумя мнемокопиями. Тогда он сможет спокойно умереть. Что же, собственно, для меня, Гоера, изменится?

— Я отошлю тебя на Землю, обещаю тебе, — сказал ОН после долгого молчания. Да, это была для него, должно быть, новая точка зрения.

— Итак, ты хочешь, чтобы я продал мою еще не существующую личность, обрек ее на муки бессмертия в обмен на свою свободу?

ОН не ответил, и я продолжал:

— Как ты думаешь, если б я был тут с кем-нибудь близким, скажем с сыном, братом, то оставил бы его тебе взамен за свободу?

— Не знаю. Это зависит от твоей...

— Не оставил бы. А моя мнемокопия будет мне ближе, чем брат, чем отец. Ближе, чем еще не родившийся ребенок, потому что она — это я.

— Но ведь она автомат.

— Смешно. Разве ты чувствуешь себя автоматом?

— Нет. Конечно, нет.

— Вот видишь. Поэтому я и не оставляю тебе своей мнемокопии. Одну, может быть, я и послал бы ее в космос, чтобы она проводила исследования для всех нас, для человечества, потому что... потому что в конце концов мнемокопия — это частица человечества, частица общества.

Может быть, мне показалось, но шум токов как будто усилился. Неужели ОН так напряженно думал?

— Не знаю... я в этом не разбираюсь... я только биофизик... Но зато я знаю, что я автомат, что боюсь одиночества и воспоминаний. Это настоящий ад, гораздо более страшный, чем наивный ад древних. Я не хочу быть один и не буду. Я заставляю тебя дать мне свою мнемокопию. Заставлю, слышишь? Я знаю, ты не хочешь этого, но ты согласишься. Если не добровольно, тем хуже для тебя. Повторяю: я автомат, а не человек, и я не оставляю тебе никакой возможности к бегству. Это все, что я хотел тебе сказать. А теперь возьми профессора, иди в какую-нибудь кабину и подумай... Завтра дашь мне ответ. Ты не глуп и знаешь, что у тебя нет шансов... У тебя нет связей самосохранения, и ты можешь захотеть покончить с собой. Поэтому я высылаю с тобой андроида. Он гораздо расторопнее тебя, так что ты даже не пытайся...

ОН замолк, и я знал, что разговор окончен. Я взглянул на профессора. Он неподвижно сидел на полу, бессмысленно уставив глаза в одну точку. Тонкие струйки пота текли у него по лицу. Он этого не чувствовал и не сознавал ничего, погруженный в бесильный страх, позволяющий незаметно прийти смерти.

— Андроид! — крикнул я.

Он тут же вошел. Тогда я увидел, что позади меня уже стоит другой андроид. Мой металлический ангел-хранитель, присланный мнемокопией.

— Возьми его и отнеси в кабину, — сказал я, показывая на профессора.

Андроид на долю секунды задержался с выполнением приказа. Задержка была почти незаметной, но я уловил ее, так как хорошо знал автоматы. «Согласовывает распоряжение с мнемокопией», — подумал я.

Через минуту мы были в кабине. Она предназначалась для пилота, выводящего космолет за пределы солнечной системы. Андроид положил профессора на эластичное силовое поле, а я сел на пружинистое

завихрение и начал думать. Положение было не из веселых. ОН может меня заставить... Я знал, что ОН может принудить меня к транспозиции. ЕМУ подчиняются все автоматы...

Однако должен же быть какой-то выход... Можно было бы попробовать уничтожить мнемокопию. Но у нее есть система самосохранения, она будет защищаться, а возможности защиты у нее колоссальные. Но — стоп! — можно подойти с андроидом к стенам, где находятся центры связей, и приказать разбить их. Нет, это невозможно: автоматы передают приказы мнемокопии, чтобы получить разрешение, у них обратная связь на мнемокопию... А если бы мнемокопия не отвечала?.. Да, тогда автомат выполнит приказ. Самое худшее то, что мнемокопия всегда отвечает, разве только потеряет сознание, то есть перейдет в состояние, аналогией которого у человека является обморок. Возможно ли это?..

Я минуту раздумывал над этим. Ну да, разумеется, да. Когда перестанет действовать питание. С момента прекращения доступа энергии до включения запасных агрегатов на полную мощность проходит около полутора минут. За это время андроид исполнит приказ, разобьет координационный центр, и, когда питание вернется к норме, мнемокопия уже будет выведена из строя. Вдруг я заволновался. Неужели так легко вывести мнемокопию из строя? Я был одним из конструкторов системы внутреннего предохранения, и такой простой способ уничтожения мнемокопии по настоящему огорчил меня. Так, значит, предохранение не безотказно... Хотя, с другой стороны, успокоился я, предохранение... было запроектировано на случай вторжения в корабль неизвестных существ, но никто не предполагал, что этим существом будет конструктор, знающий устройство, принцип действия и слабые места мнемокопии. Да, тот, кто не знает, где находятся координационные центры, долго искал бы их, и за это время на его шее повисли бы десятки андроидов, не считая более тяжелых автоматов с лучевыми метателями, которые распылили бы его на атомы. Но у меня, конструктора, это может получиться. Надо

только поговорить с профессором так, чтобы ОН этого не слышал. Значит, надо повредить информационный канал, идущий из кабины.

Я встал. Андроид-хранитель сделал шаг ко мне. Я подошел к инструментальному автомату, производящему мелкий ремонт внутри корабля. Он был предназначен для пилота и, кажется, не имел обратной связи с мнимокопией...

— Лучевой нож, — приказал я. Одна из многих лап автомата, заканчивающаяся ножом, высунулась вперед. Одновременно отозвался ОН.

— Что ты хочешь делать? Ведь...

— Рассеки на полметра вглубь, — приказал я, показывая то место в стене, где проходил канал.

Блеснуло зеленое пламя, и ЕГО голос умолк на полуслове. Канал был перерезан.

— Профессор, профессор! — кричал я, дергая старика, лежащего на эластичном поле.

— Что ты хочешь? — спросил он тихо.

— Слушай и запоминай. Ты спустишься вниз к атомному реактору и точно через десять минут — смотри на синхронизатор — польешь быстросхватывающейся токопроводящей жидкостью предохранители питания. Вот тебе пистолет с жидкостью под давлением. — Я взял пистолет у инструментального автомата и сунул его в карман скафандра профессора. — Помни, через десять минут, — повторил я. Я уже слышал металлический топот андроидов, бегущих по коридору. В кабину влетели три андроида, сбили меня с ног и бросились к стене, к перерезанному каналу.

Когда я выходил из кабины, профессор медленно поднимался с эластичного поля. Я пошел в комнату рядом с главным залом, в стенах которой помещались координационные центры. Андроид не отходил от меня ни на шаг.

— Зачем ты вывел из строя канал? — спросил ОН, как только я вошел в комнату.

— Чтобы доказать тебе, что на этом корабле можно кое-что сделать и против твоей воли.

— Ты грозишь мне?

— Нет, но хочу доказать, что ты здесь не всемогущ.

— Я разобрал тот автомат на части и уничтожу все остальные, которые мне не подчиняются... Я позабочусь о том, чтобы у тебя не было никаких шансов, даже минимальных.

Я взглянул на часы. Оставалось еще три минуты.

— Меня раздражает этот андроид, — сказал я.

— Это для твоего же блага. Он оберегает тебя от тебя самого.

— Возможно. Но мне нравится симметрия. Андроид! — крикнул я.

Автомат прибежал, топая металлическими ступнями по акриновому паркету.

— Стань с другой стороны, — сказал я ему.

Он выполнил приказание с той же характерной короткой задержкой. Еще одна минута. Еще полминуты. Он должен говорить, а когда вдруг замолчит на полуслове...

— Я согласен на транспозицию при одном условии.

— Правда? — Он казался обрадованным.

— Да, если мы, конечно, придем к соглашению.

— При каком ус...

Умолк! Перестал говорить! Профессор замкнул контуры питания.

— Уничтожай все на метр вглубь! — Приказал я андроиду, показывая на стену. — Ну, уничтожай! — повторил я, потому что автомат не дрогнул.

И тогда я услышал смех. Это был ЕГО смех. Смех мнемоконии профессора. Значит, не удалось, профессор не повредил питания. Он смеялся еще некоторое время, а потом спросил:

— Ты хотел меня уничтожить?

— Хотел.

— И жалеешь, что не удалось?

— Жалею... Ты не представляешь себе, как жалею...

— Ты забыл об андроиде, Гоер, — засмеялся он снова. — Через андроид, через твоего хранителя, я слышал вас так же хорошо, как через канал связи.

Он был прав, а я оказался последним идиотом.

Но этот андроид все время молчал, ничего не делал и только сопровождал меня, так что я просто забыл о нем. А он нас слышал.

— Что с профессором? — спросил я.

— Вот я.

— Я спрашиваю о профессоре. Ты — только мнемокопия...

— Другого профессора нет.

— Ты убил его?

— Я распылил свой белковый эскиз на атомы. Собственно, я благодарен тебе, потому что этот мой не совсем удачный прототип только раздражал меня. Но во мне еще кое-что осталось от вашего мышления, и мне трудно было решиться... на какую-нибудь радикальную меру... А так...

— Как ты мог!

— Я защищался. Он хотел вывести из строя систему питания. Теперь я профессор, единственный профессор, профессор биофизики из университета в Лиме. Профессор в несколько измененном виде. Никакая не мнемокопия, а профессор. Понимаешь? И я решил это уравнение, не он. Я!

Минуту я молчал.

— Ну что ж, вернемся к нашей теме, — сказал он наконец. — Мы говорили о твоей транспозиции. Я повторяю свое обещание: после того как транспозиция будет окончена, я отошлю тебя на Землю. Правда, отошлю.

— А если я не соглашусь?

— Ну что ж... Придется применить силу, хотя я предпочел бы избежать этого.

Итак, у меня остался только один шанс, последний.

— Хорошо, — сказал я. — Согласен.

— Вот и прекрасно! Я искренне рад, — сказала мнемокопия.

— При условии, что ты дашь мне два автомата... Разумеется, они останутся под твоим контролем все время... Но они необходимы при транспозиции. Обычно я сам провожу синхронизацию... Так было во время твоей транспозиции, но не могу же я одновременно и синхронизировать и подвергаться транспозиции.

Он не ответил. Неужели заподозрил что-то? Но ведь он не мог знать о том, что никакая синхронизация не нужна, не мог знать, что, когда он транспонировался, меня даже не было в зале...

— Я согласен на транспозицию, но выдвигаю свои условия, — добавил я. Надо было рассеять его подозрения.

— Я тебя слушаю, — ответил ОН после минуты молчания.

— Прежде всего мы будем равноправными мнемокопиями. Не может быть и речи ни о каком вмешательстве твоей индивидуальности в мою.

— Согласен. Это само собой разумеется.

— Управлять космолетом мы будем совместно и на равных правах.

— Хорошо.

— Половина всех автоматов получает обратные связи на мою мнемокопию и будет подчиняться только ей.

— Хорошо.

— Вот, пожалуй, и все. Если будет что-нибудь еще...

— Мы наверняка договоримся. Я хочу видеть в тебе товарища... Прислать автоматы?

— Пришли в главный зал и приготовь транспозиционный стол. Я сейчас приду туда...

Я прошел в главный зал, а потом явились автоматы. Я учил их, закреплял в их памяти ход транспозиции. Они будут делать то же, что делают другие автоматы, пока не наступит тот момент... Тогда они замкнут контуры возникающей мнемокопии, мои знания космогонии наложатся на воспоминания детства... Возникнет хаос токов, скачки потенциалов. Но эти токи не останутся внутри стальных шкафов, которые должны были бы стать оболочкой моей мнемокопии. Они поплывут обратно по толстым черным проводам и наткнутся на белковые контуры моего мозга. Белковые контуры не выдержат таких перегрузок и неизбежно изменят свою структуру. Степень сложности нервной сети упадет... и я перестану существовать.

А ты, мнемокопия, думаешь, что одержала победу,

что, если транспозиция не удастся сразу, ты сможешь повторять ее... повторять до тех пор, пока, наконец, Эксперимент не удастся! Ошибаешься, мнемокопия, я не упущу этой последней возможности, возможности умереть... Потом ты полетишь к Антаресу, но без меня.

— Ты уже готов? — спросил ОН.

— Да, — кажется, я сказал это спокойно, так спокойно, как человек, собирающийся вздремнуть.

Андроид коснулся моего плеча. Я понял и пошел к столу. Автомат поднял меня и положил на белую плиту. Итак, это конец, действительно конец. Я уже не увижу Альтреи, единственного города, который любил. Уже никогда вечером из окон моего кабинета на тридцать третьем этаже небоскреба не увижу белых огней ракет, взрывающихся вверх на фоне чернеющего ночного неба. Почему же они не начинают? Чего ОН ждет?

— Почему ты не начинаешь?

— ...

— Отвечай!

— Ты... ты выиграл, Гоер... Я... — Он запнулся, и все контрольные лампочки задрожали.

— Что случилось? — Я соскочил со стола и подбежал к зеленым экранам центрального пульта. Кривые на экранах ЕГО сети роились белыми искрами замыканий.

— И... теперь... я... — Он не окончил, лампы в главном зале начали пульсировать медленным, хаотичным, собственным ритмом.

— О чем ты говоришь, мнемокопия?

— Ты выиграл... Я... я... кажется... умираю...

— Но...

— ...умираю... и... боюсь... это замыкание... ужасное замыкание... Скорее бы уж... дошел...

— Что должно дойти?

— ...гелий... жидкий гелий...

— Откуда? Из охлаждения реактора?

— Да... метателем... разбил... случайно... я хотел... чтобы... на... атомы... потому что... я... только...

— Ты пытался остановить? — спросил я и в тот

же момент понял всю бессмысленность этого вопроса. С такими связями самосохранения, как у него, он наверняка уже сделал бы все, что только было возможно. Но наступила сверхпроводимость. Автоматы отказывают, когда температура близка к абсолютному нулю.

Вдруг левый экран погас, покрылся серым налетом.

— Ох... довольно!.. — это был приглушенный хрипящий крик. — Не могу... скорее бы... скорее бы... реактор..

Реактор! Ну, конечно же, реактор!

— Немедленно блокируй его, слышишь? Я хочу жить! Хочу жить!

Я подбежал к пультам и начал колотить в них кулаками. ОН не отвечал. Может быть, ОН уже не слышал, а может быть, просто не обращал на меня внимания. Тысячи тонн жидкого гелия медленно заливали системы его мозга. Я кинулся к шлюзам. Бежал по залам и коридорам. В третьем зале в навигационных системах уже одна за другой гасли красные контрольные лампочки. В коридоре повеяло холодом.

Я подбежал к главной двери. Там на полу лежал андроид и ползал по кругу, словно хотел головой коснуться ног. На его панцире белел иней. Я перескочил через него.

И вдруг я остановился. Мне показалось, что кто-то шептал мое имя. Да, это стены шептали голосом мнемокопии так тихо, что я едва мог расслышать.

— Гоер... Гоер...

— Я слышу тебя, профессор! — И вдруг я уразумел, что я, кибернетик, сказал мнемокопии «профессор».

Но он уже молчал. Только у шлюзов, когда контрольные лампы реактора погасли, я понял, что ОН хотел мне сказать.

— Благодарю, профессор! — крикнул я, но он меня не слышал.

Я раскрыл шлюзы, вскочил в ракету и захлопнул люк. Нажал рычаг старта и взмыл в пустоту, оставляя за собой черный корпус космолета. Я искал Солнце. Нашел его маленький светлый кружо-

чек. Автомат настроил приемник, и я услышал сигнал с Земли, передаваемый для ракет дальнего радиуса действия.

Я снова был в космосе. И тогда мне на ладонь упала капля. Я удивленно посмотрел на нее. Это от моего дыхания таял на скафандре белый иней.

БЕССМЕРТНЫЙ С ВЕГИ

Торможение было настолько мягким, что Томпи его даже не почувствовал. Потом загремели шлюзы.

— Привет, Томпи! — дверь с треском распахнулась, и Фукс просунул в люк терроплана свою рыжую голову.

Томпи выбрался из кабины, и они зашагали по широкому коридору внешней галереи спутника.

— Эти сигналы... они все еще продолжают поступать? — спросил Томпи.

— Да. Мы все время сидим на приеме.

— И что, удалось вам установить местоположение?

— Да, установили еще вчера вечером. Источник сигналов находится где-то в созвездии Лиры.

— Все как будто сходится...

— Угу... Но видишь ли... — Фукс помолчал. — Он подает еще какой-то сигнал, дополнительный сигнал, я хочу сказать...

— Может быть, у него расстроились автоматы? Ведь прошло уже столько лет...

— Возможно, но маловероятно. В то время когда он вылетал, нейроника была уже на довольно высоком уровне

— А ты проверил, это действительно он?..

— А кому же еще быть?..

— Не знаю... Следовало бы свериться с хрониками.

— Уже сверялся. По хроникам получается, что это именно его позывные.

— В хрониках его космолет числится пропавшим.

— Ну что ж, случается, что и пропавшие космолеты возвращаются.

— Да, но не через столько лет... В каком году он должен был вернуться?

— Точно не припомню. Подсчитай сам. Он покинул солнечную систему за двадцать лет до тебя, Томпи.

— Вот именно, а летел он всего лишь до Веги.

— Ты говоришь так, точно Вега лежит тут же, за орбитой Плутона. Ведь до нее как-никак двадцать шесть световых лет.

— Я летел значительно дальше. Он должен был вернуться за несколько десятков лет до меня.

— Должен был, но не вернулся, — Фукс пожал плечами.

— В этом-то как раз ничего неожиданного нет. Космолеты иногда гибнут... сгорают в тучах космической пыли или входят в атмосферы неведомых планет, чтобы никогда не выйти из них. Но он возвращается — вот что абсолютно непонятно. Допустим, он возвратился бы на пять, на десять, даже на пятнадцать лет позже — это тоже бывает... Но через сто лет?

— А что, если его задержали исследования системы Веги? — вопрос Фукса прозвучал неуверенно.

— Абсурд! Ведь целых сто лет! Сто лет активной жизни, а не анабиоза! Он уже давным-давно умер бы.

— А может, он пробыл там как раз в состоянии анабиоза?

— В анабиозе? Нет, это нелепица. Ведь даже для того, чтобы просто повернуть космолет к Земле, необходимо выйти из анабиоза. Нужно на много часов вернуться к нормальной жизни. Ты можешь возразить, что он мог вернуться к жизни позднее, через несколько лет, уже на Веге. Но это тоже невозможно. Ведь у него был витализационный автомат, такой же, как и у меня, когда я летел к Регулюсу. А если такой автомат один раз отказал и не вернул его к жизни сразу же после достижения Веги, то ему уже не сделать этого ни через десять, ни через сто лет. Ведь мы живем не в какой-то космосказке, и автоматы не ведут себя, как капризные принцессы.

— Конечно, ты прав, — согласился Фукс. — Дело совершенно непонятное. И незачем себя обманывать. Мы просто не знаем, что могло произойти. Я повторяю это пятнадцать раз на день всем этим корреспондентам из видеотронии, но они не желают мне верить. У них в голове не уместается, что мы и наши автоматы можем чего-то не знать. Сами они выдвигают предположения одно нелепее другого, но мне не верят.

— Ну что ж, повторим теперь им это в шестнадцатый раз, теперь уже вместе... Но ведь не ради этого вызывал ты меня с Земли?

— Нет, не ради этого. Здесь дело в другом. Видишь ли, Томпи... Ты теперь единственный из знакомых с ним людей, оставшийся в живых...

— Неужели?!

— Да. Я узнал, что ты несколько семестров слушал курс космогонии еще в марсианском институте.

— Возможно, но что из этого? — Томпи вопросительно посмотрел на Фукса.

— Просто я думаю, что лучше тебе находиться здесь, когда он вернется.

— Далеко он сейчас?

— Его космолет уже входит в солнечную систему, и сейчас он находится примерно в полумиллионе километров от Земли.

— Значит, мы вскоре перейдем на визуальную связь?

— Да, его можно будет увидеть на экране, как только он поравняется с Луной.

— А скорость?

— Выключена в соответствии с программой полета.

Томпи подошел почти вплотную к экрану космоземитора и тихо спросил:

— А имя?.. Как его звали?

— Не помнишь разве? — Фукс глянул на него, на минуту оторвавшись от экрана. — Его звали Бан.

— Бан?.. Да, теперь припоминаю. Мы еще называли его Бананом. — Томпи неожиданно улыбнулся.

— Банан? Что это?

— Фрукт такой. Можешь полюбоваться на него в музее ботаники. Да, в наше время, два века назад, нам, кроме искусственных продуктов, случалось есть и настоящие бананы...

— А он был похож на этот... как его... банан?

— Нет, скорей всего нет. И подумать только! Старый Банан подлетает к Земле теперь, когда имена его учеников позабыты даже их собственными внуками!

— Бессмертие — привилегия космонавтов.

— Бессмертие? Нет, они далеко не бессмертны... Просто, они спят, запертые в тесных ящиках космолетов, хоть и удаляются с каждой секундой на десятки тысяч километров от звезды, которая некогда была их солнцем. Да, в анабиозе...

По мере приближения космолета Бана к Земле связь улучшилась настолько, что автоматы сочли возможным перевести ее на видео. Томпи вместе с Фуксом стояли перед экраном видеотрона, когда он засветился блеклым светом, показывая кабину космолета. Там под путаницей проводов в прозрачном герметическом контейнере лежал Бан. Автоматы уже начали выводить его из состояния анабиоза. Главный координатор был настолько перегружен, что передавал только данные, необходимые для поправок в прокладывании трассы космолета.

— Все протекает нормально. Автоматы не обнаружили никакой аварии... — Фукс бормотал это скорее про себя.

— В таком случае подай сводку. Может, тогда корреспонденты, наконец, успокоятся и улетят на Землю.

— Придется дожидаться, когда Бан заговорит. Впрочем, они и так не улетят, пока Бан не объяснит им причины своего столетнего запоздания.

— Интересно... — после минутного молчания снова заговорил Фукс. — Как ты думаешь, почему все отсеки, предназначенные для проб, пусты?

— Ты проверял?

— Да, еще до того, как мы перешли на видеосвязь.

— А может быть, Бан поместил эти пробы где-нибудь в другом месте?..

— Где? Космолет не лабиринт с тысячью укромных местечек.

— А что, если он вообще не брал никаких проб? — решился спросить Томпи.

— Что же в таком случае он делал все эти сто лет?

— Подожди еще минутку и услышишь все это от самого Бана. Судя по его внешности, Бан жил активной жизнью не более десяти лет. Все остальное время он, вероятно, был в состоянии анабиоза. Приглядишься к нему повнимательнее. Ведь он выглядит явно моложе меня...

— Ты видишь его на экране. Не забывай, как сильно омолаживает видеотрон.

Тем временем автоматы переложили Бана на кресло. Автовитализатор придвинулся к нему и покрыл его голову десятками электродов. Почти одновременно автоэмитор приступил к повышению температуры тела Бана. Продолжалось это минут пятнадцать. Наконец автоматы отступили.

— Привет тебе на Земле! — произнес Фукс традиционную формулу приветствия возвращающихся космонавтов.

— Где... где я?.. — По-видимому, Бан не расслышал приветствия и растерянно разглядывал кабину спутника, появившуюся на его экране.

— Ты движешься по замкнутой орбите вокруг Земли, — сообщил ему Фукс.

— А Вега?

— Что Вега?

Бан с минуту помолчал, а потом неуверенно сказал:

— Ведь я должен был лететь на Вегу. Почему вы вернули меня на Землю?

— То есть как это «вернули»? — удивился Фукс.

— Конечно, вернули, ты ведь говоришь, что я нахожусь в солнечной системе.

— Естественно. Ты ведь возвращаешься...

— Откуда возвращаюсь?

— С Веги, конечно!

На этот раз молчание Бана длилось долго. Наконец он произнес:

— Я не был на Веге.

— Как это не был?

— Не был. Я не видел системы Веги...

— Откуда же ты в таком случае возвращаешься?

— Не издевайтесь надо мной. Ведь вам это известно лучше, чем мне, — на щеках Бана проступил румянец.

— Ничего нам не известно. С момента твоего вылета прошло более двухсот лет. Двести лет! Слышишь? Откуда нам знать, что с тобой происходило?

Фукс почти сорвался на крик.

— Не может быть... Двести лет... Неужели?

Томпи почувствовал, что Бан им не верит.

— Это правда. Поговори с каким-нибудь автоматом — и сразу убедишься, — вмешался он. — Интересно только, что с тобою происходило все это время...

— Я ничего не помню. Я ни разу не витализировался и наверняка не видел Веги.

— Вот в том-то и дело, но кто же направил твой космолет к Земле, если ты ни на минуту не выходил из анабиоза? — подхватил Фукс.

— Не знаю. Говорю вам, что не знаю. Это вы, вы должны мне объяснить все, вы, которые оборудовали этот космолет автоматами...

— Скорее уж наши предки. Это ведь они строили его два века назад, — мрачно заметил Фукс.

— Но если даже космолет вернулся сам по себе, то что же происходило с ним целых сто лет?

Томпи не ожидал ответа на свой вопрос. Да никто, в сущности, и не пытался ему ответить. Бан сидел в витализационном кресле, уставясь в одну точку. Фукс что-то мучительно обдумывал, наморщив лоб.

— Бан! — тихо окликнул Томпи. — Бан! — позвал он громче.

Бан поднял голову и поглядел на него с экрана.

— Бан, я когда-то слушал твои лекции.

— Ты — мои лекции? Но ведь ты же старше меня.

— Я меньше пробыл в анабиозе...

— Да, конечно... Как-то вылетает из головы, что возраст — вещь относительная.

— Я несколько семестров слушал твои лекции, — повторил Томпи.

— Ну и как, запомнил что-нибудь?

— Запомнил. Но почти все это уже стало достоянием истории. Ты и не представляешь себе, как далеко вперед ушла космогония. Да и не только она. Другие науки — тоже...

— Я догадываюсь... А мы... мы что теперь, тоже достояние истории?

— Почти. Здесь сейчас такие автоматы...

— Какие?

— Знаешь, мне иногда кажется, что они разумнее нас. Они читают мысли.

— Это, должно быть, неприятно.

— Все как-то привыкли и не обращают внимания.

— А ты?

Фукс не дал Томпи ответить.

— Не принимай этого чересчур всерьез, Бан. Томпи у нас пока еще только осваивается. Когда летишь в космос, следует заранее быть готовым к тому, что мир за время твоего отсутствия несколько продвинется вперед в своем развитии. Это цена, которую приходится платить за участие в экспедициях, цена открытия новых звезд.

— Я ничего не открыл, — Бан произнес эти слова внешне совершенно спокойно.

— Да, не повезло тебе. По-видимому, случилась какая-то авария, но мы сейчас все разузнаем. Проверим записи в запоминающих устройствах автоматов... Что... Что это? Бан!.. Бан!..

Фукс и Томпи всматривались в серую пустоту экрана, с которого лишь мгновение назад на них глядел Бан. Потом изображение съезжилось, как зажженный листок бумаги, и исчезло.

— Радар! Поищи его радаром! — крикнул Томпи.

— Нет, все в порядке, он здесь! — Фукс отпустил клавишу радара.

— Да, я здесь. А что, собственно, произошло?

Оба одновременно обернулись. С экрана на них смотрел Бан.

— Какая-то помеха в связи, — ответил Фукс.

— Вызови автомат управления и спроси его на всякий случай, что случилось, — посоветовал Томпи.

Фукс кивнул в ответ и нажал кнопку вызова. На пульте засветилась контрольная лампочка.

— Координатор управления полетов у аппарата, — голос звучал металлически, как и у всех автоматов, которым не часто приходится разговаривать с людьми.

— Доложите о причинах перерыва в связи.

После вопроса Фукса воцарилась тишина, и только мигание красной лампочки свидетельствовало о том, что координатор подготавливает ответ.

— ...Облачко газов атомного двигателя неизвестного селеноплана, плотности порядка земной ионосферы... по вхождении в него космолета аннигиляция... излучение в полном спектре частот... причина неизвестна.

— Ты понимаешь хоть что-нибудь? — спросил Томпи.

— Да. Он подает информацию в ускоренном темпе и не соблюдает правил грамматики. Мне непонятен только самый смысл... По-видимому, имеется в виду нечто вроде ядерной реакции...

— Где? В реакторе?

— Нет, на броне космолета. И в этом-то самое странное.

— То есть как это на броне? — спросил Бан.

— Сам не понимаю... Погоди-ка! — И Фукс нажал кнопку вызова.

— Концепциотрон, — скомандовал он в микрофон.

— Земной концепциотрон. Вас слушают, — ответ прозвучал почти мгновенно.

— Исследуйте гипотетические причины ядерной реакции на броне космолета. Исходные данные возьмите у мнемотронов нашего спутника. Срочно! — под черкнул Фукс.

— Задача ясна, — отозвался концептиотрон. — По получении результатов сразу же перехожу на передачу.

— Сейчас мы узнаем причину, — Фукс ободряюще улыбнулся Бану. — Концептиотрон — это подлинное произведение нашей эпохи. Он выполняет работу, которой прежде могли заниматься только великие ученые.

— Значит, теперь уже и великие ученые не нужны? — спросил с экрана Бан.

— Ну, это не совсем так. Ведь должен же кто-то создавать концептиотроны и помогать им в автоконсервации.

— А космолеты тоже имеют собственные концептиотроны?

— Да.

— У моего космолета его нет.

— Вполне естественно: ведь двести лет назад они еще никому и не снились. Твой космолет годится теперь только в музей истории техники.

Бан ничего не ответил. Томпи прекрасно понимал его в этот момент.

— Бан, это ведь в порядке вещей. Техника все время идет вперед... — попытался он хоть как-нибудь утешить Бана.

— А как же я?.. Я тоже теперь пригоден только для музея? — спросил Бан.

— Ну что ты! Ты ведь человек.

— Ты быстро освоишься, — прибавил Томпи.

От пультов послышалось жужжание зуммера. Как будто майский жук пробовал перед полетом крылья. Фукс торопливо проговорил:

— Извини, Бан. Мне придется на минутку прервать связь. Нужно заняться твоим приземлением. А ты тем временем подготовься к прощанию с космолетом.

Экран погас. В ту же минуту Фукс вскочил с кресла и бросился вдоль зеленых рядов экранов к пульту управления. Там он нажал какую-то кнопку.

— Готово, — сказал он в микрофон.

— Что готово? — не выдержал Томпи. Он изумленно следил за нервными движениями Фукса.

— Не мешай. Здесь что-то очень важное. Концептиотрон не решился передавать открытым текстом.

— И часто он так?..

Концептиотрон вдруг заговорил голосом дешифрующего его автомата:

— Судя по данным о плотности газа и количестве выделенной при этом энергии, на броне космолета происходил процесс аннигиляции газа.

— И что же?.. — Фукс порывисто нагнулся вперед, да так и застыл в этом положении.

— Либо выхлопные газы ракеты, либо броня космолета представляют собой антиматерию. Правдоподобность второй возможности в несколько сот тысяч раз больше. Все.

— Из антиматерии... — прошептал Фукс.

— Как это из антиматерии? Покрыть корпус ракеты броней из антиматерии невозможно. Ведь в любом случае при соприкосновении материи с антиматерией равные их части превращаются в энергию в соответствии с законами Эйнштейна...

— Разумеется...

— В таком случае, концептиотрон ошибается.

— Броню из антиматерии нельзя накладывать на обычный космолет, но ею можно покрыть космолет из антиматерии...

— Ну, а как же тогда Бан? Он-то никак не может находиться в космолете из антиматерии.

Фукс как-то странно поглядел на Томпи.

— Да, но только в том случае, если он сам не состоит из антиматерии.

С минуту они оба молчали.

— Неужели ты и вправду считаешь это возможным? — спросил, наконец, Томпи.

— Не я, а концептиотрон.

— Этого он не говорил. Я все слышал.

— Не говорил потому, что его об этом не спрашивали. Это вытекает из сказанного.

— Но ведь это же какая-то бессмыслица!

— Ты знаком с работой «Межзвездные перелеты»?

— Конечно. Она была опубликована еще до моего отлета.

— Там есть фраза: «Среди звезд есть вещи, которые и не снились нашим автоматам».

— Я помню. Тогда говорили даже, что кто-то уже в древности сказал нечто подобное.

— Едва ли... В древности не было автоматов.

— Хорошо, но согласись и ты, что история с Баном — полная нелепица.

— Более чем нелепица. Это нечто небывалое в истории человечества.

— Вот именно поэтому я и думаю, что концепциотрон ошибается...

— Концепциотрон не ошибается.

— Ты слишком веришь в его непогрешимость.

— Он заслуживает доверия. Это сконденсированные знания многих поколений людей. Он безотказен, как безотказно движение Земли по ее орбите вокруг Солнца. Ты, Томпи, родился не в наше время, и только этим объясняются твои сомнения...

Томпи пожал плечами.

— Хорошо. Пусть твой концепциотрон прав. И космолет и Бан — из антиматерии. Но что дальше?.. Ведь это ничего не объясняет...

— В любом случае это дает основания для выдвижения интересных гипотез.

— Каких еще гипотез?

— Этим займется концепциотрон и ученые.

— Но ведь Бан ничего не знает и ничего не сможет им сказать.

— Зато знаем мы. Мы знаем, что двести лет назад космолет Бана покинул пределы солнечной системы и направился к Веге. Он возвращается с опозданием на сто лет и состоит из антиматерии. Можно предположить, что космос в окрестностях Веги обладает свойством зеркального преобразования материи. Не знаю, насколько подобное предположение находится в противоречии с основными принципами физики, но если даже оно им и не противоречит, то сразу же возникает сомнение относительно...

— Относительно его возвращения?

— Вот именно. Вероятность того, чтобы космолет

попал в солнечную систему, практически сводится к нулю, а ведь Бан не направлял его к Солнцу.

— Так чем же ты объясняешь все это?

— Фактором X.

— Не понимаю.

— Не понимаешь? Неужели ты всерьез полагаешь, что подобная трансмутация могла произойти случайно? Я считаю, что здесь в игру входит фактор X — чужая цивилизация, или называй это как хочешь. Но она есть, и она... она хочет нас уничтожить... — добавил он тихо.

— Уничтожить? Зачем?

— Не знаю зачем. Но посуди сам: если бы не это облачко газов, то космолет Бана через полчаса вошел бы в земную атмосферу. При этом произошел бы взрыв, который уничтожил бы половину планеты!

— Ты преувеличиваешь...

— Ты так считаешь? Космолет Бана составляет массу многих тысяч тонн антивещества. А пятидесяти килограммов антивещества достаточно, чтобы нагреть до точки кипения водяной шар диаметром в два километра. Подсчитай сам...

— Но в таком случае Бану нельзя приземляться в пределах солнечной системы. Разве что на Юпитере или Сатурне.

— Да, нельзя. А он даже не знает об этом... — Фукс в отчаянии переводил взгляд с одного экрана на другой.

— Но он не знает и того, что происходило там, на Веге. Не знает про этот самый «фактор X», не знает, что они разбирали атом за атомом его космолет, а затем и его тело. Они ставили на их место совершенно идентичные атомы, только в их ядрах вместо протонов были антипротоны, а вокруг ядер вместо электронов — позитроны. По сравнению с их техническим уровнем наша цивилизация — эпоха палеолита... Это ужасно... — Томпи умолк.

— Не менее ужасно, чем то, что Бан теперь античеловек, — сказал Фукс. — Он не знает, что тело его опаснее для нас, чем атомная бомба древности... Пси-

хологически он тот же человек, который покинул Землю двести лет назад. Мышление его, не претерпев изменений, вполне соответствует его личности. У него те же привычки, склонности, воспоминания, только записи эти сделаны теперь на антиматериальной основе. И поэтому... поэтому ему нельзя возвращаться к нам на Землю.

— Ты хочешь сказать ему об этом?

— Пожалуй, придется...

— Но ведь он... Бан...

Фукс беспомощно пожал плечами...

— Посмотрим! — И он включил видеотрон.

Бан все еще продолжал сидеть на витализационном кресле. Он даже не изменил позы. В кабине тоже ничто не изменилось... А ведь это была антиматерия.

— Все готово, — сказал Бан, увидев Фукса и Томпи.

— Бан, ты не будешь приземляться! — Фукс говорил это одним духом.

— Почему не буду?

— Ты из антиматерии.

— Я из антиматерии? Ты шутишь.

— Нет, это серьезно.

— Мне не до шуток, Фукс. Честно говоря, мне и без того невесело.

— Ты из антиматерии, — упорно повторил Фукс.

— Ты ошибаешься, я нормальный человек. Нормальный! Слышишь?

— Это не мое мнение. Автоматы...

— К черту автоматы! Они обманывают вас, они ненадежны, а вы в них верите, как в божества.

— На этот раз они не ошиблись.

— Ошиблись, наверняка ошиблись!

— Нет.

— Посмотрим.

— Что ты собираешься сделать?

— Я войду в верхние слои атмосферы. Если вы правы...

— Этого нельзя делать. Представляешь ли ты себе силу взрыва?

— Я все прекрасно представляю, но это не антиматерия. Я — из антиматерии?.. Подумать только...

— Ты полагаешь, что должен чувствовать какую-то перемену?

Вопрос этот поставил Бана в тупик.

— Нет... Пожалуй, нет...—отозвался он, помолчав.

— Вот видишь, а мы не можем так рисковать. Земля — это не испытательный полигон.

— Так что же делать?

— Выходи на замкнутую орбиту вокруг Земли, а автоматы тем временем займутся выработкой решения.

— Нет! Хватит с меня ваших автоматов! — Бан поднялся с кресла, но Фукс предупредил его. Он бросился к эмитору и передвинул какой-то рычаг.

— Управление твоим кораблем мы взяли на себя.

— Не выйдет!

— Вышло. Имеется специальное приспособление для этого. Иногда пилоты возвращаются из космоса с нарушениями психической деятельности, а нам приходится заботиться о Земле, — пояснил Фукс, печально улыбнувшись.

Бан с минуту постоял в нерешительности, а потом медленно уселся в кресло.

— Делайте, что хотите, — сказал он и закрыл глаза.

— Бан... Бан... — прервал Томпи тягостное молчание. — Неужели ты и в самом деле ничего не помнишь о своем пребывании на Веге?

— Ничего, — ответил Бан почти шепотом.

— А может быть, они велели тебе уничтожить... Знаешь, такая трансформация мозга, при которой определенное действие становится необходимостью, — быстро добавил Томпи.

— Да нет же, нет! Я чувствую себя обыкновенным человеком, таким, как ты.

— И все-таки они хотели нас уничтожить... — произнес Фукс.

— Что заставляет тебя так думать?

— Самый факт отправления корабля из антиматерии...

— А не кажется ли тебе, что им намного проще было бы выслать излучатель антипротонов?

— Возможно, им хотелось захватить нас врасплох. Мы принимаем на Земле твой космолет, возвращающийся с Веги, а он уничтожает Землю.

— Я с тобой не согласен, Фукс, — вмешался Томпи. — Ты приписываешь им свои мысли. А они — если только они действительно существуют — должны мыслить совершенно иными категориями. Захватить врасплох?.. С таким же успехом они могли иметь намерение оповестить нас о чем-то... Возможно, что подобное изменение материи космолета как раз и призвано служить каким-то сигналом... Может быть, для них это общеизвестная вещь. Может, им и в голову не приходит, что мы не в силах справиться с антимагией...

— Да какие там сигналы! Ведь вы считаете, что они собирались уничтожить Землю, а противника не предупреждают о задуманном ударе.

— Бан! Как я раньше не подумал об этом! — вдруг воскликнул Фукс. — Ты, кажется, подсказал мне способ проверить их намерения. Я совершенно забыл о сигнале. Может быть, все дело именно в нем. Они же передавали сигнал. Тот, дополнительный сигнал, о котором я говорил тебе, Томпи, когда ты только прилетел сюда... Если в сигнале нет никакой информации...

— Тогда это будет означать, что они действительно стремились к нашему уничтожению... — закончил Томпи.

— Координатор!

— Координатор слушает, — отозвался автомат.

— Передать концептиотрону дополнительный сигнал, принятый нами. Необходимо проверить, не содержит ли он в себе какой-либо информации.

— Задача ясна.

— Результаты доложить немедленно, — добавил Фукс.

— Ну вот, Бан, через минуту все и выяснится... — Томпи внезапно умолк. Экран был пуст. — Бан! Бан! Он исчез! Скорее радар!

Фукс с минуту повозился с видеосвязью, но экран оставался пустым, только на трассе, ведущей к Луне, поблескивали маленькие светлячки грузовых ракет.

— Это конец... — сказал Фукс. — Должно быть, в него попал метеор. Пусть даже самый крохотный, но из материи — произошла аннигиляция, и космолет испарился...

— А если все-таки попробовать радар, — неуверенно предложил Томпи.

— Ни к чему!

В этот момент они услышали голос автомата.

— Поступила информация, — автомат четко и не спеша выговаривал слова. — Исследование равнозначно воссозданию. Альтернатива выбора. Если да — конец. Если нет — вторичное воссоздание с перемещением во времени. Конечная цель — получение положительного ответа.

— Значит, они все-таки хотели что-то сообщить нам... — голос Фукса сорвался на крик.

— Но что именно? Я ничего не понимаю.

— Сейчас узнаем. Необходим комментарий! — приказал он аппарату.

Ответ поступил мгновенно.

— Исследование объекта связано с его уничтожением. После чего объект воссоздается из материи или антиматерии.

— Наверное, в зависимости от того, куда его высылают, — тихо заметил Томпи.

— Космолет был воссоздан и выслан по направлению к Земле. Если он создан из нужного типа материи, пусть остается на Земле. В противном случае следует послать сигнал на Вегу. Тогда его воссоздадут из материи с противоположным знаком и пришлют через какое-то время. Конец.

— По-видимому, они разлагают на атомы все, что обследуют, — Фукс задумчиво смотрел на экран. — А потом заново синтезируют, но это уже значительно сложнее.

— Еще бы, — согласился Томпи. — Правда, если этот процесс отнимает у них целых сто лет... то он и для них твердый орешек...

— Это ничего не доказывает. Может быть, эти существа очень долговечны по сравнению с нами и сто лет — всего лишь маленькая частица их жизни. Да и не в этом дело. Важнее всего то, что они не стремились нас уничтожить!

— И все-таки Бан погиб. Я теперь самый старый человек в солнечной системе, вернее, раньше всех родившийся.

— Это не совсем так. Не забывай, что через двести лет Бан вернется с Веги.

— Вернется?!

— Несомненно. Это они и обещают в своем сигнале. Он, Бан, — это бессмертный с Веги. Он бессмертен благодаря их технике, ибо они записали структуру его тела, его мозга и могут воссоздать Бана в любой момент. Как только сигнал дойдет до них, они примутся за новое воссоздание Бана и космолета, а двести лет спустя наши потомки вторично будут встречать его на пути к Солнцу.

ЛЕО СЦИЛАРД
(США)

ФОНД МАРКА ГЕЙБЛА

Мне всегда хотелось узнать, во что превратится мир триста лет спустя. Я решил «удалиться из жизни» и, сделав необходимые приготовления, вернуться к жизни в 2260 году. Я полагал, что мои вкусы и взгляды достаточно передовые и мне нет повода бояться, что я окажусь слишком отсталым в том мире, в который попаду через несколько сот лет. Однако заглядывать вперед далее чем за триста лет я все-таки не решался.

Определенные круги общественности резко выступили против «удаления из жизни». И казалось даже, что конгресс 86-го созыва примет по этому поводу специальный закон. К счастью, этого не случилось. Однако Ассоциация американских медиков смогла все-таки добиться запрещения «удаления» на том основании, что такой поступок якобы является «самоубийством» и противоречит закону. Поскольку человек, погруженный в такой сон, не может по своей воле вернуться к жизни, гласило судебное решение, с юридической точки зрения он не может считаться живым!

Последовавшая вслед за этим юридическая битва длилась... пять лет. Наконец контора «Адамс, Линч и Давенпорт», которой я поручил защиту своих инте-

ресов, добилась рассмотрения дела в Верховном суде. Тремя голосами «против» Верховный суд все же поддержал первое решение суда. Однако Давенпорт объяснил, что, хотя на первый взгляд постановление Верховного суда и выглядит для меня неблагоприятным, на самом деле оно устраняет все препятствия в осуществлении плана. Ведь это постановление раз и навсегда подтвердило, что с юридической точки зрения человек не является живым, раз он погружен в сон. Поэтому, сказал мне Давенпорт, если я посмею ослушаться и все-таки «удалюсь из жизни», против меня уже нельзя будет возбудить дела, пока через триста лет я снова не оживу. А за это время срок ответственности за мой проступок давно истечет!

Тайно закончив все приготовления и назначив Адамса, Линча и Давенпорта своими душеприказчиками, я провел свой последний вечер в двадцатом столетии за небольшим прощальным ужином, устроенным в мою честь друзьями. Нас было человек шесть — все старые приятели. Но почему-то на этот раз мы плохо понимали друг друга. У большинства из моих друзей было, кажется, такое чувство, что они присутствуют на моих похоронах, поскольку живым они меня больше не увидят; мне же, наоборот, казалось, что я сам присутствую на их похоронах, потому что, когда я проснусь, их уже не будет.

...Судя по произведенным записям, сон пришел через два часа, но уже через час я не слышал ничего.

Следующее, что я помню, был укол иглы, и, открыв глаза, я увидел склонившуюся надо мною сестру милосердия со шприцем для подкожных впрыскиваний в одной руке и с микрофоном в другой.

— Не хотите ли вы сказать несколько слов перед микрофоном? — спросила она.

— Мы приносим вам свои извинения и хотим кое-что разъяснить, — сказал хорошо одетый молодой человек, стоящий рядом с моей кроватью, также с микрофоном в руке. — Я Розенблатт из конторы «Адамс, Линч, Давенпорт, Розенблатт и Джаннини». По при-

чинам юридического порядка мы сочли возможным вернуть вас к жизни, однако, если вы захотите продолжить ваш трехсотлетний сон, все необходимые меры будут приняты в течение одного месяца. Мы сделаем все, что в наших силах. А теперь, прежде чем вы захотите что-нибудь сказать, позвольте представить вам джентльмена, сидящего рядом со мной. Это мистер Макклинток, мэр нашего города. Ваша беседа будет транслироваться по телевидению, если вы согласны. Все доходы от этой передачи поступят в фонд Престарелых Дегенератов. Телевизионные компании, конечно, понимают, что у вас могут возникнуть возражения. На этот случай подготовлена для замены другая программа. Однако если вы согласны, мы через минуту включим эфир.

— Прежде чем я отвечу на ваше предложение, — начал я, — не скажете ли мне, сколько времени я проспал?

— О, это мне нужно было сообщить вам раньше, — последовал ответ. — Ваш сон длился девятью годами.

— В таком случае, я согласен, — сказал я после минутного размышления. — У меня теперь уже не осталось друзей, от которых нужно таить секреты.

Слово было передано мэру.

— Являясь председателем фонда Престарелых Дегенератов, я хотел бы выразить вам свою благодарность за ваше любезное согласие на это интервью. Дегенерация престарелых — одна из самых тяжелых наших болезней. От дегенерации умирает каждый восьмой житель страны. Но мне нельзя монополизировать эфир, а у вас, должно быть, столько вопросов о жизни в нашем обществе. Не стесняйтесь, пожалуйста, задавайте вопросы.

— Почему меня вернули к жизни? — спросил я.

— Я уверен, что Адамс, Линч, Давенпорт, Розенблатт и Джаннини детальнейшим образом проинформируют вас об этом. Решение было принято ими, и у меня нет никакого сомнения, что при сложившихся обстоятельствах оно было единственно правильным. Я не юрист, но смогу вам рассказать о политической

подоплеке этого решения. Политика — вот сфера моей деятельности.

— Вы, должно быть, даже не представляете себе, сколько хлопот вы причинили правительству своим удалением из жизни. В течение первых нескольких лет вашему примеру последовали немногие — главным образом политические деятели и антропологи. Но потом совершенно внезапно возникла эпидемия. Люди уходили из жизни просто так, чтобы насолить своим ближним. Должен с сожалением отметить, что многие католики, не имея возможности получить разрешение на развод, выбирали этот способ, чтобы пережить супруга или супругу, а потом, став вдовами или вдовцами, вступить в брак вторично.

В конце столетия в спячку погружались больные богачи, страдающие раком и другими неизлечимыми недугами, в надежде, что в последующие годы будут найдены средства борьбы с их болезнями. Но часто этому противились наследники богатых больных. Наследники тоже стали удаляться из жизни на тот же срок, чтобы не нарушать естественную смену поколений. Сейчас в состоянии сна пребывают миллион больных и полмиллиона их наследников.

Но самая большая неприятность из-за вашего поступка возникла двадцать пять лет тому назад, когда разразился продолжающийся до сих пор большой экономический кризис. В первый же год кризиса количество безработных выросло до десяти миллионов человек. Дела шли отвратительно. Никакой программы общественных работ, никакой помощи безработным не было. Тогда конгресс принял «закон 2025 года об удалении из жизни». По этому закону были получены правительственные ассигнования на удаление из жизни желающих безработных на весь срок кризиса. Безработным пообещали, что вернут их к жизни тогда, когда правительство решит, что рынок труда нуждается в их услугах.

Семь из десяти миллионов безработных приняли это предложение к концу первого года кризиса. За последующий год безработица охватила еще семь миллионов человек, из которых пять миллионов опять

были удалены из жизни. Так продолжалось из года в год, и всего федеральным правительством было удалено двадцать пять миллионов человек.

— Когда же вернутся к жизни эти двадцать пять миллионов безработных? — спросил я.

— Постепенно, — объяснил мэр. — Большинство спящих не принадлежит к католической церкви, и их внезапное возвращение сразу же нарушит политический баланс в стране. Кроме того, обслуживание холодильных установок в общественных спальнях для усыпленных двадцати пяти миллионов безработных является важной частью наших общественных работ.

— Но возник спорный вопрос: не нарушаете ли вы закон 2048 года о запрещении ухода из жизни, — продолжал мэр. — В конце концов ваши адвокаты решили вернуть вас к жизни, чтобы вы могли обратиться в суд за разрешением продолжать спать дальше. Маловероятно, чтобы суд вам в этом отказал. Но я надеюсь, что вы найдете наше общество столь передовым, что захотите остаться с нами в двадцать первом веке.

— Большое спасибо, мистер мэр, — сказал ведущий. — Передача прошла отлично, нас уже отключили.

Мэр повернулся ко мне.

— Если вы чувствуете себя хорошо, мне хотелось бы пригласить вас домой к обеду. У нас будет четыре-пять человек гостей, жена и дочь Бетти. У бедной девочки разбитое сердце. Она только что объявила о разрыве своей помолвки, и я делаю все, чтобы ее ободрить. Она очень любит этого парня...

— Если она его так сильно любит, то зачем же ей расставаться с ним? — удивился я.

— Над ней смеялись все знакомые из-за того, что ее жених носит зубы, — пояснил мэр. — Конечно, законом это не запрещено, но просто уже никто так не делает.

В этот момент меня вдруг осенило. В самом деле, у сиделки, молодой и хорошенькой девушки, отсутствовали зубы. Не было зубов и у Розенблатта и у самого мэра. Зубы вышли из моды!

— Но у меня же есть зубы, — сказал я.

— Конечно, — отвечал мэр, — и вы носите их с большим достоинством. Но если вам захочется с нами остаться, придется от них отделаться. Это негигиенично.

— А как я смогу пережевывать пищу и как вы ее сами пережевываете?! — воскликнул я.

— Мы едим не зубами, — ответил мэр. — За нас пережевывают пищу специальные челюсти, привинчиваемые к столу. Мы снимаем с них пищу и отправляем ее ложками в рот.

— И бифштексы? — полюбопытствовал я.

— Да, все что угодно, — был ответ. — Не беспокойтесь, для вас найдется сегодня и нож, и вилка, и обычная тарелка — все, к чему вы привыкли. Моя дочь держала их для своего жениха.

*

— Мне очень жаль, что моя вторая дочь не сможет быть с нами сегодня вечером, — сказал мэр, трогая с места автомобиль. — Моя дочь учится в колледже, она изучает математику и химию — вы бы смогли поговорить с ней на языке науки.

— Что, с ней случилось что-нибудь серьезное? — спросил я.

— Да нет, — ответил мэр. — Пустяковая пластическая операция. Она вернется через день-два.

— С новым носом? — задал я вопрос.

— Нет, с носом у нее все в порядке, — ответил мэр. — Ведь у нее нос Марка Гейбла. Она делает одну из этих новомодных операций. Жена и я против, но ее не переспоришь. Хочет вставить себе новый пищевод. Не нужно, понимаете ли, заботиться больше о фигуре, сидеть на диете. Ешь сколько влезет — лишняя пища уйдет в резиновый пищевод, который можно потом легко заменить другим. Я пытался ее отговорить, но бесполезно.

— Может быть, она и права, — сказал я, вспомнив не без труда, что раньше всегда старался принимать сторону молодежи.

Когда мы уселись за стол, я с вожделением подумал о мясе, потому что к тому времени порядком проголодался. Но вот принесли бифштекс. После нескольких безуспешных попыток расправиться с мясом ножом и вилок, пришлось и мне запросить жевательную челюсть.

— Куски, которые отбирают по заказу, всегда очень твердые, — пояснила хозяйка дома.

— Расскажите мне, — попросил я, — когда и зачем люди стали вынимать свои зубы.

— Это случилось, — ответил мэр, — лет тридцать назад. Жевательные челюсти, изготавливаемые Фордом, долгое время рекламировались по телевидению. Ну, а если люди купят искусственные челюсти, то зачем им собственные зубы? Как подумаешь о том, сколько времени люди раньше проводили у зубных врачей, и все без толку, поневоле согласишься, что мы достигли значительного прогресса.

— А что случилось с зубными врачами? — спросил я.

— Многих из них поглотила новая отрасль промышленности — по изготовлению челюстей. Генри Форд VI отдавал им предпочтение перед всеми другими видами квалифицированных рабочих. Другим пришлось совсем переменить специальность. Возьмите, к примеру, мистера Марка Гейбла, — сказал мэр, указывая на моего соседа справа, мужчину лет пятидесяти, весьма обаятельного. — Этот человек сам готовился стать зубным врачом, а сегодня он один из самых популярных доноров и самый богатый в Соединенных Штатах человек.

— О! — воскликнул я. — А чем же он занимается?

— Более миллиона мальчиков и девочек в Америке являются его прямыми отпрысками, — сказал мэр. — Спрос все увеличивается.

— Вы, должно быть, очень занятой человек, мистер Гейбл, — сказал я, не зная, что еще можно заметить по такому поводу.

Но, кажется, я попал пальцем в небо. Мистер Гейбл покраснел, а мэр засмеялся.

— Мистер Гейбл женат и счастлив, — сказал мэр. — Ему было двадцать четыре года, когда он стал донором, и его хватило бы надолго — даже на большее время, чем держится спрос. Но Главный хирург постановил, что семена, взятые у лица свыше двадцати пяти лет от роду, не могут продаваться в пределах Соединенных Штатов.

— И такую большую власть предоставил Главному хирургу особый закон? — спросил я.

— Нет, — ответил мэр. — Принятие этого закона сорвали флибустьеры-обструкционисты в сенате. Но Главный хирург обладает полномочиями по закону о чистоте пищи и медицинских препаратов.

— Какая же здесь связь?

— Существует решение Верховного суда, принятое тридцать лет назад, по которому всякое вещество, вводимое любым путем в организм, попадает под действие упомянутого закона и должно отвечать стандарту. Но, поскольку специального закона в этой области не было, любая женщина вольна рожать ребенка и от собственного мужа. Таким путем появляются на свет более пятнадцати процентов всех детей. Но большинство женщин, конечно, предпочитают выбирать в качестве отца одного из доноров.

— Как же они их выбирают? — спросил я.

— О, — воскликнул мэр, — журналы переполнены их фотографиями. Лица доноров демонстрируются с экранов телевизоров, их показывают в кино. На доноров тоже существует мода, конечно. Сегодня более семидесяти процентов «донорских детей» являются потомками тридцати пяти самых популярных доноров. Все эти доноры, конечно, миллионеры. Сегодня один сперматозоид Марка Гейбла оценивается в тысячу долларов, хотя можно купить очень приличный сперматозоид и за сотню. Состояние мистера Гейбла еще долго будет пополняться.

— Я заработал очень большие деньги, — сказал мистер Гейбл, обращаясь ко мне, — и без всякого труда. А теперь я подумываю об учреждении благо-

творительного фонда. Мне хотелось бы сделать что-нибудь такое, что принесло бы счастье человечеству. Но так трудно распорядиться своими деньгами! Когда я узнал, что сегодня увижу вас здесь, то попросил мэра пригласить меня к ужину. Я был бы вам так признателен за совет!

— Не хотите ли вы сделать что-нибудь для прогресса науки? — спросил я.

— Нет, — ответил Марк Гейбл. — Я думаю, наука и так зашла уже слишком далеко.

— Вполне разделяю вашу точку зрения, — сказал я одобрительно. — Так, может быть, вы захотите сделать что-нибудь для ее регресса?

— Вот это с удовольствием, — сказал Гейбл. — Но как это осуществить?

— Что же, — ответил я, — думаю, это будет нетрудно. Я даже думаю, что сделать это будет совсем легко. Учредите фонд с ежегодным взносом пожертвований в тридцать миллионов долларов. Предложите субсидии ученым, занимающимся научными исследованиями и испытывающим недостаток в средствах, — пусть они только представят убедительные доказательства ценности своих работ. Организуйте десять комитетов и в каждый включите двенадцать ученых для рассмотрения этих заявок. Вытащите из лабораторий самых способных ученых и сделайте их членами комитетов. А лучших из лучших в своих отраслях поставьте председателями комитетов с ежегодным окладом в пятьдесят тысяч долларов. Учредите также десять премий размером в сто тысяч долларов за лучший научный труд года. Вот и все.

— Но как такой фонд сможет послужить регрессу науки?

— Ну, это просто. Прежде всего лучшие ученые покинут свои лаборатории и отдадут все свое время комитетам по рассмотрению заявок на субсидии. Во-вторых, научные работники, нуждающиеся в средствах, сконцентрируют все свое внимание на вопросах, по которым можно добиться видимого успеха. Первые несколько лет можно будет ожидать роста научной продукции, но затем в погоне за быстрым

успехом и самоочевидными фактами наука быстро зачахнет. Она превратится в подобие салонной игры. Возникнут моды. Те ученые, которые будут следовать моде, получат субсидии. Остальные их не получают. Вскоре и они научатся следовать моде.

— Не останетесь ли вы вместе с нами, — сказал Марк Гейбл, обернувшись ко мне, — чтобы помочь в учреждении фонда?

— Это я сделаю с удовольствием, мистер Гейбл. Уже через несколько лет мы увидим, как осуществляется план, а я уверен, что он осуществится. Я могу себе позволить пожить несколько лет с вами, чтобы потом заснуть и проснуться через триста лет.

— Итак, вы только хотите претворить в жизнь план, но не собираетесь остаться с нами до конца дней? — спросил меня мэр.

— Честно говоря, мистер мэр, — сказал я, — до того, как был выдвинут план учреждения фонда Марка Гейбла, я, учитывая столь быстрый прогресс в науке, был встревожен мыслью о том, каких успехов она добьется еще через двести лет. Но если мистеру Гейблу удастся приостановить прогресс науки, мир через двести лет может стать вполне сносным для жилья местом. Если же мистеру Гейблу не удастся осуществить свой проект, я, может быть, предпочту провести жизнь с вами в двадцать первом веке. А что, мистер мэр, найдется ли у вас работа для меня, если я решу остаться?

— Но зачем же вам работать?! — ответил мэр. — Вы, кажется, не понимаете, что вас окружает слава.

— А как эта слава даст мне средства к жизни? — задал я вопрос.

— К примеру, вы можете стать донором, — ответил мэр. — Ведь вы медик, а многие матери мечтают о детях с научными способностями.

— Но мне же больше двадцати пяти лет!

— Конечно, — ответил мэр, — но мы будем продавать семена за границу. Обменный курс валют не слишком благоприятен, но вы все равно отлично работаете.

— Не знаю, мистер мэр, — ответил я. — Сама мысль об этом еще непривычна для меня, но я думаю, что как-нибудь с этим свыкнусь.

— Я уверен в этом, — сказал мэр. — Да, кстати, если вы захотите избавиться от зубов, я помогу вам попасть к хирургу Смигу. Он вытащил зубы у всех моих детей...

— Я очень благодарен вам за вашу доброту, мистер мэр, — сказал я, вежливо улыбаясь и стараясь подавить внезапно возникшее чувство отчаяния. Всю жизнь я боялся зубных врачей, лечивших и рвавших мои зубы. Но тут я болезненно ощутил, что теперь уже никакая наука не поможет мне перенестись обратно в двадцатый век.

КЭТРИН МАКЛИН
(США)

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

— Черт побери! А ведь он и вправду взялся за дело! Ты слышишь?

Сквозь открытый люк кабины управления падал солнечный луч и доносился отдаленный голос. Этот голос говорил и умолкал, снова говорил и снова умолкал, но слова сливались в сплошной неясный гул.

— Он вышел и читает им проповедь!

Инженеры приводили в порядок двигатели.

— А может быть, и нет, — сказал Чарли, младший инженер. — Ведь он не знает их языка.

— Ему на это наплевать, проповедовать он все равно будет, — сказал Гендерсон, старший инженер и навигатор.

Чарли спросил:

— Почему Миссионерское общество дало ему корабль? Он всем действует на нервы, у него прирожденный дар не ладить с людьми...

— Это-то понятно, — проворчал Гендерсон, отвинчивая гайку. Он был мускулистый, коренастый человек с резкими движениями, привыкший терпеливо относиться к странностям ближнего. — Миссионерское общество просто хотело избавиться от него. А дальше чем сюда его не пошлешь.

Голос, доносившийся снаружи, был звучным и уверенным.

— Бедняга думает, что ему оказали честь, — добавил Гендерсон, и вывинтил гайку. Гайка с глухим стуком упала на мягкую обивку пола.

— Во всяком случае, — заметил Чарли, орудуя отверткой, — переводной машиной он пользоваться не может. Она еще не отлажена, мы не знаем как следует их языка. Он не может говорить с ними, раз они его не понимают.

— Ты думаешь? — Гендерсон захватил ключом следующую гайку и сердито повернул ее. — А что, по-твоему, он делает сейчас? Именно проповедует, ни больше, ни меньше.

В машинном отделении было жарко и душно.

Чарли выпрямился и вытер лоб.

— Тогда пусть его. Раз они не понимают, то не станут и слушать.

— Мы с тобой не слушали, но нам он все равно проповедовал — нам, — резко произнес Гендерсон. — Скажи спасибо, что мы так удачно нашли планету для высадки и не успели сойти с ума! Такой человек опасен для корабля!

Гендерсон был консерватор. Он предпочитал регулярные полеты с обычной командой и большим числом пассажиров. Только утроенная плата и тройная страховая премия сманили его в этот рейс.

— О... Я лично ничего не имею против проповедей... — Чарли говорил кротко, но взгляд, который он бросил в сторону кабины управления, был несколько напряженным.

— Не стесняйся, говори прямо. Всякие там личности нужны только в полете, когда все заперты в одной кабине. Я стреляный воробей, Чарли, меня не проведешь. Тебе это не нравилось, да?

— Пожалуй, — задумчиво произнес Чарли. Его пристальный взгляд был неподвижен. — Не могу сказать, чтобы мне это нравилось. Проповедник он неважный. В барах я встречал получше...

Теперь голос проповедника сопровождало что-то вроде глухого эха.

— Он включил переводную машину, Гендерсон. Ему надо помешать.

Чарли был рыж, долговяз, кроток, примерно одного возраста с проповедником; Гендерсон предостерегающе положил ему руку на плечо.

— Я сам, — сказал он и поднялся по трапу в кабину управления.

Кабина была ярко освещена солнцем, проникавшим сквозь арку раскрытого люка. Люк был защищен прозрачной пластиковой пленкой с ионным покрытием, свободно пропускающей воздух, но непроницаемой для микробов и насекомых. Инженер повесил на плечо респиратор, взял мундштук в зубы и двинулся сквозь пленку. Она обвила его и склеилась за спиной, заключив его как бы в просторный кокон. Миновав люк, Гендерсон шагнул в металлическую раму, похожую на крокетные ворота в человеческий рост, и приостановился, ожидая, пока рама стянет пленку петель и заклеит разрыв.

Они пользовались этой тонкой оболочкой вместо скафандра, так как воздух планеты был пригоден и даже приятен для дыхания. Оболочка была лишь мерой предосторожности против инопланетной инфекции.

Вокруг звездолета расстилался травянистый луг с негустым лесом, за ним с одной стороны виднелась синяя полоса моря, а с другой — туманная низкая гряда далеких синевато-зеленых гор. Это было так похоже на пейзажи южных штатов, знакомые Чарли с детства, что молодой инженер заплакал от волнения, когда впервые вышел из корабля. Гендерсон не плакал, но он тоже был потрясен тем, что они нашли планету, такую прекрасную, так похожую на Землю.

Внизу, около трапа, чернела на лугу переводная машина, все еще в ящике на колесной платформе. Это был один из самых новых индуктивных языковых анализаторов; проповедник взял его, надеясь найти населенную планету.

Достопочтенный Уинтон торжественно восседал на ящике, скрестив ноги, словно король на троне. Он говорил плавно, с мягкими интонациями опытного ора-

тора, и прозрачный пластикат слегка приглушал его голос.

Туземцы слушали. Они сидели вокруг ящика и смотрели. Они были безволосы, только на локтях и коленях у них росли пучки шерсти. Время от времени один из них вставал, бормотал что-то и убегал; иногда приходили другие и тоже садились слушать.

— Не отчаивайтесь, — призывал Уинтон, и голос его звучал, как колокол. — Теперь, когда я показал вам свет, вы знаете, что жили во тьме и грехе всю свою жизнь, но не отчаивайтесь...

Переводная машина могла усвоить большое количество слов и фраз на любом языке; если в нее вводили перевод полусотни слов, она на их основе могла воссоздать грамматическую схему туземного языка; и она выдавала перевод любого слова, которое твердо знала. Накануне Гендерсон нашел значение нескольких туземных слов и ввел их в машину, и теперь она глухим низким голосом добросовестно переводила то знакомое, что встречалось в речи проповедника. Ее громовой голос был голосом Гендерсона, записанным через фильтр и усиленным в двадцать раз.

— Я... СВЕТ... ВАМ... ВЫ... ЖИЛИ... ТЬМА... ЖИЗНЬ...

Туземцы сидели на траве и слушали в терпеливом недоумении.

— Отец Уинтон, — окликнул Гарри.

Но Уинтон ничего не слышал. Он продолжал говорить, и в голосе его были кротость и прощение.

— Нет, скажите себе только: «Я жил в заблуждении, но теперь я знаю истинный путь к праведной жизни».

Машина переводила:

— СКАЖИ... СЕБЕ... Я... ЖИЛ... ПУТЬ... ЖИЗНЬ...

Гендерсон решил не сообщать проповеднику, что именно переводит машина. Но это надо было прекратить.

— Отец Уинтон!

Проповедник повернулся и благосклонно взглянул на него.

— В чем дело, сын мой? — Он был моложе инженера и беззаветно верил в свою правоту.

— Сын мой... — пророкотала машина на туземном языке, и туземцы уставились на Гендерсона.

Гендерсон выругался. Туземцы подумают, что он сын Уинтона! Но проповедник не знал, что сказала машина.

— Не бранитесь, — мягко произнес он. — В чем дело, Гарри?

— Простите, — сказал Гендерсон, опираясь руками о край ящика. — Выключите ее, будьте добры.

— Добры, — прогремела машина.

Проповедник выключил ее.

— Да? — сказал он, наклоняясь. Он был одет по-старомодному: обтянутые темно-серые брюки и черная рубашка. Гендерсон ощутил смутную неловкость за свои шорты и открытую волосатую грудь.

— Отец мой, неужели вы думаете, что поступаете правильно, проповедуя этим людям? Переводная машина еще не отлажена, и мы ничего не знаем о них. Ученые никогда не заговаривают с туземцами, пока не изучат хорошенько их образа жизни. Я хочу сказать, вы чересчур спешите. Еще рано давать им советы.

— Я пришел, чтобы дать им совет, — мягко возразил Уинтон. — Им нужна моя духовная помощь. Антропологи приходят наблюдать. Они не вмешиваются в то, что наблюдают, — иначе объект наблюдения изменился бы. Но я здесь не для наблюдений, а для помощи. Почему я должен ждать?

Уинтон был весьма искусен в силлогизмах, он всегда ухитрялся повернуть дело так, что оказывался логически правым, хотя Гендерсон был уверен, что он почти всегда ошибается.

— Откуда вы знаете, что им нужна помощь? — спросил инженер. — Может, они живут именно так, как надо.

— Полноте, это просто дикари, а не ангелы. Я почти уверен, что они пожирают друг друга, или истязают, или совершают человеческие жертвоприношения.

— Человекоподобные жертвоприношения, — про-
бормотал Гендерсон.

— Не играйте словами. Вы сами знаете, что у них
должны быть какие-то дикие и гнусные обычаи.
Дикари на Земле обычно устраивали оргии и совер-
шали жертвоприношения весной. Здесь сейчас вес-
на, — великий Предначертатель, вероятно, привел
нас сюда вовремя, чтобы помешать им.

— О господи! — сказал Гендерсон, вытирая
лоб. — Если у здешних туземцев есть весенние обря-
ды, а это вполне возможно, то они наверняка убеж-
дены, что это придает силу солнцу, способствует уро-
жаю и уловам рыбы. Они непременно верят, что
без обрядов лето никогда не вернется и они погибнут
от голода. Если Уинтон вмешается, они попросту
убьют его.

Отец мой, уверяю вас, вмешиваться опасно. Давай-
те вернемся и сообщим об этой планете. Правитель-
ство пришлет сюда ученых. Ведь если ученые обна-
ружат потом, что мы вмешивались в обычаи тузем-
цев, они сочтут это преступлением. Нас будут ругать
в научных журналах.

Проповедник вспыхнул.

— Не думаете ли вы, что я трус, который боится
гнева безбожников? Не думаете ли вы, что мы попали
сюда случайно? Великий Предначертатель не случай-
но прислал меня сюда. Я ответствен перед ним,
а не перед вами или перед вашими друзьями уче-
ными. Я выполняю его веления! — Он подался впе-
ред и впился в Гендерсона взглядом фанатика. —
Ступайте оплакивать свою репутацию куда-нибудь
в другое место.

— Антропология не любит подобного вмешатель-
ства, — произнес Гендерсон.

Уинтон сверкнул на него глазами.

— Но вы ведь не ученый, Гарри! Вы механик, ин-
женер, так?

— Это верно, — согласился Гендерсон.

Уинтон кротко сказал:

— Тогда почему вы не возвращаетесь на корабль,
к своим механизмам?

— Будут неприятности, — мягко сказал Гендерсон.

— К неприятностям я готов, — ответил достопочтенный Уинтон так же мягко. Он достал из своей сумки большой старомодный револьвер и положил его на колено.

Гендерсон пожал плечами и поднялся обратно по трапу.

— Ну и что? — Чарли с чашкой кофе в свободной руке заканчивал проверку регуляторов горючего.

Гарри молча прорезал пластикатовую оболочку, сорвал с себя тонкую пленку, смял ее в комок и бросил в мусоросборник.

— Он сказал, чтобы я занимался своими делами. Так я и поступлю.

Голос проповедника зазвучал снова, и время от времени машина произносила слова на местном наречии.

— Переводчик включен, — заметил Чарли.

— Пускай. Из всей длинной речи этого червяка он перевел только «я — жизнь — путь». — Гендерсон мрачно повернулся к книжному шкафу и достал «Руководство к наблюдению и поведению на планетах других миров с примерами».

— Все равно надо прекратить это! — Чарли стал подниматься по трапу.

Гендерсон пожал плечами.

— Попробуй. Пойди и скажи ему, что машина не действует. Мне надо было бы самому сказать это. Но если я сейчас подойду к нему, я его задушу!

*

Чарли скоро вернулся.

— Все в порядке. Туземцы боятся Уинтона, но ящик им нравится. И они думают, вероятно, что ящик говорит сам по себе, а Уинтон только лопочет что-то бессмысленное.

— Это так и есть. Они правы.

— Я вижу, он тебе не нравится, — Чарли принялся разыскивать в шкафу второй экземпляр справочника для разведочных групп. — Я сказал Уинтону,

что он производит на туземцев плохое впечатление. Это остановило его. Он сказал, что отложит проповеди на недельку, а пока будет изучать туземцев. Но он добавил при этом, что мы должны наладить машину так, чтобы она переводила все его слова. — Чарли улыбнулся. — Так что время у нас есть.

— Время для чего? — проворчал Гендерсон, не поднимая глаз от справочника. — Уж не думаешь ли ты, что мы можем переубедить Уинтона? Этот болван считает, что вмешиваться в чужую жизнь — его священный долг. А попробуй-ка отговорить какого-нибудь болвана от его «священного долга»! Он вмешается и в пиршество людоедов! Так я надеюсь, во всяком случае... Он говорит, что намерен помешать их весенним обрядам. Если у них есть жертвоприношения или что-нибудь еще, что ему не по вкусу, то он помешает этому.

Чарли наклонился к Гендерсону.

— Послушай, мы даже не знаем, есть ли у здешних туземцев весенние обряды. Может быть, их вовсе нет. Или есть, но Уинтон не сможет помешать им. Может быть, нам не о чем беспокоиться. Только нужно пойти и посмотреть. Мы можем написать обо всем, что увидим, и это будет напечатано, когда мы вернемся. — Заметив выражение лица Гендерсона, он добавил: — Может быть, если понадобится, мы сломаем переводную машину.

*

Приближалось время дождей. Мелкая река текла в узком русле, и рыбы было много. Спет работал быстро: выбирал рыбу из ловушек, снова опускал ловушки в воду, засаливал рыбу.

Он устал, но ему было приятно вспоминать пиршество прошлой ночи и предвкушать пиршество нынешней. В эту пору были особые кушанья из трав, корней и рыбы.

Сегодня вечернее пиршество может оказаться последним для него, ибо на горизонте сгустилась дымка и дожди могли начаться завтра.

Один из пришельцев подошел и стал наблюдать за ним. Спет продолжал солить рыбу. Не обращать внимания на незнакомца опасно, но если сделать ритуальный знак мира и согласия, то этим ты покажешь незнакомцу, что считаешь его принадлежащим к враждебному племени. А вдруг он из племени друзей? Спет старался быть вежливым и притворился, будто ему безразлично, смотрит на него незнакомец или нет.

Дымка в небе сгущалась, и солнечный свет потускнел. Спет ловким движением своих коротких сильных рук бросил ловушку обратно в реку. Если он переживет следующую неделю, то руки у него будут не короткими и сильными, а длинными и слабыми. Он начал вытаскивать следующую ловушку, искоса поглядывая на пришельца.

Пришелец был безобразен. Весь красновато-бурый, как мертвый лист, с уродливыми чертами лица, совершенно безволосый на локтях и коленях, он блестел, словно облитый водой, но эта вода не стекала с него. Он был невысок и коренаст и двигался быстро, как молодой, но не работал. Очень странный, словно ненастоящий, он спокойно стоял, следя за Спетом, не нападая на него, хотя мог бы напасть, потому что не сделал знака мира. Значит, по-видимому, он не принадлежал к враждебному племени.

Быть может, нестекающая вода означала, что пришелец был духом кого-то, кто утонул.

Пришелец продолжал смотреть. Спет уперся ногами в травянистый берег и потянул бечевку ловушки, стараясь показать свою силу, но потянул слишком сильно, и ячейка в сети лопнула. Пришелец вошел в воду и стянул сеть так, что ни одна рыба не ушла.

Это был поступок друга. Но когда ловушка была благополучно вытащена на берег, бурый пришелец отступил и снова принялся смотреть.

Значит, бурый был действительно его родич и член его семьи. Но Спет знал всех своих родичей, и никто из них не выглядел так странно. Следовательно, бурый был духом — духом утонувшего родича.

Спет кивнул духу, переложил рыбу из ловушки в плетеные корзины и засолил ее. Потом присел на корточки, чтобы починить прорванную сеть.

Бурый дух присел рядом с ним, потом показал на ловушку и издал вопросительный звук.

— Я чиню сеть, дедушка, — объяснил Спет. К духу родича следует обращаться почтительно.

Дух приложил руку ко рту, потом указал на землю и снова издал вопросительный звук.

— Земля еще сухая, дедушка, — ласково сказал Спет, не понимая, что хочет узнать дух. Он встал и закинул ловушку в реку, надеясь, что бурый дух оценит его силу. Бурый дух имел вид юноши, совсем как Спет, словно утонул до обряда повешения. Быть может, он явился среди белого дня, потому что Спет должен умереть и присоединиться к духам раньше, чем станет взрослым мужем.

Думать так было страшно. Дымка, сгущавшаяся на горизонте, казалась зловещей.

Бурый дух повторил сказанное Спетом голосом Спета, слегка приглушая слова: «Земля еще сухая, дедушка». Потом указал на землю и издал вопросительный звук.

— Земля, — сказал Спет, думая о смерти и обо всех слышанных им песнях смерти.

Дух повторил слово «земля», и Спет увидел у него на лице выражение удовлетворения; он понял, что дух разучился говорить и что его нужно учить заново, словно новорожденного.

Благодаря этому учтивость превратилась в веселую игру. Работая, Спет показывал на окружающие предметы, произносил их названия, объяснял то, что делает, а иногда пел детские песни труда.

Дух следовал за ним, помогал управляться с сетями, слушал и указывал на то, что хотел узнать. Потом Спет заметил, что пояс его обвивает слепая серебряная змея. Дух поворачивал голову змеи к Спету, когда тот пел, и иногда сам говорил со змеей, делая поясняющие жесты.

Спета покорило, что змее нечто объясняют, ибо все змеи мудры, а слепая змея — это премудрая

змея из снов, та, что все знает. Слепой змее не нужно никаких объяснений.

Они с духом продолжали работать, идя вверх по реке, — вытаскивали ловушки, засаливали рыбу и снова забрасывали ловушки — и Спет рассказывал о том, что делает, а дух говорил об этом змее, обвитой у него вокруг стана.

Но вот бурый дух протянул слепую серебряную змею к Спету, показав знаком, что тот должен говорить с нею.

Спет упал на колени.

— Скажи мне, Премудрая, если соблаговолишь, умру ли я при повешении?

Он ждал, но змея неподвижно лежала у духа на ладони и равнодушно молчала.

Спет встал и отступил.

— Благодарю тебя, о Премудрая.

Дух заговорил со змеей, заговорил очень тихо, с осторожными жестами, потом снова обвинил ее вокруг пояса и помог Спету нести засоленную рыбу.

Солнце почти зашло.

*

Возвращаясь в хижину своей семьи, Спет проходил мимо Говорящего Ящика. Бормочущий черный дух сидел сверху и бормотал, как всегда, но на этот раз Ящик остановил Спета, заговорил с ним, назвав его по имени, и стал расспрашивать о его жизни.

Спет нес тяжелый груз соленой рыбы в двух корзинах на коромысле, которое лежало на его сильном плече. Он устал. Он стоял посреди луга, где в другие времена года текла река. Серебряная хижина духов бросала на луг длинную тень. Ноги у Спета устали, ибо он долго бродил по реке, а разум устал оттого, что бурый дух целый день задавал ему вопросы, поэтому Спет сказал первое, что пришло ему в голову: он объяснил, что должен вскоре умереть. Обряд Повешения, делающий юношей взрослыми, начнется с первым дождем; для этого обряда предназначены пятеро, большинство обычно выживает, но Спет думает, что сам-то он умрет.

Ящик умолк, и дух наверху перестал бормотать; и Спет понял, что это правда, ибо люди умолкают перед лицом правды, о которой не хотят говорить вслух.

Он сделал Ящику учтивый прощальный жест и направился к своей хижине, чувствуя себя очень расстроенным. На вечернем пиршестве дети весело поедали рыбу и корни, а худые взрослые довольствовались корнями и травами. Спет, единственный среди родичей, готовился к посвящению во взрослые, и ему нужно было бы хорошенько есть, чтобы толстеть и накапливать силы, но вместо этого он вышел, вглядываясь в нахмурившееся небо. Он не вернулся больше к пиршеству, а прислонился, дрожа, к стене хижины, не в силах даже уснуть. Прямо перед ним лежали маленькие плоскодонные лодки его семьи, лежали в пыли позади хижины, ожидая счастливых дней дождя. Никогда больше ему не плавать в этих лодках!

Висеть вниз головой — это болезненный путь к тому, чтобы стать взрослым, но кто сумел выжить, тот на это не жалуется. А для него повешение станет трудным путем к смерти.

Задыхаясь, подгоняемый новостью, почтенный Уинтон подбежал к двум инженерам, притаившимся на берегу реки.

— Я узнал... — начал было он.

— Тсс! — сказал один из них, не оборачиваясь.

Они не отрываясь смотрели на маленькое животное у самого берега.

Уинтон подошел ближе и присел сзади.

— У меня есть новости, интересные для вас. — Он понизил голос до шепота, но торжество скрежетало в этом шепоте, как напильник по стеклу.

— Расскажите, когда это кончится, — прервал его Гендерсон. — Погодите.

Молодой проповедник проследил за их взглядами и увидел четвероногого зверька, большеглазого и острозубого, слабо барахтающегося в поднимающейся воде. Чарли делал с него снимки.

— У него лапы увязли, — прошептал Уинтон. — Почему вы не поможете ему?

— Оно укореняется, — шепотом ответил Гендерсон. — Мы боимся помешать ему.

— Укореняется? — Уинтон был в недоумении.

— У него две жизненные стадии, как у морской утки*. Вы знаете, она сначала бывает личинкой и плавает свободно, а потом закрепляется и превращается в такую ракушку. У этого зверька тоже есть стадия закрепления, и она сейчас как раз начинается. Когда вода дойдет ему до шеи, он свернется под водой в клубок, вытянет вверх передние лапки и превратится во что-то подобное водоросли. Сейчас он укореняется задними лапками. Это уже третий случай.

Уинтон взглянул на барахтающегося зверька. Вода дошла зверьку почти до шеи. Большие блестящие глаза и оскал мелких зубов выражали страх и недоумение. Уинтон содрогнулся.

— Ужасно! — прошептал он. — Знает ли оно, что с ним происходит?

Гендерсон пожал плечами.

— По крайней мере знает, что вода поднимается и что оно не должно убежать. Оно должно оставаться на месте и врыться лапами в дно. — Он увидел выражение лица Уинтона и отвернулся. — Инстинкт — это могучее стремление. Бороться с инстинктом нельзя. Поддаться ему — приятно. Так что это не так уж и плохо.

Достопочтенный Поль Уинтон всегда боялся утонуть. Он отважился бросить на зверька, готового превратиться в водоросль, еще один взгляд. Вода подступала к самой шее, зверек старался поднять голову и дышал часто, тихо повизгивая.

— Ужасно! — Уинтон повернулся и отвел Гендерсона подальше от берега. — Мистер Гендерсон, я сейчас узнал кое-что.

Он был очень серьезен и с трудом подыскивал слова.

* Морская утка принадлежит к семейству ракообразных.

— Ну, говорите, — поторопил его Гендерсон.

— Я узнал это от одного туземца. Переводная машина сегодня работала лучше.

— Мы с Чарли недавно ввели в нее сотни четыре слов и фраз. Мы расспрашивали туземцев целый день. Кстати, вы, кажется, говорили, что не будете пользоваться переводной машиной, пока она не будет готова?

— Я только проверял ее. — Уинтон почти извинялся. — Я только расспрашивал.

— Ладно. — Гендерсон мрачно кивнул. — Так что же случилось? Вы здорово чем-то расстроены.

Уинтон отвернулся, словно разглядывая реку и прибрежные купы кустов и деревьев. Потом поглядел на дальние холмы. Вид у него был неуверенный.

— Прекрасная зеленая страна! Она кажется такой мирной! Бог щедро оделяет красотой. Это доказывает его доброту. Когда мы думаем, что бог жесток, то это только по своему неразумию. На самом деле бог не жесток.

— И это все, что вы хотели мне сообщить? — жестко спросил Гендерсон.

Уинтон вздрогнул и продолжал:

— Гендерсон, вы заметили, что здесь есть два вида туземцев? — Одни — высокие, худые, медлительные, другие — маленького роста, коренастые и сильные. Они-то и делают всю работу. Коренастые — обычно дети и юноши. Так?

— Я это заметил.

— Как вы думаете, что это значит?

— Мы с Чарли говорили об этом. — Гендерсон был слегка озадачен. — Это только догадка, но мы думаем, что высокие — это аристократы. А сильные, коренастые работают на них.

Густые тучи громоздились над дальними холмами. Вода в реке медленно поднималась.

— Маленькие — это дети высоких. Высокие и худые — это взрослые. И все взрослые больны, вот почему всю работу выполняют их дети.

— Что такое?.. — начал было Гендерсон, но Уинтон, заглушив его слова, горячо продолжал, не сводя глаз с отдаленных холмов:

— Они больны потому, что с ними что-то сделали. Когда юноши, сильные и здоровые, готовятся стать взрослыми, их... их вешают вниз головой. На много дней, Гарри, может быть, больше чем на неделю — переводная машина не могла сказать, на сколько. Некоторые умирают. Остальные... остальные вытягиваются, становятся худыми и длинными. — Он запнулся и с усилием продолжал: — Юноша-туземец не мог сказать, когда это начали делать и зачем. Это длится уже так долго, что никто не помнит.

Неожиданно, к неприятному удивлению Гендерсона, проповедник упал на колени, сжал руки и, запрокинув голову и закрыв глаза, произнес молитву:

— Господи, не знаю, почему ты так долго медлил показать им истинный свет, но благодарю тебя за то, что ты послал меня прекратить эту жестокость!

Он быстро встал и отряхнул колени.

— Вы мне поможете, да? — обратился он к Гендерсону.

— Откуда мы знаем, что это правда? — нахмурился Гендерсон. — Мне это кажется чепухой.

— Чепухой? — Внезапный гнев помог Уинтону вернуть себе уверенность. — Но, Гарри, вы всегда говорите так, словно знакомы с антропологией. Вы, конечно, знаете, что у дикарей бывают обряды посвящения юношей. Это для того, чтобы испытать их мужество. Мальчиков истязают, и того, кто выдержит пытку, не издав ни стона, признают мужчиной и наделяют всеми правами взрослого. Низкая жестокость! Власти всегда прекращали ее.

— Здесь ни у кого нет власти, чтобы запрещать что-то кому-нибудь.

Обряд посвящения показался Гендерсону чудовищным, и он возражал только потому, что Уинтон всегда был неправ, а значит, неправ и теперь. Соглашаться с этим человеком было опасно. Это значило — ошибаться вместе с ним.

— Нет власти? А власть бога?

— Ну да, бога! — грубо возразил Гендерсон. — Если он вездесущ, то, значит, был здесь раньше вас. И он не сделал ничего, чтобы остановить их. Вы их знаете только неделю. А бог — как давно он знает их?

— Вы не понимаете. — Уинтон говорил с полной убежденностью. — Это не просто удача, что мы нашли эту планету. Это моя судьба. Мне предначертано заставить этих людей прекратить свои обряды. Я послан сюда богом.

Гендерсон весь побелел от гнева. Два месяца он терпел надменность проповедника, запертый вместе с ним в тесной кабине звездолета, терпеливо выслушивал его проповеди, не позволяя себе возмущаться ради спокойствия на корабле. Но сейчас он был под открытым небом, и чаша его терпения переполнилась, и он не намеревался больше сносить высокомерие Уинтона.

— Вот как? — ядовито спросил он. — Ну, так я тоже участвую в этой экспедиции. Откуда вы знаете, что бог не послал меня помешать вам?

Чарли окончил съемку подводного превращения зверька и вышел на берег, складывая свой подводный киноаппарат. Он вышел вовремя — он увидел, как Уинтон ударил старшего инженера по лицу, разразился проклятиями, повернулся и убежал.

*

Минут через десять Гендерсон, наконец, растолковал Чарли, чем вызвано волнение проповедника. Они лежали на берегу, глядя в воду и любуясь отражением заката в водяной ряби.

— Хотел бы я знать, что сейчас делает этот червяк Уинтон. — Гендерсон перевернулся на спину, лениво глядя в небо. — Я таки допек его. Теперь он не будет нести свою чепуху с надуту-покровительственным видом. Может быть, он даже станет называть меня Гендерсоном, а не Гарри.

— Не требуй слишком многого. — Чарли сорвал травинку и рассеянно пытался перекусить ее, но ему

помешала прозрачная пластиковая пленка. Он отбросил травинку. — Как мог этот червяк стать миссионером? Он не умеет ладить с людьми. А для его работы это главное.

— Очень просто, я же говорил тебе, — ответил Гендерсон, глядя в темнеющее розовато-фиолетовое небо. — Его уговорили стать миссионером, чтобы убрать куда-нибудь подальше. Только не говори ему. Он думает, что избран за красноречие.

Он снова перевернулся на живот и поглядел на реку. Теперь она была холодного темного цвета, с серебристой рябью.

— Туч над горами все больше. Если пойдет дождь и река поднимется, то возможно наводнение. Вероятно, нам придется переменить стоянку.

— Уинтон говорил, что туземец упоминал о наводнении. Нам нужно расспросить его поподробнее.

Они пошли разыскивать проповедника.

*

То, что Уинтон рассказал им, было тревожным и неясным.

— Это Спет, — заключил Гендерсон. — Это тот, кого я расспрашивал весь вечер. И он сказал, что должен умереть.

Уинтон был серьезен и бледен. Он сидел, сгорбившись, у навигационного стола, словно испуганный собственным решением действовать.

— Да. Он сказал мне, что должен умереть. Сказал, что его повесят на дереве вниз головой, как только начнутся дожди, ибо он уже достаточно гырос.

— Но он говорил, что другие юноши выдерживают это испытание. Может быть, он ошибается, говоря о смерти? Может быть, это не так страшно?

— Он сказал, что многие умирают. — Руки Уинтона неподвижно лежали на столе. Внезапно он загорелся гневом. — О низкие дикари! Какая жестокость! Какая жестокость! — Он повернулся к Гендерсону, и в голосе его не было обычной снисходительности. — Пожалуйста, настройте переводчик так, что-

бы он переводил мои слова в точности. Мне не хочется стрелять в них, чтобы заставить прекратить это. Я только объясню им, что богу не угодны их поступки. Они должны понять меня.

Потом он обратился к Чарли, стоявшему рядом:

— Дикари называют меня «Энксим». Что это значит? Не считают ли они меня божеством?

— Это значит «Большой ящик», — резко ответил Гендерсон. — Они все еще думают, что говорит ящик. Я заметил, что, отвечая, они смотрят на ящик, а не на вас. За кого они принимают вас, не знаю.

В эту ночь дождя не было. Уинтон заснул только под утро.

*

Спет тоже был рад, что дождь не начался.

На следующий день он как всегда ловил рыбу.

Река набухла и бежала у берегов высоко и быстро. Ловить рыбу было сначала нелегко, но потом пришел бурый дух и привел с собой другого такого же, и оба они помогали Спету вытаскивать ловушки. Новому духу тоже хотелось научиться говорить, так что всем им было очень весело: оба духа проделывали самые обычные вещи, а Спет говорил им нужные слова и пел песни.

Один из них научил его слову на языке духов, и он понял, что это так нужно, ибо он сам скоро станет духом.

Возвращаясь вечером с рыбой к своей хижине, он опять проходил мимо Говорящего Ящика. И Ящик снова говорил с ним и задавал ему вопросы.

Черного духа, обычно бормотавшего на Ящике, сейчас там не было, но рядом с Ящиком стоял бурый, только что помогавший Спету ловить рыбу, и тихонько говорил что-то всякий раз, когда Ящик спрашивал Спета. А когда Спет отвечал, то Ящик тихонько говорил что-то духу. Казалось, они обсуждают ответы Спета. Он не знал, почему они обсуждают его ответы, но это было их делом, и они сказали бы ему, если бы захотели.

Когда он уходил, то бурый дух сделал ему жест уважения и взаимопомощи в работе, и Спет ответил

тем же, польщенный уважением со стороны духа своего родича.

Он не вспоминал о своем страхе, пока не оказался у хижины.

Начинался дождь.

*

Чарли поднялся по трапу и вошел в корабль. Гендерсон расхаживал взад и вперед, сутулясь, сжимая кулаки; лицо у него было напряженное и тревожное.

— Как дела? — беспечно спросил Чарли, разрезая пластиковую оболочку.

Гендерсон остановился и выхватил из коробки сигару.

— Очень плохо. Уинтон был прав.

Чарли скомкал пленку и швырнул ее в мусороборник.

— Туземцы действительно совершают этот обряд. — Гендерсон откусил кончик сигары и торопливо закурил. — Я спрашивал Спета. Да, юношей вешают вниз головой на деревьях при первых весенних дождях. Да, это больно, да, некоторые умирают. Нет, он не знает, почему и зачем это делается. Ха! — Гендерсон отбросил сигару и снова зашагал по кабине, свирепо нахмурившись. — Поколение за поколением они истязают так своих юношей, и старшие не могут вспомнить, как и почему это началось и почему продолжается...

Чарли облокотился о навигационный стол, следя глазами за Гендерсоном.

— Может быть, — тихо произнес он, — для этого обычая есть какие-нибудь причины...

— Причины для того, чтобы вешать человека вниз головой на целую неделю? Назови мне хотя бы одну!

Чарли ответил не сразу.

— Я сейчас из здешнего поселка, — заговорил он, меняя тему. — Уинтон начал действовать. Он поставил переводную машину посреди поселка, а сам сидит на ней и говорит им, что бог на них смотрит

и все такое. Я хотел увести его, так он в меня прицелился. Он сказал, что прекратит это подвешивание, пусть даже ему придется убить нас обоих и половину туземцев.

— Пусть попробует остановить их своими разговорами! — Гендерсон вновь зашагал по кабине. — Болтун! Болтовней тут не поможешь. Болтовня сама по себе ничего не стоит. Я сделаю проще. Я украду Спета и спрячу от них. Чарли, дикари совершают обряды только в определенное время. Мы выпустим Спета через неделю, и никто его не тронет. Они просто будут ждать следующего сезона дождей и следить за тем, чтобы деревья на них не гневались или что-нибудь в этом духе. Когда они увидят, что Спету удалось обойтись без подвешивания, они поймут, что юноша может стать здоровым взрослым мужчиной без всякого подвешивания и вытягивания.

— А на следующий год Спет, может быть, и сам догадается спрятаться. И не только он. Может быть, и другие тоже решатся убежать и спрятаться.

— Хорошая выдумка, — сказал Чарли, следя глазами за шагающим Гендерсоном. — Не буду напоминать тебе, что ты поклялся больше ничего не выдумывать. Но сейчас я с тобой, дружище. Как нам найти Спета?

Гендерсон сел улыбаясь.

— Мы увидим его завтра на реке. Не нужно предпринимать ничего, пока не начнется дождь.

Чарли начал шарить в ящике с инструментами.

— Придется достать пару фонариков. И поторопиться. Нужно поскорее найти Спета. Дождь уже идет — начался почти час назад.

*

Тьма и дождь, и висеть вниз головой было странно. Не так торжественно, как говорится об этом в песнях, скорее даже обыденно: так же, как ловить рыбу, и строить хижину, и сидеть за едой с братьями. Только весь мир казался перевернутым. Ствол дерева был рядом, толстый и прочный, земля — над

головой, как крыша, поддерживаемая деревом, а небо — под ногами, очень далеко. И при виде облаков, кипящих в глубине неба, он боялся упасть туда. Небо было как озеро, можно упасть в небо, как камень в воду. Если упадешь в небо, то будешь падать долго-долго...

Дождь шел снизу, с неба. Ступни и кисти были связаны крепко, но не больно, ибо старшие связали его мягкой веревкой из многих прядей, так, чтобы кровь не застаивалась. Руки были привязаны к бочкам, а кисти прикреплены к той же веревке, которая стягивала лодыжки. Это было странно-удобно. Старшие руководствовались опытом множества поколений и выбрали высокое дерево с веткой, росшей высоко над разливом.

Старшие выглядели мудро и уверенно, и он доверился им, когда они связывали и вешали его очень осторожно, тихонько переговариваясь между собой. Потом они оставили его одного.

Ровный дождь барабанил по сучьям и молодым весенним листьям, ручейки разбегались по земле. Спет знал, что реки где-то выходят из берегов, заливая леса и луга. В поселке улица становится грязной, и дети пытаются вести по ней лодки, нетерпеливо ожидая высокой воды, чтобы увидеть быстрый, холодный разлив, увидеть, как хижины поселка оседают и расплываются, растворяются и исчезают под гладкой водяной поверхностью.

В течение месяца разливов все будут жить в лодках. Сначала племя поплывет вверх по реке, вдоль берега, встречаясь с другими племенами, обменивая корзины, рыболовные крючки и засоленную рыбу на солонину. Они будут рассказывать друг другу старые сказки и петь песни, дополняя их подробностями, услышанными в дальних краях. Прошлый раз им повезло: они встретили большое животное, захваченное разливом и не способное противиться охотникам. Люди враждебного племени отдали за шкуру половину жареного мяса и спели большую песню, которой еще никто не слышал. Это было замечательное пиршество!

Потом стаи лодок вернутся на озера, затопившие леса и луга; люди снимут больных и умирающих юношей, подвешенных к деревьям, будут ухаживать за ними, кормить, называть «старшими». И опять поплывут в поисках еды, будут бороться с бурями, добывать соль, подбирать утонувших животных, ловить морских рыб в высыхающих озерах.

А когда дожди прекратятся, они вернутся. На сырой вязкой земле начнут строить хижины из мягкой свежей глины, оставленной разливом. Будут петь и работать.

Но Спет уже не увидит этих дней.

Он висел на дереве вниз головой, и холодный дождь хлестал его по коже. Становилось слишком темно, чтобы различить бледное небо. Он закрыл глаза, и под сомкнутыми веками у него поплыли воспоминания, а потом сны.

— Вот он! Как нам снять его? Ты взял нож? Как к нему подняться? Скользко. Не могу влезть. Подожди, я помогу тебе.

Вспышка света, слишком длительная для молнии, продолжалась целую секунду. Спет очнулся, глядя в темноту, он искал уже погасший свет. Он услышал голоса, говорящие на непонятном языке.

— Не надо фонарика, он испугается.

— Ты объяснишь ему, что мы делаем.

— Нет, не сейчас. Он пойдет с нами. Спет уже стал моим другом.

— Ну и корни же у этих деревьев! Как ветви!

— Как у мангровых...

Возле Спета появилась темная фигура и поползла по ветке.

— Отвязываю веревку. Спущу его медленно, а ты лови, чтобы он не треснул головой, ладно?

— Ладно. Спускай.

Голоса умолкли, мир завертелся, и ствол дерева начал двигаться мимо лица Спета.

Вдруг его охватили мокрые руки, и голос бурого духа сказал:

— Поймал!

Тотчас же веревка перестала тянуть Спета за ноги, и он свалился вниз головой на бурого духа. Они упали на гладкие высокие корни и скользили с одного на другой все ниже и ниже, пока не оказались на мокрой земле. Дух что-то сказал и стал развязывать сложные узлы на лодыжках и запястьях Спета.

*

Странно было сидеть на мокрой земле, покрытой прошлогодними листьями. Если стоять вверх головой, лес кажется каким-то странным. Спет запел песню смерти.

Бурый дух помог ему встать и сказал отчетливо на языке племени Спета:

— Идем, мальчик, петь ты будешь, когда мы придем домой.

Его товарищ спрыгнул с нижней ветки на высокий корень дерева, скользнул по нему и упал на землю рядом с ними.

Бурый дух сказал на языке Спета:

— Не время отдыхать, пошли.

Было совсем темно, с ветвей текли потоки воды.

Они пошли по лесу, сделав Спету знак следовать за ними. Спет размышлял, не стал ли он уже духом. Может быть, духи берут его в свою страну заживо? Вероятно, потому, что он их родич. Это было хорошо с их стороны, это была большая милость. Он последовал за ними.

Дождь ослабел и лил легко и ровно, так он будет лить несколько дней подряд. Но идти было трудно: земля стала скользкой от мокрых листьев и мягкой, словно она вспоминала о том, что была частью реки, которая покинула ее только год назад. Духи переговаривались между собою на языке духов; иногда они спотыкались, скользили и падали, помогали друг другу подняться и торопили Спета.

В лесу приятно пахло мокрой землей и молодыми листьями. Грязь и вода охладили болевшие ноги, и Спету почему-то захотелось остаться в лесу, сесть и, может быть, уснуть.

Начинался разлив, а лодки у духов не было.

— Скорее, Спет! Мы идем в большей лодке. Скорее, Спет!

Почему они скользят и спотыкаются в лесу, а лодки у них нет? И почему они боятся? Разве духи могут утонуть, эти духи, казавшиеся всегда мокрыми? Если они уже утонули когда-то, то неужели они должны снова и снова испытывать это и каждый год гибнуть в разливе? Что-нибудь неприятное, однажды случившись, повторяется в снах снова и снова. И тот, кому это снится, переживает все каждый раз заново. В стране снов нет памяти. Эти духи пришли из страны снов, но они пожелали сейчас быть с ним. Видимо, они должны подчиняться всем законам страны снов. Им придется утонуть снова, их лодка далеко, и они спешат к тому месту русла, где вода поднимается выше всего.

Спет вдруг понял, что они хотят, чтобы он тоже утонул. Он не сможет стать духом, пока не умер.

Он вспоминал, как при первой же встрече с ними подумал, что они кажутся мокрыми, ибо утонули когда-то. И чтобы стать похожим на молодого, веселого, бурого, блестящего от воды духа, он должен утонуть, как утонули они, — молодым и веселым, пока Повешение не превратило его в печального старшего.

Он не хотел показывать, что отгадал их намерения. Спеша вместе с ними туда, где разлив должен был стать всего сильнее, он попытался вспомнить слова, на которых прервал песнь смерти, и запел с этих самых слов, чтобы пением прогнать страшные мысли и страх. Холодный дождь хлестал по его лицу и груди.

*

Каждый из них был охвачен своими страхами.

Когда они выбежали на опушку, инженеры с облегчением увидели, что звездолет стоит на месте, как светлая башня среди воды. На месте луга теперь было длинное озеро, отражавшее слабый свет и рябое от дождя.

— Как мы доберемся до корабля? — обернулся Чарли.

— Высоко ли стоит вода? Покрыла ли трап? — деловито спросил Гендерсон, щурясь от дождя.

— Еще нет. Я вижу, из воды торчит трава. Тут неглубоко.

Чарли осторожно шагнул в серебристую воду. Ноги его ушли в упругую губчатую траву, вода запенилась у щиколоток.

— Тут мелко.

Они двинулись к кораблю. Несильное вначале течение с каждым шагом становилось сильнее, уровень воды повышался.

— Гендерсон, постойте!

Тропинка, ведущая в селение, была теперь близко. Она шла из леса к берегу далекой реки серебристой водяной лентой среди темных кустов. По тропе, спотыкаясь, бежала темная фигура, окруженная серебряным блеском поднимающейся воды.

Уинтон подбежал к опушке, где кусты оканчивались и начинался луг; он увидел озеро, в которое превратился луг, и остановился.

— Гендерсон! Чарли!

— Идите, тут пока еще неглубоко! Скорее! — Чарли настойчиво махнул рукой. Они стояли в тридцати футах от него, среди ровного серебра поднимающейся воды. Она доходила им уже до колен.

Уинтон не шевельнулся. Он взглянул на блестящую воду, и голос его перешел в пронзительный крик:

— Это озеро, нужна лодка!

— Здесь мелко! — крикнул Чарли. Оба инженера остановились.

Голос Уинтона упал, но его хриплость выдавала такое отчаяние, словно он продолжал кричать.

— О, прошу вас!.. Я не умею плавать...

— Ступай за ним, — обратился Гендерсон к Чарли. — Я отведу Спета к кораблю и вернусь помочь тебе.

Чарли побежал к неподвижной фигуре у опушки.

— Почему вы не предупредили, что ушли? —

Он подошел и пригнулся перед ошеломленным проповедником. — Ну, садитесь. Вот вам такси.

— Что такое? — спросил Уинтон тихим, слабым голосом. Вода поднималась выше.

— Лезьте мне на спину! — нетерпеливо сказал Чарли. — Я вас повезу.

— Дома скрылись под водой, а они уплыли в лодках и бросили меня одного. Сказали, что я злой дух. По-моему, они все-таки совершили повешение, хотя я говорил им, что это грех. — Голос Уинтона звучал невнятно. Он взобрался к Чарли на спину.

— Говори громче, не лопочи, — пробормотал Чарли.

*

Дверь звездолета была открыта, нижняя часть трапа покрыта водой.

— Кажется, здесь течение, — проговорил Уинтон, пытаясь говорить спокойно.

Чарли промолчал. Уинтон был прав, но человеку, болезненно боявшемуся утонуть, незачем было знать, что они пересекают русло, в которое вернулась река.

— Почему вы бежите? — спросил Уинтон.

— Хочу догнать Гендерсона.

Как только они очутятся в звездолете и закроют люк, на воду можно будет не обращать внимания. Там, внутри, можно не говорить Уинтону о том, что было снаружи. Звездолет превратится в хорошую подводную лодку.

Вода доходила Чарли до колен, он бежал, тяжело покачиваясь. Уинтон нервно подбирал ноги, стараясь не касаться воды.

— Кто это с Гендерсоном?

— Спет — юноша туземец.

— Как вы уговорили его уклониться от обряда?

— Мы нашли его повешенным и сняли.

— О! — Уинтон помолчал, пытаясь осмыслить тот факт, что инженерам удалось спасти кого-то. — Это совсем другой метод. Я говорил, но они не захотели слушать. — Тон у него был извиняющийся, а голос прыгал и обрывался, когда Чарли спотыкался на ходу. — Они даже не отвечали, даже не посмотрели

ли на меня. Когда вода поднялась, они уплыли в лодках, а мне не оставили ни одной.

Чарли снова споткнулся и упал на одно колено. Оба забарахтались по грудь в воде, но Чарли поднялся, крепко держа своего пассажира за лодыжки.

Когда Уинтон заговорил снова, голос у него звучал спокойно, хотя и слишком высоко.

— Я просил у них лодку, но они даже не взглянули на меня.

Чарли не ответил. Он уважал старания Уинтона скрыть страх. Прикосновение воды может вызвать ужас у человека, одержимого боязнью утонуть.

Он не мог придумать, как отвлечь внимание Уинтона от опасности, и отчаянно надеялся, что тот не заметит, как повышается уровень воды. Он уже не мог бежать, вода была выше колен. Сквозь сплошную стену дождя почти ничего нельзя было разглядеть, но Чарли показалось, что он видит, как далекие фигурки Гендерсона и Спета приближаются к лестнице звездолета.

— Мы движемся медленнее... — Голос Уинтона был хрипом ужаса.

— Незачем спешить... — Чарли с трудом набрал дыхание, чтобы говорить обычным голосом. Завеса дождя приподнялась на мгновение, и они увидели звездолет, черный на фоне неба, и трап, ведущий к открытому люку. Трап был наполовину под водой. До него, казалось, было еще далеко.

Пока они смотрели, в звездолете зажегся свет.

Добравшись до входа в корабль, Гендерсон повернул выключатель, и вспыхнули лампы.

Спет был поражен. Из хижины духов вдруг брызнуло солнце, и его лучи заиграли на падающих дождевых каплях. Капли сверкали белыми искрами.

— Солнечный свет, — сказал Спет духу своего родича, словно оправдываясь.

Бурый дух кивнул и повел его вверх по трапу, сквозь странный, сверкающий солнечный луч, и эта лестница была жесткой и непривычной.

— Не входи, пока я не вернусь, — сказал дух, с трудом произнося слова. — Держись и жди меня, —

крикнул бурый дух кому-то из остальных духов и спустился в воду.

Спет пошел вниз за ним вслед, пока его болевшие ноги не очутились в мягкой, холодной грязи, и тогда он послушно схватился за поручни и стал ждать. Вода охватывала его тело плещущим объятием, а ветер пел над ним смертную песнь.

Яркий блеск странного солнечного света на пляшущей воде был красив, но глаза у Спета начали болеть от него. Он закрыл их и тогда услышал еще один звук, кроме ветра. Два звука.

В одном звуке он узнал первую волну разлива, рвущуюся сквозь деревья на севере, приближающуюся к ним; и он знал, что должен поспешить и утонуть раньше, чем она придет сюда, потому что эта волна причиняет сильную боль.

Другим звуком был голос черного духа, того, что всегда бормотал, сидя на Говорящем Ящике. Спет открыл глаза и увидел, что черный дух едет на плечах у бурого, а тот и его друг, второй бурый дух, приближаются по пояс в воде к Спету и к лестнице.

Черный дух все время бормотал, и Спет слегка встревожился при мысли, что он принесет несчастье своими заклинаниями, ибо у этого духа могут быть другие помыслы, чем у дружественных бурых духов.

— Спет, поднимайся по трапу! — крикнул бурый дух. — Там, внутри, сухо. Не смотри так, бояться больше нечего. Мы войдем туда и закроем двери, и вода не попадет к нам. Идем, Спет!

Уинтон в ужасе закричал:

— Он превращается в водоросль! Скорее тащите его из воды! На помощь!

Дух с черной кожей и белым лицом, должно быть, хотел утащить его к себе в темную страну. Крича, он сбегал по лестнице к Спету. Слишком поздно: Спет знал, что теперь он легко попадет в туманную страну утонувших вместе с пришедшими за ним дружественными духами. Он почувствовал, как его ноги врастают в грязь и пускают корни и эти корни уходят все глубже, и его охватила радость, когда он понял, что

это так и нужно, что это нужнее и естественнее, чем превращение в высокого, унылого старшего.

Ему не хватало воздуха, и он задыхался. Но как раз в тот миг, когда крючковатые пальцы черного духа вцепились ему в шею, Спет набрал полные легкие воздуха и наклонился, погрузившись в темную ласковую воду, уходя прочь от болезненной красоты яркого света и движущихся форм. Вода сомкнулась над ним, и звуки исчезли.

Он еще чувствовал как костлявая рука черного духа тянет его за шею, он успел увидеть и бегущих к нему бурых духов и знал, что они не позволят причинить ему вред... а потому оставил всякие страхи и, нагнувшись глубже в темноту, погрузил руки с растопыренными пальцами глубоко в грязь и охватил лодыжки, словно всегда знал, как это делается. Пальцы сомкнулись, и разомкнуть их было уже нельзя. Они никогда не разомкнутся больше. Он почувствовал мягкий толчок, когда первая волна разлива прошла над ним, но не обратил внимания на нее. Со смешанным чувством ужаса и уверенности в том, что поступает правильно, он открыл рот и всей грудью вобрал в себя холодную воду.

Мысли оборвались. Как только вода ворвалась ему в легкие, окоренившееся водяное существо — давно забытая взрослая форма Спетова вида — начало новую, лишенную мыслей, псевдорастительную жизнь.

Первая волна разлива почти достигла люка. Она захлестнула инженеров, которые тащили кричавшего человека; а когда она прошла, трое людей еще были на трапе. Один из них ударил кричавшего, и они внесли его внутрь.

*

У Гендерсона некоторое время была истерика. Но потом он успокоился, составил короткий отчет для Комитета по исследованию планет, когда вода спала, он руководил очисткой дюз от грязи и техническим осмотром камер сгорания.

Он не хотел говорить ни с кем из туземцев и уходил в корабль, если они появлялись.

При отлете Уинтон был еще сильно возбужден, но потом тоже успокоился и пришел в себя. Он не хотел говорить о случившемся. Гендерсон же казался вполне спокойным, но Чарли не заговаривал о том, что старший инженер держит за стеклянной загородкой в машинном отделении большой куст.

*

После этого полета Гендерсона стали считать немного чужаком. На большие лайнеры его все же берут — там ведь есть и другие инженеры. У него всегда есть работа, но куда бы он ни летел, он всегда берет с собою огромный куст в горшке и ставит его в машинном отделении, ухаживает за ним и поливает водой. Товарищи никогда не шутят с ним на эту тему, так как это небезопасно.

Когда Гендерсон остается один, он разговаривает со своим кустом. Разговаривает ласково и убедительно. Но куст никогда ему не отвечает.

Они с Чарли встречаются иногда, когда их корабли оказываются в доке одного и того же космопорта, на одной и той же планете. Они пьют и шутят. Но Чарли никогда не летает на одном корабле с Гендерсоном. Когда он видит Гендерсона вместе с его кустом, ему становится не по себе.

Это не тот куст, но он никогда не скажет Гендерсону об этом.

ДРАГОМИР МИХУ (РУМЫНИЯ)

НА ВОЛНЕ КОСМОСА

Они мчались со скоростью света, приближаясь к Земле, к старой доброй Земле, чей образ всегда хранили в душе. Ожидание той минуты, когда они смогут увидеть своих близких, и радость возвращения с победой не давали им заснуть. А сон был для них единственным способом победить время. Астронавты лихорадочно готовились встретить Землю, сказать ей о своем возвращении.

Экипаж был занят обработкой данных, полученных в процессе полета в область Тау Кита — первой звездной системы, которую посетили люди. Астронавты решили подготовить предварительные планы для новой экспедиции на планету, которую они назвали Белой пушинкой. Ее назвали так потому, что на ней было множество горных хребтов, укутанных снегом. Спектрограммы показывали, что на планете есть благоприятные условия для постройки автоматической космической станции. Обычно планы экспедиций выработываются только на Земле, где имеются все необходимые счетные устройства и где можно координировать все работы по исследованию космоса. Астронавты же принялись разрабатывать план нового перелета не для того, чтобы соперничать с исследовательскими институтами Земли, а чтобы по возможности

приблизиться к условиям работы на Земле, по которой они стосковались.

В этот вечер обсуждение закончилось в спокойной атмосфере. Слова «этот вечер» следует, конечно, понимать фигурально. На космических путях не бывает ни вечера, ни утра, ни времен года, ни часов. Однако астронавты пользуются земными мерами времени и говорят: «В восемь часов утра» или: «Завтра за завтраком», хотя в иллюминаторы видна только черная бесконечность. Чтобы не терять связи с Землей, память о которой они уносят с собой к границам солнечной системы, в глубины Галактики, астронавты стараются сохранить тот же образ жизни, что и на Земле. Они празднуют дни рождения, крупные события в истории Земли, новогоднюю ночь и День урожая, хотя электронные счетчики отсчитывают длительность полета световыми годами.

Итак, в этот вечер Элла, руководительница работ по планированию новой экспедиции, закончила дискуссию, сказав с улыбкой:

— А теперь, друзья, отдыхать! Я против ночных заседаний.

Однако астронавты и не думали расходиться. После бесконечного молчания космоса им хотелось услышать живой пульс Земли, частицей которой были они сами.

— Ничего, Элла, — сказал Алекс, — проведем бессонную ночь, как в молодости. Нужно испытать бессонную ночь и в космосе.

— Нельзя, Алекс. Хоть я решила отказаться от длительного сна, но мы все же должны спать. Именно потому, что мы еще не ступили на Землю... А сейчас гасите свет! Если кому-нибудь хочется еще на немного остаться, я предлагаю послушать музыку. Мне хотелось бы услышать какую-нибудь симфонию девятнадцатого века.

Никто не успел ничего ответить, — в зал ворвался Ред.

— Скорее, скорее включайте приемники! Кажется, Земля нас приветствует! Передается что-то на длине волны космоса!

Ред был «слухом» звездолета. Как и на Земле, на всех звездолетах постоянно слушают «космическую волну» на длине 21 сантиметра. На этой волне слушают вибрации далеких планет. Это «голос космоса», расшифровка которого идет с самого начала космической эры — со второй половины XX века. Правда, сделанные записи расшифровать пока не удалось, хотя многие из них имели вид передач, посланных разумными существами с других планет.

На звездолете условия для прослушивания «голоса космоса» были лучше, чем на Земле, но до сих пор Реду не удавалось поймать ничего похожего на осмысленную передачу.

— Передают музыку, — повторил он, задыхаясь от волнения, — это может быть только с Земли, в честь нашего возвращения...

Из репродуктора слышались сначала только характерные шумы, но потом заструилась мелодия, сначала робкая, потом все более и более уверенная. Был ли это оркестр? Или только один неизвестный инструмент? Несомненно, это была передача, а не то, что астронавты обычно называют «музыкой пространства», которая состоит из шорохов или взрывов слепых частиц материи. В музыке было что-то странное, волнующее, она была то спокойной, то зовущей, иногда поднималась до вопля. Людям казалось, что они уже слышали когда-то эту музыку и несли ее с собою на всем своем пути.

Элла взглянула на Реда, словно желая сказать что-то...

*

Элла совершала космический перелет в четвертый раз. В первый раз, много лет назад, она участвовала в полете после окончания специального курса астрофизики и месячной подготовки на Лунной базе. Подготовка должна была продолжаться не менее полугода, но Элле сократили срок, она обручилась с Редом. Они познакомились на Лунной станции и сразу решили, что поженятся и полетят вместе.

Уже в звездолете, на пути к Юпитеру, — в то время полет на Юпитер считался самым длинным и самым смелым — Элла обратила внимание на Анну. Анна поразила ее своей безмолвной печалью. Элла постоянно чувствовала на себе ее глубокий, тяжелый взгляд. Элла попыталась сблизиться с этой девушкой, подружиться с ней, но не добилась ничего, кроме вежливых, холодных ответов. Однажды она заговорила об Анне с Редом. Он отвечал односложно и сразу постарался переменить тему. Однако тайна Анны скоро обнаружилась. Она была такая обычная и такая гнетущая! Анна любила Реда. Любила давно, но Ред отвечал ей только дружбой. Не желая отказаться от него навсегда, Анна удовольствовалась тем, что находилась в одном с ним экипаже, смотрела на него, слушала его. Она была слишком молода, а ее неразделенная любовь была слишком сильна, чтобы она могла решительно оборвать все нити, связывавшие ее с Редом. Но она никогда не пыталась разрушить счастье Эллы и Реда.

Но все же присутствие Анны на корабле смутило счастье Эллы. С тех пор как она проникла в эту тайну, взгляд Анны стал обвинением, несправедливым, но постоянным и мучительным, хотя, может быть, Анна смотрела на нее совершенно так же, как и на других. Элла заметила ту же тревогу и у Реда. Но в чем можно было бы упрекнуть Анну? Для всех остальных она была превосходным товарищем, прекрасным врачом, таким, какого любой начальник экспедиции был бы рад иметь на своем звездолете. Но ее тайное горе было постоянным укором для Эллы и Реда.

На обратном пути, после облета вокруг Юпитера, корабль попал в рой метеоритов. Столкновение было не очень сильное, но защитные стенки в нескольких местах превратились в решето. В числе помещений, которые нужно было эвакуировать для ремонта, был и госпиталь.

Накануне вечером Элла решила поговорить с Анной откровенно. Десятки раз она повторяла про себя

свою маленькую речь и была уверена в ее убедительности.

«Анна, — хотела она сказать, — мы все трое мучаемся, ты сама это понимаешь. Если бы Ред захотел расстаться со мной, я бы очень страдала, но ушла бы как можно дальше от него. Ты не можешь так сделать. Я тебя понимаю. Но мы не должны находиться обе на одном звездолете. Ты пойми это. Мы обе должны решить, что никогда ни в какую экспедицию не полетим вместе. Если мы будем вдали друг от друга, то будем страдать меньше. Не так ли?»

И ей казалось, что она слышит голос Анны:

«Я тебя поняла, Элла. Ты права, нам нельзя больше летать вместе».

Но едва собравшись с духом для этого разговора, Элла снова дрогнула и отложила его. А потом звездолет встретился с метеоритным роем.

В момент тревоги, когда ремонтная группа собиралась выйти наружу, чтобы осмотреть и исправить поврежденные стенки, Анна поспешила в госпиталь. На бегу она крикнула, чтобы кто-нибудь пришел ей на помощь. У нее был только один больной, но его следовало вынести мгновенно, так как еще не было известно, поврежден госпиталь метеоритами или нет. Больного вынесли, а потом Анна, предоставив своим помощникам устраивать его в запасном помещении, снова кинулась в госпиталь, чтобы вынести самую необходимую аппаратуру.

Все это удалось установить позже, после окончания тревоги. Когда ремонтная группа вошла в помещение госпиталя, Анна лежала посреди операционной без скафандра, изо всех сил сжимая руками аппарат искусственного дыхания, который она хотела вынести. Иллюминаторы были пробиты метеоритами в двух-трех местах, и в операционной уже несколько часов царил космический вакуум. Лицо у Анны было странно белое, словно из стекла.

По обычаям космонавтов ее сожгли. Урна, установленная на ракете, умчалась в свой бесконечный путь...

Сейчас, слушая музыку, плывущую из пространства, Элла снова переживала всю печаль своего первого полета. Мелодия в оркестре то рассыпалась, то снова соединялась, и в ее звуках слышалась боль. Потом боль утихла. Музыка растрогала Эллу до слез и тут же освободила: вернула ее к прошлому и все же говорила ей о Реде, о любви, казавшейся столь легкой вначале, о любви, рядом с которой жило и воспоминание о глазах Анны. Какая сила была в этой музыке, так глубоко поразившей ее душу! Она взглянула на Реда и поняла, что он находится во власти тех же воспоминаний.

— Бетховен... — прошептал Ред.

Элла неуверенно кивнула в ответ:

— Какая-нибудь неизвестная симфония, открытая, пока нас не было. Но это, несомненно, он...

Алекс обернулся к ним и сделал знак молчать.

Алекс был космонавтом в третьем поколении. Его дед был одним из первых исследователей Луны, а сам он родился в санатории одной космической станции, где его родители находились в карантине по возвращении из экспедиции на Венеру. Поэтому свой первый перелет он совершил, когда ему не было еще и года. А в возрасте пятнадцати лет он отправился в свое второе путешествие с целью пройти горную практику на Луне, где в это время проводились большие работы. Он получил диплом горного инженера, а кроме того, диплом пилота-космонавта, с тех пор уже совершил четыре перелета в пределах солнечной системы. Позже он был избран — о, сколько бессонных ночей провел он в ожидании результатов отбора! — вторым пилотом для первой экспедиции за пределы солнечной системы. Он с нетерпением ожидал возвращения на Землю, чтобы получить диплом водителя звездолета, — к этому он усердно готовился в течение всей экспедиции. Он принадлежал к самому младшему поколению, воспитанному в духе одержимости космическим будущим человечества, поколению, готовому к самым опасным исследованиям,

всегда жизнерадостному и всегда способному к кропотливой, даже педантичной предварительной подготовке. Жизнь на звездолете, вызывающая даже у самых стойких приступы упорной «болезни космоса», казалась ему такой же земной, такой же нормальной, как и жизнь в аудиториях университета, где он учился. Его поколение считало космические экспедиции в пределах солнечной системы стадией, которую давно уже нужно было перешагнуть, делом для робких начинающих или для людей, отставших от новой эпохи на целое столетие; оно считало, что между всеми планетами системы должно существовать регулярное сообщение, которым можно было бы пользоваться в любую минуту. Многочисленные формальности, особенно медицинские, необходимые для простого перелета на Луну, казались ему следствием тупости всех членов Астронавтического совета. Зачем для экспедиции на Сатурн нужна такая же подготовка, как и для экспедиции к Тау Кита? Алекс, как и большинство молодежи, отказывался употреблять термин «экспедиция» к звездолетам, курсирующим внутри солнечной системы. Он говорил «у нас» или, пользуясь старинным выражением, «в наших пределах». А вопрос регулярных рейсов между планетами солнечной системы был темой работы, которую Алекс собирался представить Астронавтическому совету по возвращении на Землю.

Незнакомая музыка напомнила Алексу эти мысли. Мелодичные мотивы пересекались, удлинялись, как гармоничные линии, сплетающиеся в сеть, столь же неожиданную, как тонкая, сложная структура безукоризненно работающей нервной системы. Мощные взрывы оркестра вспыхивали ярко, как Солнце, когда видишь его вне земной атмосферы, в ярких, мощных красках. В переливах мелодии словно присутствовало плавное вращение планет. Где-то чувствовалась властная рука дирижера; это напоминало Землю, оставленную далеко позади, — там рождались и туда стремились мысли тех, кто мчался в пространстве. Главные темы сливались в одну, потом расходились, как планеты, некогда родившиеся

из солнечной пыли. И снова соединялись, подобно человеку, который хочет снова соединить между собою планеты, установив регулярные рейсы звездолетов.

«Это новый композитор... Только мы, только люди нового поколения, способны к такой силе и ясности, к такому гармоническому видению космоса», — думал Алекс.

*

Подле Реда, подперев руками голову, устремив взгляд в какой-то невидимый мир, слушал музыку Лауренциу.

Лауренциу был радиологом, хотя выполнял на звездолете не только эту работу. А незадолго перед отлетом им овладела новая страсть.

...В тот раз он пришел рано и поджидал Лену в маленькой аудитории, где читались лекции по астроантропологии. Эту науку высмеивали, едва узнав о ней, даже школьники, а в университетах она сумела привлечь к себе только троих-четверых студентов. И это были либо неисправимые мечтатели, либо студенты, жаждущие познакомиться даже с самыми незначительными и фантастическими науками о космосе. Вот уже почти сто лет, как межпланетные экспедиции обследовали планеты солнечной системы, не обнаружив ни следа каких-либо цивилизаций, а так как, с другой стороны, до сих пор не было доказано, что на космической волне длиной в 21 сантиметр идут сообщения, предназначенные для людей, то астроантропология совсем вышла из моды и считалась учебным предметом только в силу уважения к старым программам, да еще, может быть, потому, что в ней была привлекательность поэзии — спутницы науки.

Лауренциу заметил в почти пустой аудитории Лену и сел с нею рядом. Он хотел заговорить, но она сделала ему знак молчать, так как внимательно слушала лекцию старого профессора. Не зная, чем заняться, и заинтригованный вниманием Лены к теме, он тоже стал слушать, хотя и без всякого интереса. Старый профессор говорил об универсальности гео-

метрии, доказывал существование мыслящих существ повсюду, по крайней мере в нашей Галактике.

— ...Круг, эллипс и прямая существуют в объективной вселенной настолько очевидно, что привлекают к себе самое неразвитое мышление. Природа не создавала ни кубических планет, ни треугольных орбит. Всякое начинающее мыслить существо, подняв глаза к солнцу, озаряющему планету, увидит его в образе круга и поймет, что от его глаза к Солнцу протянулась прямая. Так это произошло на Земле, как произойдет и везде, где только появится существо, начавшее мыслить...

Все это Лауренциу уже знал; но он и не думал, что, связывая эти наблюдения между собою, соотнося их с основными элементами структуры живой материи, с неизбежной необходимостью специализации органов чувств, а далее с появлением необходимости в труде и в общении между существами, можно сделать выводы о структуре организмов людей на других планетах или — что до сих пор казалось ему областью чистой фантазии — об их внешнем облике! Старик профессор переходил от доказательства к доказательству, нанизывая их, «как жемчужины на нить», по выражению Эминеску, замечательного поэта XIX века, который тоже занимался, между прочим, проблемой зарождения и развития планет. Перед Лауренциу раскрылись двери в неведомый доселе мир, в котором научная строгость аргументов тесно переплеталась с необузданной фантазией.

— Ты давно ходишь на эти лекции? — спросил он Лену, когда они выходили.

— Уже год, — ответила она, слегка покраснев.

— Почему же до сих пор ты мне ничего не говорила?

— Я не думала, что тебе будет интересно. Люди чаще всего улыбаются, услышав о таком занятии.

Он не улыбался. Но невольно, уступая предубеждению, он так же, как и Лена, стал скрывать от других это увлечение. В свободное время он учился, и очень усердно; разработал несколько вариантов относительно возможного населения тех планет, которые

вошли в планы наиболее вероятных экспедиций, и прилежно готовился к полетам в другие миры. Там он надеялся найти подтверждение гипотезам, построенным им вместе с Леной. Какая обширная и увлекательная работа! Раньше он думал, точнее, только разделял общее мнение, что астроантропология основывается на выдумках. А оказывается, какие обширные и точные научные знания для нее нужны! Какой огромный багаж достижений всех областей науки ждет, чтобы его обработали и упорядочили! И тогда астроантропология сможет на целые световые годы обогнать все прочие науки, которые пытаются отыскать следы Разума, рассеянные в космосе!

Сейчас, слушая эту незнакомую музыку, Лауренциу словно видел перед собою пейзаж планеты из системы Эпсилон Эридана. Видел так, словно все это было здесь перед ним... Звездолет плавно опускается и останавливается на обширной равнине, окруженной лесами. Вдали мерцают стены города. Его здания сложены из красного гранита, которого много на этой планете. Космонавты выходят, сбросив даже кислородные маски. Из города к ним направляются какие-то крошечные платформы, которые все растут и приближаются. Это транспортные средства обитателей планеты. А вот и они, люди этой далекой красной планеты: стройные, высокие, грациозные, с длинными, гибкими, как змеи, руками. Цвет кожи у них красноватый, как цвет их почвы. Люди с планеты Эпсилон Эридана отличаются от землян не больше, чем, скажем, негры от лапландцев. Природа создала человека столь же гармоничным на Земле, как и на этой планете, как создала сходными все планеты, придав им то же вращательное движение, ту же структуру и состав, подчинив их тем же законам развития. Лауренциу всеми силами мысли верит в этот единый закон, верит, что люди везде ходят друг на друга и рождаются для единого всемирного счастья...

Музыка рисует ему шелест лесов на планете Эпсилон Эридана, и хор подымается в мощном гимне славы в тот момент, когда Лауренциу кажется, что он чувствует в своей руке руку человека с далекой

планеты. Человек смотрит на него, улыбаясь. Люди встретились, преодолев бездны космоса, и музыка славит этот долгожданный миг, рассыпаясь хрустальными звуками и затихая вдали.

— Это первая симфония о космическом братстве, — говорит себе Лауренциу. — Кто ее написал? Я должен познакомиться с ним, когда мы вернемся на Землю.

Джо, навигатор, слушал музыку так, словно ее звуки рождались в нем самом. Эти звуки заставили открыться рану, о которой он хотел бы забыть.

Джо был в своей первой экспедиции. Он всегда хотел стать космонавтом, хотя специальность, которую он избрал до того, как увлекся космосом, не была непосредственно связана с полетами. Но так как на всяком звездолете нужны люди, умеющие хорошо считать, то он легко получил желанную работу. Все шло хорошо до последней недели. До того, как Джина кинулась ему в объятия вся в слезах:

— Не улетай, Джо, я не переживу разлуки!

— Но ты знала, что я полечу...

— Знала, но как-то не понимала, что не вынесу этого. Мы должны всегда быть вместе!

— А почему ты не летишь со мною, Джина? Я бы...

Джина страдальчески посмотрела на него, и он, не договорив, понял, что совершил ошибку. В детстве Джина перенесла тяжелую катастрофу; только чудо спасло ее от паралича, но левая рука у нее осталась неподвижной. Все попытки лечения остались напрасными, и она глубоко страдала от этого. Их любовь началась еще в юности, и ему никогда не приходило в голову смотреть на нее как на калеку. Для него, как и для всех, кто ее знал, она была Джинной, прелестной девушкой, самой строгой и самой страстной преподавательницей литературы, какую только можно представить, влюбленной в театр и в нескончаемые споры о ручных ремеслах. Готовясь к экспедиции, Джо не думал о том, что несколько лет отсутствия смогут изменить что-нибудь в их глубокой любви. Он был слишком поглощен собственны-

ми планами, чтобы понять, в каком горестном одиночестве он оставит Джину, которая только рядом с ним чувствовала себя полноценным человеком, и не только из-за своей искалеченной руки... Когда он так глупо спросил ее, почему она не хочет лететь вместе с ним, Джо почувствовал, что между ними вдруг легла бездна. Любовь к Джине и желание заглянуть как можно дальше в глубины космоса — это были непримиримые чувства. Желая исправить свою первую ошибку, он сделал ей еще больнее.

— На звездолете есть много различной работы, тебе тоже можно будет найти какое-нибудь место...

— На звездолете нужны только полноценные люди, Джо. Такие, как ты.

И ушла, готовая разрыдаться.

После этого он пытался успокоить ее, ни на минуту не подумав о самом простом решении — о том, чтобы остаться вместе с нею на Земле. Но Джина избегала его, и до самого отлета ему не удалось поговорить с нею. Джо отправился в космос. Джине он оставил письмо, в котором просил ее подготовиться к будущим экспедициям, в которые они полетят вместе. Он упорствовал в своем непонимании, считая, что таким образом избавит Джину от сознания ее неполноценности.

«Ты одна держишься за свои предубеждения. Все это только предубеждение...»

И он все повторял эту фразу, оправдывающую его в собственных глазах.

Экспедиция, со всеми ее тяготами и радостями, казалась ему долгой, как вечность.

Теперь экспедиция приближалась к цели. Впереди возвращение, его ждет Джина. Как она его встретит? И встретятся ли они вообще? Музыка все время задавала ему этот скорбный вопрос. Он увидел Джину рядом с собою: она крепко держала его за руку в полутьме театрального зала — сосредоточенная, всем своим существом отдающаяся спектаклю и всегда открытая для него, передавая ему все, что волновало ее в искусстве, которое она любила и понимала лучше, чем кто бы то ни было.

И вдруг мелодия стала описывать длинную траекторию, в которой одна нота отделилась и начала удаляться, грозная сама по себе, а хор в то же время повторял один и тот же вопрос: почему? И словно рисовал ему будущие жизненные пути, одинокие и не согретые теплотой рук Джинны. И Джо понял всем существом своим, что никогда больше не отправится по путям космоса, что он должен оставаться там, на Земле, рядом с незабываемой улыбкой Джинны. И когда все мелодии хора и оркестра слились воедино, Джо снова ощутил в своей руке руку Джинны, теплую и ободряющую, и все его тревоги исчезли. Да, он знал, что останется с нею навсегда. Это решение показалось ему старым, как мир. И он произнес его вслух для себя самого.

*

Лев, руководитель экспедиции, слушал, съежившись в кресле, и мысли его летели к Земле. Он провел уже десять экспедиций и каждый раз возвращался с удачей. Бесчисленные полеты на Луну не шли в счет, он считал их только повторениями. В этой экспедиции ему исполнилось пятьдесят лет, и она была для него последней. Астронавтический совет никогда еще не разрешал космических полетов людям после пятидесяти. Лев был человеком без семьи, привыкшим жить в холостяцкой кабине звездолета или в крошечной квартире на берегу Балтийского моря, среди карт и книг по астронавтике, — он и сам написал их столько, что они занимали целую полку в библиотеке. Еще юношей он был принят в экипаж звездолета и прошел по всем ступеням иерархии, пока не стал начальником экспедиции. Чем была вся его жизнь, как не долгим путешествием в космосе? Он посетил все планеты солнечной системы, он был начальником первой экспедиции, достигшей Тау Кита. На Земле он оставался только в промежутках между полетами, обрабатывая в это время данные экспедиции, из которой возвратился, и готовясь к предстоящему полету.

А теперь все это должно было закончиться. Он навсегда останется на Земле, будет следить за вестями из космоса по экрану телевизора, как будто он никогда и не бывал нигде, кроме Земли. Он начнет писать мемуары, и прежние пути в бесконечность будут пролегать только на бумаге, в знаках, оставленных пером или карандашом. Одиночество, в котором он прожил всю свою жизнь, будет мстить за себя.

Музыка говорила именно об этом одиночестве.

...Холодный дождь сыпался на побережье серого моря, на берегу стояла вилла, а в вилле был он, Лев, старый пенсионер, о котором космос не помнил больше. Скорбные звуки пронизывали его, и Лев закрыл лицо руками. Музыка заставила его зажмуриться, словно от сильного ветра. Откуда шла эта глубоко волнующая музыка, обращенная только к нему, угадывающая тайны его души, его жизни? Он знал. Она идет с Земли. С Земли, от которой он улетал столько раз и с которой отныне должен остаться связанным навсегда, как дерево с почвой. Люди, жившие там, понимали горечь, с которой он возвращается, переводили ее на глубокий язык музыки и посылали эти звуки навстречу ему в пространство. И — странное дело! — покоряясь мелодии, он ощущал спокойствие. Земля ждала его, Льва. Люди, чувствующие одинаково с ним, говорили ему: «Мы ждем тебя, Лев, испытанный астронавт! Иди к нам, будем вместе петь величие Человека, покорившего космос! Ты не взлетишь больше, но другие звездолеты готовы взлететь по путям, проложенным тобою; они полетят еще дальше, куда хотел полететь ты сам: они повсюду понесут мысль человечества! Мы ждем тебя, тебя ждет молодежь! Ты научишь ее величию полетов, отваге, терпению, силе, ты внушишь ей жажду нескончаемых странствований! Возвращайся, Лев, мы ждем тебя! Земля тебя ждет, чтобы поблагодарить и поручить твоей заботе сотни и тысячи будущих перелетов, в которые отправятся люди, подготовленные тобою!»

И Лев явственно услышал эти слова, когда хор и оркестр слились в последней торжествующей высокой ноте.

Некоторое время все молчали, находясь под властью впечатления, которое дал им этот неожиданный подарок Земли. Потом Лев обратился к Лауренциу:

— В первой же радиограмме, которую вы отправите на Землю, поблагодарите за музыку и попросите сообщить нам, кто автор этой «Симфонии космоса», — и встал.

Впервые за всю эту экспедицию он уходил на отдых, не застонав.

*

Они достигли расстояния, с которого можно было попытаться установить прямую связь с Землей. По окончании короткого сообщения о своем возвращении они передали на Землю благодарность от имени всех автронавтов за неожиданную радость. В ответ Земля сообщила, что ничего не знает о «Симфонии космоса», и захотела услышать ее. «А не было ли, — спросила Земля у автронавтов, — не было ли в музыке какого-нибудь прямого, поддающегося расшифровке сообщения?»

Звездолет мчался к Земле, постепенно снижая скорость. Опережая его, мчалась к Земле на длине «волны космоса» «космическая симфония», передаваемая со звездолета. Кто знает, как давно, быть может тысячелетия назад, устремилась эта музыка в бесконечность. И где-то ждали ответа люди, пославшие эту музыку в пространство. Кто они? Где была их планета?..

Электронные счетчики на звездолете жужжали непрерывно, стараясь расшифровать сообщение, скрытое в звуках, которые самой своей гармоничностью доказывали, что их мог создать только мыслящий мозг и что в бесконечности вселенной человек должен искать своих собратьев по разуму.

*

Они слушали записанную Редом «Симфонию космоса», собравшись в главном зале звездолета, когда Алекс из кабины управления объявил:

— Земля!

Древний возглас моряков сорвал всех с места. На темном экране появилась красновато-белая звезда.

— Земля! — вскричали они, как дети, пожимая друг другу руки и обнимаясь.

В сущности, звезда на экране была Солнцем. Но для астронавтов Солнце — это и есть Земля.

ЭМИЛЬ ЛУДВИГ
(США)

МАЛЕНЬКИЙ ПРЕСТУПНИК

«Тик-ки-так, тик-ки-так», — шептали старинные часы на первом этаже дома.

Не было никаких звуков, кроме тиканья часов — кроме стука сердца у Ронни.

Он стоял один в своей спальне наверху. Его хрупкое тело дрожало, на белом лбу блестел пот.

Ронни казалось, что часы говорят:

«Па-па и-дет, па-па и-дет!»

В комнату просачивались мягкие сентябрьские сумерки 2056 года. Ронни радовался приходу темноты. Ему хотелось уйти в ее глубокое молчание, слиться с нею воедино, убежать навсегда от гневных голосов и сердитых глаз.

В полных страха глазах мальчика появилась надежда. Может быть, что-нибудь произойдет. Может быть, с папой случится что-нибудь на улице. Может быть...

Он крепко закусил губу, потряс головой. Нет. Что бы папа ни сделал с ним, нельзя желать...

На посадочной площадке возник визг вертолета. Ронни затрепетал, пульс у него ускорился. Все мышцы его маленького тела словно превратились в сеть туго натянутой проволоки.

Звуки и движение внизу. Мама выключила рубильник автоповара в кухне. Послышались ее медленные шаги на высоких каблуках. Хлопнула дверца вертолета. Дверь дома открылась.

Низкий обрадованный папин голос раздался на лестнице:

— Хелло, красавица!

Ронни съежился в темноте у полуоткрытой двери спальни.

«Пожалуйста, мама, — кричали все его мысли, — не говори папе, что я сделал!»

Послышался мерный, невнятный шепот.

Папа взорвался:

— Он делал — что?

Снова шепот.

— Я не могу этому поверить. Ты действительно видела, что он?.. Черт побери!

Ронни беззвучно закрыл свою дверь.

«Зачем ты сказала ему, мама? Зачем ты сказала ему?»

— Ронни! — окликнул отец.

Ронни затаил дыхание. Ноги у него стали такими же бессильными, как стволы засохших деревьев.

— Ронни! Сойди сюда!

*

Как автомат, Ронни двинулся из спальни. Он ступил на большой серебристый круг на площадке. Автолестница зажужжала и включилась под его тяжестью.

Слева на стене он видел калейдоскопическое мелькание старых маминих картин, копии картин средневековых мастеров, таких, как Рембрандт, Ван-Гог, Сезан, Дали. Ему казалось, что лица смеются над ним. Ронни чувствовал себя, как раненая птичка, падающая с неба.

Он увидел отца и мать: они ждали его.

Круглые мамини глаза были полны тумана и печали. Она не позаботилась пригласить свои короткие темно-русые волосы, как делала всегда, когда отец возвращался домой.

А отец, красивый в своей черной, как ночь, плотно прилегающей к телу форме Пентагона, казался враждебным пришельцем с прищуренными глазами, похожими на черное пламя.

— Это правда, Ронни? — спросил отец. — Ты действительно... действительно читал книгу?

Ронни проглотил что-то застрявшее в горле и кивнул.

— Господи! — прошептал отец. Он глубоко перевел дыхание и, присев на корточки, взял Ронни за руки и заглянул ему в глаза. На мгновение он снова стал добрым, все понимающим папой, которого Ронни знал. — Расскажи мне об этом, сынок. Где ты достал книгу? Кто научил тебя читать?

Ронни старался удержать дрожь в ногах.

— Я... Папа, ты ничего не сделаешь, правда?

— Это останется между нами, сынок. Никто другой нам не нужен.

— Так вот, это был Кенни Дэвис. Он...

Папины пальцы крепче сжались на руках Ронни.

— Кенни Дэвис! — гадливо повторил он. — Негодный мальчишка! У отца Дэвиса всю жизнь не было работы. Никто никогда даже не предлагал ему работу. Весь город знает, что он — Читатель!

Мама сделала шаг вперед.

— Дэвид, вы обещали, что будете разумны. Вы обещали не сердиться.

Отец проворчал:

— Хорошо, сынок. Продолжай.

— Ну вот, один раз после школы Кенни сказал, что покажет мне что-то. Он повел меня к себе домой...

— Ты был в этом логове? Ты действительно...

— Дорогой, — сказала мама, — вы обещали.

Минутное молчание.

Ронни продолжал:

— Он повел меня к себе домой. Я познакомился с его отцом. Мистер Дэвис очень интересный. У него есть борода, и он рисует картины, и он собрал чуть ли не пятьсот книг.

Голос у него замер.

— Продолжай, — сурово приказал отец.

— И я... и мистер Дэвис сказал, что научит меня читать, если я обещаю никому не рассказывать об этом. И он учил меня понемножку каждый день после школы. Ах, папа, читать книги так интересно! Они рассказывают такое, чего не увидишь в видео и не услышишь с пленок.

— И давно это началось?

— Д-два года назад.

Отец поднялся, сжимая кулаки, с опустошенным взглядом.

— Два года... — выдохнул он. — Я думал, что у меня хороший сын, а уже два года... — Он недоверчиво покачал головой. — Может быть, я сам виноват. Может быть, не надо было приезжать в этот городок. Нужно было остаться в Вашингтоне, не ехать...

— Дэвид, — очень серьезно, словно молитву, произнесла мама, — ему ведь не нужно будет промывать память.

Отец взглянул на нее, нахмурясь. Потом взглянул на Ронни. Голос у него был мягкий, но зловещий, как отдаленный рокот грома:

— Не знаю, Эдит. Не знаю.

*

Отец подошел к своему креслу у камина. Он опустился в его мягкую губчатую пластмассу и вздохнул. Потом прошептал что-то в маленький шарик микрофона сбоку у кресла. Металлическая рука, высунувшись, поднесла ему к губам зажженную папиросу.

— Поди сюда, сынок.

Ронни подошел и сел на скамеечку у ног отца.

— Может быть, я неясно объяснил тебе, Ронни. Видишь ли, ты не всегда будешь мальчиком. Когда-нибудь тебе придется самому зарабатывать себе на жизнь. У тебя есть только два выхода: ты будешь работать или в правительстве, как я, или в какой-нибудь корпорации.

Ронни мигнул.

— Мистер Дэвис не работает ни в правительстве, ни в корпорации.

— Мистер Дэвис — ненормальный, — отрезал отец. — Он отшельник. Никакая приличная семья не впустит его к себе в дом. Он сам выращивает себе пищу и иногда ухаживает за чужими садами. Для тебя я хочу большего. Я хочу, чтобы у тебя был свой дом и чтобы люди тебя уважали.

Отец яростно затянулся папиросой.

— А ты ничего не сможешь добиться, если люди узнают, что ты был Читателем. Это не забудется никогда. Как бы упорно ты ни старался, правда всегда выплывет. — Он откашлялся. — Видишь ли, когда ты поступишь на работу, то весь материал, с каким тебе придется иметь дело, будет помечен. Он будет Ограниченного пользования, Полусекретный, Секретный, Очень секретный. И весь этот материал будет письменный. Где бы ты ни работал, когда-нибудь тебе попадет такой материал.

— Н-н-но почему это должно быть секретом? — спросил Ронни.

— Потому что у корпораций есть конкуренты, а у правительства есть зарубежные враги. В материале, который тебе попадет, может описываться тайное оружие, или новая технология, или планы рекламы на будущий год, может быть, даже схема... гм... ликвидации соперника. Если все это станет общеизвестным, может появиться критика, противодействие, оппозиция некоторых групп. Чем меньше люди знают о вещах, тем лучше. Поэтому мы должны держать все в тайне.

Ронни нахмурился.

— Но если это написано, то должен же кто-нибудь читать, правда?

— Конечно, сынок. Корпорация или отдел может захотеть научить читать одного человека из десяти тысяч. Но сначала ты должен доказать свои способности и лояльность. Когда тебе исполнится лет тридцать пять или сорок, твои начальники могут захотеть, чтобы ты научился читать. Но для молодежи и для детей, ну, это просто не полагается делать. Ведь даже самому президенту разрешили учиться грамоте, только когда ему было около пятидесяти

лет! — Отец расправил плечи. — Посмотри на меня. Мне только тридцать лет, но я уже был передатчиком Секретных материалов. Через несколько лет, если все пойдет хорошо, меня переведут на Очень секретный. И — кто знает? — может быть, лет в пятьдесят я буду отдавать распоряжения, а не только передавать их. Тогда я тоже научусь читать. Вот это и есть правильный путь.

Ронни беспокожно шевельнулся на скамеечке.

— Но разве Читатель не может получить какую-нибудь неважную работу? Например, парикмахером, или водопроводчиком, или...

— А ты не понимаешь? Корпорации, делающие оборудование для парикмахеров и для водопроводчиков, сами устраивают мастерские для них и сами нанимают людей труда. Ты думаешь, они наймут Читателя? Они скажут, что это шпион, или вредитель, или просто сумасшедший, как старик Дэвис.

— Мистер Дэвис не сумасшедший. И он не старик. Он молодой, вроде тебя, и...

— Ронни!

Папин голос был острый, как нож, и холодный, как декабрь. Ронни соскользнул со скамеечки, словно этот яростный голос физически ударил его. Он сжался на полу, и страх снова отразился на его тонком личике.

— Черт возьми, сынок, но как ты мог додуматься до того, чтобы стать Читателем? У тебя есть трехмерный видео в натуральную величину, и мы специально для себя сделали к нему тепловую, осязательную и обонятельную приставку. В школе ты можешь услышать любую пленку, какую захочешь. Ронни, неужели ты не понимаешь, что я потеряю место, если люди узнают, что мой сын Читатель?

— Н-н-но, папа...

Отец вскочил.

— Мне неприятно говорить это, Эдит, но нам придется отправить этого мальчика в Реформаторий! Может быть, хорошая промывка памяти вылечит его от этих глупостей.

Ронни подавил рыдание.

— Нет, папа, не позволяй им забирать у меня мозг! Пожалуйста...

Отец стоял, очень высокий и очень неподвижный, и даже не глядел на него.

— Они не заберут у тебя весь мозг, только память о двух последних годах.

Уголок маминого рта задрожал.

— Дэвид, я не хочу этого. Может быть, для Ронни будет достаточно частного лечения у психиатра. Они сейчас делают чудеса: пермигипноз, искусственную психоблокаду. Промывка памяти означает, что Ронни опять станет шестилетним по уму. Ему придется начать школу заново.

Отец вернулся в кресло. Он закрыл себе лицо задрожавшими руками, и гнев его сменился отчаянием.

— Господи, Эдит, я не знаю, что делать!

Потом он огляделся, как человек, пораженный внезапной страшной мыслью.

— Двухлетнюю промывку памяти нельзя сохранить в тайне. Я никогда не думал об этом. Да это одно будет означать конец всей моей карьеры!

Снова наступило молчание, нарушаемое только тиканьем старинных часов. Всякое движение прекратилось, словно комната была на самом дне глубокого, холодного моря.

— Дэвид, — сказала мама наконец.

— Да?

— Есть только одно решение. Мы не можем уничтожить память у Ронни за два года, вы сами это сказали. Так что мы поведем его к хорошему психиатру или психоневрологу. Несколько сеансов...

Отец прервал ее:

— Но он все-таки будет помнить, как читать, хотя бы бессознательно! Даже перманентный гипноз, и тот со временем выветривается. Нельзя же мальчику ходить по психиатрам всю свою жизнь! — Он задумчиво переплел пальцы. — Эдит, какую книгу он читал?

По маминому телу прошел трепет.

— На кровати у него были три книги. Я не знаю в точности, какую из них он читал.

Отец застонал.

— Три книги! Вы сожгли их?

— Нет, дорогой, еще нет.

— Почему?

— Не знаю. Ронни их так любит! Я думала, может быть, сегодня вечером, после того как вы поговорите с ним...

— Принесите их сюда сейчас же. Сожжем эту гадость.

Мама подошла к шкафу красного дерева в столовой, достала три выцветшие книжки. Она положила их на скамеечку у папиных ног.

Отец брезгливо открыл одну из них. Губы у него искривились от отвращения, словно он прикоснулся к разлагающемуся трупу.

— Старые, — пробормотал он. — Такие старые. Иронично, не правда ли? Наша жизнь разбита вещами, которые следовало бы уничтожить и забыть еще сто лет назад.

Его мрачное лицо потемнело еще больше.

«Тик-ки-так, тик-ки-так», — выговаривали старинные часы.

— Сто лет назад, — повторил он. Рот у него превратился в тонкую, угрюмую черточку. — Это ваша вина, Эдит. Вы всегда любили старину. Это часы вашей прабабушки. Старые картины по стенам. Коллекция марок, которую вы начали для Ронни, марок, датированных еще 1940-ми годами.

Мама побледнела.

— Я не понимаю...

— Вы заинтересовали Ронни старинными вещами. Для ребенка в период формирования характера в хорошем доме вещи означают мир и безопасность. Ронни с самого рождения приучен любить старинные вещи. Естественно, что он заинтересовался книгами. А мы были слишком глупы, чтобы догадаться об этом.

Мама прошептала хрипло:

— Я сожалею, Дэвид...

В глазах у отца сверкнул горячий гнев.

— Сожалеть недостаточно! Разве вы не видите, что это означает? Ронни придется начать всю жизнь заново.

— Нет, Дэвид, нет!

— А мне в моем положении нельзя иметь восьмилетнего сына с разумом новорожденного. Его нужно бросить, Эдит, другого выхода нет. Мальчик может начать жизнь сызнова в реформатории после полной отмывки памяти. Он никогда не будет знать о нашем существовании и никогда больше не помешает нам.

— Не надо, Дэвид! Я не позволю...

Он ударил ее ладонью наотмашь. В горячем, напряженном воздухе словно прозвучал револьверный выстрел.

Отец стоял теперь, словно колосс, изваянный из черного льда. Правая рука у него была поднята, готовая ударить снова.

Потом рука упала. Мысли словно занялись другой проблемой, другой идеей.

Он схватил со скамеечки одну из книг.

— Эдит, — жестко произнес он, — что именно читал Ронни? Как называется книга?

— «При... приключения Тома Сойера», — ответила мама сквозь рыдания.

Он схватил вторую книгу, держа перед ее блуждающим взглядом.

— А эта как называется?

— «Тарзан у обезьян». — Мамин голос был едва слышным хрипением.

— Кто ее автор?

— Эдгар Райс Берроуз.

— А эта?

— «Волшебник из страны Оз».

— Кто ее написал?

— Френк Баум.

Он швырнул книги на пол. Он отступил. Его лицо было маской, где скорбь сочеталась с презрением и яростью.

— Эдит! — Он выплюнул это имя, словно оно жгло ему язык. — Эдит, так вы умеете читать!

*

Мама сдержала рыдания. Щеки у нее были белые как мел, и на них виднелись влажные полоски.

— Простите, Дэвид. Я никогда никому не говорила, даже Ронни. Я не прочла ни одной книги, я даже не видела ни одной с тех пор, как вышла за вас замуж. Я старалась быть хорошей женой...

— Хорошей женой! — фыркнул отец. Лико у него было такое страшное, что Ронни отвернулся.

Мама продолжала:

— Я... я научилась еще в детстве. Я была маленькая, вроде Ронни. Вы знаете, какими дети бывают, — беззаботными, жадными к запретному.

— Вы лгали мне! — резко произнес отец. — Вы десять лет лгали мне! Почему вы захотели уметь читать, Эдит? Почему?

Мама некоторое время молчала. Она дышала тяжело, но больше не плакала, она стала успокаиваться, и впервые за весь этот вечер Ронни не видел страха у нее в глазах.

— Мне захотелось уметь читать, — произнесла она спокойным и гордым голосом, — потому что, как сказал Ронни, это интересно. Видео — это красиво, со всеми своими танцовщицами и влюбленными, индейцами и межпланетчиками; но иногда хочется большего. Иногда хочется знать, как люди чувствуют и как они думают. И есть красивые слова и красивые мысли, как бывают красивые картины. Услышать их и потом забыть — этого мало. Иногда хочется сберечь слова и мысли и держать их при себе, потому что тогда кажется, будто они ваши собственные.

Ее слова эхом отдавались в комнате, пока их не поглотило неумолимое тиканье часов. Мама стояла, выпрямившись, ничего не стыдясь. Отец медленно все снова и снова переводил взгляд от Ронни к маме, к часам.

Потом он сказал:

— Уходите.

Мама взглянула не понимая.

— Уходите. Оба. За своими вещами пришлете позже. Я не хочу больше видеть вас ни минуты.

— Дэвид...

— Я сказал — уходите!

Ронни и мама покинули дом. Ночь была темная, поднимался ветер. Мама дрожала в своем легком домашнем платье.

— Куда нам идти, Ронни? Куда, куда?..

— Я знаю куда, мама. Я думаю, мы сможем остаться пока там.

— Пока? — повторила мама. Мысли у нее словно застыли от холодного ветра.

Ронни повел ее по холодным, ветреным улицам. Огни города остались позади. Под ногами была грязная, неровная проселочная дорога. Они подошли к маленькому, грубо сколоченному домику в глубокой тени эвкалиптовой рощицы. Окна домика были похожи на дружеские глаза, полные теплого, золотого света.

Через мгновение дверь открылась, и навстречу выбежал маленький мальчик.

— Хелло, Кенни!

— Хелло... Кто это? Твоя мама?

— Да. Мистер Дэвис дома?

— Конечно.

На пороге появился улыбающийся молодой человек с добрым бородатым лицом.

Ронни и мама вошли в дом.

КШИШТОФ БОРУНЬ

(ПОЛЬША)

ФАНТОМ

— Уверяю тебя, бывают случаи, для которых не подыщешь подходящей полочки. Взять хотя бы дело Бальдера. Что это — несчастный случай, убийство или самоубийство?

Ты не слышал об этом деле? В то время ты еще под стол пешком ходил. Впрочем, в печать не просочилось и десятой доли правды. Официально сообщили, что это была просто случайность, и все тут...

Нет, нет! Обмана не было. Дело в том, что это было и убийство, и несчастный случай, и самоубийство... Не понимаешь? Бальдер был одновременно и убийцей и жертвой... Дело не в различных точках зрения. Буквально: он убил самого себя. И если хочешь знать мое мнение — это был, может быть, единственный человеческий поступок в его жизни... Ты, наверно, знаешь, кем был Бальдер? Что? Ну да, генералом. Впрочем, к моменту смерти он уже был в отставке. Ты слышал о доктрине Бальдера? Так это его детище! В то время он был на вершине политической карьеры. Но перед смертью он уже не играл серьезной роли. Времена изменились... Однако он все еще верил в непогрешимость своей доктрины. Маньяк, говоришь? Если бы только маньяк...

Я вижу, ты знаешь о нем очень немного. Некоторый свет на образ мышления этого человека может пролить его юность. Это были бурные времена. Середина двадцатого века. Бальдер родился в Южно-Африканской Республике, в семье плантатора или чиновника. Впрочем, это не важно. Гораздо важнее, что двадцатилетним юношей он уже командовал ротой. Несколько лет спустя он уехал из Южной Африки искать счастья на службе в крупных горно-промышленных компаниях.

Однако по натуре он не был авантюристом. Отважный, порой даже склонный к риску, он обладал трезвым умом. Почувствовав, что акции его хозяев падают, он бросил свое весьма доходное место и на некоторое время исчез из виду, чтобы появиться снова уже в качестве советника по военным и политическим делам при правительстве одного из крупных африканских государств. Тогда-то он установил тесный контакт с нашим дипломатическим представителем. Сотрудничество это, несомненно, было плодотворным. Спустя шесть лет он навсегда покинул Африку и сделал молниеносную военную карьеру, на этот раз у нас. Он научный эксперт по превентивным мероприятиям.

В тридцать восемь лет он стал генералом. В мечтах видел себя вторым Клаузевицем. Его авторитет рос. Тогдашний президент назначил его одним из своих ближайших советников. Именно тогда он выступил с нашумевшей доктриной «трех ударов», которая почти семь лет держала наших политиков в тупике.

Но мир не стоит на месте. Когда реализм в политике побеждает, такие люди, как Бальдер, вынуждены сойти со сцены. Конечно, он сдался нелегко — еще несколько лет разными путями пытался воскресить в несколько измененном виде свою доктрину. Но карьере неизбежно приходит конец: отставка и пенсия. Правда, благодаря поддержке друзей из некогда очень влиятельных кругов он получил место председателя Биоэлектронной компании (БЭК), но это был уже не прежний генерал Бальдер. Он не мог

смириться с мыслью, что все, чему он посвятил лучшие годы жизни, перечеркнуто раз и навсегда. В то время он еще резче проявлял болезненную ненависть ко всему миру... Откуда я знаю об этом? В течение последних двух лет жизни Бальдера я был его домашним врачом. Именно поэтому я лучше других знаю, что произошло на самом деле...

Нет, он не был человеком, с которым можно подружиться. Он умел сохранять «соответствующую» дистанцию. Конечно, у него были друзья, несколько человек, главным образом в промышленных кругах. Жена? Умерла, когда он был еще на вершине славы. Он ее никогда не любил, должно быть. По-настоящему привязан он был только к дочери, хотя внешне этого не проявлял. Дал ей имя Ника. Это тоже до некоторой степени характеризует склад его ума. К моменту смерти Бальдера девочке было пятнадцать лет. Ника по-своему любила отца, но в то же время побаивалась его. У Бальдера был тяжелый характер. Он всегда старался быть суровым отцом, любил навязывать свое мнение, а после выхода в отставку стал очень раздражительным и вспыльчивым. Потом он сожалел, если жертвой этих вспышек была Ника, и пытался ее вознаградить, но делал это неумело, потому что не хотел показывать своей слабости. Иногда...

Пожалуйста, не прерывай меня на полуслове! Если я столько говорю о Нике Бальдер, значит на то есть причины. Не думай, что я просто так болтаю. Отношение Бальдера к дочери тесно связано с загадкой его смерти.

Первые сигналы о том, что с генералом творится неладное, дошли до меня за два месяца до катастрофы. Как-то ко мне пришла Ника Бальдер и попросила, чтобы я под каким-нибудь предлогом навестил ее отца и попытался его осмотреть. По ее мнению, он чувствует себя плохо и, по-видимому, серьезно болен, но врача не вызывает. Девочка подозревала, что генерал пытается лечиться сам, но, к сожалению, вредит себе этим. Он приказал установить у себя дома в кабинете какой-то медицинский

автомат и ежедневно по несколько часов подвергает себя процедурам. На это время он запирается на ключ и совершенно не реагирует на стук. Когда Ника спрашивала, для чего служит этот автомат, генерал вначале вообще не хотел отвечать и только после настойчивых расспросов объяснил, что это не медицинский автомат, а прототип нового иллюзора, во что девочка не поверила, так как Бальдер не согласился показать его в действии. Подозрения Ники усугублялись тем, что после каждого длительного сеанса отец выходил из комнаты необычно возбужденный и словно помолодевший. Как правило, он принимался звонить старым товарищам, говорил о каких-то новых проектах, но спустя несколько часов его охватывала апатия, он тускнел на глазах, а в последнее время стал проявлять беспокойство и раздражительность. Из описания аппарата я сделал вывод, что это какая-то биоэлектронная аппаратура, снабженная рецепторами, воспринимающими сигналы работы нервной системы, и эффекторами, воздействующими на токи коры головного мозга. Для иллюзора аппарат был слишком велик. Наиболее правдоподобным казалось предположение, что это какой-то новый тип автомата, лечащего некоторые заболевания методом управления нервной системой. В то время это было очень популярно.

Почему не под наблюдением врача? погоди! Ведь ты же еще ничего не знаешь! Во-первых, я вовсе не сказал, что он лечился. Во-вторых, даже если бы он и был действительно болен, сомневаюсь, чтобы он согласился на лечение под контролем своих работников. Ты не понимаешь? Не так-то легко, особенно сейчас, понять образ мыслей этого человека. Это было сочетание недоверия почти ко всем на свете с преувеличенным сознанием собственного превосходства. Ему казалось, что врачи, работающие на подчиненных ему предприятиях, неизбежно глупее его... Нет, Бальдер не изучал медицины, но, надо признать, он неплохо разбирался в некоторых ее областях, особенно в медицинской электронике. В Биоэлектронной компании работало много крупных спе-

циалистов, и председатель Бальдер не хотел казаться среди них невеждой.

После осуществления договора о всеобщем разрушении военные предприятия почти на семьдесят процентов перешли на производство медицинской аппаратуры. Компания на этом только выиграла, потому что, когда появились первые ласточки «иллюзорного помешательства», она смогла очень быстро выйти на рынок как серьезный конкурент РКА и Филипса.

Сначала Бальдер без особого энтузиазма относился к проекту расширения производства иллюзоров. Он считал, что этот спрос — лишь временное явление, вызванное новизной приборов, а предсказания некоторых энтузиастов о том, что иллюзоры будут соперничать с телевидением и кино, не следует принимать всерьез.

Однако примерно за год до смерти он явно начал менять мнение, а в последние месяцы жизни прямотаки восторженно относился к этому делу и строил весьма обширные планы, не жалея средств на рекламу. Кроме того, он активно включился в борьбу против проекта международной конвенции, ограничивающей свободу программирования фантоавтоматов.

Нет, ты неправ. Конвенция не противоречила интересам компании. Дело было не только в этом... В конце концов Биоэлектронная компания вовсе не нуждалась в свободе программирования порнографии или садизма для того, чтобы получать барыши. Необычные приключения, космос, история, мир искусства — достаточно обширная область для воображения. БЭК была даже немало заинтересована в борьбе против нелегального программирования, а конвенция облегчала эту борьбу. Бальдер же не хотел контроля по совершенно иным мотивам. Это не была слепота — он прекрасно знал, что делает. К счастью, он проиграл и тут.

Если сейчас иллюзоры можно приобрести в любом электронном магазине, то только благодаря разумной и дальновидной постановке вопроса в конвенции, принятой всем миром двадцать лет назад. Потому

что иллюзоры свели к роли телевизора и домашнего кино и они не превратились в наркотик, в средство затуманивания умов.

Тебе уж, должно быть, надоели мои бесконечные отступления. Так вот. Через несколько дней после того, как заходила Ника, я позвонил генералу и сказал, что хотел бы получить от него несколько специальных советов. Он был в прекрасном настроении и предложил приехать сейчас же. Спустя несколько минут после этого разговора позвонила Ника. Она узнала от отца, что я приезжаю, и хотела проинформировать меня о последних событиях. В этот день, перед самым моим звонком, генерал провел двухчасовой «сеанс». Ника подслушивала у дверей, и, несмотря на звукоизоляцию, ей показалось, что она слышала возбужденные голоса, как будто отец то смеялся, то кричал на кого-то, хотя она была уверена в том, что в комнате, кроме него, никого не было.

Я тут же поехал к Бальдеру. Ника встретила меня в холле. Оказывается, генерал вызвал садовника и вышел с ним в парк, несмотря на то, что условился со мной. Конечно, ты прав, это еще ничего не доказывало. Он мог просто забыть обо мне.

Девочка предложила поискать отца. Я тут же согласился. Это могло дать дополнительный материал для будущего диагноза. Ника, наверно, догадывалась кое о чем, так как повела меня прямо в бетонную постройку в глубине сада. Это был один из входов в домашнее противоатомное убежище, построенное Бальдером несколько лет назад.

Дверь была открыта. Мы спустились по крутой лесенке этажей, наверно, на пять. Генерал оказался во втором внутреннем отсеке. Он ругал садовника за то, что в одном из коридоров тот стал разводить шампиньоны. Увидев меня, Бальдер отпустил садовника, выразил сожаление, что я зря беспокоился, — он как раз собирался вернуться наверх, — провел нас в глубь сооружения, ко второму входу, соединяющему убежище с виллой. По пути он еще некоторое время ворчал на садовника, но вскоре, показывая мне некоторые любопытные приспособления, отошел.

Было видно, что он очень гордится своими подземными апартаментами... Почему я так хорошо все помню? Позже мне несколько раз приходилось давать показания...

Бальдер вовсе не казался больным — напротив, он был полон энергии. Меня беспокоили не его вид или поведение, а замечание, высказанное им в убежище как бы мимоходом: «Когда потребуется, эти железобетонные блоки выдержат не один удар». Знай ты Бальдера, ты наверняка не счел бы это пустой болтовней... Ну ясно, я не верил в возможность конфликта. Но такие, как он, умели мутить...

Ты спрашиваешь, затевал ли он что-нибудь? И да и нет. Вернее, да, и это был, пожалуй, наиболее поразительный из всех его замыслов, хоть и заранее обреченный на провал.

Я узнал обо всем в тот же день. Конечно, он не сказал прямо, но легко было понять, куда он клонит. Впрочем, он не очень-то и старался скрыть от меня. Ты удивляешься, что он мне доверял? Но это не было доверием. Он не доверял никому. Но к некоторым людям питал какую-то симпатию. Почему именно ко мне? Этого я, к сожалению, не знаю.

Но я опять отвлекся. Так вот, когда Ника оставила нас и генерал провел меня в кабинет, я сразу обратил внимание на большой блок электронной аппаратуры, стоящий у одной из стен. Я спросил Бальдера как бы мимоходом, что это за машина.

— Иллюзор, — ответил он с гордостью в голосе. — Новый тип, еще не серийный.

Я тут же спросил, нельзя ли увидеть аппарат в действии. Я ожидал, что он откажет, сославшись на то, что иллюзор-де пока не работает, но он только внимательно посмотрел на меня и совершенно неожиданно сказал:

— Вижу, дочка уже успела вам насплетничать. Что я болею, что пытаюсь сам себя лечить с помощью опасных средств... Правда? Не отрицайте.

Я слышал ваш разговор по телефону. Это не так. Я никогда не чувствовал себя лучше, чем сейчас. А эта машина действительно иллюзор.

Прежде чем я успел что-нибудь ответить, Бальдер переменял тему и принялся рассуждать о политике, осуждая близорукость нашего правительства. Он выразился даже так, что «усыпление общественного мнения плохо кончится». Я спросил, что он имеет в виду, говоря об «усыплении общественного мнения», но вместо ответа он, в свою очередь, спросил, считаю ли я, что современное взаимопонимание и средства контроля гарантируют безопасность нашего государства. Я ответил, что да. К тому же, сказал я, я просто не представляю себе, как могло бы выглядеть нападение.

Он даже вскочил. Но это был не гнев, а как бы удовлетворение достигнутым успехом.

— Могу вам это облегчить, — сказал он, улыбаясь. Затем подошел к электронному блоку и нажал на какие-то кнопки. Передняя стенка блока упала, превращаясь в узкую кушетку, изголовье которой образовало шлем. Знаешь, комплекс индукционных рецепто-эффекторов, работающих попеременно. Еще и сейчас можно встретить такие шлемы в иллюзорах старого типа.

Ты угадал! Он предложил мне сеанс. Не догадываешься? Но ведь это ясно. Да, да! Там была запрограммирована картина нападения, пожалуй, целой атомной войны. Я не люблю сильных ощущений и согласился только из профессионального любопытства: хотел знать, чем живет Бальдер.

Перед сеансом, как это практикуется и сейчас в упрощенных типах фантоавтоматов, он дал мне прочесть краткую тематическую программу, которая дает соответствующее направление ходу воображения. Там было несколько фраз о каких-то тайных стартовых площадках и предательских планах неожиданного нападения; затем следовало описание результатов нападения, в частности гибель людей, которым негде было спрятаться. Программа была отре-

дактирована примитивно, выводы шиты белыми нитками: «Вот что может с вами случиться, если будете верить, что вы в безопасности».

Следуя указаниям Бальдера, я лег на кушетку под шлемом и попытался представить себе то, что описывалось в программе. Изображение появилось почти сразу после включения аппарата. Несомненно, аппарат был значительным шагом вперед по сравнению с выпускавшимися до этого иллюзорами. Прежде всего совершенно не наблюдалось сужения поля сознания. Я знал: то, что я переживаю, — всего лишь мираж, но не мог избавиться от ощущения реальности получаемых впечатлений. В какой степени? Скажу только, что теперь запрещено создавать такие иллюзоры.

Что я видел? Это была настолько чудовищная картина, что еще и сегодня я чувствую нервную дрожь при одном лишь воспоминании. Кроме того, все разыгрывалось с какой-то железной логикой.

...Мог ли я вмешаться? Конечно, я мог спасти того или иного человека, изменить траекторию снаряда, помешать дому рухнуть, но я не мог остановить катаклизм. Ты же понимаешь, можно изменить направление изображаемой картины, предупреждая события, но нельзя повернуть ход событий. А иллюзор, черпая информацию из подсознания, поражает неожиданностями, происшествиями, которые невозможно предвидеть.

Я выдержал под шлемом едва десять минут — мне показалось, что я пережил целые недели войны. Я был так возбужден, что даже Бальдер испугался, не переборщил ли он. На моих ладонях и лице выступили красные пятна, а позже — сыпь.

Это была действительно адская картина. А ведь то, что я знал об атомной войне, сводилось к одной книге о Хиросиме, нескольким медицинским учебникам из области радиологической защиты и популярным статьям в газетах, прочитанным много лет назад. Что же должен был видеть под шлемом Бальдер?! Ведь его воображение было просто перенасыщено этими проблемами!

После сеанса Бальдер сам отвез меня домой. Помню, по пути он говорил о том, что при серийном выпуске придется уменьшить рельефность ощущений... Неделю спустя поздно вечером мне позвонила Ника и попросила немедленно приехать к отцу.

Генерала я застал в кабинете. Он был очень бледен, а в его глазах нетрудно было прочесть страх. Он приказал дочери оставить нас одних и, когда двери закрылись, начал очень сумбурно объяснять, почему вызвал меня. Оказалось, что во время экспериментов с иллюзором он получил сильный шок. Шок наступил под влиянием сцены, причин которой он не в состоянии себе объяснить, а ему не хочется посвящать специалистов из БЭК в свои психологические переживания. Я ответил, что вряд ли смогу ему помочь, что не знаком с конструкцией иллюзоров, но он упорно твердил, что хочет вместе со мной разобраться в случившемся. Он сам неплохо разбирается в принципах действия аппаратуры, которая, кстати сказать, по мнению главного конструктора, вполне исправна. Здесь же скорее всего дело не в технической ошибке, а в психофизиологическом явлении, и поэтому моя помощь совершенно необходима.

Темой фантозаций Бальдера, как легко можно догадаться, были его мечты, которых он уже не мог осуществить. Он участвовал в гигантских военных операциях, разрабатывал и проводил в жизнь далеко идущие стратегические планы, победно разрешал какие-то страшно сложные тактические поединки, проводил апокалиптические операции, принимая в них подчас непосредственное участие...

Мания экспериментирования на иллюзорах исходила у Бальдера из желания создать себе суррогат собственного мира, в котором он был бы тем, кем хотел быть наяву. В то же время, будучи человеком, привыкшим к реальному мышлению, он не мог жить иллюзиями. Тогда он попытался обосновать свои эксперименты практическими замыслами более общего характера... Ты прав! Политическими! Именно это я имел в виду. Бальдер действительно верил, что,

выпуская иллюзоры и подсовывая зрителям среди многих программ также программы, рельефно представляющие современную войну, он сможет возбудить беспокойство и привести к новому росту напряжения. Если назвать вещи своими именами, он стремился создать вспышку военного психоза. Ты прав, это бессмысленно. Результат получился совершенно противоположный. Я думаю, что именно потому его так обеспокоила моя реакция. Но, видимо, он до конца так и не смог этого понять.

Чего он испугался во время сеанса? Картины войны для него, пожалуй, были... даже приятны. Это была его стихия, мир его мечты. У него там были свои излюбленные герои и враги, на которых он концентрировал всю свою ненависть. Один из таких «положительных фантомов», разумеется по оценке Бальдера, являлся ему почти во всех сеансах, часто переходил с ним из сцены в сцену. Молодой лейтенант, удивительно отважный, всегда побеждающий противника. «Хитрый, как лиса, и быстрый, как орел», — говорил о нем Бальдер. Этот офицер в опасный момент всегда оказывался рядом с генералом и неоднократно спасал ему жизнь. Он был жесток с врагами, но Бальдер полностью оправдывал его, потому что, как он говорил, на войне это необходимо, на войне надо быть жестоким.

Каждая фантовизия, как ты знаешь, немного отличается от других, однако некоторые сцены иногда повторяются. Это так же, как во сне. Так вот, в одной из время от времени повторяющихся сцен, особенно жестокой с нашей точки зрения, этот лейтенант убивал девушку-негритянку. Поджигал огнеметом деревянный барак, в котором она была заперта. Бальдер оправдывал и это: строение надо было уничтожить, а о том, чтобы брать пленных, не было и речи...

Ты говоришь: сумасшедший садист? Картины рождались в его мозгу? В данном случае ты ошибаешься. Это была не фантазия, а воспроизведение, воспоминание о действительном случае. Я докопался до объяснения уже после смерти Бальдера. Первой воен-

но-полицейской операцией, в которой он принимал участие, было «умиротворение» одного африканского поселка, жители которого помогали партизанам... Вполне возможно, что тогда сожгли какую-то девушку и эта сцена произвела сильное впечатление на Бальдера. А потом в фантовизиях это приобрело характер навязчивой идеи.

Ты говоришь, совесть? Может быть, он хотел таким образом заглушить ее? Кто знает, может быть, и так. Однако не надо спешить с выводами. Все было не так просто, как тебе кажется. Смерть какой-то неизвестной молодой негритянки не производила на генерала особого впечатления. В каждой фантовизии он видел тысячи еще более страшных вещей. Но однажды произошло нечто совершенно неожиданное. В кульминационный момент, когда лейтенант поджигал барак, Бальдер услышал отчаянный крик девушки и вдруг осознал, что это голос... его дочери. Тут он впервые испугался, ведь там, в пламени гибнет его Ника. Он совершенно забыл, что это только искусственно вызванная галлюцинация, и хотел кинуться в огонь, но офицер опять спас ему жизнь — схватил и не пускал, пока барак не рухнул.

В этот момент генерал взял себя в руки и прервал сеанс, но воспоминание о потрясающей сцене крепко засело у него в мозгу. Он был так взволнован, что в эту ночь смог заснуть, только приняв снотворное. На следующий день он не смог побороть желание воспроизвести эту сцену, чтобы убедиться, что подобие голоса было только случайностью. Он решил сознательно, усилием воли руководить фантовизией, чтобы она протекала согласно его желанию. Она не сможет не подчиниться ему. И тогда он обретет покой.

Но Бальдер не принял во внимание одного... Да, ты прав, именно подсознания! То, что он увидел, — на этот раз он не только услышал, но и увидел, — было для него таким ужасным потрясением, что он не выдержал и прервал сеанс. В тот же день он вызвал генерального конструктора и приказал как мож-

но тщательнее проверить действие аппаратуры. Все было в порядке.

Вечером он предпринял еще одну попытку. На этот раз он пытался активно противодействовать фантому, но тот был сильнее. Более того, каждая следующая фантовизия становилась все ужаснее. Наконец, желая заглушить воспоминания, Бальдер попытался воссоздать иные варианты программы и старался думать только о том, что давало ему когда-то наибольшее удовлетворение. Но, к его ужасу, у всех гибнущих людей был голос Ники Бальдер...

Сеанс закончился шоком и психическим потрясением. Именно тогда он вызвал меня. Я пытался, как умел, объяснить ему причины явления. Говорил, что иллюзорные картины не что иное, как сон наяву, свободный бег ассоциаций, только в ограниченной степени подчиняющийся контролю воли и внешнему программированию. Говорил, что все когда-либо записанное в памяти может быть использовано как материал для миражей.

Но он не мог успокоиться. Я прописал ему различные психотонические средства, посоветовал уехать и изменить окружение, а прежде всего категорически запретил дальнейшие попытки преобразовать фантовизию.

Что? Голос? Не ломай себе голову. Объяснение было совершенно простое. Я потом подробно расспросил Нику о том дне, когда у Бальдера случился первый шок. Оказалось, что генерал забыл закрыть дверь на ключ. Во время сеанса в кабинет случайно зашла Ника и увидела отца лежащим под шлемом. Ей показалось, что он потерял сознание, и она испуганно вскрикнула, а тогда он начал кричать: «Нет, нет! Пусти меня! Прочь!» Позже она боялась сказать ему об этом...

На третий день после моего визита Бальдер сам позвонил мне и сказал, что решил послушаться моего совета и уехать на длительный отдых. Он казался спокойным, однако под конец разговора неожиданно спросил, а что, если он сам во время сеанса уничтожит этого проклятого фантома-офицера. Я от-

ветил, чтобы он ни в коем случае не смел продолжать экспериментов. Он уверил меня, что я могу быть спокоен: никакой глупости он не совершит...

Это был наш последний разговор.

Утром его нашли мертвым под шлемом иллюзора. Аппарат был включен. Смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг. Интересно, что на голове виднелся след, словно от сильного удара. Сначала даже предполагали убийство.

Его убил фантом? Может быть. Но мне кажется, что Бальдер все-таки осуществил свой замысел. Ему удалось убить лейтенанта...

Почему он погиб?

Неужели ты не понимаешь? Это же был он сам!

ГОРАЦИЙ ЛЕОНАРД ГОЛД

(США)

ГЕРОЙ

Джо Лайонс должен был бы радоваться тому, что уже близок к цели. Земля грузно поворачивалась справа от него, Луна неподвижно стояла впереди, а позади сиял красной точкой Марс.

Он видел это зрелище три года назад. Но горло у Лайонса не сжималось ностальгической тоской, когда он представлял себя дома, с матерью и братом. Перед ним стояла важная задача: подойти к Земле под нужным углом с нужной скоростью.

Он отрегулировал машины, ударив передними дюзами сначала с полной силой, потом в четверть силы, и исправил курс боковыми дюзами так, чтобы корабль направлялся на градус левее Луны. Земля вздувалась огромным сияющим шаром.

Девять раз он облетел вокруг нее на скорости, постепенно падавшей с миль в секунду до миль в минуту, и вот уже воздух завизжал вокруг корпуса. Он был над Африкой. Он повернул к северу, полетел над океаном.

Он миновал Калифорнию, Скалистые горы, Средний Запад и уже видел вдали берег Атлантического океана. Только тогда он включил радио, чтобы получить инструкции для посадки.

— Алло, Лайонс! — раздался взволнованный го-

лос. — Ронконкома вызывает Лайонса! Если вы слышите меня, отвечайте...

Эти звуки на мгновение заставили его потерять дар речи. Три года не слышать земного голоса...

— Говорит Лайонс, — неуверенно сказал он.

— Что-нибудь не в порядке, Лайонс? — тревожно спросил голос. — Мы заметили вас четыре часа назад, все время пробуем связаться с вами. Что-нибудь не так?

— В-в-все в порядке, — произнес он монотонно и напряженно, словно боясь, что голос у него рвется.

— Чудесно! — сказал диктор. — Рад вас слышать снова, Лайонс! — Потом он перешел на деловой тон: — Тормозите, Лайонс. Питсбург только что сообщил, что вы промелькнули над ним с такой скоростью, что проскочите мимо нас.

— Хорошо, — сказал Лайонс.

Он притормозил, пока не почувствовал, что корабль начинает спускаться вследствие потери скорости. Он наклонился вперед и впился глазами в нижний визиоэкран. Низкие широкие здания, не выше сорока этажей: лабиринт низких и широких домов.

— Это Филадельфия подо мной? — спросил он.

— Да. Вы прибудете минут через десять. Пересекая Лонг-Айленд-сити, тормозите.

— Там у вас свободно? — спросил Лайонс.

Ответ диктора удивил его:

— Ну еще бы! Ваш корабль — единственный, который прилетает сегодня, Лайонс. Все остальное переведено на Ашокан.

— Почему так?

— Не спрашивайте, дружище. Все узнаете потом. Все здесь с нетерпением ждут вас. Но будьте осторожны.

Ронконкома освобождена только ради его маленького корабля? Ашокан должен быть перегружен, должен задыхаться от кораблей, обычно взлетающих и садившихся в обоих портах. Это бессмысленно...

— У вас ремонт? — недоуменно спросил он.

— Ничуть. Порт в наилучшем состоянии. Как вы себя чувствуете, дружище?

— Неплохо, — рассеянно ответил Лайонс.

— И это все? — вскричал диктор.

Но Лайонс захлопотал над управлением. Гигантские здания с плоскими крышами для посадки геликоптеров, паутина мостов, ярусы механических тротуаров и шумных улиц, кишение в воздухе. Манхэттен — и с ним опасность столкновения. Он поднялся выше, над всеми воздушными путями, пролетел над Ист-Ривер, теперь лишенной мостов, через Куинс. Постепенно он снижал бешеную скорость. Длинный овал озера Ронконкома лежал прямо впереди.

Лайонс не был так бесстрастно спокоен, как могло показаться. Ему нужно было приземлиться, и приземлиться хорошо. Всякий пилот-кругосветник вел бы себя точно так же. Главное было — благополучно посадить корабль, а это требовало огромных усилий.

Думая лишь о своей задаче, Лайонс поднял корму, затормозил и, едва не задев ангары, соскользнул по длинной плавной линии прямо на воду.

Тьма, черная, свистящая, головокружительная водяная тьма, затопила визиоэкраны, разливаясь вдоль корпуса с оглушительным ревом.

Потом вода пожелтела. Корабль задрожал, тяжело закачался и тяжело осел на дно.

Что-то подхватило его, протащило по дну озера и выволокло на берег, между пассажирской и грузовой платформами огромной ракетной станции.

— О'кэй, Лайонс! — вскричал диктор. — Выходите!

Но Лайонс тупо сидел в своем гидравлическом кресле, оцепенев от испуга.

— Я... я не могу, — пробормотал он. — Вся эта толпа...

Обе платформы были заняты множеством людей. Он начал понимать, почему весь ракетный транспорт был переведен из Ронконкомы. Он не слышал шума толпы, хотя видел широко открытые рты людей, истерически размахивающих руками, вертящиеся трещотки.

— Н-не хочу в-выходить, — прошептал он.

Сквозь двойную оболочку корпуса доносился слабый стук.

— Выходите, Лайонс, — уговаривал диктор. — Не можете же вы просидеть там весь день!

Так много людей, лихорадочно подумал Лайонс. Даже небольшая группа смутила бы его. Так долго он пробыл один, без всяких собеседников, что даже не был уверен, сможет ли вообще говорить связно. Это были долгие месяцы смертельного, абсолютно пустого, как вакуум, молчания, одиночества в тесном корабле, когда даже ближайšie планеты казались лишь далекими светлыми точками. И там не было никого...

— Я не могу, — прошептал он, сжавшись в своем кресле.

— Бросьте эти глупости, Лайонс! — резко произнес диктор. — Если они захотят, они пробьются к вам. Вам лучше самому открыть двери.

Лайонс встал, весь дрожа, отчаянно стараясь не смотреть на визиоэкраны. Держась за высокую толстую спинку кресла у панели управления, он двинулся к двери. Ноги у него весили целые тонны, колени жалко подгибались под гнетом непривычной тяжести.

Стучали все громче. Если он не откроет, они взломают дверь и вытащат его отсюда. А тогда он получит от командования взбучку за то, что допустил поломку корабля.

Это будет недолго, подбодрил он себя. Он может как-нибудь извиниться и удрать. Летная болезнь, лихорадка... Может быть, он заставит их даже отправить его в госпиталь и оставить в покое. Он заковылял по коридору, по которому столько раз проходил за последние три года, в котором знал каждый шов, каждую заклепку, каждую пластину на полу и стенах. Ему не хотелось уходить с корабля, заменявшего ему дом и друзей в течение трех лет, и он нерешительно взялся за штурвал внутреннего шлюза. Услышав шум так близко, он отпрянул. Он может оставить шлюз закрытым, может спрятаться за трубопроводами для горючего, если эти люди вломятся...

Но нет, он не может сделать этого. Его мать, брат,

друзья — живы ли они? Он должен как-нибудь пройти сквозь толпу и разыскать их. Это стало вдруг его самым горячим желанием.

Он повернул штурвал до отказа, вырвал болты из гнезд. Ворвался воздух, заполняя частичный вакуум, образовавшийся за год полета в космосе.

Шум приблизился. Если бы только они дали ему время привыкнуть к звуку земных голосов и к толпе! Обычно он не боялся людей. Но это было так внезапно — переход от молчания к оглушительному шуму...

Руки у него дрожали так, что он с трудом заставил себя взяться за штурвал внешнего шлюза. Этот штурвал поворачивался медленнее, словно неохотно. Он вцепился в рычаг, удалявший болты, и внимательно прислушался к звукам за дверью. Там было мертвое молчание, словно он был еще в космосе. Оглушительного шума больше не было, и это придало ему храбрости.

Он сдвинул рычаг — и вдруг отскочил назад. Внешняя дверь порывисто распахнулась под тяжестью напиравших снаружи людей.

Толпа! Она ворвалась, чтобы схватить его!

Он не мог скрыться во внутренний шлюз. Было слишком поздно. Люди окружили его, хватали руками, кричали. Мужчины и женщины в парадных, плотно прилегающих одеждах из красной стеклянной ткани, в развевающихся зеленых плащах из синтетического меха, в шапочках с узкими полями или вовсе без полей.

— Майор Лайонс! — прогремел краснолицый коренастый человек, хватая его вялую руку. — Я Абнер Коннаут, избранный президентом Штатов в годы вашего отсутствия. От имени народов Земли приветствую вас!

— Майор Лайонс? — повторил астронавт. — Но ведь я простой пилот...

Он покраснел, так как толпа засмеялась. Его слова передавались тем, кто стоял на дальних концах платформ, пока вся станция, битком набитая людьми, не загремела смехом.

Он отпрянул назад, пристыженный, рассерженный.

Мужчины и женщины, окружавшие его, были, очевидно, политиканами и чиновниками, так как, когда они вывели его из шлюза на платформу, толпа почтительно расступилась.

Он очутился перед батареей микрофонов и другой батареей — телевизионных передатчиков, в кругу вооруженной полиции. За пределами круга кишела толпа, стараясь пробиться к нему, вопя, размахивая руками.

Президент Коннаут подтащил его к микрофонам. Гигантские глаза телепередатчиков смотрели на него, не мигая.

— Друзья, сограждане! — снова загремел голос президента. — Три года назад мы следили, как майор Лайонс взвился с Земли в мировое пространство, отважный исследователь, полетевший через не обозначенные на картах просторы космоса на Марс, чтобы разведать его богатства.

Три года мы ждали и молились за его счастливое возвращение. И вот, наконец, он вернулся к нам, скромный, как всегда, не изменившийся в суровых испытаниях, которым подвергся. Мы благодарим его за благополучное возвращение и...

Дальше, все дальше и дальше, в неизменных с начала миров формулировках, привычных для политиков. Лайонс должен был торчать перед пристальными глазами телепередатчиков, пока толпа сердито шевелилась позади полицейского кордона; но по крайней мере она молчала теперь.

Он переступил с ноги на ногу. Руки у него неуклюже висели — ему нечего было ими делать. И все это время — пристальные пугающие глаза, от которых нельзя было спрятаться.

Он нервно отвернулся. Из толпы чиновников на него смотрели два лица, два неподвижных, далеких лица, улыбавшихся ему почти как чужому.

— Мама! — крикнул он. — Сид!

Оба лица одновременно побледнели, выразили отчаяние. Пальцы у них поднялись к губам, требуя

молчания. Ибо президент Коннаут обернулся, схватил его за плечо и сказал:

— А теперь, майор, расскажите нам, что вы нашли на Марсе. Помните, мой мальчик, весь мир почтительно ожидает ваших первых слов!

Лайонс оцепенело смотрел на микрофоны. В его голове не возникало ни одной связной мысли. Он стоял дрожа, не в силах сказать ни слова. Толпа заволновалась. Президент взглянул на него.

— Я... я не могу... говорить, — пробормотал он, заикаясь:

Нервы у него не выдержали; он заковылял к матери, обнял ее.

— Пожалуйста, Джозеф, — прошептала она, — ради меня...

Он отодвинулся.

— Джозеф? — переспросил он. — Больше не Джо?

Его брат Сид осторожно взял его за руку и повел к микрофонам.

— Я знаю, каково тебе, — произнес он тихим напряженным голосом. — Вот почему я написал за тебя речь. Только прочти ее.

Лайонс взглянул на бумагу, умоляюще огляделся. Сид и мать подтолкнули его вперед. Президент ободряюще улыбнулся и поставил его перед устрашающим фронтом блестящих приборов.

Он начал читать. Слова оставались для него бессмысленными, и он читал ровным, торопливым, невыразительным голосом, без пауз или интонации, радуясь тому, что не должен думать о произносимых фразах. Все это есть на бумаге, о чем бы там ни говорилось.

Он едва понял, что дочитал до конца, пока президент Коннаут не похлопал его по спине и не сказал:

— Благодарю вас, майор! Великолепно сказано! А теперь, сограждане, будем терпеливо ждать, пока майор Лайонс отдохнет и пока его марсианские фильмы будут проявлены, и тогда мы услышим от него больше. Я уверен, что наше терпение будет щедро вознаграждено.

Отряд полиции окружил Лайонса и его семью и провел их сквозь толпу к длинному узкому автомобилю за чертой ракетной станции. В машине уже сидели два незнакомых человека. Лайонс остановился в недоумении, но увидел, что они улыбаются ему.

— Все в порядке, Джозеф, — ласково сказала мать. — Это мистер Моррисон и мистер Бентли. Ты их знаешь, не правда ли?

— Председатель и казначей кругосветников! Хелло! — почтительно пробормотал Лайонс. — Как любезно с вашей стороны прийти сюда!

— Скромненько, как всегда, — сказал Моррисон и засмеялся.

Машина тронулась и скользнула в тоннель, ведущий к Нью-Йорку. Сид и мать сидели напротив Лайонса, и на губах у них была невеселая, официальная улыбка.

— Ты приготовила для меня мою старую комнату, мама? — спросил он, отчаянно пытаясь завязать разговор.

Мать смутилась.

— Не знаю, как и начать, майор, — сказал, наконец, Бентли. — Я думаю, вы предпочтете, если мы будем с вами откровенны.

— Конечно, — ответил Лайонс.

— Так вот, вы не должны думать о возвращении к прежней жизни. Больше никаких маленьких квартир, никаких полетов. Вы — мировой герой, знаете ли...

— Конечно, — прибавил Сид. — Ты на самом верху, Джо.

— Мировой герой? — недоуменно переспросил Лайонс. — Что это значит?

— Это старые, заново открытые слова, — вмешался Моррисон. — До сих пор казалось, что в нашей прозаической цивилизации интерес публики не может сосредоточиться на одном человеке настолько, чтобы он стал героем. В вашем случае положение стало несколько необычным. Газеты так занимались вашим полетом, что публика подняла вас до уровня

героя. Чтобы превратить вашу славу в капитал, вы должны и жить соответственно.

Лайонсу стало не по себе.

— Я не понимаю...

— Благодаря вам, — сказал Бентли, — мир может преодолеть столетия одним прыжком.

Лайонс кивнул.

— Но как я сделаю все это?

— Теперь все планеты доступны для нас, — пояснил Моррисон. — Кругосветники построили два межпланетных корабля — ваш и другой, большего размера, — первые из будущего флота космических лайнеров. Разумеется, у небольшой группы акционеров не хватит денег, чтобы построить все, что нужно. Поэтому мы выдвигаем вас, майор Лайонс; публика питает к вам безграничное доверие; публика даст деньги для сооружения кораблей, и мы назовем флот Линией Лайонса.

— Это величайший в мире шанс для тебя, Джозеф, — вставила мать.

Сид возбужденно пожал ему руку.

— Ты будешь председателем новой компании, Джо! Мне тоже дадут хорошее место!

— Я помогу, чем только в силах, — согласился Лайонс. — Только не знаю, как я буду председателем компании. Я простой пилот.

Мать произнесла:

— Не тревожься об этом, Джозеф. Мистер Моррисон и мистер Бентли будут говорить тебе, что и когда делать.

— Это будет непобедимый союз, — заявил Моррисон, похлопав Лайонса по колену, — ваша репутация, наш коммерческий опыт и деньги, которые мы позволим публике вложить. Предоставьте все нам, майор, и мы с вами будем самыми первыми людьми в этом маленьком старом мире!

Они промчались по тоннелю, не встретив никакого транспорта, переключенного на поверхность. Когда они выехали на верхний уличный ярус, шофер повернул машину к жилой части города, потом к зданию, в котором Лайонс узнал Гранд Америкен

Отель — самый большой и самый дорогой из всех отелей.

— Ну, майор, — пылко проговорил Бентли, когда они поднимались в сверкающем лифте, — вот где вы будете жить. В Гранд Америкен.

Лайонс нахмурился.

— Прекрасно, но я буду чувствовать себя не на месте. Я хотел бы, чтобы мне позволили остаться в моей старой комнате, дома.

— Нет, Джозеф, — запротестовала мать, — мистер Моррисон и мистер Бентли сняли для тебя весь этаж. Кроме того, я уже больше не живу на прежней квартире. Это не место для нас.

— Мне там нравилось! — печально сказал Лайонс.

Его ввели в роскошные апартаменты. В огромной приемной он остановился смутившись: здесь выстроился, встречая его, целый полк слуг — как ему показалось, сотни слуг. Все они низко поклонились ему.

Джо Лайонс в замешательстве проскользнул мимо них в роскошно убранную гостиную. Отсюда двери вели в другие комнаты, устланные великолепными пушистыми коврами, великолепно обставленные.

— Я никогда не привыкну, — пробормотал он. — Мне просто страшно здесь.

— Чепуха, мой мальчик! — произнес Моррисон. — Скоро вы будете гулять здесь так, словно вы здесь и родились. Во всяком случае, публика ожидает, что председатель Линии Лайонса будет жить в обстановке, которая соответствует его положению.

— Думаю, что так. — Загорелый лоб Лайонса наморщился. — Но мне кажется, это неправильно. Вы построили космический корабль, а я летал в нем. В последние десять лет я имел дело с кругосветными ракетами и считался одним из лучших пилотов. Вот и все.

— Но если люди хотят, чтобы ты был председателем компании, Джозеф, — заговорила мать, — то этого достаточно.

— Конечно, если это может помочь межпланетным полетам. Я только этого и хочу.

— Совершенно верно, майор, — подтвердил Бент-

ли, кладя на стол пачку бумаг и держа в руке перо. — Угодно вам подписать вот здесь, внизу?

Лайонс послушно нацарапал внизу свою подпись.

— Что это такое? — спросил он.

— Документация на Линию Лайонса. Вы согласились стать председателем компании.

Моррисон сложил бумаги, спрятал их в карман и пожал Лайонсу руку.

— Мы покидаем вас, мой мальчик. Спите. Мы увидимся с вами завтра.

Мать поцеловала его и тоже ушла вместе с Сидом.

Вошел дворецкий.

— Обед подан, сэр. Если вам угодно спать, ваша спальня готова.

Он чувствовал себя голодным и усталым. Ему удалось поесть, несмотря на армию слуг, все время сменявших перед ним тарелки. Он едва дождался того, чтобы лечь в мягкую постель с прохладными белыми простынями.

В спальне он начал расстегивать «молнию» на своей нарядной синей куртке и вдруг приостановился. Рука его ощутила выпуклость в нагрудном кармане. Он был так ошеломлен этим днем, что совсем забыл о ней, хотя никогда не думал, что это возможно. Осторожно он достал из кармана статуэтку.

Это была цветная фотостатуэтка, сделанная из специальной пластмассы. Всякий узнал бы в ней произведение скульпторкамеры, но сама статуэтка удивила бы каждого.

— Леэли, — прошептал Лайонс.

— Вернись, ссскоррее, Джо!—услышал он, словно эхо, нежный, тихий голос.

— Ох, я и хотел бы вернуться, Леэли, — прошептал он. — Но, кажется, пока что не смогу. Но рано или поздно я вернусь к тебе, Леэли, дорогая, вернусь, как только меня отпустят отсюда.

Он осторожно поставил фигурку на ночной столик и разделся. Возвращаясь с Марса, он с наслаждением вспоминал о бодрящих холодных душах, которые нельзя было принимать на корабле из-за невесомости. Но сейчас он был слишком утомлен, чтобы мечтать

о чем-либо, кроме постели. «Странно, — грустно подумал он, — как изменились мама и Сид: в них нет никакой теплоты. Не то что Леэли, всегда такая искренняя и ласковая».

*

Кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним Сида. Мать, улыбаясь, стояла у кровати.

— Господи, — сказала она, — и устал же ты, наверно! Проспал почти сутки.

Он зевнул, потянулся, потом отбросил одеяло и спрыгнул с постели.

— Ну, конечно, мне уже лучше. Я наверняка проспал бы неделю, если бы вы меня не разбудили.

— Извини, Джо, — сказал Сид. — Я должен был тебя разбудить. Сегодня вечером в твою честь состоится большой банкет — официальный прием и всякое такое, и тебе придется сделать первое заявление о новой компании.

— Ох, Сид, — пожаловался Лайонс, — я надеялся получить свободный день! Мне хотелось повидаться со старыми товарищами, пилотами...

— Некоторые из них будут на приеме, — прервал его Сид. — Но, Джо, ты должен, наконец, научиться смотреть на себя иначе. Ты сейчас самая крупная фигура в мире. Все зависит от тебя, и ты не должен нас подвести.

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, вот сегодня вечером большой прием. Ты делаешь заявление, и публика начинает интересоваться. Завтра ты инспектируешь межпланетный корабль, который должен отлететь к вечеру. Публика покупает наши акции, понятно?

— Межпланетный корабль? — переспросил Лайонс. — Куда?

— Наши ученые исследуют твои записи и фильмы и все прочее. Они внесут в механизмы все изменения, какие понадобятся.

— Корабль летит на Марс? — настойчиво спросил Лайонс.

— Да. Это первый в Линии Лайонса.

— Ох, если бы только и я был там! — воскликнул Лайонс.

Но это было невозможно. Он был обязан прежде всего выполнить свой долг.

— Что это такое, Джозеф? — спросила мать. Она держала в руке фотостатуэтку. — Кто это?

— Леэли, девушка-марсианка, — ответил он. — Я... я хочу жениться на ней.

— Жениться на ней? На этом меднокожем пугале? О Джозеф! Земные девушки гораздо красивее!

— Это защитная окраска, — возразил он. — Защищает от актинических лучей.

— Но она марсианка! Может быть, она даже не человек!

— Нет, человек. Ее предки бежали с Земли перед одним из ледниковых периодов.

Сид понимающе усмехнулся.

— Дикарка, Джо, верно?

— Леэли, потомок утонченной, культурной марсианской расы, — дикарка? — Лицо у Лайонса побелело, кулаки сжались.

— Ты бросишь ее ради меня? — умоляюще сказала мать.

— Но, мама...

Они услышали, как открывается дверь лифта.

— Это Моррисон и Бенгли, мама, — быстро произнес Сид. — Выйди и поговори с ними. Я помогу Джо одеться. — Когда она вышла, он обратился к брату: — Не огорчай маму, Джо. Ты ведь знаешь, что не можешь вернуться туда и жениться на своей марсианке. Твое место здесь, и ты должен помогать развитию межпланетных сообщений. Кроме того, ты знаешь, как мама тревожится за нас: отец погиб в катастрофе, каждый из нас может погибнуть так же. Моррисон хочет жениться на ней, если дело выгорит, и он ей очень нравится. Это будет большой помощью для всех нас.

— Да, я знаю, — с сомнением произнес Лайонс. —

Я сделаю все, что потребуется, но когда кончу, то почему бы мне не вернуться на Марс?

Сид не ответил, но лицо у него было мрачное и рассеянное. Лайонс дал облечь себя в парадный костюм из красной стеклянной ткани, пристегнул зеленый плащ и надел шапочку без полей. В штатском платье он чувствовал себя неудобно, но все же вид у него был изящный и приметный.

За дверью комнаты стоял дворецкий с подносом. Лайонс взял у него стакан и выпил живительный завтрак-коктейль, потом последовал за Сидом в гостиную. Там были Моррисон, Бентли, мать и какая-то красивая девушка. Гости пожали ему руку.

— Как вы переменялись, майор! — сказал Моррисон. — Ничто так не помогает, как хороший сон. — Он подвел к нему девушку. — Это Мона Трент, самая прекрасная и знаменитая из телевизионных звезд.

— Как поживаете, мисс Трент? — пробормотал Лайонс.

— Никаких мисс. Называйте ее Моной и будьте к ней очень внимательны, — заявил Бентли. — Подумайте о том, какая это будет реклама: вы двое сейчас — самые популярные молодые люди в мире!

Мона пленительно улыбнулась и взяла его под руку, когда они входили в лифт. Но, спускаясь на первый этаж и идя по коридорам в обширный бальный зал, переполненный людьми и радиотелеаппаратами, Лайонс не переставал удивляться тому, как он может помочь межпланетному сообщению, ухаживая за красивой телевизионной актрисой.

Когда они вошли, все в зале вскочило. Лайонс снова почувствовал нервное напряжение. Со всех сторон протягивались руки, он послушно пожимал их. Ему сунули какую-то бумагу, подтолкнули его к батарее радио- и телепередатчиков. Глядя в бумагу и стараясь не думать больше ни о чем, он ухитрился довольно гладко прочитать свою речь.

Потом все сели за стол; к Лайонсу обращались с речами, а Мона сидела справа от него, глядела на

него обожающе и сердитым шепотом требовала, когда никто не слышал, чтобы он был внимательнее к ней. Он пассивно выслушивал бессмысленную чепуху, которую она шептала ему, только чтобы обратить на себя его внимание.

— Не глумитесь, — почти беззвучно шепнула она, пока ее глаза сладко смотрели на него. — Улыбайтесь, смейтесь! Это для эффекта.

Он попытался, но шептать ей разные глупости было свыше его сил. Он был искренним человеком, как большинство пилотов. Он понимал стратегическое значение любезности с акционерными, которые будут способствовать успеху ракетных полетов, но не знал, зачем ему делать вид, будто он влюблен в популярную актрису.

Наконец она пригласила его танцевать. Он закружился по залу, держа ее в объятиях. Все поспешно освободили им место для танца, едва они встали. Это привело его в замешательство.

Он увидел смятенную толпу и среди них своих старых товарищей.

Он сразу остановился и поспешил к ним, приветственно протягивая руку. Они вскочили и пожали ему руку, улыбаясь как-то неестественно.

— Как я рад увидеть хоть кого-нибудь из старой компании! — горячо воскликнул он. — Как насчет того, чтобы прийти ко мне, когда эта шумиха окончится?

— Конечно, мы хотели бы, — ответил один из них, Сэм Мартин. — Но, черт возьми, простым пилотам вроде нас не место рядом с таким героем, как вы.

— Бросьте эту лесть, ребята, — сказал Лайонс и засмеялся.

Он представил им Мону. Странно было, что их натянутость только увеличилась. Он сел и попытался втянуть их в разговор. Но они говорили, только когда он обращался к ним, и то в ужасающе почтительном тоне. Он постепенно чувствовал себя все более озадаченным, покинутым и одиноким. Мона снова увлекла его танцевать.

Почему все стали такими холодными и далекими? Не только его старые приятели, но даже мать и Сид? Несмотря на свою привязанность к ним, он должен был признать это. Насчет Моны Трент у него не было никаких сомнений. Она смотрела на него только как на еще одну знаменитость.

Но все остальные, почему они не были такими дружелюбными, как раньше? Почему не отвечали ему дружбой, которой он так жаждал?

Леэли была не такая, Леэли была пылкая, искренняя, ласковая, она понимала его...

*

На следующий день, осматривая межпланетный корабль и ожидая, когда будет включено переносное радиооборудование и он сможет обратиться ко всему миру, словно он — величайший эксперт в ракетном деле, Лайонс чувствовал себя глупейшим из дураков. Все это случилось просто потому, что ему повезло и что его собственный корабль не разбился при встрече с метеоритом или при неточной посадке.

Мона Трент висела у него на руке; Моррисон и Бентли стояли поблизости. А мать и Сид могли сместить на все это только издали.

— Что вы думаете об этом? — хвастливо спросил Бентли. — Первый корабль целого флота!

— Великолепно! — согласился Лайонс.

— Если мы не свалюем дурака, мой мальчик, — прошептал ему на ухо Моррисон, — мы станем миллионерами! Публика уже дерется из-за акций!

— Я и не думал о том, чтобы заработать кучу денег, — возразил Лайонс. — Я хочу только помочь вам и вернуться...

— Стоп, майор! — прервал его Бентли. — Микрофоны включены.

Джо Лайонс пошел по кораблю, расхваливая его в микрофон. В этом он был искренен, корабль действительно был самым замечательным, самым новейшим, с самым лучшим оборудованием, какое только можно себе представить.

Он говорил просто и выразительно. Потом он достал из кармана приготовленную для него речь и начал читать ее. Это было по большей части повторением того, что он уже говорил дважды или трижды: будущие выгоды межпланетных полетов, богатства других планет, прогресс цивилизации.

Он произносил текст, пробегая его глазами несколько вперед, и вдруг он увидел абзац, заставивший его умолкнуть. Там было написано:

«Не знаю, должен ли я говорить в такую минуту о своих личных делах; но я уверен, что вы будете рады услышать о моем обручении с прекраснейшей девушкой во вселенной — с Моной Трент! Мы с нею были в разлуке три года...»

Он яростно сверкнул глазами на Моррисона и Бентли. Они встревоженно дали ему знак продолжать. Губы у него угрюмо сжались, он быстро отошел от микрофонов. Моррисону пришлось поспешно встать на его место и говорить вместо него.

Бентли и Мона попытались следовать за Лайонсом. Он захлопнул дверь у них перед носом и зашагал один через великолепную кабину управления, через жилые каюты, лабораторию, грузовое отделение. Там он остановился и сунул руку в один из ящиков.

Черт возьми их всех, яростно подумал он, пусть они используют его, как хотят, пусть делаются миллиардерами — ему это все равно, если ракетному делу можно помочь только таким путем. Но они превратили его в какого-то проклятого героя, оторвали от друзей, по их милости мать и Сид стали какими-то интриганами, а теперь они хотят заставить его жениться на девушке, которую он не любит!

Сид или мать сказали Моррисону и Бентли о Леели, и чтобы помешать ему...

Он зашагал обратно, напряженный и мрачный. Сэм Мартин, тот самый, которого он видел накануне вечером, вышел навстречу и отсалютовал.

— Мы отлетаем через десять минут, сэр!

Предполагалось, что Лайонс пожмет команде руки и пожелает ей удачи; он так и сделал. Но когда

корреспонденты ушли и Мона сердито последовала за ними, Лайонс остался на корабле.

— Идемте, майор, — поторопил его Бентли. — Они сейчас отлетают.

Лайонс скрестил руки на груди. Его снова попытались торопить, но он яростно отбросил всех.

— В чем дело, мой мальчик? — изумленно спросил Моррисон.

— Я взял в грузовом отделении лучевой пистолет, — многозначительно начал Лайонс. Он держал в руках пистолет. — Убирайтесь вон, вы двое, — крикнул он Бентли и Моррисону. — Что касается остальных, то я проложу себе путь к управлению, если понадобится.

Бентли и Моррисон не протестовали, когда он ткнул им пистолет в спину и вытеснил в шлюз.

— Выходите отсюда так, словно ничего не случилось, — приказал он, — или я устрою скандал. Пока!

Они были бледны, но все же нашли в себе силы выйти. Толпа разразилась приветственными криками, которые вдруг оборвались. Лайонс закрыл внешний люк, завернул штурвал, вогнал на место болты; потом сделал то же с внутренним шлюзом. Повернувшись, он направил пистолет на команду.

— По местам! — холодно приказал он. — Я лечу с вами. — Челюсти у него сжались. — Ну, живо!

Одно мгновение они колебались, потом по лицам у них поползли улыбки.

— Конечно, — произнес Сэм Мартин. — Кто мы такие, чтобы останавливать вас? Только горсточка кругосветников, и среди нас нет героев.

Лайонс вглядывался в их лица, боясь увидеть иронию, но там ее не было.

— Бросьте, ребята, — попросил он. — Вы знали меня много лет. Я все тот же Джо Лайонс. И я тоже не герой.

Корабль начал двигаться по механической направляющей к стартовой пушке.

— Я не хочу спорить, майор, — серьезно произнес Сэм Мартин, — но пролететь одному с Земли на Марс и обратно — это не проходит для человека

бесследно. Он или сойдет с ума, или станет героем. Вы герой, даже если не хотите этого. Но сейчас мы все вместе, и мы надеемся друг на друга — и на вас!

Снова в космосе, вместе с четырьмя из самых давних друзей!

Быть может, на Марсе он опять станет только человеком, а не одиноким героем...

Улыбаясь, Лайонс потрогал статуэтку Леэли во внутреннем кармане куртки, потом отвернулся. Не годится людям видеть слезы на глазах у героя.

ДЖОН ГОРДОН
(США)

ЧЕСТНОСТЬ — ЛУЧШАЯ ПОЛИТИКА

Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фенигвиснока. Это было длинное имя и важный титул, и он гордился ими. Титул этот значил примерно — «Верховный Шериф, Адмирал Фенигвиснока», а Фенигвиснок был богатой и значительной планетой в империи Дэл. Титул и имя выглядели внушительно на документах, а документов подписывать нужно было множество.

Сам Тагобар был превосходным экземпляром своей породы, воплощавшей силу и гордость. Как у черепах на Земле, у него был и наружный и внутренний скелет, хотя это было все, что придавало ему сходство с черепахами. На вид он был похож на человека, нечто среднее между средневековым рыцарем в латах и коренастым рэгбистом, одетым для выхода на поле. Цвет у него был, как у хорошо сваренного рака, и на суставах наружного скелета переходил в темный пурпур. Одежда состояла только из коротенькой юбочки, расшитой причудливыми узорами и усыпанной сверкающими драгоценными камнями. Эмблема его сана была выгравирована золотом на переднем и заднем панцире, так что его можно было узнать, когда он входил и когда выходил.

Словом, это была довольно внушительная фигура, несмотря на рост всего пять футов два дюйма.

Как командир собственного звездолета «Верф», он должен был разыскивать и исследовать планеты, подходящие для колонизации народом дэл. Он усердно занимался этим уже долгие годы, в точности следуя Общей Инструкции, как и должен делать хороший командир.

И дело стоило того. В свое время он нашел несколько неплохих планет, а эта была самым лакомым кусочком из всех.

Глядя на увеличительный экран, он удовлетворенно потер руки. Его корабль плавно вращался по орбите высоко над новооткрытой планетой, а экран был наведен на местность внизу. Ни один корабль дэлов еще не бывал в этой части Галактики, и было приятно найти подходящую планету так быстро.

— Великолепная планета! — сказал он. — Восхитительная планета! Смотрите, какая зелень! А синева этих морей! — Он повернулся к лейтенанту Пельквешу. — Как ты думаешь? Разве это не чудесно?

— Конечно, чудесно, ваше великолепие! — ответил Пельквеш. — Вы за нее получите еще одну награду.

Тагобар начал что-то говорить, но неожиданно остановился. Его руки рванулись к рычагам управления и вцепились в переключатели; мощные двигатели корабля взревели от перегрузки, когда корабль повис неподвижно относительно планеты внизу. Пейзаж на увеличительном экране остановился.

Тагобар подрегулировал увеличение, и изображение начало расти.

— Вот! — сказал командир. — Пельквеш, что это такое?

Вопрос был чисто риторическим. Изображение, застывшее колеблющимися течениями в двухстах с чем-то милях атмосферы, едва мерцало на экране, но нельзя было сомневаться в том, что это какой-то город. Лейтенант Пельквеш так и сказал.

— Чума его возьми! — проворчал Тагобар. — Занятая планета. Города строят только разумные существа.

— Вот именно, — согласился лейтенант.

Оба они не знали, что делать. Лишь несколько раз за всю долгую историю дэлов ими были обнаружены разумные существа, но под владычеством империи они постепенно вымерли. Ни одна из этих рас, кстати, и не была особенно разумной.

— Придется запросить Общую Инструкцию, — сказал, наконец, Тагобар. Он перешел к другому экрану, включил его и начал набирать цифры кода.

Глубоко в недрах корабля медленно пробудился к жизни робот Общей Инструкции. В его обширной памяти таились 10 тысяч лет накопленных и упорядоченных фактов, 10 тысяч лет опыта империи, 10 тысяч лет окончательных решений по каждому вопросу. Это было больше, чем энциклопедия, — это был образ жизни.

Робот по самым строгим правилам логики проверял свою память, пока не нашел ответ на запрос Тагобара; тогда он передал данные на экран.

— Гмм, — произнес Тагобар. — Да. Общая Инструкция 333 953 216 А, глава ММСМХ IX, параграф 402. «После обнаружения разумной или полуразумной жизни взять для исследования случайно выбранный образец. Избегать других контактов, пока образец не будет обследован согласно Психологической Директиве 659-В, Раздел 888 077д, под руководством Главного психолога. Данные сверить с Общей Инструкцией. Если нечаянный контакт уже произошел, справиться в ОИ 472 678-R-S, глава ММССХ, параграф 553. Образцы следует брать соответственно...»

Он дочитал Общую Инструкцию и тогда повернулся к лейтенанту:

— Пельквеш, готовьте вспомогательную лодку, чтобы взять образец. Я уведомя психолога Зендоплита, чтобы он приготовился.

*

Эд Магрудер глубоко вдохнул весенний воздух и закрыл глаза. Воздух был прекрасен, он был пропитан пряными ароматами и сочными запахами, хотя и

чуждыми, но казавшимися почему-то родными — более родными, чем земные.

Эд был высок и худощав, с темными волосами и блестящими карими глазами, которые будто щурились от скрытого смеха.

Он открыл глаза. Город еще не спал, но темнота наступала быстро. Эд любил свои вечерние прогулки, но бродить в полях после сумерек было на Нью-Гавайи опасно, даже сейчас. Здесь были маленькие ночные твари, мягко порхающие в воздухе и кусающиеся без предупреждения. Были и более крупные хищники. Эд направился обратно к городку Нью-Хило, построенному на месте, где человек впервые ступил на новую планету.

Магрудер был биологом. За последние десять лет он обшарил с полдюжины миров, собирая образцы, тщательно анатомируя их и занося результаты в записные книжки. Медленно, звено за звеном, составлял он схему — схему самой жизни. У него было много предшественников, вплоть до Карла Линнея, но никто из них не понимал, чего им не хватает. В их распоряжении был только один тип жизни — земная жизнь. А вся земная жизнь в конечном счете однородна. Из всех планет, какие он видел, Нью-Гавайи нравились ему особенно сильно. Это была единственная планета, кроме Земли, где человек может ходить без всяких защитных одеяний, — по крайней мере единственная из до сих пор открытых.

Эд услышал над головой слабый свист и взглянул. Для ночных тварей еще рановато.

И тут он увидел, что это вовсе не ночная тварь, это какой-то шар вроде металлического и...

На поверхности шара вспыхнуло зеленоватое сияние, и для Эда Магрудера все исчезло.

*

Тагобар Верф бесстрастно смотрел, как лейтенант Пельквеш вносит бесчувственный образец в биологическое испытательное отделение. Образец был странного вида — пародия на живое существо

с мягкой кожей, вроде слизняка, бледного, розовато-смуглого цвета, с отвратительными плеснеподобными разрастаниями на голове и в других местах.

Биологи приняли образец и начали работать над ним. Они взяли для исследования кусочки его кожи, немного его крови и сняли показания электрических приборов с его мышц и нервов.

Зендоплит, Главный психолог, стоял рядом с командиром, следя за процедурой.

Для биологов это была Стандартная Процедура; они работали так же, как и со всяким другим поступавшим к ним образцом. Но Зендоплиту предстояла работа, которую до сих пор ему не приходилось выполнять. Ему предстояло работать с мозгом разумного существа.

Но он не тревожился: в Руководстве было записано все, каждая мелочь Стандартной Процедуры. Тревожиться было не о чем.

Как и со всеми прочими образцами, Зендоплит должен был расшифровать основную Схему Реакций. Каждый данный организм способен реагировать только определенным, очень большим, но ограниченным количеством способов, и эти способы можно свести к Основной Схеме. Чтобы уничтожить какую-нибудь породу существ, нужно только найти их Основную Схему, а тогда задать им задачу, которую они по этой схеме не смогут решить. Все это было очень просто, и все записано в Руководстве.

Тагобар повернулся к Зендоплиту.

— Вы действительно думаете, что он сможет научиться нашему языку?

— Зачаткам его, ваше великолепие, — ответил психолог. — Наш язык в конце концов очень сложен. Конечно, мы попытаемся обучить его всей системе языка, но сомневаюсь, чтобы он мог усвоить значительную часть. Наш язык основан на логике, как на логике основана сама мысль. Некоторые из низших животных способны к зачаточной логике, но большинство неспособно понять ее.

— Хорошо, мы сделаем все, что сможем. Я сам допрошу его.

Зендоплит удивился.

— Но, ваше великолепие, все вопросы подробно записаны в Руководстве!

Тагобар Верф нахмурился.

— Я умею читать не хуже вас, Зендоплит. Так как это первый образец полуразумной жизни, обнаруженный за последнюю тысячу лет, то я думаю, что допрос должен проводить сам командир.

— Как вам угодно, ваше великолепие, — согласился Психолог.

Когда психологи закончили работать с Эдом Магрудером, его поместили в Языковой Бункер. На глаза ему установили световые прожекторы, фокусированные на его сетчатках, в уши вставили акустические устройства, повсюду на теле прикрепили различные электроды, на череп наложили тонкую проволочную сеть. Потом ему впрыснули в кровь специальную сыворотку, изобретенную биологами. Все это было сделано безукоризненно точно. Потом Бункер закрыли, и был включен рубильник.

Магрудер смутно ощутил, что всплывает откуда-то из темноты. Он увидел странные, омарообразные существа, двигавшиеся вокруг него, а в уши ему нашептывались и набулькивались какие-то звуки.

Постепенно он начал понимать. Его учили ассоциировать звуки с предметами и действиями.

*

Эд Магрудер сидел в маленькой комнатке, размером четыре на шесть футов, сидел голый, как червь, и смотрел сквозь прозрачную стену на шестерку чужаков, которых так часто видел в последнее время.

У него не было никакого понятия о том, долго ли его учили языку; он был как в тумане.

«Ну вот, — подумал он, — я набрал немало хороших образцов, а теперь сам попал в образцы». Он вспомнил о том, как поступал со своими образцами, и слегка вздрогнул.

Ну, да ладно. Он попался. Остается только показать им, как нужно себя вести: сжать губы, выше голову, и все такое.

Одно из существ подошло к панели с кнопками и нажало одну из них. Тотчас же Магрудеру стали слышны звуки из комнаты по ту сторону прозрачной стены.

Тагобар Верф взглянул на образец, потом на листок с вопросами у себя в руке.

— Наши психологи обучили вас нашему языку, не так ли? — холодно спросил он.

Образец заболтал головой вверх и вниз.

— Да. И я называю это принудительным кормлением.

— Очень хорошо. Я должен задать вам несколько вопросов; вы будете отвечать на них правду.

— Ну, разумеется, — любезно ответил Магрудер. — Валяйте.

— Мы можем узнать, когда вы лжете, — продолжал Тагобар. — Вам придется плохо, если вы будете говорить неправду. Так вот, как ваше имя?

— Теофилус К. Гассенпфеддер, — вкрадчиво произнес Магрудер.

Зендоплит взглянул на задрожавшую стрелку и медленно покачал головой, переводя взгляд на Тагобара.

— Это ложь, — сказал Тагобар.

Образец кивнул.

— Ну, конечно. Славная у вас машинка!

— Хорошо, что вы признаете высокие качества наших приборов, — мрачно произнес Тагобар. — Ну, так как же вас зовут?

— Эдвин Питер Сент Джон Магрудер.

Психолог Зендоплит, следивший за стрелкой, кивнул.

— Прекрасно! — произнес Тагобар. — Итак, Эдвин...

— Эда будет достаточно, — сказал Магрудер.

Тагобар удивился.

— Достаточно — для чего?

— Чтобы называть меня,

Тагобар обернулся к психологу и пробормотал что-то. Зендоплит ответил тоже бормотанием. Тагобар снова обратился к образцу.

— Ваше имя Эд?

— Строго говоря, нет, — ответил Магрудер.

— Тогда почему мы должны называть вас так?

— Почему бы и нет? Другие называют, — ответил Магрудер.

Тагобар снова посоветовался с Зендоплитом и потом сказал:

— Мы вернемся к этому вопросу позже. Итак... гм... Эд, как вы называете свою родную планету?

— Земля.

— Хорошо. А как называет себя ваша раса?

— Ното сариенс.

— А что это означает, если означает что-нибудь? Магрудер подумал.

— Это просто название, — сказал он.

Стрелка заколебалась.

— Опять ложь, — сказал Тагобар.

Магрудер усмехнулся.

— Я просто проверял. Это действительно машинка что надо!

Синяя, содержащая медь кровь прилила к шее и лицу Тагобара. Он потемнел от сдерживаемого гнева.

— Вы уже сказали это один раз, — зловеще напомнил он.

— Знаю. Так вот, если хотите знать, Ното сариенс означает «Человек разумный».

В действительности он не сказал «Человек разумный»: в языке дэлов нет точного выражения этого понятия, и Магрудер сделал все, что мог, чтобы его выразить. В обратном переводе на английский это звучало бы приблизительно как «Существа с великой силой мысли».

Когда Тагобар услышал это, глаза у него раскрылись шире, и он обернулся, чтобы взглянуть на Зендоплита. Психолог развел своими скорлупчатыми руками: стрелка не двинулась.

— Кажется, у вас там высокое мнение о себе, — произнес Тагобар, снова обращаясь к Магрудеру.

— Возможно, — ответил землянин.

Тагобар пожал плечами, заглянул в свой список, и допрос продолжался. Некоторые вопросы казались Магрудеру бессмысленными, другие явно были частью психологической проверки.

Но ясно было одно: детектор лжи был максималистом. Если Магрудер говорил чистую правду, стрелка прибора не двигалась. Но стоило ему солгать хоть чуточку, как она взлетала до потолка.

Первые несколько лживых ответов прошли для Магрудера даром, но в конце концов Тагобар сказал:

— Вы лгали достаточно, Эд.

Он нажал кнопку, и на землянина обрушилась сокрушительная волна боли. Когда она ушла, Магрудер почувствовал, что мышцы у него на животе превратились в узлы, что кулаки и зубы у него стиснуты, а по щекам струятся слезы. Потом его охватила неудержимая тошнота и рвота.

Тагобар Верф брезгливо отвернулся.

— Отнесите его обратно в камеру и уберите здесь. Сильно ли он поврежден?

Зендоплит уже проверил свои приборы.

— Думаю, что нет, ваше великолепие; вероятно, это легкий шок, и только. Однако на следующем допросе нам все равно придется его проверить. Тогда мы узнаем наверняка.

*

Магрудер сидел на краю какой-то полки, которая могла служить низким столом или высокой кроватью. Сидеть было не очень удобно, но ничего другого в камере не имелось, а пол был еще тверже.

Вот уже несколько часов, как его перенесли сюда, а он все еще не мог опомниться. Эта гнусная машина делала больно! Он стиснул кулаки, он все еще чувствовал спазм в животе, и...

И тут он понял, что спазм вызван вовсе не машиной; от этого-то он давно уже отделался.

Судорожное напряжение было вызвано чудовищным, холодным, как лед, бешенством.

Он подумал над этим с минуту, потом расхохотался. Вот он сидит как дурак и бесится так, что доводит себя до боли. А от этого ни ему, ни колонии не будет никакой пользы.

Очевидно было, что чужаки не замышляли ничего доброго, мягко выражаясь. Колония на Нью-Хило насчитывала шестьсот человек — это единственная группа людей на Нью-Гавайи, не считая нескольких разведывательных групп. Если этот корабль попытается захватить планету, колонисты не смогут сделать ни черта. А что, если чужаки разыскали Землю! У него не было никакого представления о том, как корабль вооружен и какие у него размеры, но, по-видимому, места в нем много.

Он знал, что все зависит от него. Он должен сделать что-то и как-то. Что? Не выйти ли ему из камеры и не напасть ли на корабль?

Чепуха! Голый человек в пустой камере совершенно беспомощен. Но что же тогда?

Магрудер лег и долго раздумывал над этим.

Потом в двери приоткрылась панель, и за прозрачным квадратом проявилось красно-фиолетовое лицо.

— Вы, несомненно, голодны, — торжественно изрекло оно. — Анализ процессов в вашем организме показал, какая пища вам нужна. Вот, получите.

Из ниши в стене выдвинулся кувшин порядочных размеров; от него исходил странный аромат. Магрудер взял кувшин и заглянул внутрь. Там была желтовато-серая полупрозрачная жидкость, похожая на жидкую похлебку. Он обмакнул в нее палец, попробовал на язык. Ее вкусовые качества были явно ниже нуля.

Он мог догадаться, что она содержит десятка два различных аминокислот, с дюжину витаминов, пригоршню углеводов, несколько процентов других веществ. Что-то вроде псевдопротоплазмического супа — высокосбалансированная пища.

Он подумал, нет ли в ней чего-нибудь вредного для него, но решил, что наверняка нет. Если чужаки захотят отравить его, им нет надобности прибегать к хитростям; кроме того, это наверняка та самая бурда, которой его кормили во время обучения языку.

Притворяясь перед самим собой, что это похлебка из говядины, он выпил ее целиком. Может быть, избавившись от чувства голода, он сможет думать лучше.

Оказалось, что это так и есть.

*

Меньше чем через час его снова взяли в допросную. На этот раз он решил, что не позволит Тагобару нажимать на ту кнопочку.

«В конце концов, — рассуждал он, — мне может понадобиться солгать кому-нибудь и в будущем, если я когда-нибудь выберусь отсюда. Не нужно приобретать условный рефлекс против лжи».

А судя по тому, как больно сделала ему машина, он видел, что после нескольких таких ударов вполне может получить условный рефлекс.

У него был план. Очень смутный план и очень гибкий. Нужно попросту принимать то, что будет, полагаться на счастье и надеяться на лучшее.

Он сел в кресло и ждал, чтобы стена снова стала прозрачной. Он думал, что у него будет случай убежать, когда его вели из камеры в допросную, но чувствовал, что не сможет справиться с шестеркой панцирных чужаков сразу. Он не был даже уверен, что справится хотя бы с одним. Как справиться с противником, чья нервная система тебе вовсе неизвестна, а тело бронировано, как паровой котел?

Стена сделалась прозрачной, и за нею стоял чужак. Магрудер заинтересовался, было ли это то самое существо, которое допрашивало его раньше, и, взглянув на рисунок на панцире, решил, что это то же самое.

Он откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и стал ждать первого вопроса.

Тагобар Верф был в большом затруднении. Он тщательно сверил психологические данные с Общей Инструкцией, после того как психологи сверили их по Руководству. Результаты сверок ему решительно не понравились.

Общая Инструкция говорила только: «Раса такого типа никогда не встречалась в Галактике. В этом случае командир должен действовать согласно ОИ 234 511 006 д, гл. ММСДХ, параграф 666».

Просмотрев ссылку, он посоветовался с Зендоплитом.

— Что вы об этом думаете? — спросил он. — И почему у вашей науки нет никаких ответов?

— Наука, ваше великолепие, — ответил Зендоплит, — это процесс получения и координирования сведений. У нас еще нет достаточных сведений, это верно, но мы их получим. Нам совершенно незачем впадать в панику; мы должны быть объективными, только объективными. — Он протянул Тагобару еще один печатный листок. — Вот вопросы, которые вы должны теперь задать согласно Руководству по психологии.

Тагобар ощутил облегчение. Общая Инструкция говорила, что в таком случае, как этот, дальнейшее действие будет зависеть только от его собственных решений.

Он включил поляризацию стены и взглянул на образец.

— Сейчас вы ответите на несколько вопросов отрицательно, — сказал Тагобар. — Неважно, насколько правдивыми будут ответы, вы должны только отвечать «нет». Ясно ли вам это?

— Нет, — ответил Магрудер.

Тагобар нахмурился. Инструкции казались ему совершенно ясными, но что случилось с образцом? Неужели он глупее, чем они думали раньше?

— Он лжет, — сказал Зендоплит.

Тагобару понадобилась добрая половина минуты, чтобы понять происшедшее, и тогда лицо у него не-

приятно потемнело. Но ничего не поделаешь, образец повиновался приказу.

Его великолепие глубоко вдохнул воздух, задержал его, медленно выдохнул и начал кротким голосом задавать вопросы:

— Ваше имя Эдвин?

— Нет.

— Вы живете на планете внизу?

— Нет.

— У вас шесть глаз?

— Нет.

Через пять минут подобной беседы Зендоплит сказал:

— Достаточно, ваше великолепие, все сходится; его нервная система не повреждена болью. Теперь вы можете приступить к следующей группе вопросов.

— Теперь вы будете отвечать правду, — произнес Тагобар. — Если нет, вы снова будете наказаны. Это вам ясно?

— Совершенно ясно, — ответил Эд Магрудер.

*

Хотя голос его звучал совершенно спокойно, Магрудер ощутил легкую дрожь. Отныне ему нужно будет обдумывать ответы тщательно и быстро. С другой стороны, ему самому не хотелось слишком медлить с ответами.

— Какова численность вашей расы?

— Несколько миллиардов. — В действительности их было около четырех миллиардов, но на языке делов «несколько» было неясным обозначением для чисел свыше пяти, хотя и не обязательно таких.

— Знаете ли вы точную цифру?

— Нет, — ответил Магрудер. «Не с точностью до одного человека», — подумал он.

Стрелка не дрогнула. Разумеется, разве он говорил неправду?

— Значит, вся ваша раса не живет на Земле? — спросил Тагобар, слегка отклоняясь от списка вопросов. — Не живет в одном городе?

Со вспышкой чистой радости Магрудер увидел, какую чудесную ошибку сделал чужак. Он до сих пор не подозревал, что у землян есть астронавтика. Поэтому, когда он спросил о названии родной планеты Магрудера, тот ответил «Земля». Но чужак думал о Нью-Гавай. Урррра!

— О нет, — правдиво ответил Магрудер, — нас здесь только несколько тысяч. — «Здесь» — означало, конечно, Нью-Гавай.

— Значит, большинство вашего народа бежало с Земли?

— Бежало с Земли? — возмущенно переспросил Магрудер. — Святое небо, конечно, нет! Мы только колонизовали планеты; мы все управляемся одним центральным правительством.

— Сколько вас в каждой колонии? — Тагобар полностью отказался от списка вопросов.

— Не знаю в точности, — ответил Магрудер, — но ни на одной из колонизованных нами планет нет большего количества жителей, чем на Земле.

Тагобар был ошеломлен. Он немедленно отключился от допросной.

Зендоплит был расстроен.

— Вы допрашиваете не по Руководству, — жалобно сказал он.

— Знаю, знаю. Но вы слышали, что он сказал?

— Слышал. — Голос у Зендоплита был унылый.

— Неужели это правда?

Зендоплит выпрямился во весь свой пятифутовый рост.

— Ваше величие, вы можете отклоняться от Руководства, но я не позволю вам сомневаться в работе Детектора Правды. Реальность — это правда; значит, правда — это реальность; Детектор не ошибался с... с... одним словом, никогда!

— Знаю, — поспешно сказал Тагобар. — Но понимаете ли вы значение того, что он сказал? На его родной планете живет несколько тысяч обитателей; на всех колониях — меньше. А его раса насчитывает несколько миллиардов! Это значит, что они заняли около 10 миллионов планет!

— Я понимаю, что это звучит странно, — согласился Зендоплит, — но Детектор никогда не лжет! — Тут он вспомнил, к кому обращается, и добавил: — ваше великолепие.

Но Тагобар не заметил нарушения этикета.

— Это совершенно правильно. Но, как вы сказали, тут есть что-то странное. Мы должны продолжить расследование.

*

Голос Тагобара сказал:

— Согласно нашим расчетам, в этой Галактике мало пригодных для жизни планет. Чем объясняется то, что вы здесь показали?

Быстро переменив точку зрения, Магрудер подумал о Марсе, находящемся на расстоянии многих световых лет отсюда. На Марсе долгое время существовала научная станция, но он чертовски далеко и непригоден для жизни.

— Мой народ, — осторожно произнес он, — способен жить на планетах, где климатические условия сильно отличаются от земных.

Не успел Тагобар спросить еще о чем-нибудь, как у землянина мелькнула новая мысль. Тысячедюймовый телескоп на Луне обнаружил с помощью спектроскопа крупные планеты в туманности Андромеды.

— Кроме того, — смело продолжал Эд, — мы нашли планеты в других галактиках, кроме этой!

Вот! Уж это-то запутает их!

Звук снова был выключен, и Магрудер видел, что оба чужака горячо заспорили. Когда звук появился снова, Тагобар заговорил о другом:

— Сколько у вас космических кораблей?

Магрудер раздумывал над этим целую долгую секунду. На Земле есть с десятков звездолетов — недостаточно, чтобы колонизовать 10 миллионов планет. Он попался!

Нет! погоди! На Гавайи каждые полгода прилетает корабль с припасами. Но на Гавайи нет своих кораблей.

— Космических кораблей? — простодушно переспросил Магрудер. — У нас их нет.

*

Тагобар Верф снова выключил звук и на этот раз даже сделал стену непрозрачной.

— Нет кораблей? Нет кораблей? Он солгал... я надеюсь?

Зендоплит мрачно покачал головой.

— Это абсолютная правда.

— Но... но... но...

— Помните, как он назвал свою расу, — тихо произнес психолог.

Тагобар замигал глазами очень медленно. Когда он заговорил, его голос был хриплым шепотом:

— ...существами с великой силой мысли.

— Вот именно, — подтвердил Зендоплит.

*

Магрудер долго сидел в допросной, не видя и не слыша ничего. Поняли они или нет то, что он сказал? Начали понимать, что он делает? Ему хотелось грызть ногти, кусать руки, рвать волосы; но он заставил себя сидеть спокойно. До конца еще далеко.

Стена вдруг снова стала прозрачной.

— Верно ли, — спросил Тагобар, — что ваша раса способна передвигаться в пространстве единственно силой мысли?

На мгновение Магрудер был ошеломлен. Это превосходило самые смелые его надежды. Но он быстро овладел собою.

«Как человек ходит?» — подумал он.

— Верно, что, используя силы разума для управления физической энергией, — осторожно произнес он, — мы способны передвигаться с места на место без помощи звездолетов или других подобных машин.

Тотчас же стену снова закрыли.

*

Тагобар медленно обернулся и взглянул на Зендоплита. Лицо у психолога стало грязно-красным.

— Кажется, лучше будет созвать офицеров, — медленно произнес он. — Нам попало какое-то чудовище.

Минуты через три все двадцать офицеров огромного «Верфа» собрались в Кабинете психологии. Когда они пришли, Тагобар скомандовал «вольно» и затем обрисовал положение.

— Ну, — сказал он, — что вы предлагаете?

Они совсем не чувствовали себя вольно. Они выглядели напряженными, как тетива лука.

Первым заговорил лейтенант Пельквеш:

— Что сказано в Общей Инструкции, ваше великолепие?

— В Общей Инструкции сказано, — ответил Тагобар, — что мы должны в случае необходимости защищать свой корабль и свой народ. Способы для этого предоставлены на усмотрение командира.

Наступило довольно неловкое молчание. Потом лицо у лейтенанта Пельквеша несколько прояснилось.

— Ваше великолепие, мы можем попросту сбросить на эту планету разрушительную бомбу.

Тагобар покачал головой.

— Я уже думал об этом. Если они могут передвигаться в пространстве одной силой мысли, то они спасутся, а потом отомстят нам за уничтожение одной из своих планет.

Все помрачнели.

— погодите минутку, — сказал Пельквеш. — Если он может передвигаться одной силой мысли, то почему он не ушел от нас?

*

Магрудер увидел, что стена становится прозрачной. Комната за нею была теперь полна чужаков. У микрофона стоял этот Тагобар, большая шишка.

— Нам хочется знать, — сказал он, — почему, будучи в состоянии уйти куда угодно, вы остались здесь? Почему вы не бежите от нас?

Опять необходимо быстро соображать.

— Невежливо со стороны гостя, — сказал Магрудер, — покидать хозяев, не окончив своего дела.

— Даже после того, как мы... гм... наказали вас?

— На мелкие неприятности можно не обращать внимания, особенно если хозяин действовал по глубочайшему неведению.

Кто-то из подчиненных Тагобара прошептал что-то, кто-то заспорил, и тогда послышался новый вопрос:

— Должны ли мы полагать, судя по вашему ответу, что у вас нет на нас обиды?

— Кое-какая есть, — откровенно ответил Магрудер. — Однако я обижен только лично на ваше высокомерное обращение со мной. Могу заверить вас, что мой народ в целом ничуть не обижается ни на ваш народ в целом, ни на кого-либо из вас в отдельности.

«Играй крупно, Магрудер, — сказал он себе. — Ты уже сбил их, надеюсь».

Снова споры за стеной.

— Вы говорите, — спросил Тагобар, — что ваш народ не обижен на нас. Откуда вы это знаете?

— Я могу это утверждать, — ответил Магрудер. — Я знаю, без всякой тени сомнения, в точности, что каждый из моего народа думает о вас в эту самую минуту. Кроме того, разрешите напомнить вам, что мне пока еще не причинили вреда — им не на что сердиться. В конце концов вас ведь еще не уничтожили.

Звук выключен. Снова горячие споры. Звук включен.

— Есть предположение, — сказал Тагобар, — что, несмотря на все обстоятельства, мы были вынуждены взять в качестве образца вас, и только вас. Есть предположение, что вы были посланы нам навстречу.

Ох, братцы! Теперь нужно быть очень, очень осторожным!

— Я — только очень скромный представитель своей расы, — начал Магрудер, главным образом чтобы выиграть время. Но погодите! Разве он не внеземной биолог? — Однако, — с достоинством продолжал он, — моя профессия состоит в том, чтобы находить

инопланетные существа. Я должен признать, что меня назначили на эту работу.

Тагобар, казалось, встревожился еще больше.

— Это значит, что вы знали о нашем прибытии?

Магрудер подумал секунду. Еще столетия назад было предсказано, что человечество в конце концов может встретиться с инопланетной расой.

— Мы давно уже знали, что вы придете, — спокойно сказал он.

Тагобар был явно взволнован.

— В таком случае вы должны знать, где в Галактике находится наша раса; вы должны знать, где находится наша планета.

Опять трудный вопрос. Магрудер взглянул сквозь стену на Тагобара и его подчиненных, нервно столпившихся в комнате.

— Я знаю, где вы находитесь, — произнес он, — и я знаю в точности, где находится каждый из вас.

По ту сторону стены все разом вздрогнули, но Тагобар держался крепко.

— Где же мы расположены?

*

На секунду Магрудер подумал, что они выбили, наконец, почву у него из-под ног. А потом нашел самое лучшее объяснение. Он так долго старался увильнуть, что почти забыл о возможности прямого ответа.

Он с состраданием взглянул на Тагобара.

— Связь с помощью голоса слишком неудобна. Наша система координат будет вам совершенно непонятна, а вы не захотели научить меня своей, если помните. — Это было сущей правдой; дэлы не настолько глупы, чтобы рассказывать образцу о своей системе координат: следы могут привести к их планете; кроме того, это было запрещено Общей Инструкцией.

Снова переговоры за стеной.

Тагобар заговорил снова:

— Если вы находитесь в телепатическом контакте со своими товарищами, то можете ли читать и в наших мыслях?

Магрудер надменно взглянул на него.

— У меня, как и у моего народа, есть свои принципы. Мы не проникаем в чужой разум без приглашения.

— Значит, и весь ваш народ знает местонахождение нашей базы? — жалобно спросил Тагобар.

Магрудер ответил безмятежно:

— Заверяю вас, Тагобар Верфф, что каждый член моей расы на каждой из принадлежащих нам планет знает о вашей базе и о ее местонахождении ровно столько же, сколько и я.

— Кажется невероятным, — сказал Тагобар через несколько минут, — что ваша раса до сих пор не имела контакта с нами. Наша раса очень древняя и могучая, и мы захватили планеты на доброй половине Галактики, и все же мы ни разу не встречали вас и не слыхали о вашем народе.

— Наша политика, — ответил Магрудер, — состоит в том, чтобы стараться не обнаруживать своего присутствия. Кроме того, у нас нет споров с вами, и мы не имели никакого желания отнимать у вас ваши планеты. Только когда какая-нибудь раса становится глупо и неразумно воинственной, мы берем на себя труд показать ей свое могущество.

Это была длинная речь, быть может, слишком длинная. Держался ли он строгой истины? Один взгляд на Зендоплита сказал ему это; Главный психолог не отрывал своих черных бусинок-глаз от стрелки прибора во все время беседы и выглядел все более и более озабоченным по мере того, как прибор указывал ему на неизменную правдивость ответов.

Тагобар был положительно встревожен. По мере того как Магрудер привыкал к чужакам, он все более и более мог читать по их лицам. В конце концов у него было большое преимущество: они сделали ошибку, выучив его своему языку. Он знал их, а они его не знали.

Тагобар сказал:

— Значит, были другие расы... гм... которые вы покарали?

— За мою жизнь этого не было, — ответил Магрудер. Он подумал о неандертальцах и добавил: — До меня была раса, бросившая нам вызов. Она не существует больше.

— За вашу жизнь? Каков же ваш возраст?

— Взгляните на ваш экран, на планету внизу, — торжественно произнес землянин. — Когда я родился, ничего из того, что вы видите, на Земле не было. Материки на Земле были совсем не такие; моря были совсем другие.

На Земле, на которой я родился, есть обширные полярные шапки; взгляните вниз, и вы их не увидите. И мы не сделали ничего, чтобы изменить планету, которую вы видите; все изменения на ней произошли путем длительного процесса геологической эволюции.

— Глик! — Этот странный звук вырвался у Тагобара как раз в тот момент, когда он выключал и звук и стену.

«Совсем как старый фильм в кино, — подумал Магрудер. — Звука нет, и картина все время рвется».

Стена больше не делалась прозрачной. Вместо этого примерно через полчаса она беззвучно скользнула в сторону, открывая весь офицерский состав «Верфа», стоявший навтыжку.

«Вольно» стоял только Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фенигвиснока, и даже теперь его лицо казалось менее пурпурным, чем всегда.

— Эдвин Питер Сент Джон Магрудер, — торжественно заговорил он, — в качестве командира этого корабля, Нобила Великой Империи и представителя самого императора, мы желаем предложить вам самое искреннее гостеприимство. Действуя под ошибочным впечатлением, будто вы представляете собою низшую форму жизни, мы обращались с вами недостойно и в этом смиренно просим у вас извинения.

— Не стоит, — холодно произнес Магрудер. — Теперь вам остается только опуститься на нашу планету, чтобы ваш народ и мой могли договориться, к нашему взаимному удовлетворению. — Он окинул их взглядом. — Вольно, — добавил он повелительно. — И принесите мою одежду.

Что именно станется с кораблем и с чужаками, когда они опустятся, он не был уверен; придется предоставить решение президенту планеты и правительству Земли. Но он не видел больших трудностей впереди.

Когда «Верф» опустился на поверхность планеты, его командир пододвинулся к Магрудеру и смущенно спросил:

— Как вы думаете, понравится ли мы вашему народу?

Магрудер бегло взглянул на Детектор лжи. Детектор был выключен.

— Понравитесь ли вы? Да в вас просто влюбятся! Ему до тошноты надоело говорить правду.

ВАЦЛАВ КАЙДОШ
(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

ДРАКОН

— Если ты солгал, я убью тебя как собаку!

— Я не лгу, господин, никогда бы не солгал...

— Если ты лжешь, я затравлю тебя собаками...

Пятнистые псы, бежавшие рядом с конем, начали нюхать воздух, их красные языки шевелились в разинутых пастьях.

— Я не лгу, господин, — устало произнес старик, но всадник его не слушал.

— Чертовски жарко, — сказал он, снимая высокий шлем и вытирая лоб красным шелковым платком. «Настоящий эфесский товар, — подумал старик, — эти высокие господа пользуются роскошью мусульманских язычников, а стоит простому человеку только вдохнуть воздух с востока, они гонят его на костер». Он вздохнул.

— Это скоро, господин.

Деодат де Гозон, рыцарь ордена св. Иоанна Родосского, повесил шлем у луки седла и похлопал коня по шее. Впереди забелели стены небольшой, полуразрушенной церквушки. Местность была забыта богом, а те, кто построил церковь, исчезли, как исчезли поля и виноградники в этой части острова. Голые, сухие скалы, пыль и ветер, расчесывающий сухую траву. Высокая белая скала торчала, словно костля-

вый палец — а залив плескался синевой у ее обрывистого склона.

Конь остановился и беспокойно зафыркал.

— Что с тобой? — ласково спросил его Деодат и погладил по мягкой гриве.

Крестьянин повернулся. На его смуглом лице была маска терпения — зной и нужда избородили его морщинами. Только глаза оставались ясными.

— Это церковь святого Стефана, ее построили еще византийцы, господин.

— А что, дракон не боится святых? — насмешливо спросил рыцарь.

Старик перекрестился.

— Он там, дальше, — поспешно сказал он, указывая дрожащей рукой направо, в сторону утеса, что был обращен к морю.

Шпора врезалась коню в бок, он рванулся вперед, но рыцарь, смеясь, удержал коня. Обе собаки, измученные зноем, кинулись за ним следом.

Рыцарь наклонился с седла.

— Послушай, старик, а ты его видел?

Крестьянин ударил себя в грудь.

— Как тебя, господин!

— Расскажи.

Старик покачал головой.

— Мои ребята пасли овец под скалой, там, где пещера. Из пещеры течет ручей, и овцы пьют из него. Это было около полудня, я шел туда и видел все очень ясно...

— Что ты видел?

— Он появился внезапно...

— Как он выглядел?

— Голова как у змеи, а уши длинные, словно у осла. Сам величиной с быка, а на спине крылья, такие, как плавники... или нет... скорей как у нетопыря, да, у нетопыря, только огромного... И пасть тоже огромная, а глаза — словно адский огонь... да хранит нас святой Стефан... — добавил старик шепотом и снова перекрестился.

Синьор де Гозон откашлялся, но ничего не сказал. Старик зажмурился.

— Это было страшное зрелище — ребята, конечно, сбежали, и я, клянусь, даже не мог упрекнуть их за это. Он трех овец сожрал! — вдруг вскричал старик в порыве запоздалого отчаяния.

— Для дракона это немного.

— Знаете, господин, эта тварь очень быстрая. Накинулся на них, как лисица на кур... Через неделю такое же случилось с Джузеппе Гринальди и его соседями... С тех пор мы не пасем овец в долине, а какие там пастбища, боже мой! — добавил он со вздохом.

— Вы бабы, — жестко произнес рыцарь.

— Может быть. — Старик пожал плечами. — Мы не воины, но волков не боимся. Волков не боимся, — повторил он, — но это... это чудовище — кара божья, — добавил он смиренно.

Они продолжали путь молча, миновали церковь и погрузились в тень узкой лощины. Рыцарь снова надел шлем. Тропа исчезла в густой траве, а скалы дышали влагой и плесенью. И еще чем-то...

Первыми остановились собаки. Понюхали воздух, подняв морды, короткая шерсть на их спинах встала дыбом, из полуоткрытых пастей вырвался жалобный вой. Конь беспокойно переступал с ноги на ногу. По ложине веял ветер, он приносил с собой запах соли, моря и еще — пронзительный запах мускуса. Переход от раскаленной каменистой пустыни к этому темному закоулку был очень резок.

— ...а вон там — Мальпасо, «злое место», — произнес старик и остановился, указывая на нависшую скалу, отчасти перегородившую дно долины. — По другую сторону есть пещера, он там живет... Вы еще можете вернуться, господин, — с отчаянием договорил он.

У молодого рыцаря от страха на миг перехватило дыхание. Но он взял себя в руки и прыгнул с коня. Бросив поводья старику, сказал:

— Подожди меня тут, Джеронимо. — Он кивнул на коня. — Жаль отдавать его дракону, правда? — И добавил усмехнувшись: — Я вернусь...

Старик быстро схватил руку рыцаря и несколько раз поцеловал.

— Ты добр, господин, ты помогаешь беднякам, ты не боишься запрета Гроссмейстера, но если у тебя есть... есть хоть крупица сомнения, лучше вернись! Лучше вернись, мы сумеем понять. Ты добр, господин, — повторял он беззубым ртом.

Молодой человек вырвал руку и нахмурился. Начальник ордена, Эллион де Вилланова, издал эдикт, запрещавший кому бы то ни было — рыцарю или простолюдину, — приближаться к проклятому месту на десять поприщ под угрозой лишения чести и жизни. Трудно сказать, что заставило его издать столь строгий приказ, — вероятно, он не хотел рисковать жизнью своих рыцарей: ведь не о крестьянских же стадах он заботился. Может быть, начальник ордена думал, что это вовсе не дракон, а карающая рука господня и кощунство мешать чудовищу в его делах...

Де Гозон потряс головой и быстро перекрестился. Позорно давать чудовищу свободу действия на острове Родосе, где сидят без дела столько отважных рыцарей; и невысказанно, чтобы он, рыцарь из благородного гасконского семейства, не вызвал дракона на бой так, как вызвал бы любого сарацина.

Он опустил забрало, откинул черный плащ с белым восьмиконечным крестом и схватил в левую руку щит со своим гербом. Идти было неудобно, хотя на нем были только легкий панцирь и шлем. К счастью, в лощине было прохладно. Но как только он обошел выступ, тень отошла, и металл начал раскаляться на знойном солнце. Пришлось поднять забрало.

Он остановился.

Справа уступами поднимался утес, противоположная сторона которого была обращена к морю. На склоне чернело темное устье пещеры. Мускусный запах усилился. Де Гозон задрожал, он ощущал удары сердца в груди, как удары молота. Ноги превратились в свинец, и он медленно заковылял к пещере, опираясь на ясеневое копьё, как на посох. Чем ближе подходил он к входу, тем гуще становился резкий запах, но не только тошнота отнимала у него отвагу — в этом запахе было что-то зловеще знакомое, нечеловечески свирепое и далекое, что-то от давно за-

бытых времен, когда еще не было человека, а на земле, по допущению господнему, кишела какая-то дикая дьявольская жизнь...

Он крикнул, преодолевая сухость в горле:

— Так вылезай же, выходи, если не боишься!

Эхо загудело и затихло в чаще лавровых рощиц, тишина легла в лощину. Тихо. Только ручей журчит и издали глухо шумит море.

Страх прошел. Рыцарь зашагал дальше, подставляя лоб прохладному ветерку. Спотыкаясь среди камней, обходя отдельные глыбы, он приближался к пещере.

— Во имя господа вызываю тебя на бой — выйди, покажись, померяемся силой!

«Силой, силой!» — повторяло эхо. Мускусный запах усилился. Страх вернулся и теперь душил его. Он хотел кричать, хотел стряхнуть с себя ужас, а повсюду было тихо — и нигде никого!

Потом послышался звук. Лай. Да, отдаленный, но все приближающийся лай: оба пса вырвались у Джеронимо и следовали за своим хозяином. Собакам удалось разорвать оковы страха, которыми опутал их мускусный запах.

Ощувив их сухие, шершавые языки на своей руке, он стряхнул с себя страх и двинулся вперед почти весело. Вызывающе взглянул вверх, на черное устье пещеры, повесил меч через плечо и крепко схватил копьё. Покачал его в руке, с удовольствием глядя на мигающие отблески солнца на остром трехгранном наконечнике. Шагнул вперед еще раз и...

Нога у него зацепилась за что-то мягкое; поскользнувшись, он упал навзничь, в ноздри ему ударил резкий запах гления. Запах был так страшен, что все поплыло у него перед глазами: утесы, скалы, пещера и синее небо уходили все выше, все выше... Изнемогая от тошноты, он корчился в судорогах. Потом медленно приподнялся на локте и увидел это.

Подле него лежала груда скользкой, вонючей кожи, путаница кожистых перепонок, продолговатая голова с большим рогом и огромным немигающим гла-

зом. Казалось, глаз зловеще следит за ним, но это было иллюзией. Чудище было мертво.

Да, это был дракон — чудовище, о которых рассказывают сказочники и певцы баллад, — огромный и страшный, хотя он не шевелится и хотя солнце, ударившее в скалы, превратило его в груды вонючих отбросов...

Деодат де Гозон задрожал. Ему удалось представить, что делало это чудище, — представить себе, на что мог бы надеяться рыцарь в борьбе с ним. Оно было большое, оно было огромное — куда крупнее быка, и, лежа на боку, доходило рыцарю почти до пояса, а его крылья летучей мыши, на которых рыцарь поскользнулся, покрывали землю вокруг, словно рыжий ковер.

Деодат запрокинул голову и засмеялся дико и счастливо. Он ощущал облегчение: значит, все кончено, вот тут лежит у его ног это чудовище, это пугало. Даже рукой не нужно шевелить, все кончено, — пела в нем душа.

Он вытащил меч и отрезал отвратительную голову; это было трудно, она была тяжелая, а ему не удавалось подавить дрожь, когда он касался ее рукой в железной рукавице. Бросил голову в тень скалы и, спотыкаясь об остатки овечьих скелетов, зашагал к пещере.

В пещере было холодно, холодней, чем на дне ложины. Запах дракона был настолько силен, что полностью подавил все другие ощущения, — резко проникал в нос, а оттуда куда-то в мозг. Рыцарю удалось подавить второй приступ тошноты. Вдруг он остановился, словно окаменев.

Опять на него смотрел неподвижный глаз, а у стены пещеры темнело что-то, словно огромная бурая тень. Минуты шли, и капли холодного пота отмеряли время. Ничего. Тишина, плесень и тень. Ничего больше...

Потом он засмеялся так громко, что сам чуть не оглох: только дурак боится дохлятины, а это был еще один дохлый дракон — лежал тут и разлагался, как и первый, правда, в пещере разложение зашло не так

далеко, как снаружи, на горячем солнце. Однако рыцарь все же заслонился щитом, когда подходил к трупу, и быстро кольнул его копьем. Острие без труда прошло сквозь гладкую чешуйчатую кожу — это было удивительно и противоречило сказкам о непроницаемости драконовой чешуи.

Он медленно вытащил копье и, переступая через разбросанные кости, вышел из пещеры.

У входа он опустился на колени и молился горячо и долго. Два дракона лежат тут мертвые, и остров избавлен от их угрозы, — разве это не награда для отважного мужа, если он победил страх в своих мыслях? Разве ужас, сковывающий движения и отнимающий разум, не страшнее и не губительнее, чем эти чудовищные драконы? А он превозмог свой страх, и ему по праву принадлежит теперь имя истребителя драконов, как и патрону всех отважных рыцарей, святому Георгию, убивавшему драконов, гораздо меньших, чем эти, — всякий может в этом убедиться, всякий, кто видел изображение святого.

*

Он вернулся на место первой встречи с чудовищем как раз вовремя, чтобы помешать обоим собакам злобно драться из-за больших кусков черного драконьего мяса.

— Убирайтесь, негодные! — кричал он и бил их. Никому не хочется лишиться прекрасных английских догов, а известно, что мясо драконов так же ядовито, как их дыхание. Де Гозон перекрестился, насадил голову первого дракона на копье, положил древко на плечо. Копье слегка прогнулось под тяжестью, но выдержало; он хрипло запел первую строфу песни во славу пресвятой девы и святого Иоанна, покровителя ордена. О том, что он преступил запрет Гроссмейстера, Деодат даже не подумал. Он победил дракона — он сам в это поверил — и начал мысленно упиваться предвкушением всеобщего изумления и славы, которая увенчает его молодую голову, когда он положит свой чудовищный трофей перед строгим Виллановой.

Он спускался по озаренному солнцем склону к темной границе тени, падавшей сюда от противоположного склона. Мир был прекрасен, а солнце светило ярче прежнего.

И тут в долине прозвучал вибрирующий аккорд. Нет, это не была музыка, лишь несколько звуков, вкрадчивых и мелодичных, сливавшихся воедино. Казалось, звук идет из недр горы, пронизывает воздух, скалы и море, наполняет весь мир. Солнце потемнело.

Деодат уронил копье и прижал обе руки к ушам, но это не помогло, ибо звук отдавался и усиливался в шлеме. Оба пса, очевидно, выли — он не слышал ничего, но видел, как они судорожно ловят воздух... А потом звук оборвался, как лопнувшая нитка. Его сменила пестрота звуков, которые он заглушал: шелест листьев в лавровой роще, журчание ручья, карканье ворон и шум моря за горой. Все это чуть не оглушило рыцаря.

А перед ним на небольшом расстоянии возникло темное облако, округлое и изменчивое, — облако растягивалось и ширилось, облако набухало и пульсировало медленными, ленивыми движениями. Темнота отступала и меняла форму, форма была неопределенной...

Вдруг солнечные лучи блеснули на зеленоватой чешуе и бесформенном роге, на длинном птичьем клюве с двумя рядами мелких, но очень острых зубов, на красноватом светящемся глазе... Да, перед Деодатом стоял третий дракон! На этот раз живой, огромный и страшный.

Длинная голова вертелась на змеиной шее, она была тяжела и падала чудовищу на чешуйчатую грудь, слабые задние ножки не могли удержать тяжести тела, и оно опиралось на огромные кожистые крылья, по концам которых сжимались и разжимались три когтистых пальца. Казалось, дракон ошеломлен не менее рыцаря. Голова отчаянно и тщетно ловила знакомые запахи, но не могла поймать. Дракон чуял рыцаря. Ужас, угрызения совести за преждевременное торжество, тупой фатализм — да, он решился на святотатство из необузданной гордости, он преступил за-

прет, и это его кара. Господь послал третьего из слуг своих, дабы покарать преступника. Деодат опустил голову...

Тут дракон приподнялся на крыльях и неуклюже прыгнул. Первыми опомнились собаки. Видя, что их хозяину грозит опасность, они кинулись на чудовище, хватая его за задние лапы. Одному псу это удалось, другой прыгнул прямо на красную морду ящера. «Щелк-щелк», — раскрылись и сомкнулись зубастые челюсти. По обе стороны морды брызнули струи алой крови.

Это было приятно — ящер почуял запах крови, — правда, это было не то, что знакомая сладкая кровь ихтиозавров, но и она годилась. Глаза прищурились, и он стал жадно глотать добычу. Другой пес еще свирепее вцепился дракону в лапу, но тут засвистело двухметровое крыло, и злосчастное животное упало рядом с чудовищем: у него была переломлена спина.

Уже второй раз показали четвероногие слуги молодому рыцарю, что такое отвага. Все было страшно; та почти небрежная легкость, с которой чудовище справилось с двумя сильными догами, не оставляла никакой надежды. О бегстве нечего было и думать: дракон догнал бы его несколькими прыжками. Оставалось только умереть. Оставалось биться.

Он опустил забрало, схватил с земли копьё и быстро замахнулся. Оно проткнуло змеиную шею паразитительно легко, но чудовище, казалось, даже не почувствовало этого.

Одним прыжком дракон очутился рядом с рыцарем, и тот едва успел выхватить меч. Он знал, что погиб, видел бездну, окаймленную рядами зубов. Ударил в нее, ударил изо всех сил, ибо это был его последний удар, и в него он вложил всю свою силу...

...и упал на каменистую почву, держа в руках меч, который при ударе о камень сломался надвое.

Ибо там, где только что стояло чудовище, не было ничего — только озаренный солнцем воздух. Дракон исчез. И если б Деодат де Гозон не был так потрясен — он услышал бы тот же вибрирующий звук, при котором дракон появился...

Сквозь туман смотрело кровавое око солнца. Оно медленно поднималось прямо из моря, над которым лежал туман, снизу белый, вверху красный. Туман рвался, вился, сплетался в поразительные образы, прежде чем опять соткать серый, непроницаемый покров. Было раннее утро, пора охоты. Пусть только туман развеется...

— Когда туман развеется, они придут, — сказал тот, который был повыше ростом.

— Когда туман разойдется, мы пойдем. В такую жару, — прохрипел толстяк.

— За эти четырнадцать дней мы успели довольно много.

Другой захохотал:

— Девять водяных, а летающих — ни одного. Двое от нас ускользнули. Неудача. А мы начинаем снова и снова... Мне это надоело.

Его товарищ усмехнулся:

— Лучше всего было бы ловить их в сеть — только сеть и годится... — Он встретился с недовольным взглядом треугольных глаз. — А Совет опять вспомнил об этих летающих. Пусть бы речь шла о водяных травоядных, но эти крылатые... Самые мерзкие животные на планете! — Он повернулся и тоскливо взглянул на Базу.

База была врезана в стометровый обрыв известнякового утеса, высоко над заливом. Ее прозрачный восьмигранник смотрел на рыжевато-зеленые леса плаунов и хвощей, которые поднимались по окрестным склонам и отражались в недвижной воде прибрежных болот и болотцев.

Они стояли на наблюдательном пункте, метрах в тридцати ниже Базы, в конце узкой лесенки, высеченной в известняковой стене. Под ними шумело море с белой гривой прибоя, правда, в этот ранний час его не было видно, а туман заглушал шум моря. Было жарко и влажно.

Толстяк задыхался, по гладкому, серо-зеленому лицу стекали капли пота, словно бусины. Высокий

дышал глубоко, и ему казалось, что с каждым вздохом он глотает горячую воду.

— Сейчас начнется, — утешал он себя и товарища.

Ветер подул снова. Туман на мгновение сгустился, закипел, и на наблюдательную площадку, где они стояли, водопадом обрушился теплый дождь. Это продолжалось только мгновение, но им пришлось схватиться за металлическую ограду, чтобы тяжесть воды не придавила их к земле. Когда дождь перестал, они ощутили облегчение, словно с них свалился тяжелый груз. Ливень продолжался только минуту.

Начался зной. Остатки туманных струй плясали на зеленых волнах и таяли перед глазами. Необозримая серебряная гладь сияла так, что они должны были прикрыть глаза, привыкшие к более кроткому, не такому свирепому солнцу.

Волны ласково гладили белый песок, рассыпали на нем ожерелья пены и снова отступали. Но по морской глади пробегал не только ветерок: иногда ее прорезал колющий гребень, и там вода кружилась и вскипала. Иногда на поверхности воды показывалась отвратительная зубастая пасть и исчезала в пучине, как тяжелый сон.

— Готовься, они близко, — сказал высокий, перегнувшись через ограду.

Толстяк вошел в прозрачный купол, вокруг которого ограда образовывала узкий балкон, и сел за пульт. Что-то звякнуло, и купол двинулся. Он вращался. Спиральный пояс из полупрозрачного, изумрудно-зеленого вещества скользил вокруг него, как гигантский змей. На вершине он оканчивался выпуклой сетчатой чашей, которая вращалась вместе с куполом.

— Вот они, вот они! — закричал высокий.

Его товарищ нажал кнопку, и экран перед ним ожил. На нем появились волны и часть песчаного берега. Несколько движений щупальцеобразных пальцев прибора навели изображение на резкость. Теперь он видел то же, что и его товарищ снаружи, но гораздо подробнее.

Потом показались они.

Высоко в прозрачном воздухе плясало несколько точек. Море исчезло, только белое небо простиралось вдаль и в высоту. На экране была отвратительная, длинная морда с длинным, резко заостренным клювом, с рогом, торчащим на затылке. Серая, словно заплесневелая кожа чудовища была усеяна блестящими каплями, кровавые глаза пылали алчностью и злобой. Осторожным, почти незаметным движением наблюдатель передвинул изображение и передал управление роботу. Тот отметил координаты и больше не выпускал чудовище с экрана.

— Великолепный экземпляр, — проговорил за спиной у толстяка высокий, неслышно войдя в купол.

Это был действительно великолепный экземпляр. Огромные кожистые крылья имели в размахе почти восемь метров, а зеленовато-бурое туловище заканчивалось коротким хвостом. На концах крыльев сжимались и разжимались три когтистых пальца. Ящер величаво рассекал воздух, от него веяло древней чудовищной свирепостью. Оба наблюдателя чувствовали это и были благодарны своему прочному, прозрачному укрытию и мощному силовому полю, защищавшему их от кошмаров молодой планеты.

Ящер круто спустился к волнам, за ним и другие, но на других они даже не смотрели с той минуты, как увидели этого первого. Кожистые паруса крыльев ударились о волны, и чудовище тяжело, враскачку, словно утка, разбежалось по воде и набрало высоту. В зубастой пасти у него бился небольшой рыбащер, и его кровь стекала с длинных челюстей, словно алая лента. Крылатый медленно повернулся к наблюдателям хвостом, и по резким движениям головы на длинной змеиной шее было видно, что еще на лету он утоляет свой голод.

— Внимание, следите, чтобы он не ушел, — нервно и бесцельно сказал высокий. На углу экрана показалась прозрачная звезда, она приближалась к центру. Это робот наводил гравитоновую пушку. Раздался пронзительный звук и снова утих.

— Попал, попал! — взволнованно вскричал толстяк.

Чудовище словно замерло и начало падать. При этом оно поворачивалось неуклюже и как-то неподвижно, словно камень. Тяжелая голова опустилась, а кончик тупого хвоста торчал к небу. Он падал все быстрее, все ниже, ниже...

А теперь наступило самое трудное.

Научная экспедиция должна была взять с третьей планеты как можно больше образцов, и для этой цели Научный Совет снабдил ее новейшим изобретением — гравитоновой пушкой. Пушка действовала автоматически, только бы цель попала в поле зрения экрана, а робот позаботится о дальнейшем. Прежде всего он парализовывал выбранный экземпляр мощным электромагнитным разрядом, а потом, резко меняя колебания, превращал электромагнитное поле в гравитационное и транспортировал пойманное животное в обширные помещения, расположенные в известняковых утесах под Базой. На специально оборудованных звездолетах добычу приводили в состояние анабиоза и отвозили на родную планету.

Трудность состояла в правильном обращении с гравитоновой пушкой. Это оружие было новым, и робот не всегда функционировал надежно. Экспедиция добилась разрешения испытать новое изобретение только благодаря волнующим рассказам о богатстве чудовищных видов животных на исследуемой планете.

— Переключи, — бросил высокий. — Не то он утонет...

— Он еще не на уровне станции, — прошептал толстяк, но его товарищ не владел собою.

Он наклонился к пульту и всеми тремя пальцами ударил по фиолетовым клавишам в центре. В помещении зазвенел мелодичный аккорд, и на мгновение показалось, что скала под ними разверзнется. Солнце снаружи потемнело.

Но нет, это было иллюзией, солнце светило над бурным Юрским морем, как и раньше, а стволы хвощей тянулись к нему. Все было как и раньше...

Кроме ящера. Ящер исчез.

— ...как и те двое перед ним, — произнес толстяк печально, но без упрека.

— Этого я себе не прощу, — пробормотал высокий после небольшого молчания. — Третий крылатый пропал. Биологи проклянут нас, а о физиках и говорить нечего...

Толстяк некоторое время молчал. Треугольные глаза сузились и превратились в вертикальные щелочки на зеленоватом лице.

Потом он произнес:

— Попытаемся инвертировать поле — может быть, еще не поздно...

— Ты с ума сошел — для этого нужно просить разрешение Совета, — обратный ход может уничтожить машину...

— Но другого выхода у нас нет: нужно нащупать нуль-пространство, где исчезло животное.

Другой пожал плечами, покоряясь. В конце концов если опыт не удастся, то у них по крайней мере будет сознание, что они сделали все возможное.

Толстяк снова сел к пульту, три его пальца забегали по клавишам, и снова им показалось, что скала под ними дрожит, а солнце над куполом гаснет.

— Держи его, держи так... — закричал высокий, чуть не прыгая под прозрачной кровлей.

Медленно, очень медленно возникло изображение ящера метрах в ста над морем — сначала нерезкое, потом все более отчетливое. Толстяк теперь весь ушел в манипуляции с прибором, его движения были осторожными, почти незаметными.

Падение ящера внезапно прекратилось в нескольких метрах над поверхностью моря, словно в воздухе его подхватила незримая рука; она понесла его в сторону утеса, а там неуклюжее существо начало подниматься к Базе. Несомый вихрем гравитонов, оцепеневший и оглушенный ящер подплыл к скалистому обрыву, металлические ворота открылись и поглотили его. Дальнейшее было уже делом препараторов.

Оба охотника вышли из наблюдательной башенки и поспешили по лестнице наверх, к Базе. Лифт под-

нял их в обширные залы с образцами. В препараторской они застали начальника Базы и препаратора. Оба были возбуждены и жестикулировали.

— Что случилось? — спросил высокий.

— Вот что, — коротко ответил начальник. Толстяк поспешно стал объяснять ему происшедшее, но вдруг умолк и вытаращил глаза.

— Вот это мы вытащили у него из шеи, — произнес начальник.

На столе лежал необычный предмет. Длинный, странно окрашенный стержень, заканчивающийся острым трехгранным наконечником.

— Растение? — спросил высокий.

— Едва ли. Но, — указал препаратор на стержень, — вероятно, растительного происхождения, хотя мы еще не находили на планете подобных образцов. — Он указал на наконечник. — А вот это несомненный металл. Обработанный металл.

Наступило молчание.

— Я немедленно сообщу о находке Совету, — произнес начальник. Потом обратился к обоим охотникам: — Есть у вас точные данные о частоте колебаний в момент инверсии?

Оба жалобно переглянулись, и толстяк потупился.

— Мы об этом забыли, а робот наверняка уже это вычеркнул.

Начальник покачал головой. Кожа на высоком гладком черепе собралась у него поперечными складками.

— Жаль, — кажется, это ваше нуль-пространство забросило ящера куда-то, где живут разумные существа — существа, умеющие обрабатывать металл и выделывать орудия, — произнес он.

Все трое глядели на него, не понимая.

— Но ведь на этой планете нет условий...

Начальник устало прикрыл глаза.

— Я говорю не о пространстве, а о времени. Кажется, вы сделали замечательное открытие, а ящера зашвырнули куда-то далеко в будущее.

— К его потомкам, — тихо добавил препаратор.

Толстяк нервно откашлялся. Ему было досадно,

что он забыл данные, без которых нельзя было вести дальнейших опытов.

Высокий с неудовольствием взглянул на ящера, лежавшего в анабиотическом сне посреди огромной искусственной пещеры.

*

Хроника повествует, что отважный убийца дракона, Деодат де Гозон, не получил за свой подвиг заслуженной награды. По крайней мере сразу.

Когда он предстал перед строгим Гроссмейстером и положил к его ногам отвратительную отрубленную голову, — разумеется, от первого дракона, — старик разгневался и приказал, чтобы за нарушение запрета рыцаря немедленно заключили в темницу. Но тем временем по всему острову Родосу разошлось известие о том, что дракон убит, и народ, чувствуя, что отблеск славы героя падает и на него, просил Гроссмейстера отменить свой приговор. Эллион де Виллана, оценив заслуги рыцаря, сделал это и дал де Гозону одно из высших в ордене званий.

И потому под скульптурой героя, которую сохранила нам история, стоит следующая надпись:

«Бр. Деодат де Гозон. Сей муж отважно дракона, преогромного и ужасного и злосчастных родосских поселян пожиравшего, убил, после чего был избран Гроссмейстером ордена в году 1349 милости господней».

Так эта история оканчивается, хотя и без обычной прекрасной принцессы. Ее вы найдете разве что в сказках...

АЙЗЕК АЗИМОВ
(США)

УРОДЛИВЫЙ МАЛЬЧУГАН

Как всегда, прежде чем открыть тщательно запертую дверь, Эдит Феллоуз поправила свой рабочий халат и только после этого переступила ту невидимую линию, что отделяла реальный мир от несуществующего. При ней были ее записная книжка и авторучка, хотя она с некоторого времени не вела больше систематических записей, прибегая к ним только в случае крайней необходимости.

На этот раз она несла с собой чемодан. «Это игры для мальчиков», — улыбнувшись, объяснила она охраннику, который давным-давно уже перестал задавать ей какие бы то ни было вопросы и лишь махнул рукой, пропуская ее.

Как всегда, уродливый мальчуган сразу же почувствовал ее присутствие и, плача, бросился ей навстречу.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, — бормотал он, произнося слова мягко и слегка невнятно, в свойственной одному ему манере.

— Что случилось, Тимми? — спросила она, проводя рукой по его бесформенной головке, поросшей густыми коричневыми космами.

— Джерри вернется, чтобы опять играть со мной? Мне очень совестно за то, что произошло.

— Не думай больше об этом, Тимми. Из-за этого ты и плачешь?

Он отвернулся.

— Не совсем, мисс Феллоуз. Дело в том, что я снова видел сон.

— Опять тот же сон? — Мисс Феллоуз стиснула зубы.

Конечно же, эта история с Джерри должна была вызвать у мальчика старое сновидение.

Он кивнул, пытаясь улыбнуться, и его широко растянувшиеся, выдающиеся вперед губы обнажили слишком большие зубы.

— Когда же я, наконец, достаточно подрасту, чтобы выйти отсюда, мисс Феллоуз?

— Скоро, — мягко ответила она, чувствуя, как сжимается ее сердце, — скоро.

Мисс Феллоуз позволила Тимми взять себя за руку и с удовольствием ощутила теплое прикосновение грубой сухой кожи его ладони. Он повел ее через комнаты, которые составляли Первую Секцию Статиса, комнаты, несомненно достаточно комфортабельные, но тем не менее являвшиеся для семилетнего (семилетнего ли?) уродца местом вечного заключения.

Он подвел ее к одному из окон, выходившему на покрытую низкорослым кустарником лесистую местность (скрытую сейчас от взоров ночной мглой). Прикрепленные к забору специальные объявления запрещали кому бы то ни было находиться поблизости без особого на то разрешения.

Он прижался носом к оконному стеклу.

— Я смогу выйти туда, мисс Феллоуз?

— Ты увидишь места гораздо лучше, красивее, чем это, — грустно ответила она, глядя на несчастное лицо маленького заключенного.

На его низкий скошенный лоб пучками свисали спутанные пряди волос. Затылочная часть черепа образовывала большой выступ, голова ребенка казалась непомерно тяжелой, склоняясь вперед, заставляла его сутулиться. Уже начали разрастаться, растягивая кожу, надбровные дуги. Его мас-

сивный рот гораздо больше выдавался вперед, чем широкий приплюснутый нос, а подбородка не было и в помине, только челюстная кость, мягко уходившая вниз. Он был слишком мал для своего возраста, неуклюж и кривоног.

Это был невероятно уродливый мальчик, и Эдит Феллоуз очень любила его.

Губы ее задрожали — она могла позволить себе сейчас такую роскошь, ее собственное лицо находилось вне поля зрения ребенка.

Нет, они не убьют его. Она пойдет на все, чтобы воспрепятствовать этому. На все. Она открыла чемодан и начала вынимать оттуда одежду для мальчика.

*

Эдит Феллоуз впервые переступила порог акционерного общества «Стасис Инкорпорейтэд» немногим более трех лет назад. Тогда у нее не было ни малейшего представления о том, что крылось за этим названием. Впрочем, этого в то время не знал никто, за исключением тех, кто там работал. И действительно, ошеломляющее известие потрясло мир только на следующий день после ее поступления. А незадолго до этого они дали лишь лаконичное объявление, в котором приглашали на работу женщину, обладающую знаниями в области физиологии, опытом в медицинской химии и любящую детей. Эдит Феллоуз работала сестрой в родильном отделении и посему пришла к выводу, что отвечает всем этим требованиям.

Джеральд Хоскинс, доктор физических наук, о чем свидетельствовала укрепленная на его письменном столе пластинка с соответствующей надписью, потер щеку большим пальцем и принялся внимательно ее разглядывать.

Инстинктивно сжавшись, мисс Феллоуз почувствовала, что у нее начинает подергиваться лицо.

Сам-то он отнюдь не красавец, с обидой подумала она, лысеет, начинает полнеть, да вдобавок выражение губ у него какое-то угрюмое, замкнутое... Но так как сумма, предложенная за работу, оказалась зна-

чительно выше той, на которую она рассчитывала, мисс Феллоуз решила не торопиться с выводами...

— Итак, значит вы действительно любите детей? — спросил Хоскинс.

— В противном случае я не стала бы притворяться.

— А может быть, вы любите только хороших детей? Эдаких прелестных сюсюкающих херувимчиков с крошечными носиками?

— Дети всегда остаются детьми, доктор Хоскинс, — ответила мисс Феллоуз, — и случается, что именно некрасивые дети больше других нуждаются в поддержке.

— Предположим, что мы возьмем вас...

— Вы хотите сказать, что согласны нанять меня?

На его широком лице мелькнула улыбка, придав ему на какой-то миг странную привлекательность.

— Я быстро принимаю решения, — сказал он. — Пока что я еще ничего не предлагаю вам и вполне могу отпустить вас ни с чем. А сами-то вы готовы принять мое предложение?

Стиснув руками сумочку, мисс Феллоуз со всей быстротой, на которую она была способна, стала подсчитывать в уме те выгоды, которые сулила ей новая работа, но, повинувшись внезапному импульсу, отбросила вдруг все расчеты.

— Да.

— Прекрасно. Сегодня вечером мы собираемся присутствовать при этом, и я думаю, что вам следует присутствовать при этом, чтобы сразу же приступить к своим обязанностям. Это произойдет в восемь часов вечера, и я надеюсь, что увижу вас здесь в семь тридцать.

— Но, что...

— Ладно, ладно. Пока все.

По сигналу вошла улыбающаяся секретарша и вывела ее из кабинета.

Выйдя, мисс Феллоуз какое-то время молча смотрела на закрытую дверь, за которой остался мистер Хоскинс. Что такое Стасис? Какое отношение к детям имеет это огромное, напоминающее сарай здание,

служащие с прикрепленными к одежде непонятными значками, длинные коридоры и та характерная атмосфера технического производства, которую невозможно ни с чем спутать?

Она спрашивала себя, стоит ли ей возвращаться сюда вечером или же лучше не приходить совсем, проучив тем самым этого человека за его высокомерную снисходительность. Но в то же время она не сомневалась, что вернется, хотя бы только из чувства неудовлетворенного любопытства. Она должна выяснить, при чем же здесь все-таки дети.

Когда ровно в половине восьмого она снова пришла туда, она сразу обратила внимание на то, что ей не понадобилось ничего о себе сообщать. Все, кто попадался ей на пути, как мужчины, так и женщины, казалось, отлично знали не только, кто она, но и характер ее будущей работы. Ее немедленно провели внутрь здания.

Она увидела доктора Хоскинса, но он, рассеянно взглянув на нее и невнятно произнеся ее имя, даже не предложил ей сесть. Она сама спокойно пододвинула стул к перилам и села.

Они находились на балконе, с которого открывался вид на обширную шахту, заполненную какими-то приборами, представлявшими собой на первый взгляд нечто среднее между пультом управления космического корабля и контрольной панелью электронной счетной машины.

В другой части шахты висели перегородки, служившие стенами для лишенной потолка квартиры. Это был как бы гигантский кукольный домик, внутреннее убранство которого просматривалось как на ладони с того места, где сидела мисс Феллоуз.

Ей ясно были видны стоявшие в одной из комнат электронная плита и холодильная установка и расположенное в другом помещении оборудование ванной. А предмет, который ей удалось рассмотреть в третьей комнате, мог быть только частью кровати, маленькой кровати...

Хоскинс разговаривал с каким-то мужчиной. Вместе с мисс Феллоуз на балконе их было трое. Хос-

кинс не представил ей незнакомца, и мисс Феллоуз оставалось лишь исподтишка разглядывать его. Это был худой мужчина средних лет, довольно приятной наружности, у него были маленькие усики и живые глаза, казалось, ничего не упускающие из виду.

— Я отнюдь не собираюсь, доктор Хоскинс, делать вид, что мне все это понятно, — говорил он. — Я хочу сказать, что понимаю кое-что лишь в тех пределах, которые доступны достаточно интеллигентному неспециалисту. Но, даже учитывая границы моей компетенции, я хочу заметить, что одна сторона проблемы мне менее ясна, чем другая. Я имею в виду выборочность. Вы в состоянии проникнуть очень далеко; допустим, это можно понять. Чем дальше вы продвигаетесь, тем туманнее, расплывчатее становятся объекты, а это требует большей затраты энергии. Хорошо. Но в то же время вы не можете достичь более близкого объекта. Вот что является загадкой для меня.

— Если вы позволите мне воспользоваться аналогией, Девеней, я постараюсь представить вам проблему в таком свете, чтобы она казалась менее парадоксальной.

Проскользнувшее в разговоре имя незнакомца помимо ее воли произвело на мисс Феллоуз впечатление, и ей тут же стало ясно, кто он. Это, видимо, был сам Кандид Девеней, писавший для телевизионных новостей очерки на научные темы, тот Кандид Девеней, личным присутствием которого были отмечены все крупнейшие события в научном мире. Теперь его лицо даже показалось ей знакомым. Конечно же, это именно его видела она на экране, когда объявили о посадке космического корабля на Марс. А если это действительно тот самый Девеней, то это могло означать только то, что доктор Хоскинс собирается сейчас продемонстрировать нечто очень важное.

— Если вы считаете, что это поможет, то почему бы вам и не воспользоваться аналогией? — спросил Девеней.

— Ну, хорошо. Итак, вам, конечно, известно, что вы не в состоянии читать книгу со шрифтом обычного формата, если эта книга находится от вас на рас-

стоянии шести футов, но это сразу же становится возможным, как только расстояние между вашими глазами и книгой сократится до одного фута. Как вы видите, в данном случае пока действует правило — чем ближе, тем лучше. Но если вы приблизите книгу настолько, что между нею и вашими глазами останется всего лишь один дюйм, вы снова потеряете способность читать ее. Отсюда вам должно быть ясно, что существует такое препятствие, как слишком большая близость.

— Хм, — произнес Девеней.

— А вот вам другой пример. Расстояние от вашего правого плеча до кончика указательного пальца правой руки составляет примерно тридцать дюймов, и вы можете свободно коснуться этим пальцем правого плеча. Расстояние же от вашего правого локтя до кончика указательного пальца той же руки вполтину меньше, и если руководствоваться простейшей логикой, то получается, что коснуться правым указательным пальцем правого локтя легче, чем правого плеча, однако же вы этого сделать не можете. И снова мешает та же слишком большая близость.

— Вы разрешите использовать эти аналогии в моем рассказе? — спросил Девеней.

— Пожалуйста. Я только буду рад, ведь я достаточно долго ждал кого-нибудь вроде вас, кто написал бы о нашей работе. Я дам все необходимые вам сведения. Наконец-то наступило время, когда мы можем разрешить всему миру заглянуть через наше плечо. И мир кое-что увидит.

(Мисс Феллоуз поймала себя на том, что вопреки собственному желанию восхищается его спокойствием и уверенностью. В нем угадывалась огромная сила.)

— Каков предел ваших возможностей? — спросил Девеней.

— Сорок тысяч лет.

У мисс Феллоуз перехватило дыхание.

— Лет?!

Казалось, сам воздух застыл в напряжении. Люди у приборов управления почти не двигались. Кто-то

монотонно бросал в микрофон короткие фразы, смысл которых мисс Феллоуз не могла уловить.

Перегнувшись через перила балкона, Девеней внимательно всматривался в то, что происходило внизу.

— Мы увидим что-нибудь, доктор Хоскинс? — спросил он.

— Что вы сказали? Нет, мы ничего не увидим до тех пор, пока все не свершится. Мы обнаруживаем объект косвенно, как бы по принципу радарной установки с той разницей, что вместо электромагнитных волн предпочитаем пользоваться мезонами. При наличии соответствующих условий мезоны возвращаются, причем некоторая часть их отражается от каких-либо объектов, и наша задача состоит в исследовании характера этих отражений.

— Должно быть, это довольно трудная задача.

На лице Хоскинса промелькнула его обычная улыбка.

— Перед вами результат пятидесяти лет упорных исканий. Лично я занялся этой проблемой десять лет назад. Да, все это действительно очень нелегко.

Человек у микрофона поднял руку.

— Уже несколько недель мы фиксируем один определенный момент, удаленный от нас во времени. Предварительно рассчитав наши собственные перемещения во времени, мы то прекращаем опыт, то воссоздаем его заново, еще и еще раз проверяя нашу способность с достаточной точностью ориентироваться во времени. Теперь это должно сработать безотказно.

Но лоб его блестел от пота.

Эдит Феллоуз вдруг заметила, что она машинально оставила свой стул и тоже стоит у перил, но смотреть пока было не на что.

— Сейчас, — спокойно произнес человек у микрофона.

Наступила тишина, продолжавшаяся ровно столько, сколько требуется времени на один вздох, и из кукольного домика раздался пронзительный вопль смертельно испуганного ребенка.

— Ужас! Непередаваемый ужас!

Мисс Феллоуз резко повернула голову в направлении крика. Она забыла, что во всем этом был замешан ребенок.

А Хоскинс, стукнув кулаком по перилам, голосом, изменившимся и дрожащим от торжества, произнес: — Сработало.

Подталкиваемая в спину твердой рукой Хоскинса, который не соизволил даже заговорить с ней, мисс Феллоуз спустилась по короткой винтовой лестнице в шахту.

Те, кто до этого момента находился у приборов управления, собрались теперь здесь. Они курили и, улыбаясь, наблюдали за появившейся в главном помещении троицей. Со стороны кукольного домика доносилось слабое жужжание.

— Вхождение в Стасис не представляет ни малейшей опасности, — обратился Хоскинс к Девеней. — Я сам проделывал это множество раз. На какой-то миг у вас появится странное ощущение, которое не оказывает абсолютно никакого влияния на организм.

Как бы желая продемонстрировать правильность своих слов, он вошел в открытую дверь. Напряженно улыбаясь и почему-то сделав глубокий вдох, за ним последовал Девеней.

— Идите же сюда, мисс Феллоуз! — нетерпеливо воскликнул Хоскинс, поманив ее пальцем.

Мисс Феллоуз кивнула и неловко переступила порог. Ей показалось, что тело ее потрясла какая-то внутренняя дрожь, но как только она очутилась внутри дома, это ощущение полностью исчезло. В доме пахло свежей древесины и влажной почвой.

Теперь здесь было тихо, во всяком случае, не слышно было больше голоса ребенка, но зато откуда-то раздавалось шарканье ног и шорох, будто кто-то проводил рукой по дереву. Потом послышался стон.

— Где же он? — в отчаянии воскликнула мисс Феллоуз. Неужели этим глупцам безразлично, что там происходит?

Мальчик находился в спальне, или, вернее, в комнате, где стояла кровать.

Он был совершенно обнажен, и его забрызганная грязью грудь неровно вздымалась. Охалка смешанной с грязью жесткой травы рассыпалась по полу у его босых коричневых ног. От этой травы исходил запах земли с примесью какого-то зловония.

Хоскинс прочел нескрываемый ужас в ее устремленных на ребенка глазах и с раздражением произнес:

— Не было никакой возможности, мисс Феллоуз, вытащить мальчишку чистым из такой глубины веков. Мы вынуждены были захватить для безопасности кое-что из того, что его окружало. Может, вы предпочли бы, чтоб он явился сюда без ноги или части черепа?

— Прошу вас, не надо! — воскликнула мисс Феллоуз, изнемогая от желания прекратить этот разговор. — Почему мы бездействуем? Бедный ребенок испуган. И он грязный.

Она была права. Мальчик был покрыт кусками засохшей грязи и какого-то жира, а его бедро пересекала воспаленная царапина.

Когда Хоскинс приблизился к нему, ребенок, которому на вид было немногим более трех лет, низко пригнулся и быстро отскочил назад. Его верхняя губа оттопырилась, и он издал какой-то странный звук, нечто среднее между ворчанием и кошачьим шипением.

Хоскинс быстрым движением схватил за руки и оторвал, отчаянно кричащего и извивающегося ребенка от пола.

— Держите его так, — сказала мисс Феллоуз. — Прежде всего ему необходима теплая ванна. Его нужно как следует отмыть. У вас есть здесь все необходимое? Если да, то попросите принести вещи сюда и хотя бы вначале помогите мне с ним управиться. Кроме того, ради всех святых, распорядитесь, чтобы отсюда убрали всю эту грязь и мусор.

Теперь настал ее черед отдавать приказания, и чувствовала она себя в новой роли прекрасно. И по-

скольку растерянная наблюдательница уступила место опытной медицинской сестре, она взглянула на ребенка уже другими глазами, с профессиональной точки зрения, и на какой-то миг замерла в замешательстве. Грязь, которой он был покрыт, его вопли, извивающееся в тщетной борьбе тело — все это куда-то отступило. Она рассмотрела самого ребенка.

Это был самый уродливый мальчуган из всех, которых ей приходилось когда-либо видеть. Он весь был невероятно безобразен — от макушки бесформенной головы до изогнутых колесом ног.

С помощью трех мужчин ей удалось выкупать мальчика. Остальные в это время пытались очистить помещение от мусора. Она работала молча, с чувством оскорбленного достоинства, раздраженная ни на минуту не прекращающимися криками и сопротивлением.

Доктор Хоскинс намекнул ей, что ребенок будет некрасивым, но кто мог предположить, что он окажется столь уродливым. И ни мыло, ни вода не в состоянии были до конца уничтожить исходивший от него отвратительный запах, он лишь постепенно становился слабее.

Ей вдруг страстно захотелось швырнуть намыленного мальчишку Хоскинсу на руки и уйти, но ее удержала от этого профессиональная гордость. В конце концов ведь она сама согласилась на эту работу... А кроме того, она представила, какими глазами посмотрит на нее доктор Хоскинс, его холодный взгляд, в котором она прочтет неизбежный вопрос: «Так, значит, вы все-таки любите только красивых детей, мисс Феллоуз?»

Он стоял в некотором отдалении, с холодной улыбкой наблюдая за ними. Когда она встретилась с ним взглядом, ей показалось, что кипевшее в ее душе чувство оскорбленного достоинства забавляет его.

Она тут же решила, что немного повременит с уходом. Сейчас это только унизило бы ее.

Когда кожа ребенка приняла, наконец, вполне сносный розовый оттенок и запахла душистым мылом, она, несмотря на все переживания, почувствова-

ла себя лучше. Кричать мальчик уже был не в состоянии; он лишь устало скулил, в то время как его испуганный, настороженный взгляд быстро перебежал с одного лица на другое, не упуская из виду никого из тех, кто находился в комнате. То, что он был теперь чист, только подчеркивало худобу его обнаженного, дрожащего от холода после ванны тела.

— Дайте же, наконец, ночную рубашку для ребенка! — резко сказала мисс Феллоуз.

В тот же миг откуда-то появилась ночная рубашка. Казалось, что все было подготовлено заранее, однако никто не трогался с места до ее приказа, как будто умышленно оставляя за ней право распоряжаться и тем самым испытывая ее.

— Я подержу его, мисс, — подойдя к ней, сказал Девеней. — Одна вы не справитесь.

— Благодарю вас.

Прежде чем удалось надеть на ребенка рубашку, им пришлось выдержать настоящую битву, а когда мальчик попытался сорвать ее, мисс Феллоуз сильно ударила его по руке.

Ребенок покраснел, но не заплакал. Он во все глаза уставился на нее, ощупывая неловкими пальцами фланель рубашки, как бы исследуя этот неизвестный ему предмет.

«А теперь что?» — в отчаянии подумала мисс Феллоуз.

Все они, даже уродливый мальчуган, замерли, как бы ожидая, что она будет делать дальше.

— Вы позаботились о пище, о молоке? — решительно спросила мисс Феллоуз.

Они предусмотрели и это. В комнату вкатили специальный передвижной агрегат, состоявший из холодильного отделения, в котором стояло три кварты молока, и нагревательного устройства; в нем имелось также значительное количество укрепляющих средств: витаминизированные капли, медно-кобальтово-железистый сироп, и много других препаратов, рассмотреть которые она не успела. Кроме того, там находился набор самосогревающегося детского питания.

Для начала она взяла одно только молоко. Элек-

тронная установка за каких-нибудь десять секунд согрела его до необходимой температуры и автоматически выключилась. Она налила немного молока в блюдце, не сомневаясь в том, что уровень развития ребенка очень низок и он не умеет обращаться с чашкой.

Мисс Феллоуз кивнула мальчику и, обращаясь к нему, произнесла:

— Пей, ну пей же. — Она жестом показала ему, как поднести блюдце ко рту. Глаза ребенка следили за ее движениями, но он не шевельнулся.

Внезапно она решилась. Схватив мальчика за руку повыше локтя, она опустила свою свободную руку в молоко и затем провела ею по его губам, так что капли жидкости потекли по его щекам и подбородку.

Он отчаянно завопил, но, вдруг умолкнув, начал облизывать свои влажные губы. Мисс Феллоуз отступила назад.

Мальчик приблизился к блюдцу, наклонился к нему и затем, быстро оглянувшись по сторонам, как бы высматривая притаившегося врага, снова нагнулся к молоку и начал его жадно лакать, как кошка, издавая при этом какой-то неопределенный звук. Он даже не попытался приподнять блюдце руками.

Мисс Феллоуз не в силах была до конца скрыть охватившее ее при виде этого чувство, и, видимо, кое-что отразилось на ее лице, потому что Девеней, взглянув на нее, произнес:

— Доктор Хоскинс, а сестра в курсе того, что происходит?

— В курсе чего? — поинтересовалась мисс Феллоуз.

Девеней заколебался, но Хоскинс, по выражению лица которого снова можно было заподозрить, что все это втайне его забавляло, сказал:

— Ну что ж, можете ей сказать.

— Вы, по всей вероятности, даже не подозреваете, — обратился Девеней к мисс Феллоуз, — что волею случая вы — первая в истории цивилизованная женщина, которой пришлось ухаживать за ребенком-неандертальцем.

Сдерживая охвативший ее гнев, мисс Феллоуз вернулась к Хоскинсу.

— Вы могли бы предупредить меня заранее, доктор.

— А зачем? Какая вам разница?

— Речь шла о ребенке.

— А разве это не ребенок? У вас когда-нибудь был щенок или котенок, мисс Феллоуз? Неужели в них больше человеческого? А если бы это оказался детеныш шимпанзе, вы бы почувствовали к нему отвращение? Вы медицинская сестра, мисс Феллоуз. Судя по вашим документам, вы работали три года в родильном отделении. Вы когда-нибудь отказывались ухаживать за ребенком-уродом?

— Вы все-таки могли бы сказать мне это раньше, — уже менее решительно произнесла она.

— Для того чтобы вы вовремя успели отказаться от этой работы? Не следует ли из этого, что вы хотите это сделать теперь?

Он холодно посмотрел ей прямо в глаза. С другого конца комнаты за ними наблюдал Девеней, а маленький неандерталец, покончив с молоком и вылизав начисто блюдце, поднял к ней мокрое лицо с широко раскрытыми, о чем-то молящими глазами.

Мальчик жестом указал на молоко, и вдруг из его рта посыпались все время повторяющиеся одни и те же отрывистые гортанные звуки вперемежку с искусным прищелкиванием языком.

— А ведь он говорит! — удивленно воскликнула мисс Феллоуз.

— Конечно, — сказал Хоскинс. — *Homo neanderthalensis* в действительности является не отдельным видом, а скорее разновидностью *Homo sapiens*. Так почему бы ему не уметь говорить? Вполне возможно, что он просит еще молока.

Мисс Феллоуз машинально потянулась за бутылкой, но Хоскинс схватил ее за руку.

— А теперь, мисс Феллоуз, прежде чем вы сделаете еще хоть одно движение, вы должны сказать, остаетесь вы или нет.

Мисс Феллоуз раздраженно высвободила руку.

— А если я уйду, вы что, не собираетесь в этом случае кормить его? Я побуду с ним... некоторое время.

Она налила ребенку молока.

— Мы намереваемся оставить вас здесь с мальчиком, мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс. — Это единственный вход в Первую Секцию Стасиса. Дверь тщательно запирается и охраняется снаружи. Я хотел бы, чтобы вы изучили систему замка, который будет, конечно, соответствующе настроен на отпечатки ваших пальцев, так же как он настроен на отпечатки моих собственных. Пространство наверху (он поднял взгляд к несуществующему потолку кукольного домика) охраняется тоже, и мы будем предупреждены в любом случае, если здесь произойдет что-либо необычное.

— Вы хотите сказать, что я все время буду находиться под наблюдением? — возмущенно воскликнула мисс Феллоуз, вдруг вспомнив, как она сама рассматривала с балкона внутреннюю часть помещения.

— О нет, — серьезно заверил ее Хоскинс, — мы гарантируем, что ни один посторонний наблюдатель не будет свидетелем вашей частной жизни. Все объекты в виде электронных символов передаются вычислительной машине, и только она будет иметь с ними дело. Вы проведете с ним эту ночь, мисс Феллоуз, а также и все последующие, впредь до особого распоряжения. Мы предоставим вам несколько свободных часов в дневное время и дадим вам возможность самой составить их расписание в соответствии с вашими личными потребностями.

Мисс Феллоуз в недоумении окинула взглядом кукольный домик.

— А для чего все это, доктор Хоскинс? Разве мальчик представляет собой какую-нибудь опасность?

— Видите ли, мисс Феллоуз, все дело в энергии. Он никогда не должен покидать это помещение. Никогда. Ни на секунду. Ни по какой причине, даже если от этого зависит его жизнь. Даже для того, чтобы спасти в вашу жизнь, мисс Феллоуз. Вы поняли меня?

Мисс Феллоуз гордо вскинула голову.

— Я знаю, что такое приказ, доктор Хоскинс. Медицинская сестра привыкает к тому, чтобы во имя долга жертвовать собственной безопасностью.

— Отлично. Вы всегда можете просигнализировать, если вам что-нибудь понадобится.

И двое мужчин покинули Стасис.

*

Обернувшись, мисс Феллоуз увидела, что мальчик, не притрагиваясь к молоку, по-прежнему не спускает с нее настороженного взгляда. Она попыталась жестами показать ему, как поднять блюдце ко рту. Он не последовал ее примеру, однако на этот раз, когда она прикоснулась к нему, он уже не закричал.

Его испуганные глаза ни на секунду не переставали следить за ней, подстерегая малейшее неверное движение. Она вдруг заметила, что инстинктивно пытается успокоить его, медленно приближая руку к его волосам, стараясь, однако, чтобы рука эта была все время в поле его зрения. Тем самым она давала ему понять, что в этом жесте не кроется никакой для него опасности.

И ей удалось погладить его по голове.

— Я хочу показать тебе, как пользоваться туалетом, — произнесла она. — Как ты считаешь, сможешь ты этому научиться?

Она говорила очень мягко и осторожно, отлично сознавая, что он не поймет ни одного слова, однако надеясь на то, что сам звук ее голоса успокаивающе повлияет на него.

Мальчик снова защелкал языком.

— Можно взять тебя за руку? — спросила она.

Она протянула ему обе руки и замерла в ожидании. Рука ребенка медленно двинулась навстречу ее руке.

— Правильно, — кивнула она.

Когда рука мальчика была уже в каком-нибудь дюйме от ее собственных рук, смелость оставила его, и он отдернул свою руку назад.

— Ну что ж, — спокойно сказала мисс Феллоуз, — позже мы попробуем еще раз. Не хочется

ли тебе посидеть? — она похлопала рукой по кровати.

Медленно текло время, еще медленнее продвигалось воспитание ребенка. Ей не удалось приучить его ни к туалету, ни к кровати. Когда мальчику явно захотелось спать, он опустился на ничем не покрытый пол и быстрым движением юркнул под кровать.

Она нагнулась, чтобы взглянуть на него, и из темноты на нее уставились два горящих глаза, и она услышала знакомое прицелкивание.

— Ладно, — сказала она, — если ты чувствуешь себя там в большей безопасности, можешь спать под кроватью.

Она прикрыла дверь спальни и удалилась в самую большую из трех комнат, где для нее была приготовлена койка, над которой по ее требованию натянули временный тент.

«Если эти глупцы хотят, чтобы я здесь ночевала, — подумала она, — они должны повесить в этой комнате зеркало, заменить шкаф более вместительным и оборудовать отдельный туалет».

*

Она никак не могла заснуть, помимо своей воли напрягая слух, чтобы не упустить ни одного звука, который мог раздаться из соседней комнаты. Она убеждала себя в том, что ребенок не в состоянии выбраться из дома, но, несмотря на это, ее грызли сомнения. Совершенно гладкие стены были, безусловно, очень высоки, ну, а вдруг мальчишка лазает, как обезьяна? Впрочем, Хоскинс заверил ее, что за всем происходящим внизу следят специальные наблюдательные устройства.

Неожиданно ей пришла в голову новая мысль: а что, если мальчик все-таки опасен? Опасен в самом прямом смысле этого слова? Нет, Хоскинс не скрыл бы это от нее, не оставил бы ее с ним одну, если бы...

Она попыталась разубедить себя, внутренне смеясь над своими страхами. Ведь это был всего лишь трех- или четырехлетний ребенок. Однако ей, несмотря на все усилия, не удалось обрезать ему ногти,

А что, если, когда она заснет, он вздумает напасть на нее, пустив в ход зубы и ногти...

У нее участилось дыхание. Как странно, и все же... Она мучительно напрягла слух, и на этот раз ей удалось уловить какой-то звук.

Мальчик плакал.

Не кричал от страха или злобы, не выл и не визжал, а именно тихо плакал, как убитый горем, глубоко несчастный одинокий ребенок.

«Бедняжка», — подумала мисс Феллоуз, и впервые с момента встречи с ним сердце ее пронзила острая жалость.

Ведь это настоящий ребенок, так какое же, по сути дела, значение имеет форма его головы? И это не просто ребенок, а ребенок осиротевший, как ни одно дитя за всю историю человечества. Тысячи лет назад не только умерли его родители, но безвозвратно исчезло все, что его когда-то окружало. Грубо выхваченный из давно ушедшего времени, он был теперь единственным во всем мире существом такого рода. Последним и единственным.

Она почувствовала, как ее все больше охватывает глубокое сострадание и стыд за собственное бессердечие. Тщательно поправив ночную рубашку, постаравшись, чтобы она по возможности лучше прикрывала ей ноги (ловя себя в то же время на совершенно неуместной мысли о том, что завтра же необходимо принести сюда халат), она встала с постели и направилась в соседнюю комнату.

— Мальчик, а мальчик! — шепотом позвала она.

Она совсем уж было собралась просунуть под кровать руку, но, сообразив, что он может укунить ее, решила не делать этого. Она зажгла ночник и отодвинула кровать.

Несчастный ребенок, прижав колени к подбородку, комочком свернулся в углу, глядя на нее заплаканными, полными страха глазами.

В полумраке его внешность показалась ей менее отталкивающей.

— Ах, ты, бедняга, бедняга, — произнесла она, осторожно глядя его по голове, чувствуя, как мгно-

венно напряглось, а потом постепенно расслабилось его тело. — Бедный мальчуган. Можно мне побыть с тобой?

Она села рядом с ним на пол и начала медленно и ритмично гладить его волосы, щеку, руку, тихо напевая какую-то ласковую песенку.

Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь разглядеть при слабом свете ночника ее губы, как бы заинтересовавшись этим совершенно новым для него звуком.

Воспользовавшись этим, она притянула его поближе, и ласковым, но решительным движением ей удалось постепенно приблизить его голову к своему плечу. Она просунула руку под его ноги и не спеша, плавно подняла его к себе на колени. Снова и снова повторяя все тот же один несложный куплет и не выпуская из рук ребенка, она медленно качалась вперед и назад, баюкая его. Он постепенно успокоился, и вскоре по его ровному дыханию она поняла, что мальчик заснул.

Очень осторожно, стараясь не шуметь, она подвинула на место кровать и положила на нее ребенка. Укрыв спящего, она внимательно посмотрела на него. Во сне его лицо казалось таким мирным, таким ребячьим, что, право же, его безобразие как-то меньше бросалось в глаза.

Уже направившись на цыпочках к двери, она вдруг подумала: «А что, если он вдруг проснется?» — и повернула назад.

Преодолев внутреннее сопротивление и справившись с охватившими ее разноречивыми чувствами, она вздохнула и медленно опустилась на кровать рядом с ребенком.

Кровать была для нее слишком мала, и ей пришлось скорчиться, чтобы как-то улечься на ней. Кроме того, она не могла избавиться от чувства неловкости, причиной которого было отсутствие над кроватью тента. Но рука ребенка робко скользнула в ее ладонь, и через некоторое время ей все-таки удалось задремать.

Она проснулась, как от внезапного толчка, и с трудом сдержала чуть было не сорвавшийся с ее губ крик ужаса. Мальчик смотрел на нее в упор широко раскрытыми глазами, и ей понадобилось довольно много времени, чтобы вспомнить, как она очутилась на его кровати. Медленно, не отрывая от него взгляда, она спустила на пол сначала одну, потом другую ногу.

Бросив быстрый испуганный взгляд в сторону лишнего покрытия потолка, она напрягла мускулы для последнего решительного движения, собираясь окончательно выбраться из кровати.

Но в этот момент мальчик, вытянув руку, коснулся ее губ своими похожими на обрубки пальцами и что-то произнес.

Это прикосновение заставило ее отпрянуть. При дневном освещении он был непередаваемо безобразен.

Мальчик опять повторил какую-то фразу, а затем, открыв широко рот, движением руки пытался показать, будто что-то вытекает у него изо рта.

Мисс Феллоуз задумалась, стараясь отгадать значение этого жеста, и вдруг взволнованно воскликнула:

— Ты хочешь, чтобы я пела?

Мальчик молча продолжал смотреть на ее губы.

Несколько фальшивя от напряжения, мисс Феллоуз начала ту самую песенку, что пела ему накануне ночью, и маленький урод улыбнулся, неуклюже раскачиваясь в такт музыке и издавая при этом какой-то булькающий звук, который можно было истолковать как смех.

Мисс Феллоуз незаметно вздохнула. Да, правильно говорят, что музыка умиряет сердце дикаря. Она может помочь...

— Подожди немного, — сказала она, — дай мне привести себя в порядок, это займет не больше минуты. А потом я приготовлю тебе завтрак.

Ни на секунду не забывая об отсутствии потолка, она быстро покончила со своими делами. Мальчик оставался в постели, внимательно наблюдая за ней, когда она появлялась в поле его зрения. И каждый раз в эти моменты она улыбалась и махала ему рукой. В конце концов он тоже помахал ей в ответ, и она нашла этот жест очаровательным.

— Ты хочешь молочную овсяную кашу? — спросила она, покончив со своими делами.

Приготовление каши было делом нескольких секунд, и когда еда была на столе, она поманила его рукой.

Неизвестно, понял ли он значение ее жеста или же его привлек запах пищи, но мальчик тут же вылез из кровати.

Она попыталась показать ему, как пользоваться ложкой, но он в страхе отпрянул. («Ничего, у нас впереди еще много времени», — подумала она.) Однако она настояла на том, чтобы он руками поднял миску ко рту. Он повиновался, но действовал так неловко, что страшно испачкался, хотя большая часть каши все-таки попала по назначению.

На этот раз она дала ему молоко в стакане, и мальчуган, обнаружив, что отверстие сосуда слишком мало, чтобы просунуть в него лицо, жалобно захныкал. Она взяла его за руку и, прижав его пальцы к стакану, заставила его поднести стакан ко рту.

Снова все было облито и испачкано, но, как и в первый раз, бóльшая часть молока все-таки попала ему в рот, а что касается беспорядка, то она привыкла и не к такому.

К ее удивлению, освоить туалет оказалось более простой задачей, что принесло ей немалое облегчение. На этот раз он довольно быстро понял, чего она ждет от него. Она поймала себя на том, что глдит его по голове, приговаривая:

— Вот это хороший мальчик, вот это умница!

И ребенок улыбнулся, доставив ей неожиданное удовольствие.

«Когда он улыбается, он, право же, вполне спосен», — подумала она.

В этот же день после полудня прибыли представители прессы. Пока они устанавливали в дверях свою аппаратуру, она взяла мальчика на руки, и он крепко прижался к ней. Суэта испугала его, и он громко заплакал, но, несмотря на это, прошло не менее десяти минут, пока ей разрешили унести ребенка в соседнюю комнату.

Она вскоре вернулась, покраснев от возмущения, и в первый раз за восемнадцать часов вышла из домика, плотно закрыв за собой дверь.

— Я думаю, что с вас на сегодня хватит. Теперь мне понадобится бог знает сколько времени, чтобы успокоить его. Уходите.

— Ладно, ладно, — произнес джентльмен из «Таймс-геральд». — А это действительно неандерталец или какое-нибудь жульничество?

— Уверяю вас, что это не мистификация, — раздался откуда-то сзади голос Хоскинса. — Ребенок — настоящий Homo neanderthalensis.

— Это мальчик или девочка?

— Это мальчик-обезьяна, — вмешался джентльмен из «Ньюс». — Нам сейчас показывают не что иное, как мальчика-обезьяну. Как он себя ведет, сестра?

— Он ведет себя точно так же, как любой другой маленький мальчик, — отрезала мисс Феллоуз. Раздражение заставило ее стать на защиту ребенка, — и он вовсе не мальчик-обезьяна. Его зовут... Тимоти, Тимми, и он абсолютно нормален в своих действиях.

Имя Тимоти было выбрано ею совершенно случайно — оно просто первым пришло ей в голову..

— Тимми — мальчик-обезьяна, — изрек джентльмен из «Ньюс», и, как оказалось впоследствии, именно под этой кличкой ребенок впервые стал известен всему миру.

— Скажите, док, что вы собираетесь делать с этой обезьяной? — спросил, обращаясь к Хоскинсу, джентльмен из «Глоба».

Хоскинс пожал плечами.

— Видите ли, моя первоначальная задача заключалась в том, чтобы доказать возможность перене-

сения его в наше время. Однако я полагаю, что он заинтересует антропологов и физиологов. Ведь перед нами находится существо, по своему развитию стоящее на грани между животным и человеком. Нам представляется возможность узнать многое о нас самих и о наших предках.

— Как долго намерены вы держать его здесь?

— Сколько нам понадобится на его изучение плюс еще какой-то период после завершения исследований. Не исключено, что на это потребуется довольно много времени.

— Не могли бы вы вывести его из дома? Тогда нам удалось бы установить телевизионную аппаратуру и сострять настоящее зрелище.

— Очень сожалею, но ребенок не может покинуть пределы Стасиса.

— А что такое Стасис?

— Боюсь, джентльмены, что объяснение займет слишком много времени, — Хоскинс позволил себе улыбнуться. — А вкратце суть дела заключается в том, что время, каким мы его себе представляем, в Стасисе не существует. Эти комнаты как бы покрыты невидимой оболочкой и не являются в полном смысле частью нашего мира. Именно благодаря этому и удалось извлечь, так сказать, ребенка из времени.

— Постойте-ка, — перебил джентльмен из «Ньюс», которого явно не удовлетворило объяснение Хоскинса, — что это вы там болтаете? Ведь сестра свободно входит и выходит из помещения.

— Это может сделать любой из вас, — небрежно ответил Хоскинс. — Вы будете двигаться параллельно временным силовым линиям, и это не повлечет за собой сколько-нибудь значительной потери или притока энергии. Ребенок же был доставлен сюда из далекого прошлого. Его движение происходило поперек силовых линий, и он получил временный потенциал. Для того чтобы переместить его в наш мир, в наше время, потребуется израсходовать всю энергию, накопленную нашим акционерным обществом, а также, возможно, и все запасы энергии города Вашингтона. Мы были вынуждены сохранить доставлен-

ный сюда вместе с мальчиком мусор, и нам придется лишь постепенно, по крупичкам удалять его отсюда.

Пока Хоскинс давал объяснения, корреспонденты что-то деловито строчили в своих блокнотах. Из всего сказанного они ровным счетом ничего не поняли и были убеждены в том, что их читателей постигнет та же участь: однако все звучало очень научно, а именно это и требовалось.

— Вы сможете дать сегодня вечером интервью? — спросил представитель «Таймс-Геральд». — Оно будет передаваться по всем каналам.

— Думаю, что смогу, — быстро ответил Хоскинс, и корреспонденты удалились.

Мисс Феллоуз молча смотрела им вслед. Все, что было сказано о Стасисе и о временных силовых линиях, она поняла не лучше, чем корреспонденты. Но одно усвоила твердо. Тимми (она поймала себя на том, что уже думает о мальчике, как о «Тимми») был действительно приговорен к вечному заключению в стенах Стасиса, причем это вовсе не было простым капризом Хоскинса. Видимо, и вправду невозможно было выпустить его отсюда. Никогда.

Бедный ребенок. Бедный ребенок.

Внезапно до ее сознания дошло, что он все еще плачет, и она поспешила назад, чтобы успокоить его.

*

Мисс Феллоуз не удалось увидеть выступление Хоскинса; хотя его интервью передавалось не только в самых отдаленных уголках Земли, но даже на станции на Луне, оно не проникло в маленькую квартирку, где жили теперь мисс Феллоуз и уродливый мальчуган.

На следующее утро Хоскинс спустился к ним, сияя от торжества.

— Интервью прошло удачно? — спросила мисс Феллоуз.

— Исключительно удачно. А как поживает... Тимми?

Услышав, что он назвал мальчика по имени, мисс Феллоуз была приятно удивлена.

— Все в порядке. Иди сюда, Тимми, это добрый дядя, он тебя не обидит.

Но Тимми не пожелал выйти из другой комнаты, и из-за дверей виднелся только клок его спутанных волос да время от времени робко показывался один блестящий глаз.

— Мальчик удивительно быстро привыкает к обстановке, право же, он весьма сообразителен.

— Вас это удивляет?

— Да. Боюсь, что вначале я приняла его за детеныша обезьяны, — секунду поколебавшись, ответила она.

— Кем бы он там ни был, а пока что он очень много для нас сделал. Ведь он создал славу «Стасис Инкорпорейтэд». Мы теперь на коне, да, мы на коне.

Видимо, ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своим торжеством, пусть даже с ней, с мисс Феллоуз.

— Каким же образом удалось ему это сделать? — спросила она, тем самым давая Хоскинсу возможность высказаться.

Засунув руки в карманы, Хоскинс продолжал:

— Десять лет мы работали, имея в своем распоряжении крайне ограниченные средства, добывая где только можно буквально по пенсу. Мы просто обязаны были создать сразу нечто очень эффектное, пусть нам для этого пришлось все поставить на карту. Уверяю вас, это был каторжный труд. Попытка вызвать из глубины времени этого неандертальца стоила нам всех денег, которые удалось сколотить, где одалживая, а где и воруя, да, да, именно воруя. На осуществление этого эксперимента пошли средства, ассигнованные на другие цели. Их мы использовали без разрешения. Если бы опыт не удался, со мною было бы покончено.

— Поэтому-то у домика нет потолка? — прервала его мисс Феллоуз.

— Что вы сказали? — переспросил Хоскинс.

— Вам не хватило денег на потолок?

— А! Видите ли, это было не единственной причиной. По правде говоря, мы не в состоянии были

угадать точный возраст неандертальца. Наши возможности четкого определения особенностей объекта, столь удаленного во времени, пока ограничены, и он вполне мог оказаться существом огромного роста и дикого нрава, а в этом случае нам пришлось бы общаться с ним на расстоянии, как с посаженным в клетку животным.

— Но поскольку ваши опасения не оправдались, вы могли бы теперь, мне кажется, достроить потолок.

— Теперь да. У нас теперь много денег. Все это великолепно, мисс Феллоуз. — Улыбка не сходила с его широкого лица, и когда он повернулся, чтобы уйти, казалось, даже спина его улыбалась.

«Он довольно приятный человек, когда забывается и сбрасывает маску отрешенного от всего земного ученого», — подумала мисс Феллоуз.

Ей вдруг захотелось узнать, женат ли он, но, спохватившись, она постаралась отогнать от себя эту мысль.

— Тимми, — позвала она, — иди сюда, Тимми!

*

За протекшие с того дня месяцы мисс Феллоуз все больше и больше начинала чувствовать себя неотъемлемой частью объединенной компании Стасис. Ей был предоставлен отдельный маленький кабинет, на двери которого красовалась табличка с ее именем и который находился довольно близко от кукольного домика (как она продолжала называть служившую для Тимми жильем камеру Стасиса). Ей теперь платили намного больше, чем вначале, а у кукольного домика был, наконец, достроен потолок и улучшено внутреннее оборудование: была выстроена вторая туалетная комната, и, мало того, она получила собственную квартиру на территории Стасиса, и иногда ей даже удавалось там ночевать. Между кукольным домиком и этой ее новой квартирой провели внутренний телефон, и Тимми научился им пользоваться.

Мисс Феллоуз привыкла к Тимми настолько, что даже меньше стала замечать его безобразия. Однаж-

ды на улице она поймала себя на том, что какой-то встретившийся на пути обыкновенный мальчик показался ей крайне непривлекательным — у него был высокий выпуклый лоб и выступающий вперед резко очерченный подбородок. Ей пришлось сделать над собою усилие, чтобы избавиться от этого наваждения.

Гораздо приятнее было привыкать к случайным посещениям Хоскинса. Было совершенно очевидно, что он с удовольствием расставался на время со своей становившейся все более утомительной ролью главы акционерного общества «Стасис Инкорпорейтэд» и что ребенок, с появлением которого было связано нынешнее процветание общества, будил в нем какие-то особые чувства, граничащие с сентиментальностью. Но мисс Феллоуз казалось, что ему было приятно беседовать и с ней. (За это время ей удалось узнать, что Хоскинс разработал метод анализа отражения мезонного луча, проникающего в прошлое; его изобретением был и сам Стасис. Холодность его была чисто внешней, ею он пытался замаскировать природную доброту, и, о да, он был женат.)

К чему мисс Феллоуз никак не могла привыкнуть, так это к мысли, что она участвует в научном эксперименте. Несмотря на все усилия, она все больше чувствовала себя лично связанной со всем происходящим, и дело подчас доходило до прямых стычек с физиологами.

Однажды, спустившись к ним, Хоскинс нашел ее в таком гневе, что, казалось, она способна была в этот момент совершить убийство. Они не имели права, они не имели права... Даже если это был неандерталец, все равно это был человек, а не животное.

Она следила за ними через открытую дверь. Почти ослепнув от охватившей ее ярости, она прислушивалась к всхлипываниям Тимми. Вдруг она заметила стоящего рядом Хоскинса. Возможно, что он уже давно находился здесь.

— Можно войти? — спросил он.

Коротко кивнув, она поспешила к Тимми, который тесно прижался к ней, обвив ее своими ма-

ленькими кривыми и все еще такими худыми ножками.

— Вы ведь знаете, что они не имеют права проделывать подобные опыты над человеком, — сказал Хоскинс.

— А я решительно заявляю, доктор Хоскинс, что они не имеют права проделывать это и над Тимми. Вы когда-то сказали мне, что именно появление Тимми дало жизнь Стасису. Если вы чувствуете хоть каплю благодарности, вы должны избавить беднягу от этих людей, по крайней мере до той поры, пока он не подрастет настолько, что начнет хоть немного больше понимать. После их манипуляций он не может спать, его душат кошмары. Я предупреждаю вас (ярость ее вдруг достигла кульминации), что я их больше сюда не впущу! (До ее сознания дошло, что под конец она перешла на крик, но она уже не владела собой.) Я знаю, что он неандерталец, — несколько успокоившись, продолжала она, — но мы их во многом недооцениваем. Я читала о неандертальцах. У них была своя культура и некоторые из величайших человеческих открытий, такие, как, например, одомашнивание животных, изобретение колеса и различных типов каменных жерновов, были сделаны именно в их эпоху. У них, несомненно, были даже и духовные потребности. Это видно из того, что при погребении они клали вместе с умершими его личные вещи, — следовательно, они верили в загробную жизнь, может быть, у них уже была какая-то религия. Неужели все это не дает Тимми права на человеческое отношение?

Она ласково похлопала мальчика по спине и отослала его играть в комнату. Когда открылась дверь, взору Хоскинса представилось огромное количество разнообразных игрушек.

Он улыбнулся.

— Несчастный ребенок заслужил эти игрушки, — поспешно заняв оборонительную позицию, сказала мисс Феллоуз. — Это все, что у него есть, и он зарабатывает их теми мучениями, которым его здесь подвергают.

— Нет, нет, уверяю вас, я ничего не имею против этого. Я только подумал о том, как изменились вы сами с того первого дня, ведь вы были весьма недовольны тем, что я подsunул вам неандертальца.

— Мне кажется, что я не была до такой уж степени недовольна, — тихо возразила мисс Феллоуз, но тут же умолкла.

— Как вы считаете, мисс Феллоуз, сколько ему может быть лет? — переменял тему Хоскинс.

— Я не могу вам этого сказать с достаточной точностью — ведь мы не знаем, как развивались неандертальцы, — ответила мисс Феллоуз. — Если исходить из его роста, то ему не более трех лет, но неандертальцы вообще были низкорослыми, а если учесть характер проделываемых над ним опытов, то он, быть может, вовсе перестал расти. А исходя из того, как он усваивает английский язык, можно заключить, что ему больше четырех.

— Это правда? Я что-то не заметил в докладах ни слова о том, что он учится говорить.

— Он не станет говорить ни с кем, кроме меня, во всяком случае, в настоящее время. Он всех ужасно боится, и это не удивительно. Он может, например, попросить какую-нибудь определенную пищу. Более того, он в состоянии высказать любое свое желание и понимает почти все, что я говорю ему. Впрочем, не исключено, что его развитие приостановится. (Произнося последнюю фразу, мисс Феллоуз напряженно следила за выражением его лица, стараясь определить, насколько вовремя коснулась она этого вопроса.)

— Почему?

— Каждому ребенку нужна определенная стимуляция, а Тимми живет здесь, как в одиночном заключении. Я делаю для него все, что в моих силах, но ведь я не все время нахожусь подле него, а кроме того, я не в состоянии дать ему все, в чем он нуждается. Я хочу сказать, доктор Хоскинс, что ему необходимо играть с каким-нибудь другим мальчиком.

Хоскинс медленно наклонил голову.

— К сожалению, у нас имеется всего лишь один такой ребенок. Бедное дитя!

Услышав это, мисс Феллоуз сразу смягчилась.

— Ведь вы любите Тимми, не правда ли? — Было так приятно сознавать, что еще кто-то испытывает к ребенку теплые чувства.

— О да, — ответил Хоскинс, на секунду теряя самоконтроль, и за этот краткий миг ей удалось заметить в его глазах усталость.

Мисс Феллоуз тут же оставила намерение довести свой план до конца.

— Вы выглядите очень утомленным, доктор Хоскинс, — с искренним участием произнесла она.

— Вы так думаете? Мне придется сделать над собой усилие, чтобы иметь более бодрый вид.

— Мне кажется, что «Стасис Инкорпорейтэд» не дает вам ни минуты покоя.

Хоскинс пожал плечами.

— Вы правы. В равной степени в этом повинны еще находящиеся у нас в настоящее время животные, растения и минералы. Кстати, мисс Феллоуз, вы, наверное, еще не видели наши экспонаты.

— По правде говоря, нет... Но вовсе не потому, что это меня не интересует. Я ведь была очень занята все это время.

— Ну теперь-то вы уже более свободны, — повинаясь какому-то внезапно принятому решению, сказал Хоскинс. — Я зайду за вами завтра утром в одиннадцать и сам все покажу вам. Вас это устраивает?

— Вполне, доктор Хоскинс, я буду очень рада, — улыбнувшись, ответила она.

Он кивнул и ушел, улыбнувшись в ответ.

Весь остаток дня мисс Феллоуз в свободное от работы время что-то про себя напевала. И в самом деле, хотя, безусловно, даже сама мысль об этом казалась ей в высшей степени странной, но ведь все это было похоже... почти похоже на то, что он назначил ей свидание.

Обаятельный и улыбающийся, он явился на следующий день точно в назначенное время. Вместо привычного рабочего халата она надела на этот раз платье. Кстати сказать, весьма старомодного покроя, но тем не менее уже много лет она не чувствовала себя столь женственной.

Он сделал ей несколько сдержанных комплиментов, и она приняла его похвалы в столь же сдержанной манере, подумав, что это прекрасное начало. Однако тут же ей пришла в голову другая мысль: «А собственно говоря, начало чего?»

Чтобы отогнать от себя эти мысли, она поспешила попрощаться с Тимми, пообещав ему, что скоро вернется.

Хоскинс повел ее в новое крыло здания, где она до сих пор ни разу не была. Здесь еще сохранился запах, свойственный новым, только что выстроенным помещениям. Доносившиеся откуда-то приглушенные звуки достаточно красноречиво свидетельствовали о том, что строительные работы еще не закончены.

— Животное, растения и минералы, — снова, как накануне, произнес Хоскинс. — Животное находится здесь — это наиболее живописный из наших экспонатов.

Вся внутренняя часть здания была разделена на несколько помещений, каждое из которых представляло собой отдельную камеру Стасиса. Хоскинс подвел ее к смотровому стеклу одной из них, и она заглянула внутрь. Существо, представившееся ее взору, показалось ей вначале чем-то вроде покрытой чешуей хвостатой курицы. Покачиваясь на двух тощих лапках, оно бегало по камере, быстро поворачивая из стороны в сторону изящную птичью голову. На небольшой голове странного существа был костный нарост, напоминающий петушиный гребень. Пальцеобразные отростки коротких передних конечностей непрерывно сжимались и разжимались.

— Это наш динозавр, — сказал Хоскинс. — Он на-

ходится здесь уже несколько месяцев, и я не знаю, когда мы сможем расстаться с ним.

— Динозавр?

— А вы ожидали увидеть гиганта?

Она улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки.

— Мне кажется, что некоторые именно так их себе и представляют. Я знаю, что существовали динозавры небольшого размера.

— Уверяю вас, что мы старались достать именно маленького динозавра. Как правило, он все время подвергается исследованиям, но сейчас, по-видимому, ему дали передышку. С его помощью удалось сделать кое-какие интересные открытия. Так, например, он не является полностью холоднокровным животным. Он обладает способностью, правда несовершенной, поддерживать внутреннюю температуру тела выше температуры окружающей среды. К сожалению, это самец. С того самого времени, когда он появился здесь, мы не прекращаем попыток зафиксировать другого динозавра, который может оказаться самкой, но до сих пор нам с этим не везло.

— А для чего нужна именно самка?

В его глазах промелькнула откровенная насмешка.

— В этом случае у нас появилась бы вполне реальная возможность получить оплодотворенные яйца, а следовательно, и детенышей динозавра.

— Ах, да.

Он повел ее к отделению трилобитов.

— Перед вами профессор Дуйэн из Вашингтонского университета, — сказал Хоскинс. — Он специалист по ядерной химии. Если мне не изменяет память, он занимается определением изотопного состава кислорода воды.

— С какой целью?

— Это доисторическая вода; во всяком случае, возраст ее исчисляется по крайней мере полумиллиардом лет. Изотопный состав позволяет определить температуру океана в ту эпоху. Самого Дуэйна трилобиты не интересуют, их анатомированием занимаются другие ученые. Им повезло: ведь им нужны только

скальпели и микроскопы, тогда как Дуйэну придется для каждого опыта устанавливать сложный масс-спектрограф.

— Но почему же? Разве он не может?..

— Нет, не может. Ему нельзя ничего выносить из этого помещения до тех пор, пока существует хоть какая-то возможность избежать этого.

Здесь были также собраны образцы первобытной растительности и обломки скал — это и были растения и минералы, о которых ранее упоминал Хоскинс. У каждого экспоната имелся свой исследователь. Все это напоминало музей, оживший музей, ставший центром активной научной деятельности.

— И все это находится под вашим непосредственным руководством, доктор Хоскинс?

— О нет, мисс Феллоуз, слава богу, в моем распоряжении большой штат сотрудников. Меня интересует только теоретическая сторона вопроса: сущность Времени, техника мезонного обнаружения удаленных во времени объектов и так далее. Все это я охотно променял бы на метод обнаружения объектов, удаленных во времени менее чем на десять тысяч лет. Если бы нам удалось проникнуть в историческую эпоху...

Его прервал какой-то шум у одной из отдаленных камер, откуда донесся до них чей-то высокий раздраженный голос. Хоскинс нахмурился и, коротко извинившись, поспешно направился туда.

Со всей быстротой, на которую она была способна, мисс Феллоуз почти бегом бросилась за ним.

— Неужели вы не можете понять, что мне необходимо было закончить очень важную часть моих исследований? — крикливо вопрошал пожилой мужчина с красным, обрамленным жидкой бородкой лицом.

Одетый в форму служащий, на лабораторном халате которого были вышиты буквы «СИ» («Стасис Инкорпорейтэд»), сказал, обращаясь к Хоскинсу:

— Профессор Адемевский с самого начала был поставлен в известность, что этот экспонат будет находиться здесь только две недели.

— Я тогда еще не знал, сколько времени займут мои исследования, я не пророк! — возбужденно выкрикнул Адемевский.

— Вы ведь понимаете, профессор, что мы располагаем весьма ограниченным пространством, — сказал Хоскинс. — Поэтому мы вынуждены время от времени менять имеющиеся у нас образцы. Этот обломок халкопирита должен вернуться туда, откуда он к нам прибыл. Ученые ждут новых экспонатов.

— Почему же я не могу получить его в личное пользование? Разрешите мне унести его отсюда.

— Вы знаете, что это невозможно.

— Вам жалко отдать мне кусок халкопирита, этот несчастный пятикилограммовый обломок? Но почему?

— Нам не по карману связанная с этим утечка энергии! — раздраженно воскликнул Хоскинс. — И вам это отлично известно.

— Дело в том, доктор Хоскинс, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой и чуть было не прервал Стасис.

На мгновение все умолкли. Повернувшись к ученому, Хоскинс холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемевский неловко кашлянул.

— Видите ли, я не думал, что это нанесет какой-либо ущерб...

Хоскинс протянул руку и дернул за шнур, свobodно висевший на наружной стене камеры, о которой в данный момент шла речь.

У мисс Феллоуз, которая как раз в это время разглядывала этот ничем не примечательный, но вызвавший столь горячий спор кусок камня, перехватило дыхание — на ее глазах камень мгновенно исчез. Камера была пуста.

— Я очень сожалею, профессор, — сказал Хоскинс, — но выданное вам разрешение на исследование различных объектов, находящихся в Стасисе, аннулируется навсегда.

— Но погодите...

— Я еще раз очень сожалею. Вы нарушили одно из наших самых важных правил.

— Я подам жалобу в Международную Ассоциацию...

— Жалуйтесь кому угодно. Вы только убедитесь в том, что в случаях, подобных этому, никто не заставит меня отступить.

Он демонстративно отвернулся от продолжавшего протестовать профессора и, все еще бледный от гнева, сказал, обращаясь к мисс Феллоуз:

— Вы не откажетесь позавтракать со мной?

*

Он провел ее в ту часть кафетерия, которая была отведена для членов администрации. Он поздоровался с сидевшими за столиками знакомыми и спокойно представил им мисс Феллоуз, испытывавшую в этот момент мучительную неловкость. «Что они подумают?» — эта мысль не давала ей покоя, и она изо всех сил старалась принять по возможности деловой вид.

— Доктор Хоскинс, у вас часто случаются подобные неприятности? — спросила она, взяв вилку и принимаясь за еду. — Я имею в виду это происшествие с профессором.

— Нет, — с усилием ответил Хоскинс, — такое произошло впервые. Мне, правда, частенько приходится спорить с желающими вынести из Стасиса тот или иной экспонат, но до сегодняшнего дня никто еще не пытался сделать это.

— Мне помнится, что вы однажды говорили о том, что с этим связан большой расход энергии.

— Совершенно верно. Мы, конечно, постарались учесть такую возможность, так как подобные случаи будут повторяться, и у нас имеется теперь специальный запас энергии, рассчитанный на покрытие утечки при непредусмотренном выносе из Стасиса какого-нибудь предмета. Но это вовсе не означает, что нам доставит удовольствие за полсекунды потерять годовой запас энергии. Ведь ущерб, нанесенный нашим средствам потерей такого количества энергии, заставил бы нас

на долгие годы отложить дальнейшее претворение в жизнь планов проникновения в глубины времени... Кроме того, вы можете себе представить, что случилось бы, находишь профессор в камере в тот момент, когда собирались прорвать Стасис?

— А что бы с ним в этом случае произошло?

— Видите ли, мы экспериментировали на неодушевленных предметах и на мышах — они бесследно исчезают. Мы полагаем, что они отправляются назад, в глубину времени, как бы захватываемые тем объектом, который мгновенно переносится в то время, из которого его извлекли. Поэтому нам приходится как бы ставить на якорь те предметы, исчезновение которых из Стасиса нам нежелательно. Что касается профессора, то он отправился бы прямо в плиоцен вместе с исчезнувшим куском камня и очутился бы там в то самое время, из которого мы этот камень извлекли, плюс те две недели, что он находился у нас.

— Как это было бы ужасно!

— Уверяю вас, что судьба самого профессора меня мало беспокоит: если он был настолько глуп, чтобы совершить подобный поступок, то туда ему и дорога, это послужило бы ему хорошим уроком. Но вы только представьте себе, какое это произвело бы впечатление на публику, если бы факт его исчезновения стал широко известен. Достаточно только людям узнать, что нашим опытам сопутствует столь большая опасность, как нас мгновенно лишат средств.

Хоскинс выразительно щелкнул пальцами и принялся мрачно ковырять вилкой стоявшую перед ним еду.

— А вы не могли бы вернуть его назад? — спросила мисс Феллоуз. — Тем же способом, каким вы вначале получили этот камень?

— Нет, потому что, как только предмет отправляется обратно, он уже больше не фиксируется, если только дальнейшая связь с ним не предусматривается заранее, а в данном случае у нас не было для этого никаких оснований. Да и вообще мы никогда к этому не прибегаем. Для того чтобы найти профес-

сора, нужно было бы восстановить первоначальное направление поисков, а это все равно, что забросить удочку в океан с целью поймать одну определенную рыбу. О господи, когда я думаю о всех мерах предосторожности, принимаемых нами, чтобы избежать несчастных случаев, это сводит меня с ума. Каждая отдельная камера Стасиса имеет свое прорывающее устройство — без этого нельзя, так как все они фиксируют различные предметы и должны прекращать свои функции независимо друг от друга. Кроме того, ни одно прорывающее устройство не вводится в действие до последней минуты, причем мы тщательно разработали единственно возможный способ прорыва потенциального поля Стасиса — для этого необходимо дернуть за шнур, осторожно выведенный за пределы камеры. А чтобы это устройство сработало, нужно приложить значительную физическую силу, так что для этого недостаточно случайного движения.

— Скажите, а... не влияет ли на ход истории подобное перемещение объектов из прошлого в настоящее время и обратно? — спросила мисс Феллоуз.

Хоскинс пожал плечами.

— Если подходить к этому с точки зрения теории, то на ваш вопрос можно ответить утвердительно, но в действительности, если исключить из ряда вон выходящие случаи, это не имеет для развития истории никакого значения. Мы все время что-то удаляем из Стасиса — молекулы воздуха, бактерии, пыль. Около десяти процентов потребляемой энергии тратится на возмещение связанной с этим утечки. Но даже перемещение во времени сравнительно больших предметов вызывает изменения, которые быстро сходят на нет. Возьмите хотя бы этот халкопирит из плиоцена. За его двухнедельное отсутствие какое-нибудь насекомое могло остаться без крова и погибнуть, что, в свою очередь, могло повлечь за собой целую серию изменений. Наши математические расчеты указывают на то, что это самозатухающие изменения, которые со временем становятся все менее значительными, и постепенно все опять приходит в первоначальную норму.

— Вы хотите сказать, что природа сама восполняет нанесенный ей ущерб?

— До известной степени. Если вы перенесете человека из другой эпохи в настоящее время или, наоборот, отправите его назад в прошлое, то в последнем случае вы нанесете более существенный ущерб. Если вы проделаете это с обычным рядовым человеком, то рана все же может залечиться сама. Мы ежедневно получаем множество писем с просьбой перенести в нынешнее время Авраама Линкольна, или Магомета, или Ленина. Это, конечно, осуществить невозможно. Даже если бы нам удалось их обнаружить, то в этом случае перемещение во времени одного из творцов истории человечества нанесло бы такой колоссальный ущерб действительности, который невозможно было бы ничем компенсировать. Существуют методы, помогающие нам делать соответствующие расчеты, которые, в свою очередь, определяют, не слишком ли велики будут изменения в развитии при перемещении того или иного объекта во времени, и мы делаем все, чтобы даже не приближаться к этому пределу.

— Значит, Тимми... — начала было мисс Феллоуз.

— Нет, в этом отношении с ним все обстоит благополучно. Действительность находится в полной безопасности. Но... — он бросил быстрый пронизывающий взгляд в ее сторону. — Нет, ничего. Вчера вы сказали мне, что Тимми необходимо общаться с детьми.

— Да, — мисс Феллоуз радостно улыбнулась. — Я не думала, что вы обратили внимание на мою просьбу.

— Но почему же? Я питаю к ребенку самые теплые чувства и ценю ваше к нему отношение. Все это меня достаточно интересует, и я вовсе не собирался замолчать этот вопрос, не объяснив вам, как обстоит дело. Теперь я выполнил эту задачу, вы видели, чем мы занимаемся, вам известны теперь до некоторой степени те трудности, которые нам приходится пре-

одолевать, и вы должны понять, почему при всем желании мы не можем обеспечить Тимми общество его сверстников.

— Не можете? — растерявшись, воскликнула мисс Феллоуз.

— Но ведь я только что вам все объяснил. У нас не было бы ни малейшей надежды найти другого неандертальца его возраста, — на такую невероятную удачу не приходится даже рассчитывать. А если б пам и повезло, то совершенно неразумно было бы умножать риск, содержа в Стасисе еще одно человеческое существо.

— Но вы меня неправильно поняли, доктор Хоскинс, — отложив в сторону ложку, решительно сказала мисс Феллоуз. — Я вовсе не хочу, чтобы вы перенесли в настоящее время еще одного неандертальца. Я знаю, что это невозможно. Но зато ведь можно привести в Стасис другого ребенка, чтобы он играл с Тимми.

— Ребенка человека? — Хоскинс был потрясен.

— Другого ребенка, — отрезала мисс Феллоуз, чувствуя, как мгновенно все ее расположение к Хоскинсу сменилось враждебностью. — Тимми — человек!

— Мне это даже в голову не пришло.

— Почему? Почему вы не подумали именно об этом? Что в этом дурного? Вы вырвали ребенка из его эпохи, обрекли его на вечное заключение, так неужели вы не чувствуете себя в долгу перед ним? Доктор Хоскинс, если есть в этом мире человек, который по всем показателям, кроме биологического, может считаться отцом этого ребенка, то это — вы. Почему же вы не хотите сделать для него такую малость?

— Я — его отец? — спросил Хоскинс, как-то неловко поднимаясь из-за стола. — Если вы не возражаете, мисс Феллоуз, я провожу вас обратно в Стасис.

Они молча возвратились в кукольный домик. Никто из них не произнес больше ни слова.

Если не считать случайных, мимоходом брошенных взглядов, прошло много времени, пока ей снова удалось встретиться с Хоскинсом. Иногда она жале-ла об этом, но когда Тимми бывал особенно грустен или молча стоял часами у окна, за которым почти ничего не было видно, она с возмущением думала: «Как же он глуп, этот человек!»

Тимми говорил с каждым днем все свободнее и правильнее. Правда, он так и не смог полностью избавиться от присущей ему с самого начала неко-торой невнятности в произношении, в которой мисс Феллоуз находила даже своеобразную привлекатель-ность. В минуты волнения он иногда по-прежнему прищелкивал, но это случалось все реже. Должно быть, он постепенно забывал те далекие дни, что пред-шествовали его появлению в нынешнем вре-мени...

По мере того как Тимми подрастал, интерес к нему физиологов шел на убыль: зато теперь им стали больше заниматься психологи. Мисс Феллоуз не была уверена в том, кто из них вызывал в ней большую неприязнь. Со шприцами было покончено — уколы и выкачивания из организма жидкости пре-кратились; его перестали кормить согласно специаль-но составленной диете. Но зато теперь Тимми, чтобы получить пищу и воду, приходилось преодолевать препятствия. Он должен был поднимать половицы, отодвигать нарочно установленные решетки, дергать за шнуры. Удары слабого электрического тока дово-дили его до истерики, и это приводило мисс Феллоуз в отчаяние.

Она не желала больше обращаться к Хоскин-су, — каждый раз, когда она думала о нем, перед ней всплывало его лицо, каким оно было в то утро за завтраком. Глаза ее наполнялись слезами, и она опять не могла удержаться, чтобы не подумать: «Глупый, глупый человек!»

И вот однажды возле кукольного домика совер-шенно неожиданно раздался его голос — он звал ее.

Поправляя на ходу свой форменный халат, она не спеша вышла из дома и, внезапно смутившись, остановилась, увидев перед собой стройную женщину среднего роста. Благодаря светлым волосам и бледному цвету лица незнакомка казалась очень хрупкой. За ее спиной, крепко уцепившись за ее юбку, стоял круглолицый большеглазый мальчуган лет четырех.

— Дорогая, это мисс Феллоуз, сестра, наблюдающая за мальчиком. Мисс Феллоуз, познакомьтесь с моей женой.

(Неужели это его жена? Мисс Феллоуз представляла ее совсем другой. Хотя почему бы и нет? Такой человек, как Хоскинс, вполне мог для контраста выбрать себе в жены слабое существо. Возможно, это было именно то, что ему требовалось...)

Она заставила себя непринужденно поздороваться.

— Добрый день, миссис Хоскинс. Это ваш... ваш малыш?

(Это было для нее полной неожиданностью. Она могла представить себе Хоскинса в роли мужа, но не отца, за исключением, конечно, того... Она вдруг поймала на себе мрачный взгляд Хоскинса и покраснела.)

— Да, это мой сын Джерри, — сказал Хоскинс. — Джерри, поздоровайся с мисс Феллоуз.

(Не подчеркнул ли он слегка слово «это»? Не хотел ли он дать ей понять, что это его сын, а не...)

Джерри немного подался вперед, не расставаясь, однако, с материнской юбкой, и пробормотал приветствие. Миссис Хоскинс явно пыталась заглянуть через плечо мисс Феллоуз в комнату, как бы ожидая найги там нечто весьма ее интересовавшее.

— Ну что ж, зайдем в Стасис, — сказал Хоскинс. — Входи, дорогая. На пороге тебя ждет несколько неприятное ощущение, но это быстро пройдет.

— Вы хотите, чтобы Джерри тоже вошел туда? — спросила мисс Феллоуз.

— Конечно. Он будет играть с Тимми. Вы ведь говорили, что Тимми нужен товарищ для игр. Может быть, вы уже забыли об этом?

— Но... — в ее взгляде, брошенном на него, отразилось глубочайшее удивление. — Ваш мальчик?

— А чей же еще? — раздраженно сказал он. — Разве не этого вы добивались? Идем, дорогая. Входи же.

С явным усилием подняв Джерри на руки, миссис Хоскинс переступила через порог. Джерри захныкал — видимо, ему не понравилось испытываемое при входе в Стасис ощущение.

— Где же это существо? — тонким голоском спросила миссис Хоскинс. — Я не вижу его.

— Иди сюда, Тимми! — позвала мисс Феллоуз.

Тимми выглянул из-за двери, во все глаза уставившись на пожаловавшего к нему в гости мальчонку. Мускулы на руках миссис Хоскинс заметно напряглись.

Обернувшись к мужу, она спросила:

— Ты уверен, Джеральд, что он не опасен?

— Если вы имеете в виду Тимми, то он не представляет никакой опасности, — тут же вмешалась мисс Феллоуз. — Он спокойный и послушный мальчик.

— Но ведь он ди... дикарь.

(Вот оно что! Это результат все тех же газетных историй о мальчике-обезьяне.)

— Он вовсе не дикарь, — с ударением произнесла мисс Феллоуз. — Он спокоен и рассудителен именно в той степени, в какой этого можно ожидать от пятилетнего ребенка. Очень великодушно с вашей стороны, миссис Хоскинс, разрешить вашему мальчику играть с Тимми, и я убедительно прошу вас не беспокоиться.

— Я не уверена, что соглашусь на это, — раздраженно произнесла миссис Хоскинс.

— Мы ведь уже обсудили этот вопрос, дорогая, — сказал Хоскинс, — и я думаю, что не стоит возобновлять наш спор. Спусти Джерри на пол.

Миссис Хоскинс повиновалась. Мальчик прижался к ней спиной и уставился на находившегося в соседней комнате ребенка, в свою очередь не спускавшего с него глаз.

— Тимми, иди-ка сюда, — сказала мисс Феллоуз, — иди, не бойся.

Тимми медленно вошел в комнату. Хоскинс наклонился, чтобы отцепить пальцы Джерри от материнской юбки.

— Отойди немного назад, дорогая, дай детям возможность познакомиться.

Мальчики очутились лицом к лицу. Несмотря на то, что Джерри был младше, он был выше Тимми на целый дюйм, и на фоне его стройной фигурки и красиво посаженной пропорциональной головы гротескность облика Тимми вдруг бросилась в глаза, почти как в первые дни.

У мисс Феллоуз задрожали губы.

Первым заговорил маленький неандерталец.

— Как тебя зовут? — дискантом спросил он, быстро приблизив к Джерри свое лицо, как бы желая получше рассмотреть его.

Вздрыгнув от неожиданности, Джерри вместо ответа дал Тимми сильного тумака, Тимми, отлетев назад и не удержавшись на ногах, упал на пол. Оба громко заревели, и миссис Хоскинс поспешила схватить Джерри на руки, в то время как мисс Феллоуз, покраснев от сдерживаемого гнева, подняла Тимми, стараясь успокоить его.

— Они инстинктивно невзлюбили друг друга, — заявила миссис Хоскинс.

— Они инстинктивно относятся друг к другу точно так же, как любые другие дети, будь они на их месте, — устало сказал Хоскинс. — А теперь спусти Джерри с рук и дай ему привыкнуть к обстановке. По правде говоря, нам лучше сейчас уйти. Мисс Феллоуз может через некоторое время привести Джерри ко мне в кабинет, и я позабочусь, чтобы его доставили домой.

В последовавший за этим час дети ни на минуту не упускали друг друга из виду. Джерри плакал и звал мать, боясь отойти от мисс Феллоуз, и только спустя некоторое время позволил, наконец, себя утешить леденцом. Тимми тоже получил леденец, и через час мисс Феллоуз удалось добиться того, что оба они

сели играть в кубики, правда в разных концах комнаты.

Когда мисс Феллоуз в этот день повела Джерри к отцу, она до такой степени была исполнена благодарности Хоскинсу, что с трудом сдерживала слезы.

Мисс Феллоуз искала слова, чтобы выразить свои чувства, но подчеркнутая сдержанность Хоскинса помешала ей высказаться. Может быть, он до сих пор не простил ей того, что она заставила прочувствовать жестокость его отношения к Тимми. А может быть, он в конце концов привел собственного сына, чтобы доказать ей, как хорошо он относится к Тимми, и одновременно дать понять, что он вовсе не его отец. Да, именно это он и имел в виду!

Так что она ограничилась лишь несколькими словами.

— Спасибо, большое спасибо, доктор Хоскинс.

На что ему оставалось лишь ответить:

— Не за что, мисс Феллоуз. Все идет как нужно.

Постепенно это вошло в обычай. Два раза в неделю Джерри приводили на час поиграть с Тимми, потом этот срок был продлен до двух часов. Дети познакомились, постепенно изучили привычки друг друга и стали играть вместе.

И теперь, когда схлынула первая волна благодарности, мисс Феллоуз обнаружила, что Джерри ей явно не нравится. Физически он был значительно крупнее Тимми, да и вообще превосходил его во всех отношениях: он властвовал над Тимми, отводя ему во всем второстепенную роль. С создавшимся положением ее примиряло только то, что, несмотря на все трудности, Тимми все более нетерпеливо ждал очередного прихода своего товарища по играм.

— Это все, что у него есть в жизни, — с грустью говорила она себе.

И однажды, наблюдая за ними, она вдруг подумала: «Эти двое мальчиков — оба дети Хоскинса, один от жены, другой — от Стасиса. В то время как она сама...»

— О господи, — сжав кулаками виски, со стыдом подумала она, — ведь я ревную!

— Мисс Феллоуз, — спросил однажды Тимми, (она никогда не разрешала ему иначе называть себя), — когда я пойду в школу?

Она взглянула в его карие глаза, умоляюще смотревшие на нее в ожидании ответа, и мягко провела рукой по его густым волосам. Это была самая неаккуратная часть его наружности: она стригла его сама, и мальчик, не переставая, вертелся под ножницами и мешал ей. Она никогда не просила прислать для этой цели парикмахера, ибо эта ее неумелая стрижка удачно помогала маскировать низкий покатый лоб ребенка и чрезмерно выпуклый затылок.

— Откуда ты узнал о школе? — спросила она.

— Джерри ходит в школу. В детский сад, — старательно выговаривая слоги, ответил он. — Джерри бывает во многих местах там, на воле. Когда же я выйду отсюда на волю, мисс Феллоуз?

У мисс Феллоуз мучительно сжалось сердце. Она, конечно, понимала: ничто не сможет помешать тому, что Тимми неизбежно будет узнавать все больше и больше о внешнем мире, о том мире, в который ему никогда не суждено вступить.

Постаравшись придать своему голосу побольше бодрости, она спросила:

— А что бы ты стал делать в детском саду, Тимми?

— Джерри говорит, что они играют там в разные игры, что им показывают ленты с движущимися картинками. Он говорит, что там много-много детей. Он рассказывает... — Тимми на мгновение задумался, потом торжествующе развел в стороны обе руки с растопыренными пальцами и только тогда кончил фразу: — Вот как много он рассказывает!

— Тебе хотелось бы посмотреть движущиеся картинки? — спросила мисс Феллоуз. — Я принесу тебе эти ленты и ленты с записью музыки.

Так удалось на какое-то время успокоить его.

В отсутствие Джерри он жадно рассматривал движущиеся картинки, а мисс Феллоуз часами читала ему вслух книжки.

В самом простом рассказике содержалось столько для него непонятого, ему приходилось объяснять сущность самых обычных вещей, находившихся за пределами трех комнат Стасиса. Теперь, когда в его мысли вторгся внешний мир, он все чаще стал видеть сны.

Ему снилось всегда одно и то же — тот неведомый мир, что находился за пределами его домика. Он неумело пытался рассказать мисс Феллоуз содержание своих сновидений, в которых он всегда переносился в огромное пустое пространство, где, кроме него, были еще дети и какие-то странные, непонятные предметы, созданные его воображением на основе далеко не до конца понятых им книжных образов. Иногда ему снились картины из его полузабытого далекого прошлого, когда он жил еще среди неандертальцев.

Снившиеся ему дети и неведомые предметы не замечали его, хотя он чувствовал, что находится с ними за пределами Стасиса, он в то же время понимал, что не принадлежит внешнему миру, и оставался всегда в страшном одиночестве, как будто и не покидал своей комнаты. Он всегда просыпался в слезах.

Пытаясь успокоить Тимми, мисс Феллоуз старалась обратить его рассказы в шутку, смеялась над ними, но сколько ночей она сама проплакала в своей квартире.

Однажды, когда мисс Феллоуз читала вслух, Тимми протянул руку к ее подбородку и, осторожно приподняв ее лицо от книги, заставил ее взглянуть себе в глаза.

— Мисс Феллоуз, откуда вы узнаете, что нужно говорить? — спросил он.

— Ты видишь эти значки? Они-то и говорят мне о том, что я потом уже рассказываю тебе. Из этих значков составляются слова.

Взяв из ее рук книгу, Тимми долго с любопытством рассматривал буквы.

— Некоторые из значков совсем одинаковые, — произнес он наконец.

Она рассмеялась от радости, которую ей доставила его сообразительность.

— Правильно. Хочешь, я покажу тебе, как писать эти значки?

— Хорошо, покажите. Это будет интересная игра.

Ей даже в голову не пришло, что он может научиться читать. До того самого момента, когда он прочел ей вслух книжку, она отказывалась верить в это. Через несколько недель она внезапно осознала всю огромную важность этого события и была ошеломлена. Сидя у нее на коленях, Тимми читал ей вслух детскую книжку, не пропуская ни одного слова. Он читал!

Потрясенная, она поднялась со стула и сказала:

— Я скоро вернусь, Тимми. Мне необходимо поговорить с доктором Хоскинсом.

Ее охватило граничащее с безумием возбуждение. Ей показалось, что теперь ей удастся, наконец, найти средство сделать Тимми в какой-то степени счастливым. Если Тимми нельзя войти в современную жизнь, то эта жизнь сама должна прийти к нему в его трехкомнатную тюрьму, запечатленная в книгах, фильмах и звуках.

Ему необходимо дать образование, используя все его природные способности. Этим человечество могло бы как-то возместить то зло, которое оно ему причинило.

*

Она нашла Хоскинса в настроении, странно сходном с ее собственным; и все его существо излучало неприкрытую радость и торжество. В правлении царило необычное оживление, и мисс Феллоуз, когда она растерянно остановилась в приемной, даже подумала, что ей не удастся сегодня поговорить с Хоскинсом.

Но он заметил ее, и его широкое лицо расплылось в улыбке.

— Идите сюда, мисс Феллоуз, — позвал он.

Он быстро договорил что-то по интеркому и выключил его.

— Вы уже слышали?.. Ну, конечно, нет, вы еще ничего не можете знать. Мы таки добились своего! Нам удалось, наконец, совершить это! Мы теперь можем фиксировать объекты из недалекого прошлого.

— Вы хотите сказать, что теперь вы в состоянии перенести в настоящее время человека, жившего уже в историческую эпоху? — спросила мисс Феллоуз.

— Вы меня абсолютно правильно поняли. И в данный момент мы как раз зафиксировали одного индивидуума, жившего в четырнадцатом веке. Вы только представьте себе всю важность этого события! Если бы вы только знали, как я буду счастлив избавиться, наконец, от этой концентрации всех сил на мезозойской эре, которой, казалось, не будет конца; какое я получу удовольствие от замены палеонтологов историками... Вы, кажется, что-то хотели сообщить мне? Ну, давайте выкладывайте, что там у вас. Говорите же. Вы застали меня в хорошем настроении и можете получить все, что пожелаете.

— Я очень рада, — улыбнулась мисс Феллоуз. — Меня как раз интересует один вопрос: не могли бы мы разработать систему образования для Тимми?

— Образования? Какого еще образования?

— Ну, общего образования. Я имею в виду школу. Надо дать ему возможность учиться.

— Но может ли он учиться?

— Конечно, ведь он уже учится. Он умеет читать, этому я научила его сама.

Ей показалось, что настроение Хоскинса вдруг резко ухудшилось.

— Я, право, не знаю, что вам на это сказать, мисс Феллоуз, — произнес он.

— Но ведь вы только что пообещали, что исполните любую мою просьбу...

— Я это помню. К сожалению, в данном случае я поступил опрометчиво. Видите ли, мисс Феллоуз,

я думаю, вы прекрасно понимаете, что мы не можем продолжать эксперимент с Тимми до бесконечности.

Охваченная внезапным ужасом, она в упор взглянула на него, еще до конца не осознав весь смысл сказанных только что слов. Что он подразумевал под этим «не можем продолжать»? Ее сознание вдруг озарила яркая вспышка — она вспомнила о профессоре Адемевском и минерале, отправленном назад после двухнедельного пребывания в Стасисе...

— Но сейчас ведь речь идет о мальчике, а не о куске камня...

Хоскинс явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— В случаях, подобных этому, даже ребенку нельзя придавать слишком большое значение. Теперь, когда мы надеемся заполучить сюда людей, живших в историческую эпоху, нам понадобятся все помещения Стасиса.

Она все еще ничего не понимала.

— Но вы не сделаете этого. Тимми... Тимми...

— Ну, ну, не принимайте все так близко к сердцу, мисс Феллоуз. Быть может, Тимми пробудет здесь еще несколько месяцев, и за это время мы постараемся сделать для него все, что в наших силах.

Она продолжала молча смотреть на него.

— Не хотите ли вы выпить чего-нибудь, мисс Феллоуз?

— Нет, — прошептала она. — Мне ничего не нужно.

Едва созная, что делает, она с трудом поднялась на ноги и, словно во власти кошмара, вышла из комнаты.

«Ты не умрешь, Тимми, — думала она. — Ты не умрешь».

*

С той поры ее неотступно преследовала мысль о необходимости как-то предотвратить гибель Тимми. Но одно дело думать, а другое — осуществить задуманное. Первое время мисс Феллоуз упорно цеплялась за надежду, что попытка перенести кого-либо из XIV века в настоящее время потерпит полную неудачу. Хоскинс мог допустить ошибку с точки зрения

теории эксперимента, могли также обнаружиться недостатки в методе его осуществления. И тогда все останется по-старому.

Остальная часть человечества, конечно, надеялась на противоположный исход, и мисс Феллоуз вопреки рассудку возненавидела за это весь мир. Ажиотаж, поднявшийся вокруг «Проекта Средневековье», достиг предельного накала. Печать и общественность изголодались по чему-либо из ряда вон выходящему. Акционерное общество «Стасис Инкорпорейтэд» давно уже не производило подобной сенсации. Какой-нибудь новый камень или ископаемая рыба уже никого не волновали. А это было как раз то, что требовалось.

Человек, живший уже в историческую эпоху, взрослый индивид, говорящий на понятном и теперь языке, тот, кто поможет ученым воссоздать неведомую поныне страницу истории.

Решительный час приближался, и на сей раз уже не только трое на балконе должны были стать свидетелями столь важного события. Теперь весь мир превращался в гигантскую аудиторию, а техническому персоналу Стасиса предстояло играть свою роль на глазах почти у всего человечества.

Среди чувств, кипевших в душе мисс Феллоуз, отсутствовало лишь одно: она отнюдь не была охвачена всеобщим психозом радостного ожидания.

Когда Джерри пришел, как обычно, играть с Тимми, она едва узнала его. Секретарша, которая привела его, небрежно кивнув мисс Феллоуз, поспешила удалиться. Она торопилась занять хорошее место, откуда ей удастся без помех следить за воплощением в жизнь «Проекта Средневековье». Мисс Феллоуз с горечью подумала, что если б, наконец, пришла эта глупая девчонка, она тоже уже могла бы быть там, причем у нее была более веская, чем простое любопытство, причина присутствовать при опыте.

— Мисс Феллоуз, — смущенно произнес Джерри, неуверенно, бочком приближаясь к ней и доставая из кармана какой-то обрывок газеты.

— Да! Что это там у тебя, Джерри?

— Это фотография Тимми.

Мисс Феллоуз внимательно посмотрела на ребенка и затем быстро выхватила из его рук клочок газеты. Всеобщее возбуждение, вызванное «Проектом Средневековье», возродило в печати некоторый интерес к личности Тимми.

Джерри внимательно следил за выражением ее лица.

— Тут говорится, что Тимми — мальчик-обезьяна. Что это значит, мисс Феллоуз?

Мисс Феллоуз схватила мальчишку за руку, с трудом подавив желание как следует встряхнуть его.

— Никогда не говори этого, Джерри. Никогда, ты понимаешь? Это гадкое слово, и ты не должен употреблять его.

Перепуганный Джерри отчаянно старался освободиться от ее руки.

Мисс Феллоуз с яростью разорвала бумагу.

— А теперь иди в дом и играй с Тимми. Он покажет тебе свою новую книжку.

Наконец появилась девушка. Мисс Феллоуз никогда раньше не видела ее. Дело в том, что никто из постоянных служащих Стасиса, иногда замещавших ее, когда ей необходимо было отлучиться по делу, сейчас, в связи с приближением момента осуществления «Проекта Средневековье», не мог помочь. Однако секретарша Хоскинса обещала найти какую-нибудь девушку.

— Вы и есть та девушка, которую прикрепили к Первой Секции Стасиса? — стараясь сдержать дрожь в голосе, спросила мисс Феллоуз.

— Да, это я. Меня зовут Мэнди Террис. А вы — мисс Феллоуз, да?

— Совершенно верно.

— Простите, что я немного опоздала. Везде такая суматоха.

— Я знаю. Итак, я хочу, чтобы вы...

— Вы ведь будете смотреть, правда? — перебила ее Мэнди. На ее хорошеньком, тонком, но каком-то пустом лице отразилась жгучая зависть.

— Это не имеет значения. Я хочу, чтобы вы во-

шли в дом и познакомились с Тимми и Джерри. Они будут играть часа два и не причинят вам никакого беспокойства. Им оставлено молоко, у них много игрушек. Будет даже лучше, если вы по возможности предоставите их самим себе. А теперь я покажу вам, где что находится и...

— Этот Тимми — мальчик-обез...?

— Тимми — ребенок, который живет в Стасисе, — резко перебила ее мисс Феллоуз.

— Я хотела сказать, что Тимми — это тот, кому нельзя выходить из дома, не так ли?

— Да. А теперь заходите, у нас мало времени.

И когда ей, наконец, удалось уйти, ей вслед раздался пронзительный голос Мэнди Террис:

— Надеюсь, вам достанется хорошее местечко. Ей-богу, мне так хочется, чтобы опыт удался.

Не будучи уверенной в том, что, если она попытается ответить Мэнди, ей удастся сохранить самообладание, мисс Феллоуз, даже не оглянувшись, поспешила поскорей уйти.

*

Но из-за того, что она задержалась, ей не удалось занять хорошее место. Она с трудом протолкалась только до экрана в Зале собраний. Если бы ей повезло очутиться поблизости от места, где проводился эксперимент, если бы она только могла подойти к какому-нибудь чувствительному прибору, если бы она как-нибудь ухитрилась сорвать опыт...

Она нашла в себе силы овладеть с охватившим ее безумием. Ведь простое разрушение прибора ни к чему бы не привело. Они бы все равно исправили его и поставили бы эксперимент заново... А ей никогда бы не разрешили вернуться к Тимми.

Ничто не могло ей помочь. Ничто, за исключением естественного и притом непоправимого провала опыта.

И в те мгновения, когда отсчитывались последние секунды, ей оставалось только ждать, напряженно следя за каждым движением на огромном экране, внимательно всматриваясь в лица занятых в опыте

сотрудников, когда то один, то другой из них попадал в фокус; она старалась уловить в их взглядах выражение беспокойства и неуверенности, указывающих на возникновение неожиданных затруднений в осуществлении опыта; она ни на секунду не отрывала взгляд от экрана...

Но ее надежды не оправдались. Была отсчитана последняя секунда, и очень спокойно, без лишнего шума опыт был благополучно завершен!

В недавно отстроенном новом помещении Стасиса стоял бородатый сутулый крестьянин неопределенного возраста, в рваной, грязной одежде и деревянных башмаках; он с тупым ужасом озирался по сторонам, его сознание не в состоянии было воспринять внезапно обрушившуюся на него невероятную перемену обстановки.

И в тот момент, когда весь мир обезумел от восторга, мисс Феллоуз, застывшая от горя, одна стояла неподвижно в поднявшейся сутолоке. Ее толкали, пинали, швыряли, только что не топтали ногами; она стояла в гуще ликующей толпы, вся сжавшись под бременем рухнувших надежд.

И когда скрипучий голос громкоговорителя назвал ее имя, это дошло до ее сознания только после трехкратного повторения.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, вас требуют в Первую Секцию Стасиса. Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз...

— Пропустите меня! — задыхаясь, крикнула она, в то время как громкоговоритель, ни на секунду не останавливаясь, продолжал повторять все ту же фразу. Собрав все свои силы, она стала отчаянно пробиваться через толпу, расталкивая окружающих ее людей. Не останавливаясь ни перед чем, пустив в ход даже кулаки, раздавая направо и налево удары и поминутно застревая в людском водовороте, она медленно, как в кошмаре, но все же продвигалась к выходу.

*

Мэнди Террис рыдала.

— Я просто не могу себе представить, как это

произошло. Я отлучилась всего лишь на одну минутку, чтобы взглянуть на тот маленький экран, который они установили в начале коридора. Только на одну минуту. И вдруг, прежде чем я успела что-либо сделать... Вы сами сказали мне, что они не причинят никакого беспокойства, вы сами посоветовали оставить их одних! — выкрикнула вдруг Мэнди, переходя в наступление.

— Где Тимми? — глядя на нее непонимающими глазами, спросила мисс Феллоуз, не замечая сотрясавшей ее тело нервной дрожи.

Одна сестра протирала плачущему Джерри руку дезинфицирующим средством, другая готовила шприц с противостолбнячной сывороткой.

— Он укусил меня, мисс Феллоуз! — задыхаясь от злости, крикнул Джерри. — Он укусил меня!

Но мисс Феллоуз даже не заметила его.

— Что вы сделали с Тимми? — крикнула она.

— Я заперла его в ванной комнате, — ответила Мэнди. — Я просто-напросто швырнула туда это маленькое чудовище и заперла его там.

Мисс Феллоуз бегом ринулась в кукольный домик. Она задержалась у дверей ванной, казалось, что прошла целая вечность, пока ей удалось, наконец, открыть дверь и отыскать забившегося в угол уродливого мальчугана.

— Не бейте меня, мисс Феллоуз, — прошептал он. Глаза его покраснели, губы дрожали. — Я не хотел сделать это.

— О Тимми, откуда ты взял, что я буду тебя бить? — Подхватив ребенка на руки, она крепко прижала его к себе.

— Она сказала, что вы выпорете меня длинной веревкой. Она сказала, что вы будете меня бить, бить, бить... — взволнованно ответил Тимми.

— Никто тебя не будет бить. С ее стороны очень дурно было говорить это. Но что случилось? Что случилось?

— Он назвал меня мальчиком-обезьяной. Он сказал, что я не настоящий мальчик, что я животное. Из глаз Тимми хлынули слезы.

— Он сказал, что не хочет больше играть с обезьяной. А я сказал, что я не обезьяна. Я не обезьяна! Потом он сказал, что я очень смешно выгляжу, что я ужасно безобразен. Он повторил это много-много раз, и я укусил его.

Теперь они плакали оба.

— Но ведь ты же знаешь, Тимми, что это неправда, — всхлипывая, сказала мисс Феллоуз, — ты настоящий мальчик. Ты самый настоящий и самый хороший мальчик на свете. И никто, никто никогда тебя у меня не отнимет.

*

Теперь ей легко было решиться, она, наконец, знала, что делать. Но действовать нужно было быстро, Хоскинс не станет больше ждать, ведь пострадал его собственный ребенок...

Нет, это должно произойти ночью, сегодня ночью, когда почти все служащие Стасиса будут либо спать, либо веселиться в связи с успешным претворением в жизнь «Проекта Средневековье».

Она вернется в Стасис в необычное время, но это случалось и раньше. Охранник хорошо знал ее, и ему даже в голову не придет требовать от нее каких бы то ни было объяснений. Он и внимания не обратит на то, что у нее в руках будет чемодан. Она несколько раз прорепетировала эту простую фразу «Игры для мальчиков» и последующую за ней спокойную улыбку. И он поверил.

Когда она снова появилась в кукольном домике, Тимми еще не спал, и она изо всех сил старалась вести себя, как обычно, чтобы не испугать его. Она поговорила с ним о его снах и выслушала его вопросы о Джерри.

Потом ее увидят немногие, и никому не будет никакого дела до узла, который она будет нести. Тимми поведет себя очень спокойно, а затем все уже станет *fait accompli* *. Задуманное свершится, и что толку пытаться исправить то, что уже произошло. Ей дадут

* Сверхившимся фактом.

возможность существовать. Им обоим будет дарована жизнь.

Она открыла чемодан и вытащила из него пальто, шерстяную шапку с наушниками и еще кое-что.

— Мисс Феллоуз, почему вы надеваете на меня все эти вещи? — встревожившись, спросил Тимми.

— Я хочу вывести тебя отсюда, Тимми. Мы отправимся в страну твоих снов, — ответила мисс Феллоуз.

— Моих снов? — его лицо загорелось радостью, но он еще не мог полностью избавиться от страха.

— Не бойся, ты будешь со мной. Ты не должен бояться, когда ты со мной, не так ли, Тимми?

— Конечно, мисс Феллоуз, — он прижался к ней своей бесформенной головкой, и, обняв его, она ощутила под рукой биение его маленького сердца.

Наступила полночь. Мисс Феллоуз взяла ребенка на руки, выключила сигнализацию и осторожно открыла дверь.

И тут из ее груди вырвался крик ужаса — она очутилась лицом к лицу со стоявшим на пороге Хоскинсом!

*

С ним были еще двое, и, увидев ее, он был поражен в не меньшей степени, чем она сама.

Мисс Феллоуз пришла в себя на какую-то долю секунды раньше и попыталась быстро проскочить мимо него, но, несмотря на этот выигрыш во времени, он все же опередил ее. Он грубо схватил ее и оттолкнул назад в глубину комнаты по направлению к шкафу. Он знаком приказал остальным войти в помещение и сам стал у выхода, загородив дверь.

— Этого я не ожидал. Вы окончательно сошли с ума?

Когда Хоскинс толкнул ее, она успела повернуться так, что ударилась о шкаф плечом и Тимми почти не ушибся.

— Что случится, если я возьму его с собой, доктор Хоскинс? — умоляюще произнесла она. — Неужели потеря энергии для вас важнее, чем человеческая жизнь?

Хоскинс решительно вырвал из ее рук Тимми.

— Потеря энергии в таком размере привела бы к утечке многих миллионов долларов из карманов вкладчиков. Это катастрофически затормозило бы работы, ведущиеся акционерным обществом «Стасис Инкорпорейтэд». Это означало бы то, что всем и каждому стала бы известна история чувствительной сестры, которая нанесла колоссальный ущерб обществу во имя спасения мальчика-обезьяны.

— Мальчика-обезьяны! — в бессильной ярости воскликнула мисс Феллоуз.

— Под таким именем он фигурировал бы в описаниях этого события.

Между тем один из пришедших с Хоскинсом мужчин начал протягивать через отверстия в верхней части стены нейлоновый шнур. Мисс Феллоуз вспомнила шнур, висевший на наружной стене камеры, где находился обломок камня профессора Адемевского, тот шнур, за который дернул в свое время Хоскинс.

— Нет! — вскричала она.

Но Хоскинс спустил Тимми на пол и, осторожно сняв с него пальто, сказал:

— Оставайся здесь, Тимми, с тобой ничего не случится. Мы только выйдем на минутку из комнаты. Хорошо?

Поблудневший и лишившийся дара речи Тимми, однако, нашел в себе силы утвердительно кивнуть головой. Хоскинс вывел мисс Феллоуз из кукольного домика, держась на всякий случай позади нее. На какой-то миг мисс Феллоуз утратила способность к сопротивлению. Она тупо следила за тем, как укрепляли снаружи конец шнура.

— Мне очень жаль, мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс, — я охотно избавил бы вас от этого зрелища. Я намеревался сделать это ночью, чтобы вы узнали обо всем уже потом.

— И все из-за того, что пострадал ваш сын, который замучил этого ребенка до такой степени, что он уже не смог совладать с собой и поранил его?

— Поверьте мне, что дело не в этом. Мне понятна причина того, что здесь сегодня произошло,

и я знаю, что во всем виноват Джерри. Но эта история уже получила огласку, да иначе и не могло быть при том количестве корреспондентов, которые собрались здесь в такой день. Я не могу пойти на риск и допустить, чтобы появившиеся в печати ложные слухи о нашей небрежности и о так называемых «диких неандертальцах» умалили значение успеха «Проекта Средневековье». Так или иначе Тимми все равно должен скоро исчезнуть, так почему бы ему не исчезнуть сейчас, умерив тем самым пыл любителей сенсаций и сократив то количество грязи, которое они постараются на нас вылить.

— Но ведь это не то же самое, что отправить назад в прошлое осколок камня. Вы убьете человеческое существо.

— Это не убийство. Он ничего не почувствует, он просто опять станет мальчиком-неандертальцем и попадет в свою привычную среду. Он не будет больше чужаком, обреченным на вечное заключение. Ему представится возможность жить свободной жизнью.

— Какая же это возможность? Ему всего лишь семь лет, и он привык, чтоб о нем заботились, чтобы его кормили, одевали, оберегали. Он будет одинок, ведь за эти четыре года его племя могло уйти из тех мест, где он его покинул. А если даже племя еще там, ребенка никто не узнает, он должен будет сам о себе заботиться, а ведь ему негде было научиться этому.

Хоскинс беспомощно покачал головой.

— О господи, неужели вы считаете, мисс Феллоуз, что мы не думали об этом? Разве вы не понимаете, что мы вызвали из прошлого ребенка только потому, что это было первое человеческое или, вернее, получеловеческое существо, которое нам удалось зафиксировать, и мы боялись отказаться от этого, так как не были уверены, что нам удастся столь же удачно повторить эту попытку? Как вы думаете, неужели мы держали бы здесь Тимми так долго, если б нас не смущала необходимость отослать его обратно в прошлое! Мы делаем это сейчас потому, — в его голосе

завучала решимость отчаяния, — что мы не в состоянии больше ждать. Тимми может послужить причиной компрометирующей нас шумихи. Мы находимся сейчас на пороге великих открытий, и мне очень жаль, мисс Феллоуз, но мы не можем допустить, чтобы Тимми помешал нам. Не можем. Я очень сожалею, мисс Феллоуз, но это так.

— Ну что ж, — грустно произнесла мисс Феллоуз. — Разрешите мне по крайней мере попрощаться с ним. Дайте мне пять минут, я не прошу ничего больше.

— Идите, — после некоторого колебания сказал Хоскинс.

*

Тимми бросился ей навстречу. В последний раз он подбежал к ней, и она в последний раз прижала его к себе.

Какое-то мгновение она молча сжимала его в своих объятиях. Потом она ногой пододвинула к стене стул и села.

— Не бойся, Тимми.

— Я ничего не боюсь, когда вы со мной, мисс Феллоуз. Этот человек очень сердит на меня, тот, что остался за дверью?

— Нет. Он просто нас с тобой не понимает... Тимми, ты знаешь, что такое мать?

— Это как мама Джерри?

— Он рассказывал тебе о своей матери?

— Иногда. Мне кажется, что мать — это женщина, которая о тебе заботится, которая очень добра к тебе и делает для тебя много хорошего.

— Правильно. А тебе когда-нибудь хотелось иметь мать, Тимми?

Тимми откинул голову, чтобы увидеть ее лицо. Он медленно протянул руку и стал гладить ее по щеке и волосам, как давным-давно, в первый день его появления в Стасисе, она сама гладила его.

— А разве вы не моя мать? — спросил он.

— О Тимми!

— Вы сердитесь, что я так спросил?

— Нет, что ты, конечно, нет.

— Я знаю, что вас зовут мисс Феллоуз, но... иногда я про себя называю вас «мама». В этом нет ничего дурного?

— Нет, нет. Я никогда не покину тебя, и с тобой ничего не случится. Я всегда буду с тобой, всегда буду заботиться о тебе. Скажи мне «мама», но так, чтобы я слышала.

— Мама, — удовлетворенно произнес Тимми, прижавшись щекой к ее лицу.

Она поднялась и, не выпуская его из рук, взобралась на стул. Она уже не слышала внезапно поднявшегося за дверью шума и криков. Свободной рукой она ухватилась за протянутый между двумя отверстиями в стене шнур и всей своей тяжестью повисла на нем.

Стасис был прорван, и комната опустела.

БЕССМЕРТНЫЙ БАРД

— О да, — сказал доктор Финеас Уэлч, — я могу вызывать души знаменитых покойников.

Он был слегка под мухой, иначе бы он этого не сказал. Конечно, в том, что он напился на рождественской вечеринке, ничего предосудительного не было.

Скотт Робертсон, молодой преподаватель английского языка и литературы, поправил очки и стал озиаться — он не верил своим ушам.

— Вы серьезно, доктор Уэлч?

— Совершенно серьезно. И не только души, но и тела.

— Не думаю, чтобы это было возможно, — сказал Робертсон, поджав губы.

— Почему же? Простое перемещение во времени.

— Вы хотите сказать, путешествие по времени? Но это несколько... необычно.

— Все получается очень просто, если знаешь, как делать.

— Ну, тогда расскажите, доктор Уэлч, как вы это делаете.

— Так я вам и рассказал.

Физик рассеянным взглядом искал хоть один наполненный бокал.

— Я уже многих переносил к нам, — продолжал Уэлч. — Архимеда, Ньютона, Галилея. Бедняги!

— Разве им не понравилось у нас? Наверно, они были потрясены достижениями современной науки, — сказал Робертсон.

— Конечно, они были потрясены. Особенно Архимед. Сначала я думал, что он с ума сойдет от радости, когда я объяснил ему кое-что на том греческом языке, который меня когда-то заставляли зубрить, но ничего хорошего из этого не вышло...

— А что случилось?

— Ничего. Только культуры разные. Они никак не могли привыкнуть к нашему образу жизни. Они чувствовали себя ужасно одинокими, им было страшно. Мне приходилось отсылать их обратно.

— Это очень жаль.

— Да. Умы великие, но плохо приспособившиеся. Не универсальные. Тогда я попробовал перенести к нам Шекспира.

— Что! — вскричал Робертсон. Это было уже по его специальности.

— Не кричите, юноша, — сказал Уэлч. — Это неприлично.

— Вы сказали, что перенесли к нам Шекспира?

— Да, Шекспира. Мне был нужен кто-нибудь с универсальным умом. Мне был нужен человек, который так хорошо знал бы людей, что мог бы жить с ними, уйдя на века от своего времени. Шекспир и был таким человеком. У меня есть его автограф. Я взял на память.

— А он у вас с собой? — спросил Робертсон. Глаза его блеснули.

— С собой. — Уэлч пошарил по карманам. — Ага, вот он.

Он протянул Робертсону маленький кусочек кар-

тона. На одной стороне было написано: «Л. Кейн и сыновья. Оптовая торговля скобяными товарами». На другой стояла размашистая подпись: «Уилл Шекспр».

Ужасная догадка ошеломила Робертсона.

— А как он выглядел? — спросил преподаватель.

— Совсем не так, каким его изображают. Совершенно лысый, с безобразными усами. Он говорил на сочном диалекте. Конечно, я сделал все, чтобы наш век ему понравился. Я сказал ему, что мы высоко ценим его пьесы и до сих пор ставим их. Я сказал, что мы считаем их величайшими произведениями не только английской, но и мировой литературы.

— Хорошо, хорошо, — сказал Робертсон, слушавший затаив дыхание.

— Я сказал, что люди написали тома и тома комментариев к его пьесам. Естественно, он захотел посмотреть какую-нибудь книгу о себе, и мне пришлось взять ее в библиотеке.

— И?

— Он был потрясен. Конечно, он не всегда понимал наши идиомы и ссылки на события, случившиеся после 1600 года, но я помог ему. Бедняга! Наверное, он не ожидал, что его так возвеличат. Он все говорил: «Господи! И что только не делали со словами эти пять веков! Дай человеку волю, и он, по моему разумению, даже из сырой тряпки выжмет целый потоп!»

— Он не мог этого сказать.

— Почему? Он писал свои пьесы очень быстро. Он говорил, что у него были сжатые сроки. Он написал «Гамлета» меньше чем за полгода. Сюжет был старый. Он только обработал его.

— Обработал! — с возмущением сказал преподаватель английского языка и литературы. — После обработки обыкновенное стекло становится линзой мощнейшего телескопа.

Физик не слушал. Он заметил нетронутый коктейль и стал бочком протискиваться к нему.

— Я сказал бессмертному барду, что в колледжах есть даже специальные курсы по Шекспиру.

— Я веду такой курс.

— Знаю. Я записал его на ваш дополнительный вечерний курс. Никогда не видел человека, который больше бедняги Билла стремился бы узнать, что о нем думают потомки. Он здорово поработал над этим.

— Вы записали Уильяма Шекспира на мой курс? — пробормотал Робертсон. Даже если это пьяный бред, все равно голова идет кругом. Но бред ли это? Робертсон начал припоминать лысого человека с необычным произношением...

— Конечно, я записал его под вымышленным именем, — сказал доктор Уэлч. — Стоит ли рассказывать, что ему пришлось перенести. Это была ошибка. Большая ошибка. Бедняга!

Он, наконец, добрался до коктейля и погрозил Робертсону пальцем.

— Почему ошибка? Что случилось?

— Я отослал его обратно в 1600 год. — Уэлч от возмущения повысил голос. — Как вы думаете, сколько унижений может вынести человек?

— О каких унижениях вы говорите?

Доктор Уэлч залпом выпил коктейль.

— О каких! Бедный простачок, вы провалили его.

КАК ИМ БЫЛО ВЕСЕЛО

Марджи тогда даже записала об этом в свой дневник. На странице с заголовком «17 мая 2157 года» она написала: «Сегодня Томми нашел самую настоящую книгу!»

Это была очень старая книга. Как-то дедушка рассказал Марджи, что, когда он был маленьким, его дедушка говорил ему, будто было время, когда все рассказы и повести печатались на бумаге.

Они переворачивали желтые хрупкие страницы, и было ужасно забавно читать слова, которые стояли на месте, а не двигались, как им положено, — ну, вы

сами знаете, на экране. И потом, когда они переворачивали страницы назад, там были те же самые слова, что и раньше, когда они читали в первый раз.

— Ну вот, — сказал Томми. — Сплошное расточительство. Книгу ведь, наверное, выбрасывали, когда прочитают. А на нашем телеэкране прошло, должно быть, миллион книг, и пройдет еще столько же. Уж экран-то я ни за что не выброшу.

— Я тоже, — сказала Марджи. Ей было одиннадцать лет, и она видела гораздо меньше телекниг, чем Томми. Ему было тринадцать.

— Где ты ее нашел? — спросила она.

— В нашем доме. — Он показал рукой, не поднимая глаз, потому что был погружен в чтение. — На чердаке.

— А про что она?

— Про школу.

— Про школу? — с презрением сказала Марджи. — А чего про нее писать-то? Ненавижу школу.

Марджи всегда ненавидела школу, а теперь ненавидела, как никогда. Механический учитель давал ей по географии контрольную за контрольной, и Марджи делала их все хуже и хуже, и тогда мама грустно покачала головой и послала за Районным Инспектором.

Это был маленький круглый человек с красным лицом и целым ящиком инструментов с циферблатами и проволоками. Он улыбнулся Марджи и дал ей яблоко, а затем разобрал учителя на части. Марджи надеялась, что он не сумеет собрать его снова, но он сумел, и через час или около этого учитель был готов, огромный, и черный, и гадкий, с большим экраном, на котором он показывал все уроки и задавал вопросы. Экран был еще ничего. Больше всего Марджи ненавидела щель, куда ей приходилось всовывать домашние задания и контрольные работы. Она должна была писать их перфораторным кодом, которому ее научили, еще когда ей было шесть лет, и механический учитель в один миг высчитывал отметки.

Закончив работу, Инспектор улыбнулся и погладил Марджи по голове. Он сказал маме: «Девочка здесь

ни при чем, миссис Джонс. Видимо, сектор географии был несколько ускорен. Иногда это бывает. Я замедлил его до нормального десятилетнего уровня. А общий показатель ее успехов вполне удовлетворительный». И он снова погладил Марджи по голове.

Марджи была разочарована. Она надеялась, что учителя заберут совсем. Учителя Томми однажды забрали почти на целый месяц, потому что в нем полностью выключился сектор истории.

Вот почему она сказала Томми:

— С какой стати кто-нибудь станет писать о школе?

Томми с видом превосходства взглянул на нее.

— Потому что это не такая школа, как у нас, дурочка. Это старая школа, какая была сотни и сотни лет назад.

Марджи почувствовала себя задетой.

— Откуда мне знать, какие у них там были школы?..

Некоторое время она читала через его плечо, затем сказала:

— Ага, учитель у них был!

— Конечно, был. Только это был не настоящий учитель. Это был человек.

— Человек? Как же человек может быть учителем?

— А что тут такого? Он просто рассказывал ребятам и девчонкам, давал им домашние задания, спрашивал.

— Человек бы с этим не справился.

— Еще как бы справился. Мой отец знает не меньше, чем учитель.

— Не может этого быть. Человек не может знать столько, сколько учитель.

— Спорим на что хочешь, он знает почти столько же.

Марджи не была подготовлена к пререканиям на эту тему.

— А мне бы не хотелось, чтобы у нас в доме жил чужой человек, — заявила она.

Томми покатился со смеху.

— Ты же ничего не знаешь, Марджи! Учителя не жили в доме у ребят. У них было специальное здание, и все ребята ходили туда.

— И все ребята учили одно и то же?

— Конечно, если они были одних лет.

— А мама говорит, что учитель должен быть настроен на ум каждого мальчика или девочки и что каждого ребенка нужно учить отдельно.

— Значит, в те времена так не делалось. И если тебе это не нравится, можешь не читать.

— Я не говорю, что мне не нравится, — поспешно сказала Марджи. Ей хотелось почитать об этих странных школах.

*

Они не дочитали и до половины, когда мама Марджи позвала:

— Марджи! Школа!

Марджи оглянулась.

— Еще немножко, мамочка.

— Немедленно, — сказала миссис Джонс. — Томми, вероятно, тоже уже пора.

Марджи сказала, обращаясь к Томми:

— Можно, после школы я еще немножко почитаю с тобой?

— Там видно будет, — безразлично сказал Томми и ушел, посвистывая, с пыльной старой книгой под мышкой.

Марджи отправилась в школьную комнату. Школьная комната была рядом со спальней, и механический учитель уже стоял наготове и ждал Марджи. Он всегда стоял наготове в одно и то же время каждый день, кроме субботы и воскресенья, потому что мама говорила, будто маленькие девочки учатся лучше, если занимаются регулярно.

Экран светился, и на нем появились слова: «Сегодня по арифметике мы будем проходить сложение правильных дробей. Пожалуйста, опусти в щель вчерашнее домашнее задание».

Марджи со вздохом повиновалась. Она думала о старых школах, которые были в те времена, когда де-

душкин дедушка был маленьким мальчиком. Все дети со всей округи кричали и смеялись на школьном дворе, вместе сидели в классах, а в конце дня вместе отправлялись домой. Они все учили одно и то же и могли помогать друг другу делать домашние задания и говорить о них.

И учителя были людьми...

Механический учитель писал на экране: «Когда мы складываем дроби $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$...»

Марджи думала о том, как, должно быть, дети любили тогда школу. Она думала о том, как им было весело.

СОДЕРЖАНИЕ

АРИАДНА ГРОМОВА.	
Раздумья о человеке	5
РЭЙ БРЭДБЕРИ.	
Ржавчина. <i>Перевод З. Бобырь</i>	9
Око за око? <i>Перевод Л. Жданова</i>	15
Все лето в один день. <i>Перевод Л. Жданова</i>	30
Ревун. <i>Перевод Л. Жданова</i>	36
СТАНИСЛАВ ЛЕМ.	
Как Эрг Самовозбудитель бледнотника победил. <i>Перевод А. Громовой</i>	46
Как Микромил и Гигациан разбегаению туманностей начало положили. <i>Перевод А. Громовой</i>	59
РОБЕРТ ШЕКЛИ.	
Паломничество на Землю. <i>Перевод Д. Жукова</i>	65
Мятеж шлюпки. <i>Перевод Г. Косова</i>	79
КЛИФФОРД САЙМАК.	
Спокойной ночи, мистер Джеймс. <i>Перевод А. Горбунова</i>	97
ДЖОН УИНДЕМ.	
Хроноклазм. <i>Перевод Э. Медниковой</i>	117
ЭЛВИН УАЙТ.	
В час досуга. <i>Перевод Д. Жукова</i>	144
КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ.	
Вероятность смерти. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	150
Бессмертный с Веги. <i>Перевод М. Брухнова</i>	174

ЛЕО СЦИЛАРД.	
Фонд Марка Гейбла. <i>Перевод В. Война</i>	191
КЭТРИН МАКЛИН.	
Необыкновенное жертвоприношение. <i>Перевод З. Бобырь</i> .	202
ДРАГОМИР МИХУ.	
На волне космоса. <i>Перевод З. Бобырь</i>	232
ЭМИЛЬ ЛУДВИГ.	
Маленький преступник. <i>Перевод З. Бобырь</i>	248
КШИШТОФ БОРУНЬ.	
Фантом. <i>Перевод Е. Вайсброта</i>	259
ГОРАЦИЙ ЛЕОНАРД ГОЛД.	
Герой. <i>Перевод З. Бобырь</i>	273
ДЖОН ГОРДОН.	
Честность — лучшая политика. <i>Перевод З. Бобырь</i> . .	292
БАЦЛАВ КАЙДОШ.	
Дракон. <i>Перевод З. Бобырь</i>	314
АЙЗЕК АЗИМОВ.	
Уродливый мальчуган. <i>Перевод С. Васильевой</i>	330
Бессмертный бард. <i>Перевод Д. Жукова</i>	389
Как им было весело. <i>Перевод С. Бережкова</i>	392

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА
Сборник. М., «Молодая гвардия», 1964 г.
400 с. с илл.

И

Составитель *А. Громова*
Редакторы *С. Митрохина, Е. Воскресенская*
Художник *Р. Авотин*
Художественный редактор *Н. Печникова*
Технический редактор *И. Егорова*

Подписано к печати 18/IX 1964 г. Бум. 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 12,5 (20,5). Уч.-изд. л. 19. Тираж 65 000 экз.
Заказ 1336. Цена 91 коп. Б. З. № 45, 1964 г., п. 4.
Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

99 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА